

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО «ЗАПОВЕДНОЕ ДАРОВОЕ»

**V ЛЕТНИЕ ЧТЕНИЯ
В ДАРОВОМ**

Издательский дом «Лига»

Коломна, 2019

На обложке: деревня Черемошня. Фото Ю. Л. Имханицкого. 2005 г.

Л52 V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна : ИД «Лига», 2019. – 264 с. : цв. вкл.

ISBN 978-5-98932-082-0

В основу сборника положены материалы конференции «V Летние чтения в Даровом: Достоевский и народ». Исследования имеют широкий диапазон: от философско-этнологической проблематики до углубления в языковой субстрат творчества великого писателя, от поэтики до истории и культурологии. Архивный компонент включает в себя новоатрибутированную статью Ф. М. Достоевского, ранее неизвестные документы по истории усадьбы Даровое, а также републикацию этнографического очерка окрестностей Дарового.

ISBN 978-5-98932-082-0

© Авторы статей, 2019
© Издательский дом «Лига» – дизайн, вёрстка, 2019

ОТ РЕДАКТОРА

Научная конференция «Летние чтения в Даровом» впервые прошла в конце августа 2006 года. Её организаторы – Некоммерческое партнёрство «Заповедное Даровое», Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна) и Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль», филиалом которого является усадьба Достоевских Даровое. Она и выступает организующим центром всей научной проблематики чтений: нас интересует её место в судьбе писателя, проблемы сохранения, реконструкции и развития музейного комплекса.

Имение Даровое (ныне Зарайский район Московской области) – земля детства Достоевского, воспоминания о которой грели его душу на протяжении всей последующей жизни и нашли отражение во многих произведениях от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых». Программа «Летних чтений в Даровом» формируется по тематическому принципу: каждая конференция посвящена какой-то теме, так или иначе входящей в усадебный контекст. По материалам научных заседаний издаются сборники под тем же названием «Летние чтения в Даровом». Вышли четыре сборника по темам: «Семья и детство по Достоевскому» (2006), «Достоевский в диалоге культур» (2009), «Достоевский и Россия» (2013), «Достоевский и церковь» (2016). Все они представлены на сайте «Заповедное Даровое» (<http://darovoe.ru>).

Настоящий, пятый сборник посвящён теме «Достоевский и народ». Даровое было тем местом, где зародилась сокровенная, «самая жгучая связь» между писателем и крестьянской, народной Россией.

Вошедшие в сборник исследования имеют широкий диапазон: от философско-этнологической проблематики (В. А. Викторovich, Г. С. Прохоров, Г. Б. Пономарёва) до углубления в языковой субстрат творчества великого писателя (А. Ю. Козлова, Е. А. Осокина), от поэтики (Е. А. Акелькина, Н. В. Чернова, Т. П. Баталова и Г. В. Федянова, Р. Томарино) до истории (К. А. Баршт) и культурологии (К. Н. Отева, С. А. Подсосонный).

Архивный компонент включает в себя забытую статью на интересующую нас тему, принадлежащую, с большой долей вероятности, Ф. М. Достоевскому, а также затерянное в старинном журнале ценное (что называется, «прижизненное» относительно Достоевского) этнографическое описание окрестностей Дарового, сделанное небезызвестным П. П. Сумароковым. Ряд архивных материалов по истории мемориальной усадьбы вводят в научный оборот А. С. Бессонова, Т. Н. Дементьева, Л. А. Тарасова.

Проведённые Д. Б. Ойнасом натурные исследования территории, прилегающей с северной стороны к храму Сошествия Святого Духа в Моногарове, дали возможность реконструировать облик усадьбы Хотяинцевых, где частенько гостила Мария Фёдоровна Достоевская с детьми.

Постоянные рубрики сборника «Из истории достоевсковедения» и «Хранители» на сей раз посвящены: первая – Владимиру Петровичу Владимирцеву, открывателю «народного Достоевского», вторая – Светлане Алексеевне Савостиной, потомку крестьян помещиков Достоевских и активному соучастнику всех наших (вот уже семнадцатилетних) научных и волонтерских экспедиций в Даровое.

* * *

В статьях и публикациях сборника цитаты по изд.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990 – даются в скобках с указанием тома и страницы.

ДОСТОЕВСКИЙ И НАРОД

ДОСТОЕВСКИЙ. ВОПРОС О НАРОДЕ

Познание народа и программа воссоединения с ним стали фундаментальной основой всего творчества Достоевского. В статье рассматриваются некоторые этапы становления «народоведения» писателя и его отзвуки в русской истории и культуре. Для него народ, очевидно, не миф и даже не архетип. Это плоть и кровь его творчества. Народным является всё мирозерцание Достоевского, а не только отдельные мотивы и образы. Слагалось это мирозерцание опытами самой жизни: первый приходится на деревенское детство в Даровом, другим стала каторга. Пять летних вакаций в Даровом и четыре года в омском остроге обнаруживают некую глубинную связь. Разными путями, но вся русская литература XIX века была своеобразным хождением в народ. Ключевую роль в этом процессе сыграли «Записки из Мёртвого дома», потому что здесь не сторонний наблюдатель, но человек, который волею судьбы оказался заброшенным в самую гущу народной среды, на себе испытавшим её законы. Ему открываются антропологические корни пугачёвщины и в то же время в нём зреет почвенническая идея соединения образованного сословия с народом. Сюжет «Записок из Мёртвого дома» – постепенное познание русского народа, приближение к нему, а в связи с этим духовная трансформация познающего. Чудо преображения автора («принятие христианства») на путях познания своего народа происходит на метафизической глубине «Записок из Мёртвого дома», а впоследствии в самом сжатом изложении передано в рассказе «Мужик Марей» при свете деревенского детства. Самое распространённое обвинение оппонентов в адрес Достоевского – утопизм, идеализация народа. Однако писатель ничуть не хуже своих противников знал слабости и грехи простонародной массы, предвидел и возможные сценарии, в которых они могут сыграть роковую роль. В «Дневнике писателя» 1881 года Достоевский говорит о том, что необходимо «оздоровление этого великого корня, который есть начало всему». Его концепция народа-богоносца подверглась сокрушительной критике в XX веке. Приводятся некоторые из эпизодов полемики, наиболее адекватным признаётся прочтение С. Н. Булгакова.

Ключевые слова: Достоевский, русский народ, эволюция мировоззрения писателя, споры об утопизме.

В «Дневнике писателя» 1876 года Достоевский утверждает: «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее» (22, 44). Это, конечно, говорит публицист, но я думаю, что и художник Достоевский живёт под знаком этого вопроса. Для него народ, очевидно, не миф и даже не архетип. Это плоть и кровь его творчества. Народным является всё мирозерцание Достоевского, а не только отдельные мотивы и образы.

Слагалось это мирозерцание не столько через теоретические штудии (чтение трудов историков, этнографов, фольклористов, писателей и т. д.), сколько опытами самой жизни. Первые из них приходятся на деревенское детство в Даровом. Особенность мелкопоместного быта состояла в тесной близости его с повседневной жизнью крестьян. Этому, судя по всему, способствовал открытый и участливый характер матери писателя, хозяйки имения. По признанию Достоевского, деревня оставила в нём «самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь» (25; 172). Черты народного мирозерцания впитались в духовный состав его личности. Близко знавший его

современник свидетельствует: в деревне Достоевский «пробыл лучшие годы своего детства. В эти-то годы он был ближе к крестьянам, их быту и всему нравственному облику русского народа, чем не только интеллигентные и либеральные столичные бюрократы, никогда не бывавшие в деревне в свои детские и юношеские годы, но даже, может быть, и многие из зажиточных столичных столбовых русских дворян, например, граф Алексей Толстой, граф Соллогуб и даже Тургенев (последний ближе познакомился с деревней уже в более поздний период своей жизни, во время своих охотничьих экскурсий), которых родители намеренно держали вдали от всякого общения с крестьянами. Стоит вспомнить показания Андрея Михайловича Достоевского о детстве его брата, слышанное нами сознание самого Ф. М. Достоевского о том, что деревня оставила на всю его жизнь неизгладимые впечатления, и его собственные рассказы о крестьянине Марее и страстные сообщения на вечерах Петрашевского о том, что делают помещики со своими крестьянами, его идеалистическое отношение к освобождению крестьян с землёю и, наконец, его глубокую веру в русский народ, разумея под таковым сельское население – крестьян, чтобы убедиться в том, что Ф. М. Достоевский был сыном деревни, а не города»¹. Интересно, что другой современник, знавший Достоевского в более поздний период его жизни, подчёркивал в его облике «простонародные черты лица»².

Другим опытом жизни, определившим духовный облик писателя, стала каторга. Пять летних вакаций в Даровом и четыре года в омском остроге обнаруживают некую глубинную связь. «Я узнал практически, – писал Достоевский Майкову 18 января 1856 года о своём каторжном опыте, – и то, что я всегда был русским по сердцу. Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем» (28; 209). Чуть раньше, только что выйдя из каторги, в письме к брату: «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, как, может быть, не многие знают его» (28; 209). Он пережил возврат к народному корню, просшему в нём ещё в детстве, что и показал в «Записках из Мёртвого дома». Остановимся чуть подробнее на этом ключевом произведении писателя, да и всей русской литературы.

Нестерпимая каторжная мука, как пишет Достоевский, – «вынужденное общее сожительство», вид несвободы. Эта вынужденность усложнялась тем, что Достоевский был дворянин, и на одних с ним нарах оказались простые мужики, народ, который враждебно относился к «барам», чужакам. Достоевский на собственном опыте открывает «глубочайшую бездну», разделившую народ и образованное сословие. Он пишет по этому поводу: «Как ни будь он [дворянин] справедлив, добр, умён, его целые годы будут ненавидеть и презирать все, целой массой; его не поймут, а главное – не поверят ему. <...> Не свой человек, да и только» (4; 198).

Автор по этому поводу предлагает полуметафору запаха: мужик по запаху может отличить своего от чужого. У разъединения сословий были глубокие

¹ Семёнов-Тян-Шанский П. П. Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 299.

² Страхов Н. Н. Воспоминания о Фёдоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 377.

исторические корни, оно окончательно оформилось при Петре I. Полвека спустя, накануне революционной катастрофы, Блок с болью будет говорить о вражде народа к интеллигенции. Эту копившуюся ненависть Достоевский ощутил на собственной шкуре.

Русская литература XIX века едва ли не главной целью поставила соединить разошедшиеся половинки, прежде всего путём познания своего народа. У Пушкина и Лермонтова Достоевский обнаруживает ещё пока не утраченную способность органически сродниться с народным сознанием. «Пушкин любил всё, что любит этот народ, чтит всё, что тот чтит. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был <...> человек, сам перевоплощавшийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его» (26; 116). Достоевский особенно ценил такие «перевоплощения», как стихотворение Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем», «Песня про купца Калашникова» Лермонтова. К тому же Пушкин взялся *изнутри* исследовать феномен пугачёвщины, угадав надвигающуюся национальную катастрофу.

Начиная с Гоголя («Тарас Бульба», «Мёртвые души») русская литература заняла позицию внимательного и сочувственного наблюдателя народной жизни. По этому пути затем пошли Тургенев («Записки охотника», «Постоялый двор», «Муму»), Григорович («Деревня», «Антон-Горемыка»), Писемский («Плотничья артель»), Лев Толстой («Утро помещика», военные рассказы, «Севастопольские рассказы», «Казачья», «мысль народная» в романах), Салтыков-Щедрин (народные главы в «Губернских очерках»). Это были зоркие наблюдатели, однако всё-таки со стороны, на что обратил внимание Достоевский в набросках 1870 года: «Их изучения, хоть и точные (Лев Толстой, Тургенев), как бы чуждую жизнь открывают. Один Пушкин настоящий русский» (9; 138). Перевоплощение же на манер пушкинско-лермонтовского нашло своё продолжение в поэзии Некрасова, где порою без посредничества зазвучали народные голоса. Можно вспомнить Лескова, который вот эту стихию народной жизни, её смех и горе и её праведничество передавал в сказовых стилизациях. Разными путями, но вся русская литература XIX века была своеобразным хождением в народ. Русские писатели открывали свой собственный народ, как Колумб Америку. Совершенно особую роль в этом процессе сыграли «Записки из Мёртвого дома», потому что здесь не совсем уж сторонний наблюдатель, здесь человек, который волею дальновидной судьбы оказался заброшенным в самую гущу народной среды, на себе испытал её законы и близко услышал её голоса. Одно дело – со своей колокольни наблюдать народную жизнь, а другое – оказаться, хотя бы на время, внутри неё. Этот переход границы произвёл потрясающий эффект.

Обратимся к исключительной силы эго-документу, созданному Достоевским буквально через неделю после выхода с каторги. Это письмо к брату 30 января – 22 февраля 1854 года, своеобразный конспект будущей книги, которая напишется через пять лет. Вот что он здесь говорит: «Это народ грубый, раздражённый и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною

радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. Впрочем, посуды, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить-есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностью всевозможных оскорблений. «Вы дворяне, железные носы, нас заклевали...» [эта фраза потом перейдёт и в книгу] – вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли не понимать и уважали, и неподклонимости их воле» (28; 169–170). Бывшему петрашевцу открылась истина, когда-то потрясшая Пушкина в картине бунта 1831 года, нарисованной в письме к нему очевидца, Н. М. Коншина: «Как свиреп в своём ожесточении народ русской! Жалеют и истязают; величают вашим высокоблагородием и бьют дубинами, – и это всё вместе»³.

По признанию Достоевского, тяжело переносились им унижительные для цивилизованного человека бытовые условия, которые создавались не только начальством. Они создавались и самими простолюдинами, привыкшими жить в таковых условиях. «Все каторжные воняют как свиньи и говорят, что нельзя не делать свинства, дескать, “живой человек”. <...> Прибавь ко всем этим приятностям <...> вечную вражду и ссору кругом себя, брань, крик, шум, гам...» (28; 170–171).

Вот испытания, которые могли сломить. И ломались люди интеллигентные, дворяне, для которых даже чисто бытовые, а не только нравственные испытания, были чрезвычайные. Но в этом же письме мы находим, в конце, поразительные на этом фоне строки о том, что «люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото» (28; 172).

Это открытие «золота, золота, сердца народного» (пользуясь уже формулой Некрасова) стало для послекаторжного Достоевского определённой программой. Она получила тогда название «почвы». Кстати, именно основоположник почвенничества А. А. Григорьев первый заметил, что Достоевский выделяется среди плеяды писателей-народолюбцев: он «достиг страдательным психологическим процессом до того, что в “Мёртвом доме” слился совсем с народом», и поставил его рядом с Пушкиным⁴. Достоевский также разрабатывал теоретические основы почвенничества в качестве публициста начала 1860-х годов, но в «Записках из Мёртвого дома» мы можем видеть тот путь души, который он проделал не только идеологически, не только в воображении, но всецело жизненным процессом. Например, вот он для себя решает, как надо держаться с ненавидящей его толпой каторжников. Цитирую: «...я решил, что надо держать себя как можно проще и независимее <...>. Отнюдь не сближаться с ними на некоторых известных пунктах и не давать потачки некоторым их привычкам и обычаям, одним словом – не напрашиваться самому на полное их товарищество. <...> они первые презирали

Ф. М. Достоевский. Почтовая карточка.
Изд. «Светоч» М. Д. Менделевича. Москва, 1912 г.
Из открытых интернет-источников.

бы меня за это» (4; 76). От него как от дворянина все ожидали, что он будет брезговать, ломаться, «белоручничать». И, уверяет повествователь, наверняка его бы даже за это уважали.

Но, продолжает он, «такая роль была не по мне; я никогда не бывал дворянином по их понятиям; но зато я дал себе слово никакой уступкой не унижать перед ними ни образования моего, ни образа мыслей моих» (4; 77). В этих словах Горянчикова зреет почвенническая идея соединения образованного сословия с народом, когда, как потом скажет Достоевский, надо принять идеалы народа, но при этом не надо жертвовать тем, что у нас есть, – образованием, образом мысли, здесь должно быть какое-то взаимное понимание.

Горянчиков продолжает: «...я наверно знал, что потом они принуждены будут переменить обо мне своё мнение» (4; 77). Вот школа практической идентификации себя как части народа, которую прошёл Достоевский. В цитированном выше письме А. Н. Майкову 18 января 1856 года мы находим уже выношенную, выстраданную позицию: «Уверяю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, – это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его; ибо был сам русским. Несчастье моё дало мне многое узнать практически, <...> я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу» (28; 208–209).

Обратимся к описанию этого самого народа, к которому такую трудную дорогу пробивает автор «Записок из Мёртвого дома». Что бросается в глаза? Некоторые, скажем так, не очень приятные качества. Это «тщеславие и заносчивость, свойственные почти всем арестантам без исключения» (4; 48):

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 14. М.; Л., 1941. С. 216.

⁴ Григорьев Аполлон. Литературная критика. М., 1967. С. 483.

«Покуражиться арестант ужасно любит, то есть представиться пред товарищами и уверить даже себя *хоть на время*, что у него воли и власти несравненно больше, чем кажется <...>: вот отчего, может быть, в арестантах, даже и в трезвом виде, замечается всеобщая склонность к куражу, к хвастовству, к комическому и наивнейшему возвеличению собственной личности, хотя бы призрачному» (4; 66). Желание потщеславиться, приподнять себя, доказать в чём-то (неважно, в чём) своё первенство... Эти страстишки и до сих пор волнуют мужские компании, а на каторге желание заявить свою личность доходило, как говорит автор, до некоторого даже буйства, «до омрачения рассудка, до припадка, до судорог» (4; 67).

Достоевский описывает некий психологический механизм болезненно-го самоутверждения личности, когда человек, как он говорит, даже пьянеет и доходит до судорог. Перед нами, по существу, открываются антропологические корни пугачёвщины. «Положим, он мужик, дворовый человек, мещанин, солдат. Вдруг у него что-нибудь сорвалось; он не выдержал и пырнул ножом своего врага и притеснителя. <...> перескочив раз через заветную для него черту, он уже начинает любоваться на то, что нет для него больше ничего святого; точно подмывает его перескочить разом через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой...» (4; 87–88).

Рассказывается в «Мёртвом доме» история Лучки, который пырнул ножом начальника за то, что тот над ним немножечко так покуражился, и по этому поводу автор замечает: «...вообще раздражает нижний чин всякая свысока небрежность, всякая брезгливость в обращении с ними. <...> Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а всё-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. <...> Боже мой! да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий» (4; 91). Общий сюжет «Записок из Мёртвого дома» объединяет очень разные истории. Перед нами разворачивается калейдоскоп жизненных катастроф, в которых выявляются основные типы народных характеров, и все они объединяются неким метасюжетом познания. Это повествователь пытается понять собравшуюся компанию, что не сразу ему даётся.

В книге постоянно говорится о трудностях познания, а уж первый, самый запомнившийся год проживания на каторге был во всех смыслах самый тяжёлый. «В этот первый год от этой тоски, – говорит Горянчиков, – я многого не замечал кругом себя. Я закрывал глаза и не хотел всматриваться. Среди злых, ненавистных моих товарищей-каторжников я не замечал хороших людей, людей способных и мыслить и чувствовать, несмотря на всю отвратительную кору, покрывавшую их снаружи. Между язвительными словами я иногда не замечал приветливого и ласкового слова» (4; 178–179). На эволюции своих представлений о каторжном народе повествователь особенно настаивает: «я потом изменился в моём взгляде», «если б мог только знать тогда», «между враждебным я тогда не угадывал отрадное» и так далее.

Открытие образа Божия в столь ненавистных товарищах происходит, во-первых, через тех действительно светлых людей, которых неожиданно здесь встречает повествователь. Это дагестанец Алей, это Баклушин, это те люди, которые обращают к нему приветливое, ласковое слово, которые сочувствуют ему, но он, во всяком случае в первый год своего существования на каторге, этих людей не очень-то хочет замечать.

Настоящее открытие, переворот в познании народной массы происходит ровно в центре книги, в 11-й главе, которая называется «Представление» и рассказывает об острожном театре, когда каторжники во время Рождества разыгрывают, с позволения начальства, некоторые комические сцены. Эпизоду с театром предшествует описание, как каторжники готовятся к разговению, к церковной службе (которая, к слову сказать, возвращает автора к воспоминаниям деревенского детства), между ними царит удивительное согласие и мир, но к концу дня всё вновь возвращается на круги своя, к привычной пьяной сваре. Но вот через несколько дней открывается самодельный театр, который поражает воображение рассказчика. «Можно было даже удивляться, смотря на этих импровизированных актёров, и невольно подумать: сколько сил и таланту погибает у нас на Руси иногда почти даром, в неволе и в тяжкой доле!» (4; 128). А ведь это те же самые, недавно столь презираемые им каторжники.

На экваторе книги происходит нечто и с самими каторжниками: их театр что-то сделал с ними, поэтому, когда они расходятся после представления, споров и обычных свар не слышно, они вдруг кончаются, на какое-то время, конечно. Это открытие дальше ведёт автора к более глубокому пониманию субстанции «русский народ»: «В остроге было иногда так, что знаешь человека несколько лет и думаешь про него, что это зверь, а не человек, презираешь его. И вдруг приходит случайно минута, в которую душа его невольным порывом открывается наружу, и вы видите в ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое понимание и собственного и чужого страдания, что у вас как бы глаза открываются...» (4; 197–198).

В 1870-е годы, возвращаясь к этой теме, Достоевский в записной тетради отметил: «Разбойник многому меня научил» (24; 106). Стоит хотя бы перечислить некоторые штрихи национального характера, замеченные тогда Достоевским. Русский народ – «небрезглив и негадлив даже до крайности». Грязь в казарме, тараканы в щах и так далее – ко всему каторжники относятся с философским равнодушием. Русский человек не осуждает пьянства, напротив, пьяницы даже как-то ему симпатичны, он всегда готов им сочувствовать и соболезновать. Он умеет переносить боль: очень много таких эпизодов, особенно связанных с телесными наказаниями. Поразительно его терпение. Русский народ «готов забыть целые муки за одно ласковое слово». И в то же время: «В русском характере столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмешки над первым собою... Может быть, от этого постоянного затаённого недовольства собою и было столько нетерпеливости у этих людей в повседневных отношениях друг с другом, столько непримиримости и насмешки друг над другом» (4; 196).

Наряду с этими штрихами следует назвать главнейший, который как раз проявляется в эпизоде с театром. Там есть такая ситуация. В казарму («театр») набивается множество людей, все хотят видеть представление, но, когда приводят повествователя-дворянина, ему уступают лучшее место перед самой сценой: «Они признавали, что в этом я могу судить лучше их». В таком признании прав образованности и компетентности не было никакого принижения себя, напротив. «Высшая, – пишет Достоевский, – и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда её» (4; 121). Вот важнейшее из открытий: чувство справедливости составляет живой корень народной этики! «Стоит только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнее, поближе, без предрассудков – и иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал» (4; 121–122).

Сюжет «Записок из Мёртвого дома» – постепенное познание русского народа, приближение к нему, а в связи с этим трансформация самого рассказчика. Ему становится как-то легче переживать все эти неудобства, тяготы, и он находит возможность даже примириться, как он пишет, с этой жизнью, вернее, не примириться, но «признать за совершившийся факт».

Мудрость терпения приходит к повествователю от того самого, поначалу столь ненавистного, народа. «Я знал своё место на нарах и даже, по-видимому, привык к таким вещам, к которым думал и в жизнь не привыкнуть» (4; 78). В другом месте: «до какой чудовищной степени приживчив человек!» (4; 56). Эту мысль потом мы встретим в «Преступлении и наказании», в пренебрежительной фразе юного максималиста Раскольникова: «Ко всему-то подлец-человек привыкает!» (6; 25). Горянчиков-Достоевский предлагает ту же мысль в несколько иной огласовке: «Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение» (4; 10). Здесь есть, конечно, доля горькой иронии и даже сарказма, но есть и парадоксальная народная мудрость жизни, которую с таким трудом познаёт повествователь.

Здесь он подаёт руку А. И. Солженицыну, у которого в «Одном дне Ивана Денисовича» герой не выживает, а именно живёт полнокровно и полноценно несмотря ни на что⁵. А в конце рассказа говорится, что описан один из счастливых дней его жизни на каторге. Счастливых – на каторге! Счастье – в самой жизни больше, чем в условиях её, не в этом ли искомая истина, выжитая народом веками его истории?

Чудо преображения автора на путях познания своего народа происходит на метафизической глубине текста «Записок из Мёртвого дома»; наглядно показано, как человек может остаться человеком в нечеловеческих условиях. Лев Толстой считал, что это лучшая книга, написанная во всей русской литературе, а может быть, даже и в мировой, и он подчёркивал, что самое ценное в ней – это именно точка зрения, то постижение народного духа, через которое проходит повествователь.

⁵ «Записки из Мёртвого дома», как верно замечает современный исследователь, «это история не выживания, а жизни в условиях Мёртвого дома» (Акелькина Е. А. «Записки из Мёртвого дома» // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 75).

Через два десятилетия на закате жизни Достоевский ещё раз вернулся к осознанию происшедшего с ним «геологического переворота» и передал его смысл в сжатой до предела новеллистической форме рассказа «Мужик Марей». Замечательно здесь и то, что вновь сошлись вместе два главных опыта народознания писателя – деревня детства и каторга. Важно также понять, что без первого опыта не было бы и *такого* второго, как без фундамента нет здания. «Эти воспоминания [деревенского детства], – признаётся Достоевский, – дали мне возможность пережить в каторге» (24; 107), т. е. пройти тот спасительный путь познания, о котором мы говорили. Он сочувствует полякам, у которых не было такого же фундамента, и им оставалось только ненавидеть эту «дикую орду».

* * *

Народ навсегда остался большой темой Достоевского, она пунктирно проходит через его «великое пятикнижие». В «Преступлении и наказании» это Миколка с его идеей пострадать, но там есть другой Миколка, что забывает савраску под улюлюканье толпы (детское воспоминание Раскольникова – не отзвук ли авторской памяти детства?). Под издёвки пьяниц рассказывает свою жизнь Мармеладов, насмешки толпы остужают коленопреклонение Раскольникова на площади, наконец, каторжники в эпилоге не приемлют нашего героя, зато боготворят Сонечку.

В «Идиоте» это рассказы Мышкина об уличных встречах: о пьяном солдате, продавшем нательный крест, о простой бабе, высказавшей глубочайшую мысль о Боге как об отце. В «Бесах» Степан Трофимович выходит на большую дорогу (недостижимый Спасов на его пути – не криптограмма ли Дарового?) и соприкасается с народом, но в романе есть и другое – Федька Каторжный, кутёж народный, пожары, самосуд толпы. В «Подростке» носителем народного правдоискательства выступает странник Макар Иванович (деревня детства проникает и в этот роман). В «Дневнике писателя» приближения Достоевского к народной сути – «Влас», «Мужик Марей», «Столетняя», воспоминание о сгоревшем имении и сердечном движении Алёны Фроловны, путешествие в неназванное Даровое... В «Братьях Карамазовых» это народ в келье старца Зосимы, мужички-присяжные, засудившие Дмитрия, местная юродивая⁶ или вот, скажем, выход в народ Коли Красоткина, описанный с большим юмором, как можно раздражить народную глупость и как вдруг среди глупцов обнаруживаются умники. Народ есть и в поэме о Великом инквизиторе: Тот, Кто печалится о народе, народом и предан. Во всех романах мы наблюдаем такие вот вроде периферийные народные сценки, которые образуют смысловой контекст основного действия.

В очерке «Влас» («Дневник писателя» 1873 года) Достоевский рисует двух нигилистов из народа, готовых на кошунственную провокацию. Достоевский

⁶ «Читая впоследствии в романе брата, Фёдора Михайловича, “Братья Карамазовы” историю Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминал нашу [даровскую] дурочку Аграфену» (Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л., 1930. С. 63).

обнаруживает в этих героях склонность русского человека «к самоотрицанию и саморазрушению». Это черта народного характера. «Но зато, – говорит дальше Достоевский, – с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдёт до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда» (21, 35).

Финал «Власа» оставляет надежду несмотря на то, что народ, судя по всему, закутил, и о нём рассказывают всякие ужасы, реальные ужасы (пьянство, разбой, пьяные матери, пьяные дети, цинизм, нищета, бесчестие, безбожие), и в то же время Достоевский рассчитывает вот на эту последнюю черту. На ней строится и сюжет некрасовского «Власа», и сюжет одноимённого очерка Достоевского. «В последний момент, – говорит он, – вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с невероятною силою обличения. Очнётся Влас и возьмётся за дело Божие. Во всяком случае спасёт себя сам, если бы и впрямь дошло до беды» (21; 41). Это 1873 год, «до беды» осталось 44 года.

Самое распространённое обвинение оппонентов в адрес Достоевского – утопизм, идеализация народа. Однако мы уже видели (и эти примеры можно умножить), что писатель прекрасно, не хуже своих противников, знал слабости и грехи простонародной массы, предвидел и возможные сценарии, в которых они могут сыграть роковую роль. Однако это знание не разрушало в нём веры, основанной на соприкосновении с теми началами народной психеи, которых не замечают либеральные скептики. Самому авторитетному из них, К. Д. Кавелину (в ответ на его «Письмо Ф. М. Достоевскому» в ноябрьском «Вестнике Европы» 1880 года) Достоевский готовил, но не успел завершить обстоятельный ответ. В черновых набросках писатель иногда не сдерживает эмоций, понимая, что его всё равно не услышат: «Да когда кончатся наконец эти барини (свысока на народ). <...> отрицаете духовные свойства русского народа. Вы никогда не видали красного цвета, а я вам буду говорить о нём» (27; 55).

Главный аргумент Достоевского, терпеливо повторяемый: надо судить народ «не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает» (22, 43).

Что это за «великие и святыя вещи»? В «Записках из Мёртвого дома», напомним, Достоевский говорит, что высшая и самая резкая черта нашего народа – чувство справедливости. А потом, чуть позже, в статье «Книжность и грамотность» он напишет, что особенность русского народа – «бессознательная и чрезвычайная стойкость в своей идее, <...> ничем не смущаемая вера в справедливость и в правду» (19; 18). Через 20 лет после этого в «Дневнике писателя» 1881 года Достоевский заговорит о том, что необходимо «оздоровление этого великого корня, который есть начало всему. Да, он духовно болен, о, не смертельно: главная, мощная сердцевина его души здорова, но всё-таки болезнь жестока. <...> Ищет народ правды и выхода к ней непрерывно и всё не находит» (27; 16). В «Братьях Карамазовых» старец Зосима произнесёт вещие слова: «Берегите же народ и оберегайте сердце его <...> ибо сей народ – богоносец» (14; 285).

В «Дневнике писателя» 1881 года вновь провозглашается идея сбережения народа, которая когда-то, ещё в XVIII веке, в елизаветинские и екатерининские времена, была высказана Петром Ивановичем Шуваловым и дошла до наших дней, до степени «национальной идеи», как её сформулировал А. И. Солженицын.

Но что такое «народ-богоносец», вот это выражение, которое давно уже на всех ветрах треплется и поносится? Один из героев Набокова в «Машеньке» говорит: «Богоносец оказался серой сволочью». Нечто похожее мы слышим в «Белой гвардии», в «Днях Турбиных» Михаила Булгакова. Николай Бердяев в 1918 году на страницах веховского сборника «Из глубины» решительно заявляет: «Народопоклонство Достоевского потерпело крах в русской революции»⁷. Полномочным представителем «массы народной», по Бердяеву, оказался Смердяков, он же и «осуществляет» «атеистическую революцию»⁸.

Эту проблему обсуждают и герои «Современных диалогов» Сергея Булгакова, которые назывались «На пиру богов. Pro и contra». Это тоже 1918 год и тот же сборник «Из глубины» (статья Булгакова напечатана здесь следом за статьёй Бердяева, создавая своеобразный контрапункт разошедшихся сотоварищей). Один из участников этих диалогов, Дипломат – там все герои называются не по именам, а по их профессии, – говорит примерно то же, что Бердяев: Достоевский был «роковой для России человек <...>, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха»⁹. Тем не менее Дипломату возражает Писатель: «Не знал он, что ли [Достоевский], звериного образа, злодея и кощунника в русском народе? Знал отлично, но он ему не верил, потому что созерцал иную реальность»¹⁰. Общественный деятель – ещё один участник диалога – смущён и не может понять, как Достоевский

⁷ Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 78. Ещё раньше напуганный первой русской революцией и открывшимся образом «зверя» в народе, Д. С. Мережковский ничтоже сумняшеся уличил Достоевского: «...в облазнительном учении о новом Израиле, русском народе-богоносце, в учении о народобожестве, которое есть скрытое человекобожество: делать Богом народ <...> – такое же отступление от истинного Бога, как делать человека Богом» (Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М., 1990. С. 100).

⁸ Бердяев Н. А. Духи русской революции. С. 75–76. Эта мысль Бердяева получила развитие в предложенной В. Кантором программе «растождествления» европоцентричной русской интеллигенции со смердяковщиной, кою несёт в себе «мужик, смерд – в его грядущем непременно развитии» (Кантор В. Русский европеец как явление культуры. Философско-исторический анализ. М., 2001. С. 452). Исследователь смело (впрочем, снова припомним Д. С. Мережковского) подвергает деконструкции самые заветные убеждения писателя. «За истовой верой в народ, – полагает В. Кантор, – стояло у Достоевского сомнение и тайное неверие» (там же, с. 461).

⁹ Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 589.

¹⁰ Там же. С. 592.

мог так замечтаться, как мог сказать такое: «Пусть в нашем народе зверство и грех, но в своём целом он никогда не принимает своего греха за правду»¹¹.

И Писатель – это явно такой автобиографический герой Булгакова – находит силы победить сомнения «в минуты роковые»: «Отвечу вам без всякого лукавства и уклончивости. Верую и исповедую, как и раньше, что идеал у народа Христос, иного у него нет. И когда по грехам и слабости своей он об этом забывает, то сразу оказывается зверем, сидящим во тьме и сени смертной. <...> Но верую, как и прежде, что через русский народ придёт спасение миру, что ему предлежит не только великое будущее, но и решающее слово в судьбах мира. Верую и в святую богоносную русскую землю, хотя и поруганную и осквернённую братской кровью, но хранящую святыни русские»¹². Вот слова, которые сказаны в разгар революции, начала Гражданской войны. Хочется надеяться (среди новых толков: «народ закончился, осталось население»), что в этом споре «на пиру богов» был прав Писатель.

В. А. Викторovich

ТЕМА «СПАСЕНИЯ НАРОДА» НА СТРАНИЦАХ «ГРАЖДАНИНА» (1873–1874)

С 1 января 1873 по 22 апреля 1874 гг. Достоевский был редактором еженедельной «газеты-журнала» «Гражданин», образованной за год до того князем В. П. Мещерским. На первый план при новом редакторе вышел вопрос: что происходит с народом? Картины нравственного разложения чередовались рецептами оздоровления. Желаемого единения в редакции не было достигнуто; рассматриваются ситуации, когда редакционный «оркестр» был послушен «дирижёру» (редактору) и когда возникали проблемы рассогласованности. Идея «почвы» в это время была поставлена Достоевским на грань эсхатологии и сотериологии.

Ключевые слова: Достоевский, еженедельник «Гражданин», народ, пореформенная Россия.

Реформа 19 февраля 1861 года принесла не только освобождение от крепостной зависимости – она привела к социально-экономическому кризису, к которому крестьянская Россия была совершенно не готова. Исторически обветшавшие опоры крепостного порядка рухнули, а с ними вместе подломилась устои нравственного строя, так называемые традиционные ценности, в защиту которых и выступал «Гражданин» с момента своего рождения (январь 1872), возможно, не всегда умело. Почвенничество самого Достоевского к началу семидесятых годов, т. е. за десятилетие «эпохи реформ», изжило мечтательный период великих надежд на скорые и благие перемены. Ему всё более становилось ясно (в отличие от многих современников), что история страны как история народа делала чрезвычайно опасный разворот. В «Бесах» писатель сосредоточился в основном на безурядице, воцаряющейся в русском обществе, хотя отчасти задел и волнуемое народное море. Достоевский как редактор «Гражданина» (1873–1874) и автор рубрики «Дневник писателя» регулярно выходит на тревожные факты.

«Влас» («Дневник писателя» 22 января 1873): «Современный Влас быстро изменяется. Там внизу у него такое же кипение, как и сверху у нас, начиная с 19 февраля <1861>. Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил. Рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие. Соображают иные, серьёзные, но несколько торопливые люди, и соображают по фактам, что если продолжится такой “кутёж” ещё хоть только на десять лет, то и представить нельзя последствий, хотя бы только с экономической точки зрения» (21; 41). Очевидно, что к этим «несколько торопливым людям» принадлежит самоироничный автор: через некоторое время он уже без иронии заговорит про оставшиеся до сокрушительного финала «десять, пятнадцать лет» (21; 94).

«Мечты и грёзы» («Дневник писателя» 21 мая 1873): «Народ закутил и запил – сначала с радости, а потом по привычке. <...> Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили

¹¹ Там же. С. 592. Неточно цитируется «Дневник писателя» за 1880 год (26; 152).

¹² Булгаков С. Н. На пиру богов. С. 592–593.

и в кабаке снесли; а в кабаке приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?» (21; 94).

«По поводу новой драмы» («Дневник писателя» 18 июня 1873): «...отзывается и всё чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение после огромной реформы нынешнего царствования. Прегний мир, прегний порядок – очень худой, но всё же порядок – отошёл безвозвратно. И странное дело: мрачные нравственные стороны прегнего порядка – эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество – не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прегнего быта, которые всё же были, почти ничего не осталось. <...> Это поколение, поднявшееся уже после реформы. В первом детстве оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство...» (21; 96–97, 98).

Посещают автора «Дневника писателя» в самом его начале мысли о «слабосердости» народа (21; 13) и мучительные сомнения, в которых «много соблазна»: «А что, если наш народ особенно склонен к учению о среде, даже по существу своему, по своим, положим, хоть славянским наклонностям? Что, если именно он-то и есть наилучший материал в Европе для иных пропагаторов?» (21; 7)¹.

В третьем номере редактируемого им издания (15 января 1873 г.) Достоевский помещает статью Н. Унтилова «Общество для противудействия чрезмерному распространению пьянства» с ужасающей статистикой, в том числе растущей смертности. Кроме того, как утверждает автор, «открытие всякого нового кабака есть открытие нового притона развращения, воровства и разорения и проч. Кабатчики конкурируют между собою не продажей питей, а деморализацией и развратом. В котором кабаке разврата более, тот кабаке и выигрывает больше. Таким образом <,> кабатчики наперерыв стараются перещеголять и перегнать друг друга заманчивостью и прелестью разврата² <,> и такой разврат всё увеличивается и нет ему удержу. Люди несут в кабаке не только своё добро, но и чужое, потому что там всё принимают. Вот и необходимое увеличение воровства, а за воровством и грабежа и т. д.»

Основываясь на этой публикации, Достоевский затем в «Дневнике писателя» также утверждает, что кабаки «окупаются» не одной виноторговлей, но и «народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства» (21; 94). (Кстати, характерная история с бронзовой рукой Ивана Сусанина взята Достоевским из той же корреспонденции.) На криминальном сюжете построена и народная драма Д. Д. Кишенского «Пить до дна – не видать добра» (Гражданин. 1873. № 23, 24, 25. 4, 11, 18 июня), которую Достоевский сопроводил своей сочувственной статьёй «По поводу новой драмы» (21, 96–105).

¹ Уже после «Гражданина» сомнения эти отразятся в черновиках к роману «Подорожник», их выразит ОН (будущий Версилов): «Общество химически разлагается. – Ну нет, народ. – Народ тоже» (16; 16).

² О представляемых кабаком «удовольствиях и развлечениях, соответственных грубому вкусу простолюдия» см. также: <Порецкий А. У.> Областное обозрение // Гражданин. 1873. № 15–16. 16 апреля.

Ещё одно соображение Н. Унтилова получит продолжение у авторов «Гражданина». Поучительный пример, говорит он, подаёт современная европейская история: «Говорят – интернационалка, коммуна! и при этом вздрагивают от ужаса, от убийств, от пожаров, от злодеяний, но посмотрите поглубже в эту бездну... посмотрите ещё поглубже <,> и вы увидите <,> что на дне её не малую роль играет французский кабаке и пламя свеклосахарного алкоголя. И вот вам ещё одно прибавление к новой истории Франции! Одильон-Барро, член парижской академии, принимая членов общества для противудействия пьянству, сказал, что среди тех негодяев, которые обогрили кровью и сожгли Париж, господствующую роль играло неумеренное употребление спирта и пьянство».

«Набатный» мотив развивают в «Гражданине» его ведущие авторы. «Что может спасти Россию от повального пьянства?» – таково патетическое заглавие статьи В. П. Мещерского (1873. № 20. 14 мая)³. «Вопрос этот приходит на ум ежедневно и ежечасно, и чем более над ним задумываешься, чем чаще его слышишь, тем непостижимее кажется тот, увы! несомненный факт, что никто в сущности серьёзно не тревожится за будущность России. Мы как будто свыклись с мыслью, что повальное пьянство в нашем народе есть и должно быть нормальным явлением». А между тем, полагает автор, на наших глазах образуются «новые нравственные черты, изменяющие к худшему характер русского народа»: «народ наш грубеет, народ черствеет, народ делается злее и жёстче; в народе видимо ослабевает уважение к семье, к власти и к церкви. Спрашивается: чего же ещё нужно ждать <,> чтобы испугаться?» Мещерского страшно пугает (и, как мы теперь понимаем, небеспочвенно) возможное развитие событий: «...земство заявляет своё бессилие в борьбе с пьянством, мировые посредники тоже, помещики по давню, священники тоже, полиция точно также. Чтó же дальше? спрашиваем мы. Ещё один шаг, и мужик, который теперь под пьяную руку и за ведро водки попирает законы семейные, имущественные и гражданские, осмеивает все свои учреждения – в конце концов всё-таки государственные, ругается над церковью и верою (можно привести страшные факты для доказательства), повсюду <,> где может <,> водворяет кулачное право и хитрость обмана, и вместе с тем разоряет свой материальный быт с устрашающею быстротою, – такой мужик, говорим мы,

³ Куда более спокойное и прагматичное решение (замена крепких напитков на пиво) предлагалось в статье либерального журнала: Тизенгаузен Н. Повальное пьянство и меры против него // Вестник Европы. 1873. № 1. На призыв «Гражданина» (в указанной статье В. П. Мещерского от 14 мая) объединить все наличные общественные силы на противодействие бедствию А. С. Суворин отреагировал едко-иронично: «Это очень почтенные, но и достаточно наивные строки, ибо такая “уния” мыслима только в пламенных мечтах юноши» (Санкт-Петербургские ведомости. 1873. 20 мая). Любопытно, что на следующий день (21 мая) «мечтательную» идею повторил Достоевский в статье с нарочитым заглавием «Мечты и грёзы» (21; 95). По поводу уже этой статьи язвительно прошелся Л. К. Панютин (Нил Адмирари. Листок // Голос. 1873. 10 июня): «...грезится наяву гибель русского народа не от чего другого, как именно от пьянства». Фельетонист в опровержение привёл пословицу: «пьян да умён – два угодя в нём». Поддержала марку прогрессивно-сатирическая «Искра», где В. И. Богданов в статье «Мирской толк» (10 июня) иронизировал над Достоевским, «плачущим о народном разврате».

самым естественным образом должен весьма скоро придти к непризнанию *никакого авторитета, никакого права, никакой власти*».

Возлагая последние надежды на государство, Мещерский горячо приветствует обнародованные 13 июля 1873 г. новые узаконения относительно Питейного устава, в особенности прописанное в нём «введение того нового начала, в силу которого вопрос о *количестве* питейных заведений поставлен в прямую зависимость от *местной общей администрации*, а не акцизной»⁴. В другой статье, возможно, принадлежавшей Достоевскому, прямо говорится, что решающее значение могут иметь усилия губернаторов⁵. «Гражданин» предлагал вернуться к дороговизне «откупной» водки. «А народное образование, а театры, – вспоминает он про типичные “противоядия”, предлагаемые в тогдашней печати, – разве это не сто раз сильнее, как средства к противодействию пьянству? Опять же теоретически это безусловно верно; но <, > практически относясь к предмету, мы сомневаемся в том, чтобы *теперь* народное образование, в его младенческом возрасте и беспомощном состоянии, и театры, которых ещё вовсе нет и зародыша, могли бы что-либо сделать существенного для уменьшения пьянства *в настоящее время*»⁶.

Параллель к этому суждению мы можем найти в заметке от редактора к корреспонденции А. П. Шипова «С Нижегородской ярмарки» (1873. № 34. 20 августа), выразившей надежду на «грядущую образованность» с целью искоренения ярмарочного разврата и пьянства. «... это всё равно как бы, например, – пишет Достоевский, – возложить все надежды искоренить пьянство в народе на школы и на народные театры (которых, заметьте, нет⁷)» (21; 282). Административные меры не решат проблемы, но и ими нельзя пренебрегать. «А бритву у ребёнка вырвать необходимо», – дважды повторяет редактор (21; 284). «Ребёнок», как можно догадаться, – народ или значительная часть его, беспомощная перед силою искушения.

Заметим, что Достоевский в качестве редактора и автора «Гражданина» питал определённые надежды на изменение государственной политики в этом жгучем вопросе. Так, уже в первом номере за 1873 год он печатает статью о выполнении бюджета за прошедший год, в которой читаем: «Но печален в росписи тот факт, что главное увеличение дохода представляет налог с питей на целые 12¹/₂ миллионов, и министр [финансов] при этом ещё засвидетельствовал, что питейный доход возрастает постоянно

⁴ *** <Мещерский В. П.?) Утешительно или не утешительно? (По поводу изменений в Питейном Уставе) // Гражданин. 1873. № 34. 20 августа.

⁵ *** <Достоевский Ф. М.?) По поводу одной корреспонденции // Гражданин. 1873. № 23. 4 июня.

⁶ *** <Мещерский В. П.?) Утешительно или не утешительно? Очевидно, имеются в виду как театры для народа, так и собственно народные театры с непрофессиональными актёрами.

⁷ Тем не менее на единичные факты «Гражданин» всё же указывал. И. Ю. Некрасов написал о солдатском спектакле в кремлёвских казармах (Московские заметки // Гражданин. 1873. № 4. 22 января), правда, сетуя, что «у этого народа даже *отнят* в Москве народный театр». В этом же ряду статья Л. С. Личкова «Из Архангельска. Несколько слов о спектаклях в Холмогорском уезде (1873. № 15–16. 16 апреля). «В «Хронике за две недели» (1874. № 8. 25 февраля) сообщалось об открытии солдатского театра в Херсоне, несколько напоминающего описание каторжного театра в «Записках из Мёртвого дома».

и особенно усилился в последние два года»⁸. Сам Достоевский высказался на этот счёт весьма жёстко: «Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, то есть по-теперешнему народное пьянство и народный разврат, – стало быть, вся народная будущность. Мы, так сказать, будущностью нашею платим за наш величавый бюджет великой европейской державы. Мы подсекаем дерево в самом корне, чтобы достать поскорее плод» (21; 94).

«Не будь этого пьянства, – мы в эти 15 лет прожили бы целую эпоху гигантского возрождения русского народа», – прибавляет от себя В. П. Мещерский⁹.

«Уродливая» государственная политика, основанная на отношении к народу как к «податной единице», «только бы двойной оброк платили», как полагает Достоевский, была заложена «иными древними наследными властителями нашими» (21; 255), прежде всего Петром I. Цитируемая заметка из записной книжки редактора заканчивается многозначительным намёком: «Но мы прерываем, эта песня не споётся теперь. Мы знаем, что это ещё слишком ранняя песня» (21; 255). Понятно, что подобные суждения никак не могли быть высказаны в подцензурной печати: то была критика самой высшей власти. Однако намёк на то, что «песня» ещё «споётся» в будущем, как представляется, обращён с надеждой в сторону наследника престола, будущего Александра III. «Гражданин» был негласным выразителем его «партии». Сформулированное в записной книжке редактора так или иначе находило выражение в материалах еженедельника, недаром он так раздражал тогдашних правителей.

«Откуда нам почерпать цивилизующие силы, – писал другой обозреватель, А. У. Порецкий, – когда собственный-то народный быт наш устраивается к лучшему с великими трудами и в очень незначительных размерах? Недавно председатель алексинского училищного совета сделал по своему уезду сравнительный расчёт об отношении кабаков к школам <, > и оказались следующие весьма любопытные выводы. В Алексинском уезде – 62700 жителей, которые большею частью живут в недостатке, а некоторые и в бедности. На это население существует 186 кабаков, в которых продаётся ежегодно до 670000 вёдер полугара. Школ же в уезде 21. <...> каждый житель, считая тут и младенцев, истрачивает в год на водку 4 р. 80 коп., а на школы – три копейки с небольшим»¹⁰.

Материальный недостаток и бедность – на эти причины, порождающие пьянство, А. У. Порецкий в своих обзорах указывал неоднократно. Его поддерживали и другие авторы. «Не нужно быть социалистом – довольно быть честным человеком, чтобы сознать, что наш рабочий – тот же нищий», – пишет о рабочих артелях В. И. Немирович-Данченко, наиболее радикально настроенный постоянный автор «Гражданина» (Достоевский, заметим, и ему даёт слово!). «Да наконец, – продолжает он, – от постоянной работы возьмёт и

⁸ <Филиппов Т. И.?) О государственной росписи // Гражданин. 1873. № 1. 1 января.

⁹ <Мещерский В. П.?) Письма вольнодумца. II. // Гражданин. 1873. № 27. 2 июля.

¹⁰ <Порецкий А. У.?) Областное обозрение // Гражданин. 1873. № 3. 15 января.

одурь. Ему нужно в единственно свободный день в неделю – воскресенье, по-развлечься. Газет он читать не может, потому что неграмотен. Дома отдохнуть – тоска. Потому что дома – и холодно, и скучно, и неприглядно. Жена, которую он любит <, > может быть <, > не меньше нашего, – ходит в каких-то от-репьях, изголодавшиеся дети – мозолят глаза, куда же деться, где отдохнуть? Единственная тихая и мирная пристань, открывающая ему лёгкий доступ к себе, – кабак. Там и теплее <, > и веселее. <...> Много ему нужно силы воли, чтобы при таких условиях остаться всю жизнь честным человеком! Таков рабочий на севере, таков он и везде. И никакими рацеями вы его не исправите, пока не устроите его быт на более человеческих основаниях. Тут нужна не проповедь – а дело! Совершите же его, если у вас хватит сил, самоотвержения и любви к ближнему. А до тех пор наш рабочий будет не гражданином – а подъяремным скотом и только»¹¹.

Причины экономического, так сказать, порядка «Гражданин» Достоевского не упускает в своём «народоведении». Уже в первом номере за 1873 год в обзоре прошлогоднего бюджета ставится вопрос: «Возрастает ли действительно благосостояние, усиливается ли способность народа – быть источником государственных доходов». В связи с главным вопросом – о земле – приводятся цифры, характеризующие процесс выкупа крестьянами земельных наделов: «...с 1 января 1872 г. по 1 декабря прибыло 211 тысяч крестьян, владеющих по выкупу землёю». Цифра, прямо сказать, малоутешительная, свидетельствующая о неразрешимости этого коренного вопроса для большинства из многомиллионного русского крестьянства. «Гражданин» высказался по этому поводу с понятной осторожностью, но вполне определённо: «Таким образом, количество поземельной собственности в прошлом году возросло, и можно пожелать, чтобы необходимые для этого мероприятия правительства совершались с необходимою быстротою, ещё большею полнотою и носили явные признаки строгой, стройной и последовательной системы внутренней политики»¹². Отсутствие таковой политики становилось для редактора «Гражданина» всё более очевидным, он приходит к мысли о решающем значении для России проблемы **землевладения**¹³. В статье «Мечты и грёзы» (1873, 21 мая) он утверждает: «Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии», а без того – «будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся всею общиной» (21; 95; выражение «общесолидарные нищие» Достоевский затем повторит: 21; 142). Материалов, подкрепляющих прогноз редактора, в «Гражданине» печаталось не так много, но были авторы, регулярно возвращавшиеся

¹¹ Д. <Немирович-Данченко В. И.>. Из дорожных заметок на севере // Гражданин. 1873. № 5. 29 января.

¹² <Филиппов Т. И.?.> О государственной росписи // Гражданин. 1873. № 1. 1 января.

¹³ Солидаризируясь с позицией князя А. И. Васильчикова, выраженной им в серии статей в «Санкт-Петербургских ведомостях», а затем в книге «Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах» (СПб., 1876). Васильчикову, очевидно, принадлежит статья «О деятельности нашего земства» (Гражданин. 1873. № 11. 12 марта). О князе-публицисте Достоевский неоднократно размышляет в записных книжках. Их «пересечения» – тема отдельной статьи, которая готовится нами к печати.

к теме народной скудости, – это Н. В. Казанцев и в особенности А. У. Порецкий в своих обозрениях. Подводя некоторый итог в конце 1873 года, в виду надвинувшейся катастрофы самарского голода («Гражданин» выделялся своей активностью в освещении беды, за что поплатился запрещением на розничную продажу), обозреватель еженедельника констатировал: «всё, что мы делаем, всё, что мы можем сделать – не более как капля в море»¹⁴ (курсив автора).

Так на какие же меры **не паллиативного** свойства намекает Порецкий? В своих обзорах он не раз формулировал их. Первая – это необходимость изменения такого положения, когда крестьянство и мещанство как два податных сословия несут исключительно на себе всё налоговое бремя. Уже в самом первом номере «Гражданина» 1873 года в обзоре годового бюджета, к которому мы уже обращались, можно было прочесть: «в наступившем трёхлетии к сбору на государственные повинности, шедшему до сих пор исключительно с крестьян и мещан по душевой раскладке, в первый раз привлечены именно все сословия, в виде сбора с удобных земель. Теперь остаётся ожидать и желать лишь дальнейшего развития того же принципа»¹⁵. Автор «Гражданина» с надеждой прогнозировал «переход к всеобщему несению податных тягостей» и тем самым к облегчению участи миллионов земледельцев и ремесленников¹⁶.

Продолжение темы в «Гражданине» – колоритные зарисовки из жизни податных сословий: Н. Казанцев. Наследство в полтора рубля. Местная картинка (1873, № 3), А. Г-в. Хороша наша деревня. Недоимка (1873, № 14), С. Калугин. Голодная изба (1874, № 13–14). «Гражданин» поддержал вывод А. А. Головачёва в его книге «Десять лет реформ»: «Наши реформы как-то мало трогали наши крепостные замашки <...>. Весь наш бюджет проникнут началами крепостного права, по которым высшие классы обязаны личною службою (сделавшеюся привилегиею), а низшие уплатою податей и налогов, для доставления средств существования высшим классам. В нём нет и тени тех начал, на которых основаны бюджеты образованных стран, где каждый гражданин участвует в общих налогах соразмерно своему имуществу или доходу»¹⁷.

¹⁴ <Порецкий А. У.> О скудости и богатстве. (Из областного обозрения) // Гражданин. 1873. № 50. 10 декабря.

¹⁵ Развитие этого принципа автор «Гражданина» видел и в готовящемся переходе армии на всеобщую воинскую повинность: «...эту тяготу скоро понесут с ними <податными сословиями> и другие сословия» (<Филиппов Т. И.?.> О государственной росписи // Гражданин. 1873. № 1. 1 января).

¹⁶ Изменить пренебрежительное отношение к так называемому отхожему промыслу, возможно, спасительному для многих крестьян, призывал автор целой серии статей: Р. Попов. Кустарная промышленность в России и артельная организация народного труда // Гражданин. 1873. № 13, 14, 22.

¹⁷ <Пуцкович В. Ф.?.> Десять лет реформ. 1861–1871. А. А. Головачёва // Гражданин. 1873. № 4. 22 января. Заметим, что уже упоминавшийся А. И. Васильчиков, выступая в Комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, настаивал на том, что «узел вопроса об улучшении сельского хозяйства заключается в податной реформе», но не был услышан. Деятельность этой комиссии, учреждённой при министерстве государственных имуществ и возглавленной министром П. А. Валуевым, справедливо критиковалась, а иногда даже высмеивалась в прозрачных намёках на страницах «Гражданина».

На другое средство спасения крестьянства от обнищания А. У. Порецкий указывает при помощи следующей зарисовки: «В какой-то деревне, недалеко от гор. Кологрива, Костромской губернии, у одного крестьянина с половины прошлой зимы не стало ни корма для скота, ни хлеба для семьи. В крайности, мужик, за необходимую ссуду, закабалился на всё настоящее лето в работники и все деньги, которые следовало бы получить ему в конце лета, забрал вперёд; но денег было так немного, что скоро все они ушли на прокорм семьи, и затем – опять голод. Пошёл бедняк по богатым мужикам просить одолжить хлебцем; валялся в ногах, но никто не дал. В отчаянии попробовал он было воровать, но почему-то и это не удалось. И вот придумал он решительный выход из своего положения: пошёл к себе в сарай и там повесился. Это случилось, кажется, около половины мая. Таким образом мы имеем факт самоубийства вследствие недостатка деревенского кредита»¹⁸. В следующем обозрении Порецкий подробнее развернёт спасительную для мелких производителей идею ссудо-сберегательных товариществ¹⁹. Эту идею, активно внедряемую тогда же известным нам А. И. Васильчиковым, «Гражданин» Достоевского горячо поддерживал как реальный выход из катастрофической ситуации обнищания крестьянства²⁰.

Ведущая тема «Гражданина» в период редакторства Достоевского может быть сведена к кратчайшей формуле, им самим выведенной в очерке «Влас»: «спасение народа» (21; 94). Причём Достоевский придаёт этой формуле эсхатологическую окраску: «Мы переживаем самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа» (21; 58).

В этой ситуации, писал в своих обзорах А. У. Порецкий, как на дрожжах вырастают различные секты так называемого духовного христианства: шалопуты (шелопуты), штундисты, духоборы... Об одной из них «Гражданин» сообщал: «...эта секта имеет заманчивую сторону в общих собраниях и в правилах нравственных. На собраниях у шалапутов читают евангелие на русском языке и другие священные книги, поют религиозные песни и беседуют народным языком о предметах веры, что, как замечают “Епархиальные Ведомости”, обаятельно действует на душу простолюдина и невольно привязывает его к ереси. А с нравственной стороны шалопуты служат даже как бы упреком православным по своему кажущемуся воздержанию: не пьют водки, не едят мяса, воздерживаются от брачных удовольствий»²¹. В быстром распространении в народе другой секты, штундистов, Достоевский видел схожие мотивы: «доброе поведение и добрые нравы», «воздержание от вина», а поверх того пастор – «не чинов-

ник» в рясе²² (21; 59–60; ср.: 21; 255). Во всём этом редактору «Гражданина» «слышится нечто пророческое» (21; 58). Уход в сектантство, как он понимает, показатель неблагополучия в обществе и в «казённой» церкви, а главное, зреющего в народе недовольства и возрастающей «духовной жажды»: «Что, если весь народ вдруг скажет себе, дойдя до краёв своего безобразия и разглядев свою нищету: “Не хочу безобразия, не хочу пить вина, а хочу правды и страха Божьего, а главное правды, правды прежде всего”» (21; 59).

Изучение ситуации «на краю» приводит Достоевского в очерке «Влас» к пророческому заключению: «Очнётся Влас и возьмётся за дело Божие. Во всяком случае спасёт себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасёт, ибо опять-таки – свет и спасение воссияют снизу...» (21; 41). Очень скоро Достоевскому, перед лицом либеральной критики, пришлось прикрывать свой пророческий напускной самоиронией. В статье «Мечты и грёзы» находим лукавое самобичевание: «Другое дело точка национальная и, так сказать, немножко славянофильская; тут, известно, есть вера в какие-то внутренние самобытные силы народа, в какие-то начала народные, совершенно личные и оригинальные, нашему народу присущие, его спасающие и поддерживающие. Но с чтением статей г-на Пыпина²³ я отрезвился. Разумеется, я желаю и по-прежнему продолжаю желать изо всех моих сил, чтобы драгоценные, твёрдые и самостоятельные начала, присущие народу русскому, существовали действительно; но согласитесь тоже – что же это за такие начала, которых даже сам г-н Пыпин не видит, не слышит и не примечает...» (21; 91).

Большой вопрос: а очевидны ли были сии начала для соратников Достоевского по редактируемому им журналу? Однозначно положительный ответ можно дать, пожалуй, только по поводу А. У. Порецкого и, с некоторыми оговорками, московского корреспондента И. Ю. Некрасова. Они неутомимо отыскивали в сыпучем песке российской повседневности золотые блёстки неумирающего народного духа. Так, замечательный образ народной святости рисует И. Ю. Некрасов в очерке многострадальной жизни бывшей крестьянки, а теперь монахини-филантропки М. (нам предстоит ещё расшифровать её имя). «Вот уже шестой год», говорит журналист, она отдаёт все свои душевные силы обитательницам «московского пересыльного замка», «приручила» их детей, находящихся вместе с несчастными матерями. М. «стала как “своя – родная”, в тюрьме»²⁴, став наследницей святого доктора Гааза.

²² В унисон с редактором обозреватель сообщает: «Священник Казанский в “Саратовских епархиальных ведомостях» указывает на отсутствие в среде крестьян общественного неодобрения пьянства <...> священник хочет достигнуть, чтобы крестьяне со всякого, кто покажется на улице пьяным, брали, в пользу бедных, известный штраф. А мы, признаемся, ожидали другой ещё меры от священника. Мы думали, что <...> служение священника вооружает его нравственными средствами для действенного против пороков и заблуждений паствы» (<Порецкий А. У.> Областное обозрение // Гражданин. 1873. № 3. 15 января).

²³ Имеется в виду глава «Славянофильство» из «исторических очерков» А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» (Вестник Европы. 1872. № 11, 12). Пыпин высмеивал точку зрения К. С. Аксакова на «русский быт старое время» как на «осуществление нравственного идеала».

²⁴ <Некрасов И. Ю.> Московские заметки // Гражданин. 1873. № 15–16. 16 апреля.

¹⁸ <Порецкий А. У.> Из текущей жизни // Гражданин. 1873. № 28. 9 июля.

¹⁹ <Порецкий А. У.> Областное обозрение // Гражданин. 1873. № 29. 16 июля.

²⁰ См., напр.: Н. Казанцев. Заметка о ссудо-сберегательных товариществах Восточной России // Гражданин. 1873. № 9. 26 февраля.

²¹ <Порецкий А. У.> Областное обозрение // Гражданин. 1873. № 5. 29 января.

О таких вот «силах народа» говорил Достоевский, торжественно уверяя, что «свет и спасение», придёт срок, «воссияют снизу», одолев всю современную смуту. Иной тон «делает музыку» в гражданской публицистике В. П. Мещерского. Вот пример из статьи, которую мы уже цитировали: «Процесс искоренения пьянства в народе – вообще столь же трудный и длинный процесс, как был длинен процесс, вкоренявший эту черту в нравы и быт нашего народа. Полагаю, что он даже почти невозможен»²⁵.

В. П. Мещерский называет крестьянина «полудикой душой, с инстинктами добра и зла». Освобождение, утверждает он, не могло тому ничего дать, кроме «права делать себе зло»²⁶. «Увы, – продолжает он вести читателя к своему выводу, – потребности творить добро душа крестьянина не могла иметь, ибо это-то и есть то „прекрасное“ в жизни человека, которое даётся просвещением». Вывод: «величайшая ошибка» 19 февраля та, что крестьянин остался без руководства со стороны «образованного лица». Идея «Власа», который «себя и нас спасёт, ибо <...> свет и спасение воссияют снизу» (21; 41), подвергнута ревизии. Мещерский прямо оспаривает следующую мысль автора «Дневника писателя»: «...надо желать, чтобы народ имел полную свободу сам выйти из грустного своего положения, безо всякой опеки и поворотов назад. <...> Вот моя мысль. Именно – довольно вмешательств!..» (21; 31). Слово «опека» появляется в 1873 году и в лексиконе Мещерского, но, в отличие от Достоевского, в сугубо положительном значении: народу нужна опека. Эту мысль Мещерский проводит в XI–XIV «Письмах вольнодумца», где, например, по поводу земских учреждений высказывается более определённо и менее благодушно, чем он это делал ранее: они не удовлетворяют «потребности более строгого надзора над крестьянами вообще и их самоуправлением – в особенности». Рассуждения эти, показывающие глубину неверия князя в народные силы и его движение в сторону идеи сильной власти (а именно к ней вскоре окончательно придёт издатель «Гражданина»), не были напечатаны в еженедельнике Достоевского. Эти последние четыре «письма вольнодумца» напечатаны лишь в книге Мещерского «Речи консерватора» (вып. 2, СПб., 1876). Можно с большой долей вероятности предположить, что главным препятствием на пути Мещерского оказался редактор «Гражданина».

Зато горячую поддержку позиция Достоевского нашла на страницах внутренних обозрений А. У. Порецкого. В одном из них он пишет, что «пожелание блага» ближнему может вылиться в насильственное покровительство: «Сколько неусыпных забот и трудов употреблено было... ну хоть бы на то, чтоб осчастливить благоустройством новгородских военно-поселян <...>. Труды и заботы не принесли счастья, но неужели целью трудившихся было – несчастье их ближних? Конечно нет! Уж значит <,> таковы были взгляды на положение и нужды ближних, таковы были понятия о способе дарования им благ, а может быть <,> такова была и степень, такова была и истинность

²⁵ *** <Мещерский В. П.> Утешительно или не утешительно? (По поводу изменений в Питейном Уставе) // Гражданин. 1873. № 34. 20 августа. С. 920.

²⁶ О.... <Мещерский В. П.> Письма вольнодумца. IV. // Гражданин. 1873. № 30. С. 830.

христианской любви...»²⁷ (в словах наиболее близкого Достоевскому сотрудника угадываются очертания будущей поэмы «Великий инквизитор»).

Однако был эпизод, объединивший всех авторов «Гражданина». Еженедельник очень пристально следил за начинавшимся трезвенным движением²⁸ (возрождавшим заглохшее движение конца 1850-х годов), вышедшим из глубин народной жизни как реакция на губительный позор всенародного пьянства. Это была именно инициатива снизу, которой так страстно желал редактор «Гражданина».

В одном из обозрений Порецкий подробнее остановился на фактах подобного рода: «Калужские Губ<ернские> Ведомости» напечатали приговор крестьян Земницкой волости Жиздринского уезда, в котором причиной бедности и разоренья крестьян прямо выставлено пьянство, а потому и постановлено: «на будущий 1874 г. по волости во всех селениях *питейных заведений не открывать*». Что бы ни говорили остряки лёгкого нрава, а эти крестьянские приговоры, эти усилия народа уйти из-под растлевающего действия размножающихся «питейных заведений» стоят того, чтобы следить за ними и говорить о них долго и неустанно, пока успех усилий не сделается вполне несомненным. Как, например, не обратить внимания на то, что явление это началось не здесь где-нибудь, не на бойких местах, а вдали, в затишье, в таких губерниях, как Пензенская, чисто земледельческая, куда фабричность почти совсем не проникала и где, по последним сведениям, насчитывается уже 402 приговора об отречении от пьянства и кабаков, взамен которых, по словам местных «Губ<ернских> Ведомостей», уже начинают распространяться в селениях чайные лавочки, освобождённые, по распоряжению министра финансов, от налога. Таким, более сосредоточенным в себе углом не указ подмосковные сёла, которым, может быть, ещё долго не сообщится идущее из глуши отрезвляющее движение»²⁹.

Эмоционально отреагировал редактор «Гражданина»: «...из Пензенской губернии всё пишут, что там число мирских приговоров о прекращении пьянства всё более и более увеличивается. Что за благодатная губерния!» (21; 144). Привлекли внимание Достоевского и сообщения о начинающемся переселенческом движении среди крестьянства, даже и зажиточного: «Омерзело, значит, прежнее житьё с прежними кабаками. Хотя корреспонденты ни слова не говорят о кабаках, но мы почему-то убеждены, что мужички, возненавидевшие старое место, бегут в обетованный край отчасти и от кабаков. Мы убеждены, что, придя на новое место, они тотчас же миром дадут зарок: не

²⁷ <Порецкий А. У.> Заботы, взгляды и мечты. (Из современного обозрения) // Гражданин. 1874. № 6. 12 февраля.

²⁸ См.: <Порецкий А. У.> Из текущей жизни // Гражданин. 1873. № 19. 7 мая; <Мещерский В. П.> Что может спасти Россию от повального пьянства? // Гражданин. 1873. № 20. 14 мая и др. Еженедельник Достоевского отмечал противодействие этому движению со стороны представителей власти, имеющих, очевидно, свой интерес и прикрывающихся тем, что «уменьшение питейных заведений служит подрывом государственных доходов» (Учитель Михаил Орлов. Кабацкое дело в селе Дурникине Балашёвского уезда // Гражданин. 1873. № 23. 4 июня).

²⁹ <Порецкий А. У.> Областное обозрение // Гражданин. 1873. № 29. 16 июля.

пить вина. Неужто такое серьёзное дело предприняли бы с тем, чтоб на новом месте тотчас опять пропить? Подобные переселения – спасительнейшее и любезнейшее дело, вот что. Это обновление, новая жизнь, на иных нравственных основаниях. Всё это поднятое дело останется потом в легендах семейных, а добрые воспоминания крепят семью. Даже житьё на старом месте очистится в воспоминаниях, и многое из старого запомнится хорошо. А оставьте-ка их теперь на месте, хотя только на будущую зиму, ну через канцелярскую задержку какую-нибудь, запретите-ка им переселиться, и к зиме это будут сплошь воры и пьяницы, озлобленные разбойники...» (21; 144). В этих фактах, писал сам редактор, проявляются «сердечные порывы нашего народа», и прибавлял: «Признаемся, мы бы очень желали, чтоб мужичкам удалось и чтобы их не задержали» (там же). Опасения, увы, сбылись: этим «сердечным порывам нашего народа» не суждено было реализоваться в полной мере.

Вряд ли чаяния Достоевского, в их исторической перспективе, следует признать утопическими. Обстоятельства и заблуждения проходят...

Бросающееся в глаза противоречие между эсхатологией Достоевского в описании современной ситуации и его же сотериологией веры в народ приводило иногда к недоумениям и в среде его единомышленников, а в данном случае ближайших сотрудников по «Гражданину». Так, Достоевский с большими надеждами принял в редакцию Е. А. Белова (см.: 29; 282), однако его статья «Что читает народ?» (1873, 16 июля), очевидно, вызвала критику редактора и его вмешательство в текст³⁰, а затем и ответные возражения автора. Их диалог зафиксирован в записной книжке Достоевского: «Белов <...> сами же вы говорили, что в народе много нелепых слухов. <-> Да, но одно дело народ в разброде, другое в сборе. Целое влияет, общее. Целое свой разум имеет. Целое влияет само наоборот. Целое разум вызывает. Важны не частности, важен принцип» (27; 88).

В этой записи отразился, очевидно, полученный Достоевским в «Гражданине» опыт общения как с прямыми противниками его «утопизма», так и с чуждающимися его «парадоксов» соратниками. Выковывалась та диалектика (демософия, если позволено так выразиться), что ляжет в основание дальнейшей публицистики Достоевского, уже за границей «Гражданина».

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-04-00619-ОГН «Редакционный архив газеты-журнала "Гражданин" (1872–1879 гг.)»

³⁰ В окончательном опубликованном варианте разве только одно место несколько противоречит народознанию Достоевского: «...шаткие гипотезы, способные потрясти в неразвитом человеке веру, должны были бы дурно подействовать на народ и в нравственном отношении, уничтожив единственную опору нравственных начал – веру...» (Евгений Белов. Что читает народ? // Гражданин. 1873. № 29. 16 июля).

<Ф. М. Достоевский?>

ЕЩЁ И ЕЩЁ О ПЬЯНСТВЕ

Предположительно атрибутируемая Ф. М. Достоевскому статья была напечатана в редактируемом им еженедельнике «Гражданин», 1874, № 9, 4 марта, стр. 252. Её тема – противодействие народному пьянству посредством создания обществ трезвости. Статья публикуется в авторской пунктуации.

Ключевые слова: атрибуция, «Гражданин», народное пьянство, общества трезвости.

Печатаемая присланное нам письмо¹, которому нельзя не сочувствовать, потому что существенная его мысль – воззвание ко всему русскому обществу, с мыслию устраивать *общества трезвости* повсеместно, мы, в то же время, далеко не согласны с почтенным автором письма в тех строках где он говорит: «Дело ясное, что образованию общества трезвости должны положить начало не пьяницы, не те, на которых много надеяться нельзя, а люди умеренные, для которых пить и не пить – все равно».

Во-первых, нам кажется что при таких именно условиях дело выходит неясным. Начало образования обществ трезвости уже положено, и положено *пьяницами и непьяницами вместе*, то есть крестьянскими общественными приговорами, о которых автор письма выше и упоминает. Откуда же как не из среды пьяниц возникнут мысли спасения себя от ужасов пьянства посредством устройства обществ трезвости? Пьяница сознаёт, чувствует весь ужас и весь вред пьянства для себя, для семьи и для хозяйства; он хочет не пить, он даёт себе и зарок не пить, и клянётся не пить, а всё пьёт, потому плоть немощна, кабака под рукою, соблазн велик, привычка сильна. А вот если бы кабака не было под рукою, соблазну было бы меньше; если бы вместо кабака устроены были чайные, да в этих чайных производились, пожалуй бы, интересные чтения, тогда бы поневоле, мало-помалу, пьяница стал отвыкать от водки. И вот пьяница говорит трезвому: «а что бы, братец, кабака-то похерить, право бы лучше было!»

– Отчего не похерить, – отвечает трезвый муж, – вот как общество.

И так от одного к другому, от пьяницы к трезвому, от трезвого к пьянице переходит мысль о похерении кабака, пока не состоится сходка, и на сходке решают: *похерить кабака и дело с концом*. А там коль добрый человек, священник, помещик, или посредник, или учитель помогли бы тоже и своим советом, общество могло бы вместо кабака открыть и чайную лавочку, в которой можно бы было собираться, толковать про дела, читать книги или газеты, или слушать интересные чтения учителя или священника. Это вовсе не такая утопия, это очень могло бы осуществиться везде со временем.

Но дело это не лёгкое; и яснее сказал бы автор письма, если бы прямо указал на слабые стороны попыток к образованию обществ трезвости между крестьянами, на их препятствия. Препятствие не в том что пьяницы устраивают общества трезвости, – напротив, это обстоятельство причина их успеха, – а в том что крестьяне в этом деле преданы образованным слоям общества на произвол своей судьбы, которая, при необразованном уровне их среды, далеко не всегда благоприятствует успеху общества трезвости. Оттого зачастую бывает что 40 человек подпишут приговор

¹ В. Т. Пьянство и наша неподвижность // Гражданин. 1874. № 9. 4 марта. С. 252–253.

о закрытии кабака, а двое из деревни не подпишут и откроют *тайный* кабак, и принимаются из-за угла соблазнять мужичков; слабенькие поддаются; начинаются тайные попойки, сто раз хуже *кабачных*, и тут уже мало того что поят мужиков чем попало, и зельем, и дурманом, и разными гадостями, но обирают его, с ног до головы, да обобравши голым и пускают: «небось», говорят эти тайные кабачники, «не пожалуется, подписал приговор что пить не будет, пожалуется, его же и оштрафуют».

Вот почему к движению между крестьянами на образование обществ трезвости должны, кажется нам, примкнуть все слои общества, и прежде всего дворяне помещики и духовенство; когда в высших слоях общества станут образовываться общества трезвости, с целью содействовать обществам трезвости между крестьянами, тогда движение крестьян к образованию у себя обществ трезвости получит правильное направление, тогда явится возможность замены кабаков другими, более полезными для мысли и ума заведениями; тогда установится равновесие между удовлетворением потребности русского народа к употреблению крепких напитков и между предупреждением пьянства, как нравственного порока и причины экономического и телесного разорения крестьянского быта и крестьянского здоровья. Тогда общества трезвости получат силу и будущность, а не будут, как теперь, бессильны!

* * *

Заметка «Ещё и ещё о пьянстве» может быть приписана *редактору* «Гражданина» Ф. М. Достоевскому на том основании, что она, как и предыдущая, является *редакционной*, т. е. написанной от лица составителя номера («Печатаемая присланное нам письмо...»).

Замечателен повод, вызвавший редакционную заметку. Её автора возмутили слова корреспондента: «образованию общества трезвости должны положить начало не пьяницы, не те, на которых много надеяться нельзя, а люди умеренные». Трудно представить, чтобы эти слова вообще как-то заделали К. П. Победоносцева или тем более В. П. Мещерского (единственных, кроме Достоевского, претендентов на авторство). Исключение «пьяниц» из числа учредителей обществ трезвости, скорее всего, показалось бы им естественным или попросту прошло бы незамеченным. Между тем автору атрибутируемой заметки такое предположение представляется не только несправедливым, но и противоречащим самой идее спасения: не кто-то со стороны («люди умеренные»), а **сами согрешающие должны сделать усилие к собственному нравственному возрождению**. Идея опеки над «слабыми» простолюдинами была не чужда ни Мещерскому, ни Победоносцеву, но вызвала активный протест у Достоевского (см. публикуемую выше нашу статью «Тема “спасения народа” на страницах “Гражданина” 1873–1874»).

«Пьяницы и не-пьяницы вместе» – ещё один мотив, указывающий на Достоевского. Внутреннее единство народа и его отказ делиться на «овнов» и «козлищ» писатель подчёркивал, объясняя год назад народное словечко «несчастные» в очерке «Среда» (21; 17–18).

«...к движению между крестьянами на образование обществ трезвости должны, кажется нам, примкнуть все слои общества», – пишет автор заметки. Параллель мы находим в статье Достоевского «Мечты и грёзы» (Гражданин. 1873. № 21. 21 мая): «...мы уже упоминали об обществах трезвости. <...> Что, если б, с своей стороны, поддержали их и все наши передовые умы, наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство и все, все...» (21; 95).

Характерен для Достоевского приём вымышленной сценки («И вот пьяница говорит трезвому...», а затем: «“небось”, говорят эти тайные кабачники» и т. д.) как аргумент в пользу своего утверждения.

Обращают на себя внимание композиционные приёмы Достоевского-публициста: постановка проблемы (как правило, какое-либо современное наблюдение), «углубление» в неё с опорой на собственные наблюдения автора, «модально-сослагательная» часть («А там коль добрый человек, священник, помещик, или посредник, или учитель помогли бы тоже и своим советом, общество могло бы вместо кабака открыть и чайную лавочку, в которой можно бы было собираться, толковать про дела, читать книги или газеты, или слушать интересные чтения учителя или священника»), в которой угадываются приёмы «Дневника писателя» и «Поучения старца Зосимы».

Приметы публицистического стиля Достоевского видны в интонационно-синтаксическом построении речи: «нельзя не сочувствовать», «воззвание ко всему русскому обществу, с мыслию устраивать», «начало <...> уже положено, и положено *пьяницами*», «и яснее сказал бы автор письма, если бы прямо указал», «должны, кажется нам», «станут образовываться <...>, с целью содействовать», «тогда... тогда... тогда... Тогда», «очень могло бы осуществиться».

Сочувственные отношения автора статьи к её героям выдают свойственные стилю Достоевского морфемы: «соблазнять мужичков; слабенькие поддаются».

Публикация и комментарии В. А. Викторovichа

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-04-00619-ОГН «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)»

Е. А. Акелькина

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ В ПОВЕСТВОВАНИИ «ЗАПИСОК ИЗ МЁРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье анализируются формы народного сознания в повествовании «Записок из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: народное сознание, повествование, очерковая повесть, эпопея.

*«Содержание и форму эпического в собственном смысле слова
составляют миросозерцание и объективность духа народа
во всей их полноте».*

Г. В. Ф. Гегель

«Записки из Мёртвого дома» впервые полностью печатались в журнале братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» с апреля 1861 по декабрь 1862 года (отдельное издание книги вышло в 1862 году). Эта эпопея в форме очерковой повести подводит итог целому периоду русской истории. Начиная на рубеже эпох свой анализ «миросозерцания народа», Ф. М. Достоевский даёт свой вариант ответа о судьбе народа, о возможностях его развития в пореформенное время. Писатель этой книгой отвечает на социальный заказ эпохи, открывая ряд чрезвычайно значимых эпопей своих современников («Война и мир» Л. Н. Толстого, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова), а также создаёт одну из «вечных» книг о судьбе России и человечества, достойную стоять в ряду с произведениями Данте, Шекспира, Гёте. «Записки из Мёртвого дома» – уникальное новаторское произведение не только по проблематике, но прежде всего по способу создания совершенно новых художественных форм повествования как выражения глубочайших основ народного видения мира.

Под повествованием в статье понимается процесс осуществления авторской активности, создающей особый содержательный смысл произведения, осваивающий бытие с точки зрения общей жизни, общих родовых ценностей. «Записки» – это и очерк массового народного сознания обитателей острога, и книга духовных странствий и нелёгких прозрений обычного среднего человека в экстремальной ситуации (основного рассказчика Александра Петровича Горянчикова). В очерковой повести движение художественного смысла «Записок» реализуется главным образом не в сюжете, а во взаимодействии различных субъектных сфер повествования (основного рассказчика, издателя, устных историй каторжан, голоса общего мнения, острожной молвы). Для Достоевского повествование является одновременно и инструментом изучения народного сознания, и материализованным в слове воплощением духовного преодоления реальности «Мёртвого дома», обретением внутренней свободы.

*Омск. Кордегардия, о которой писал Достоевский в «Мёртвом доме».
Почтовая карточка. Изд. И. Н. Елизарова. 1902 г.
Из открытых интернет-источников.*

«Записки» начинаются с введения от издателя-сибиряка, после смерти Горянчикова опубликовавшего его тетради. Причём первые образцы этого введения содержат ироническую пародийную характеристику Сибири, в которой сталкивается сторонний взгляд чиновника-мздоимца и местного жителя. Здесь как бы проигрывается общая повествовательная ситуация – путь от непонимания и отрицания чужого опыта к постепенному сближению и взаимодействию с точкой зрения «другого» и «других». Достоевский чрезвычайно органично и свободно усвоил традицию пушкинского «летописного» повествования¹. Безличная обобщенность псевдолетописного описания сменяется сужением пространства рассказа – от России до Сибири, города, острога, до крепости, плаца, казармы и внутреннего состояния арестантов. Горянчиков во введении увиден извне и не разгадан издателем, и только по мере чтения его записок провинциал-сибиряк проникается его точной зрения. Точно так же Горянчиков не понят и не принят арестантами на уровне сюжета, но во введении рассказа он начинает постигать известную правоту точки зрения молвы, каторжного общего мнения. Одновременно идёт трудное сближение каторжников с его видением и пониманием.

¹ См. об этом: Акелькина Е. А. «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840 – 1860-е годы). Монография. Омск, 2007, С. 24 – 31.

Два взаимосвязанных процесса определяют природу повествования «Записок»: это история становления живой души Горянчикова, совершающаяся по мере постижения им живых и плодотворных основ народного бытия, явленных в быте Мёртвого дома. Это духовное самопознание Горянчикова в каторге и постижение народной стихии одновременно. Введением начинается соиздание подвижной границы между реальностью мира изображающего и мира изображённого. В книге идёт движение по мере развёртывания рассказа о Мёртвом доме: от обобщенного образа мира России к пониманию конкретных впечатлений, встреч, диалогов с арестантами путём взаимодействия точки зрения основного рассказчика Горянчикова с общим мнением обитателей острога. Через воссоздание коллективного восприятия молвы осмыслен процесс народного бытия.

Само название книги принадлежит не основному рассказчику: в заглавии встретились два голоса, две точки зрения (Горянчикова и издателя-сибиряка). Образно-символический оксюморон «Мёртвый дом» намечает смысловое поле для решения вопроса о судьбе России и её народа, ибо в каторжном остроге явлен весь мир страны, все сословия и национальности. **МЁРТВЫЙ**² в силу застойности, несвободы, отъединённости от большого мира, что препятствует развитию, но всё-таки **ДОМ** не только как жильё, сфера существования, но и как *семья, род, общность людей*, принадлежащих единой культурной целостности.

Изменения видения рассказчика при постижении мира Мёртвого дома совершается не в момент создания записок, а раньше, однако Горянчикову очень важно восстановить последовательность своего духовного роста, ибо новая жизнь его знаменуется не только выходом из каторги, но и обретением более широкого взгляда на народ и его судьбу. В повествовании «Записок» воспроизведён процесс духовного прозрения Горянчикова, именно он становится тем зеркалом, в котором видится судьба России и народа в перспективе развития.

Глава «Мёртвый дом» открывается впечатлением с точки зрения неиндивидуализированного восприятия, которое может принадлежать каждому каторжнику и никому в отдельности.

С первой фразы в слове рассказчика зафиксирована *слитность с общей жизнью*, проникшая в сам *способ видения*: «острог НАШ стоял на краю крепости...», «СЛУЧАЛОСЬ, ПОСМОТРИШЬ сквозь щели забора на свет Божий: не УВИДИШЬ ли хоть чего-нибудь? – и только и УВИДИШЬ, что краешек неба... и тут же ПОДУМАЕШЬ, что пройдут целые годы, а ты точно так же ПОДОЙДЕШЬ СМОТРЕТЬ сквозь щели забора и УВИДИШЬ тот же вал, таких же часовых и тот же маленький краешек неба» (4; 9). Протяжная напевность фразы, несущая интонации народного устного говора, помогает создать ощущение растворённости всех и каждого в этом всеобщем подспудном переживании неволи, бессознательной тяги к свободе.

Благодаря обрётённой мудрой пронизательности и пониманию чужого мира интонация рассказчика способствует постижению общей народной жизни, приобщая Горянчикова к движению от быта к бытию. Вглядываясь в арестантов, Горянчиков переживает трагизм Мёртвого дома, который не только в физических лишениях, а в самом укладе каторги, превращающей человека только в арестанта, лишая его личностного духовного содержания.

В любом сообщении рассказчика кроме его точки зрения обычно содержится указание на взгляд других очевидцев. Это, с одной стороны, обеспечивает достоверность рассказа, а с другой, – передаёт своеобразие каторжной жизни, где всё совершается на виду у всех, под наблюдением многих глаз. Самим отбором фактов, их подачей осуществляется обращение к способности читателя ощутить себя на месте героев «Записок», пережить сочувствие к ним.

Эта мера сочувствия рассказчика реализуется в тексте не прямо, а рождается в формировании *впечатления* читателя. Так, история расставания одного из арестантов с женой увидена только извне, рассказана немногословно и сдержанно, даны одни факты, но динамика повествования подводит нас к активному сопереживанию. «Помню я тоже, как ОДНОГО АРЕСТАНТА, прежде ЗАЖИТОЧНОГО СИБИРСКОГО МУЖИКА, раз под вечер ПОЗВАЛИ к воротам. Полгода перед этим ПОЛУЧИЛ он известие, что бывшая его жена вышла замуж, и крепко ЗАПЕЧАЛИЛСЯ. Теперь она сама подъехала к острогу, вызвала его и подала ему подаяние. Они ПОГОВОРИЛИ минуты две, оба ВСПЛАКНУЛИ и ПРОСТИЛИСЬ НАВЕКИ. Я видел его лицо, когда он возвращался в казарму... Да, в этом месте можно было научиться терпению» (4; 10).

Начинается с завязки, причём в первой фразе намечены три точки зрения: арестанта, который прежде был «зажиточным сибирским мужиком», общей, объединяющей всех обитателей Мёртвого дома, можно сказать, *точки зрения молвы*, и рассказчика, осмысляющего этот эпизод целостно. В свёрнутом виде в ситуации заложено самочувствие арестанта, прежде бывшего самостоятельным человеком, а сегодня ставшего тем, «с которым делают всё, что угодно». Это проявляется даже в глагольных формах: «позвали», «получил известие», «позвала его», «подала ему», которые выражают активное одномерное действие, направленное на арестанта, а на долю каторжного приходится глаголы, передающие либо более длительное, но страдательное состояние «простились навеки», «крепко запечалился», «возвращался», либо кратковременное прерванное действие «поговорили минуты две», «всплакнули».

Заключительная сентенция рассказчика («да, в этом месте можно было научиться терпению») объединяет судьбу одного арестанта с участием многих, лишает её экстраординарности, раскрывает её типичность в условиях Мёртвого дома. Чередование личных («Я видел», «помню») и полуличных («Были преступники...», «Можно было заметить...») формул рассказывания создаёт особое равновесие между правдой общего взгляда и правдой восприятия рассказчика в их единстве и взаимопроникновении. В видении рассказчика «Записок» совершенно отсутствует чисто индивидуализированная реакция

² Здесь и в дальнейшем, кроме особо оговорённых случаев, выделение моё. – Е. А.

на окружающую действительность. Даже там, где речь идёт о сугубо личностных переживаниях рассказчика, мы ощущаем его включённость в бытие общей жизни.

Две завершающие главы (десятая и одиннадцатая) первой части воссоздают победу «живого» мира в Мёртвом доме. Как всегда у Достоевского, процесс этот сложен и противоречив. Каждый арестант словно проверяется ситуацией праздника, театрального представления. Что такое праздник? Это время, когда в личную и общую жизнь входит вечное, это время встречи с высшими ценностями. Само слово праздник происходит от «праздность», как обозначения особого времени, свободного от будничных житейских забот и суеты, но полного священным, незримым. Праздник – это своего рода остановка времени, укрупнение значимого мига, когда человек открыт переменам, как внешним, так и внутренним. Почему в структуре «Записок из Мёртвого дома» так важен праздник Рождества Христова (в сущности, десятая и одиннадцатая главы – кульминационные для книги)? Этот праздник несёт семантику начала, новой жизни, возвращения к детству как аналогу цельности бытия, благодатных воспоминаний о родительском доме, семье. Лично для Достоевского, пережившего в канун Рождества 1849 года своеобразное второе духовное рождение, преодолевающее смерть, невзгоды, это был особо значимый праздник. По народной примете, любое дело, начатое в Рождественский сочельник, завершится счастливо. 24 декабря Ф. М. Достоевский выехал в Сибирь, откуда вернулся не просто популярным литератором, а писателем мирового масштаба.

Рассказчиком увиден общий для всех смысл: «Дни великих праздников резко отпечатлеваются в памяти простолюдинов, начиная с самого детства. Это дни отдохновения от тяжких работ, для семейного сбора. В остроге же они должны были припоминяться с мучениями и тоской... Кроме врождённого благоговения к великому дню, арестант бессознательно ощущал, что он этим соблюдением праздника как будто соприкасается со всем миром, что не совсем же он, стало быть, отверженец, погибший человек, ломоть отрезанный, что и в остроге то же, что у людей» (4; 104 – 105).

Все каторжники ждут от праздника чуда, но в день Рождества чуда не происходит. Это воспринимается как обман ожиданий, огромное разочарование. Нечто подобное наступает на третий день праздника во время представления. Почему? Чудо не даётся даром, без собственной духовной работы, без понимания друг друга и терпимости. Каторжники с их помешанностью на форме, с их исполненным гордости самоутверждением не могут стать наивными и доверчивыми, «как дети». Доброе отношение друг к другу у них ситуативно и формально, они исполняют обряды праздника, но не изменяются сами, не меняют свою жизнь, как требует этого дух праздника.

В ситуации праздника внутренняя свобода, оказывается, тесно связана с переживаемым всеми арестантами стихийным ощущением всенародно-

го единства. Но этого недостаточно для личного спасения и живого христианства. Собственно, эти две кульминационные главы «Записок» самым способом рассказывания подводят читателя к трагедии России, к ответу на вопрос «почему дом мёртвый»?

В момент спектакля осуществляется единение всех зрителей в радостном переживании духовного освобождения силами искусства. Пока ещё нет у каждого из них внутреннего регулятора самоуважения, отсюда постоянная забота о форме и внешних знаках уважения в каторжном мире. Люди Мёртвого дома ещё не стали свободными личностями, их объединяет общее творчество, дело, но в одиночку противостоять смерти духовной они ещё не умеют.

В конкретном моменте народной жизни в каторге провидится будущая перспектива его развития, обнаруживаются неисчерпаемые духовные силы народа. Пробуждение к жизни начинается, по Достоевскому, с социального освобождения от крепостной зависимости («Ну, я теперь один ...без барина!..» – 4; 127), с личной свободы выбора. Однако это только начало пути: собственное духовное развитие многих начиналось и стимулировалось Словом Божиим. Обрести свободный дух в неволе можно было, только понимая трагедию других, помогая, прощая, любя и сострадая, печалась о помрачении образа Божьего в отдельных человеческих судьбах. Увы, постоянный духовный труд понимания чужого мира оказывается не по силам большинству обитателей Мёртвого дома. Только приобщение к творчеству и восприятие рождественского представления сближает до некоего подобия братства совершено чужих людей с трудной судьбой.

Завершающая десятая глава «Выход из каторги» прямо соотносится с введением от издателя, она представляет собой смысловую параллель введению. Если «Записки» начинаются со взгляда на рассказчика извне, с точки зрения издателя, далёкого от жизненного опыта Горянчикова, то в финале перед нами взгляд на позицию рассказчика изнутри, он помогает решить «загадку» автора «Записок».

Сцене выхода из каторги предшествует размышление Горянчикова о связи своей прошлой, настоящей и будущей жизни. Драма отношений с миром каторги, казалось бы, заканчивается благополучно, но здесь же, как всегда в эпилогах Достоевского, завязывается узел новых противоречий.

Художественное завершение проникновения рассказчика в мир «Мёртвого дома» и понимания им диалектического смысла противоречия народа и образованного слоя в малом времени изображённого мира данного произведения разомкнуто в мир большой, и не только в сферу изображающей, творящей активности рассказчика, но и шире – в мир всеобъемлющей авторской интенции, в мир вечности.

Совершается это как смысловая параллель входу в острог – здесь же Горянчиков, обходя в последний раз Мёртвый дом, широко осмысляет трагедию погибших возможностей: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть

самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? ТО-ТО, КТО ВИНОВАТ?» (4; 231).

Почему-то большинство исследователей видело здесь только момент прямого обличения, хотя очевидно, что мысль рассказчика намного сложнее. Не только в объективных условиях строя, основанного на гнёте и насилии, видится Горянчикову трагедии народа, но и в его собственной пассивности, отсутствии развитого национального самосознания. Поэтому финальный повтор своей особой интонацией горечи и даже своеобразной укоризны переводит проблему из социально-политического аспекта в план нравственно-психологический, внутренний.

Повествование в «Записках» вырабатывает новый тип взаимодействия с читателем; в очерковой повести-хронике активность автора направлена на формирование читательского мировосприятия и реализуется через взаимодействие сознаний издателя, рассказчика и устных рассказчиков из числа обитателей Мёртвого дома.

Слово рассказчика, с одной стороны, живёт постоянной соотнесённостью с мнением всех, иначе говоря, с правдой общенародной жизни, с другой, – активно обращено к читателю, организуя целостность восприятия.

Диалогическое взаимодействие сознания Горянчикова с кругозорами других рассказчиков направлено на выявление их позиции по отношению к общей жизни, поэтому во многих случаях слово рассказчика взаимодействует с неперсонифицированными голосами, которые помогают формированию его способа видения.

Динамика повествования рассказчика всецело обусловлена жанровой природой произведения, подчинена реализации эстетического задания жанра – от обобщённого взгляда издалика, «с птичьего полёта», к освоению конкретного явления, которое осуществляется с помощью сопоставления разных точек зрения и выявления их общности на основе народного восприятия. Далее эти выработанные меры народного сознания делаются достоянием внутреннего духовного опыта читателя. Таким образом, точка зрения, обретенная в процессе приобщения к стихии народной жизни, выступает в событии произведения одновременно средством и целью.

Движение повествования внутри «Записок» определяется двумя взаимосвязанными процессами: духовным становлением Горянчикова по мере его проникновения в саморазвитие народной жизни.

Внутренняя напряжённость взаимодействия индивидуального и коллективного мирозерцания реализуется в чередовании конкретно-сиюминутной точки зрения рассказчика-очевидца и его же итоговой точки зрения, дистанцированной в будущее как время создания «Записок», а также точки зрения общей жизни, предстающей то в её конкретно-бытовом варианте массовой психологии, то в сущностном бытии универсального народного целого.

Н. В. Чернова

«ПРИМКНУТЬ ОПЯТЬ К ЛЮДЯМ»: ГОЛОС НАРОДА И ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЧВЕННОЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО УКАЗАНИЯ РАСКОЛЬНИКОВУ ИСХОДА (ПО 2 ЧАСТИ РОМАНА)

Ни в одном романе Достоевского голос народа не проявлен так мощно, как в «Преступлении и наказании», определяя концепцию автора о воскресении героя-преступника. Рассматривается роль голоса народа в двух его ипостасях – религиозно-этической и карнавалльно-площадной – и значение «литературного почвенничества» в первом выходе Раскольникова к людям.

Ключевые слова: голос народа, литературное почвенничество, народная площадь.

Вторая часть «Преступления и наказания», романа с главной задачей – воскрешение героя, представляет собой первый выход его к людям после преступления с указанием автора на единственность «исхода» для Раскольникова – через религиозно-этическое начало «почвы».

Представляется важным определить роль «народного голоса» в такой авторской стратегии. Введённое Бахтиным понятие «смеющийся народный хор»¹, употребляющееся обыкновенно как определение стихийного противодействия официальной власти, в широком смысле может быть использовано в литературоведении как имперсональное групповое суждение, стихийная ироническая оценка события или персонажа. Р. Г. Назиров отметил, что у Достоевского уличная толпа участвует в действии, в развитии сюжета, «порою напоминая хор античной трагедии, сочувствуя герою, осуждая его, комментируя его поступки»².

Вся вторая часть романа – это серия встреч героя, в которых первым ставит ему диагноз, выносит приговор и указывает исход именно народ.

Чрезвычайно важно, что первому выходу Раскольникова после преступления на Сенную площадь предшествует его самоприговор (он назовёт это «главный пункт» – 6; 86) о непоправимой отрезанности от всего живого, без чего невозможно понять вектор движения героя к воскресению. Автор не говорит, куда идёт Раскольников, но диктует читателю уверенность в возможности лишь двух выходов для героя – признание или самоубийство. Именно к народной общности так жаждет примкнуть впервые герой: «Его почему-то тянуло со всеми заговаривать. Но мужики не обращали внимания на него, и все что-то галдели про себя...» (6; 122). Ещё более активно отвергают героя «солисты» народного хора: девочка с шарманщиком, прохожий («Любите вы уличное пение?...»), молодой парень, не отвечающий Раскольникову

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1990. С. 147.

² Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982. С. 104.

на вопрос, не из зарайских ли тот мещанин, с которым разговаривала Лизавета, ведь жертва героя Миколка – из зарайских, как и сам Раскольников³: так земляки разделены «почвой».

Даже в самом скверном «ухарском» разливе народной жизни на Сенной Раскольников чувствует единственную возможность выхода в «живую жизнь». Вот почему при всей реальности сцены в ней явственно проступает также и весёлое метафорически-низовое, кукольно-«адское» пространство праздничной площади простолюдинов с «лествицей», откуда черти с крючьями сбрасывают грешников в ад («...весь этот стук и гам, там, внизу...» – там же). Но он – игрушечный в восприятии Раскольникова по сравнению с его собственным адом, это ад народной площади с разгульными песнями и плясками, с шарманкой и незатейливыми уличными сценками, с шутками, каламбурами и площадным юмором, с акробатами (мужик «кувыркнулся вниз» в бордель – 6; 123) и зазывалами (Дуклида), паяцами, шутами, ряжеными, с костюмированными актёрами в утрированно комических масках (проститутки «почти все с глазами подбитыми» – 6; 122, «мужик, навеселе, в армяке нараспашку и с хитро смеющейся харей» – 6; 123), звуками толпы (крики, гам, смех, хохот, взвизги). Пыль и извёстка Сенной вместе с лошадиным навозом, оседавшие не только на её зданиях, – это своеобразный грим лицедеёв народной площади, антураж карнавального действия, в котором реальные простолюдины одновременно и актёры, ведь типичная черта карнавальной стихии – стирание границ между зрителями и сценой.

Среди уличных кувырканий «пьяненьких» и «блудниц» движется трагический герой в квазиреальности кругов народного ада, подобно Данте: «Раскольников тронулся дальше» (там же). Это знак стилистического перебива ярмарочного ритма сцены, где вроде бы Раскольников хочет быть своим среди чужих, подстраивается под народ, даже говорит вроде бы на «их» языке. Однако ни он их, ни они его не понимают. И в этом начало новых кругов ада для героя-индивидуалиста.

Толпа безошибочно определяет, что Раскольников – ряженный («приятный кавалер», «милый барин» – там же), выносит ему приговор, одновременно жалея: «Какие худые! <...> из больницы, что ль, выписались?» (там же), народное чутьё акцентирует многозначность слова «худой» – «больной» и «плохой». Рябая девка говорит с преступником о совести: «Я бы, кажется, от одной только совести провалилась...» (там же), как и Дуклида: «...а теперь вот как-то совести при вас не соберу» (там же). Так в сценке вполне бытовой и даже нарочито комически сниженной проступает трагический смысл через муки совести героя и философско-этическую оценку автора (народное отторжение Раскольникова).

В сознании трагического героя природа весёлой толпы искажается лишённым почвы петровским пространством, а народная площадь трансформируется в замкнутый «кривоколенный» «тошнильный» переулочек, где безудерж-

ное игровое действие подменяется шествием персонажей с бледно-зелёными больными лицами, бредущих в сумрачном свете газовых фонарей, в мокром снеге, под механическую музыку шарманки: «Любите вы уличное пение?» Одновременно эта знаковая фраза героя – и от его вселенской жажды воссоединения. Поэтому даже отторжение Раскольникова народом обостряет в нём жажду жизни, однако оторванность его от почвы акцентирована и осуждена хронотопом: будущая жизнь представляется герою на «узенькой площадке» в две ноги, на скале (камень) вместо «почвы» (здесь проступает абрис «Медного всадника»), «...а кругом <...> пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря...» (там же). Имя Наполеона ещё не прозвучало в романе, как нет ещё для читателя и теории Раскольникова, но образ «статуэточного» тиражированного романтического героя со скрещёнными на груди руками уже угадывается в раскольниковской мечте о спасении.

Итак, зачем нужна народная площадь? Во-первых, ею акцентируется религиозно-этическое начало в народе, противостоящем герою, но отчасти интуитивно сочувствующем «несчастному», и в этом – литературное почвенничество как выражение авторской позиции. И не только противостояние народа Раскольникову, но что очень важно – взаимное непонимание. Однако одновременно именно в этом первом после преступления выходе «в народ» – уже и первая попытка в зародыше начала воскресения героя в первоначальном замысле Достоевского о его пути: «Принуждён, чтобы хотя бы погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям <...> Закон правды и человеческая природа взяли своё...» (28; 137). Как и дарование автором герою жизни: отказ от замысла, связанного с крайним отторжением героя, нарушившего кодекс «почвы», – убийство Раскольникова каторжниками в церкви.

Во-вторых, яркая карнавальная площадная стихия, где смеховое начало утверждает торжество жизни, а сама смерть чревата рождением и обязательным воскресением, воплощает живую жизнь, ту самую простую, весёлую «человеческую природу», от которой отрезан герой. Стилистика сцены – балаганна, сюжет и герой – трагичны.

В следующей сцене «Псевдопризнание Раскольникова Заметову» в разговоре героев образованных автор не только не обрывает звучание народного голоса, но настойчиво предлагает его услышать и вычленив из подтекста трагического почти признания Раскольникова Заметову. Больше того обращает на себя внимание и преувеличенно игровое площадное начало в диалоге героев вовсе не из народа.

Раскольников обманывает «мальчишку» Заметова, общее дело которого теперь вместе с Разумихиным спасти другого мальчишку Миколку, о чём только что узнал герой. Однако функция незаметного второстепенного персонажа Заметова не только в том, чтоб расширить список жертв героя и усугубить его вину. Хотя и в этом тоже, недаром Раскольников, оправдываясь перед Разумихиным, отрицает свою вину за подозрения Заметова в его адрес. Авторская же точка зрения противоположна: герой виноват перед Заметовым, в котором – широкий спектр важнейших нравственных проблем юноши в поисках идеала,

³ Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 168 – 169.

«выделяющегося» в личность, решающего «кем быть?»: это понятие свободы и морального выбора, а также вина, грех за подозрения в адрес Раскольникова. И в этом опять – литературное почвенничество автора: народный голос проявлен даже в незаметном, на первый взгляд, персонаже, который именно по этой линии оказывается двойником таких героев, как Миколка и Разумихин (доброта, сострадание и совесть, жизнелюбие, веселье).

Заметов – письмоводитель в полицейской конторе, начинающий следователь и юный «двойник» Порфирия, а рассматриваемая сцена – пролог к встречам Раскольникова со следователем-профессионалом. У Заметова – нюх ищевки, понимание психологии: «Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алёну Ивановну на прошлой неделе топором уколошил?» (6; 204).

Интересно, что лучшие черты героев заметны именно в Заметове, которого Разумихин называет «чудеснейшим». Что из этого выйдет? Для героя – финал открыт: он уходит из конторы экзамен сдавать – может, поступать в университет на юридический, как Разумихин и Раскольников, чтобы стать, скорее всего, следователем, таким, возможно, как Порфирий, профессионалом и христианином, спасающим Раскольникова.

Не менее, чем идейный смысл сцены, важны её художественные качества, в частности, странная перегруженность площадной стилистикой. Своеобразное авторское указание осмыслить функцию педалирования «народного слоя» в разговоре интеллектуала Раскольникова с Заметовым, хорошо говорящим по-французски, потенциальным студентом (оба они друзья будущего издателя Разумихина, знающего три языка), можно услышать в вопросе Раскольникова: «Послушайте, вы человек образованный, литературный, а? – Я из шестого класса гимназии, – отвечал Заметов с некоторым достоинством» (6; 125).

Газетные заголовки, которые пробегает глазами Раскольников в трактире перед встречей с Заметовым, звучат повторяющимися выкриками балаганных зазывал, площадных дедов, сдобренных ругательствами: «Излер – Излер – Ацтеки – Ацтеки – Излер – Бартола – Массимо – Ацтеки – Излер... фу, чёрт! <...> провалилась с лестницы – мещанин сгорел с вина – пожар на Песках – пожар на Петербургской...» (6; 124). В этих реалиях – весь спектр жанров народной низовой культуры: демонстрация уродов (увеселительное заведение Излера с великаном и типичным для площади перевёртышем – лилипутами), шуточные мизансценки балаганов, пожары как излюбленный аттракцион площади.

Почему поиски сообщения об убийстве сопровождается игровое начало? Зачем нужна стилистика балагана в выходе Раскольникова на самоубийство или явку с повинной?

В третьеразрядном трактире – «Хрустальный дворец» как пародия на здание будущего в мечте утопистов – Раскольников впервые прочитает о своём преступлении во имя спасения человечества в скупом в одну строку газетном сообщении среди прочего и увидит, как примитивное обыденное сознание воспринимает это. Включённость уголовной хроники в карнавальную низовую стихию знаменует крушение высокой теории Раскольникова.

Стилистика открыто заявленного балаганного вступления открывает путь для органичного перехода в поединок преступника со «следователем» Заметовым – в том же ключе: в кривлянии и ёрничанье шута Раскольникова – игра, обманная, с трюками, сальто-мортале, жонглёрством, акробатикой, хождением по проволоке.

Кукольная комедия «Петрушка» с героем плутом, провокатором и – что важно! – убийцей (запихивает в гроб доктора, убивает полицейского, выкидывает из окна ребёнка, жену), но при этом вызывающим сочувствие, просвечивает сквозь реальную ткань этой сцены, вызывая ассоциации с двумя каноническими сценками: «Петрушка с другом», где Петрушка обычно убивал друга, а также – «Петрушка и цыган», где герой «надувал» противника (во внешности Заметова много цыганского). Сцену «Раскольников с Заметовым» можно рассматривать и как конгломерат двух указанных сюжетов «Петрушки», когда одни и те же актёры играли разных персонажей, если кукол не хватало, а в устойчивых «птичьих» определениях Заметова «воробушек», «птенец» можно увидеть намёк на Пульчинеля – цыплёнок с хохолком. Эстетика «Петрушки» с деревянными актёрами прочитывается: герои задираются, стучаются лбами, хохочут, перемигиваются, тузят друг друга, хлопают по плечу, ругаются, дразнятся, высовывают языки⁴.

Вообще сцена подчёркнуто театральна и строится так, что комическая составляющая в речи образованных героев намеренно контрастирует с авторским голосом, высвечивающим истинный, остро трагический подтекст диалога. Причём в начале сцены авторский комментарий минимален, конкретен, т. к. это своеобразная экспозиция, где в связи с приёмом игры в «кошки-мышки» преобладает стилистика площади: непритязательные шутки и юмор, хохот, короткость, отрывистость и ситуативность реплик, типичные диалоги с обыгрыванием мнимой глухоты партнёра или непонимания, знаменитый площадной диалог-эхо, когда последнее слово реплики одного партнёра подхватывается и дублируется другим («Ушки на макушке? – Какая ещё там макушка? – После скажу, какая макушка» – 6; 125), употребление в рассказе образованного героя речи простонародья с ошибками, а также мощного лексического фольклорного арсенала – поговорки, пословицы, чрезмерное использование просторечья, ругательства, даже ритм народной речи с её особой напевностью и, наконец, мимика, жесты – судороги, подмигивания, удары.

В дальнейшем стилистика площади остаётся, но крепнет голос автора, фиксирующего трагедию героя. На сцене одновременно идут и примитивный кукольный спектакль, и высокая драма. В площадных актёрах проступает трагическое, низовой смех превращается в «нервный», и подтекст, в котором мерещилось преступление, превращается в текст с кульминацией – признание Раскольникова шёпотом («... “сознаюсь” <...> “показание даю, а вы снимаете”» – там же), обозначенное молчанием, паузой, крупным

⁴ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Л., 1988. С. 76 – 93.

планом, которое мгновенно оборачивается площадным перевёртышем, лже-признанием: «Неподвижное и серьёзное лицо Раскольникова преобразилось в одно мгновение, и вдруг он залился опять тем же нервным хохотом, как давеча...» (6; 126). Чрезвычайно важно, что авторский голос погружает читателя в бездны трагического сознания героя, предоставляя читателю возможность сопереживания герою: «И в один миг припомнилось ему <...> когда он стоял за дверью, с топором, запор прыгал, они за дверью ругались и ломились, а ему вдруг захотелось закричать им, ругаться с ними, высунуть им язык, дразнить их, смеяться, хохотать, хохотать, хохотать!» (там же).

Признание – шанс для выхода в живую жизнь, но вместо этого – последний наскок Петрушки («Или? Что “или”? Ну, что? Ну, скажите-ка!» – там же), и безжизненная марионетка повисает в руках кукольника: «После внезапно-го, припадочного взрыва смеха Раскольников стал вдруг задумчив и грустен. Он облокотился на стол и подпёр рукой голову. Казалось, он совершенно забыл про Заметова. Молчание длилось довольно долго» (там же). Но Петрушку ждёт новый выход: «Раскольников <...> вдруг, посмотрев на Заметова, казалось, всё припомнил и как будто встряхнулся: лицо его приняло в ту же минуту первоначальное насмешливое выражение» (там же).

И в следующей сценке – тоже типично площадной – герой-шулер в роли балаганного Понукалы, подзадоривая будущего следователя, подбрасывает ему тему о «фальшивых монетчиках» («Вам поймать? Упрыгаетесь!» – 6; 127), сам выступая сценаристом с детективным сюжетом и режиссёром-постановщиком («Я бы вот как сделал...» – 6; 128). Автор возвращается лишь в момент признания Раскольникова («А что, если это я старуху и Лизавету убил?» – там же), правда отменяет площадку и опять вызывает сострадание к «помешанному». Однако тут же по законам площади оборачивается перевёртышем – теперь Раскольников ловит Заметова: «Попался наконец! Поймали воробушка!» (там же). Игра набирает обороты, Раскольников предъявляет улики и заканчивает комедию весьма карнавально – смесью «французского с нижегородским»: «Assez causé! [Довольно болтать! (франц.)] До свидания... приятнейшего!..» (6; 129, сравним с финалом «Петрушки» – «Моё почтение, до следующего представления!»). Заканчивается сцена по-прежнему двупланово: подробным описанием состояния Раскольникова «от автора» («Лицо его было искривлено, как бы после какого-то припадка» – там же) и абсолютно площадной репликой «от Заметова» («Илья Петрович – болван!» – там же). И в этом финальном аккорде сосуществования голосов автора и площади – доказательство приёма.

Первая попытка признания Раскольникова в форме игры опасна как дявольская режиссура кукольника, передёргивающего ниточки «славного маскарада», чревата дурной бесконечностью и открывает путь к серии дальнейших псевдопризнаний, где народный голос продолжит звучать в обоих ипостасях – серьёзной и игровой.

И в следующей сцене встречи Раскольникова с Разумихиным, с одной стороны, – продолжение важной оппозиции их первого диалога «палач-жертва»,

когда друг мучает Раскольникова, рассказывая о его преступлении, с другой, – сильный резонанс предыдущей встречи Раскольникова с Заметовым с теми же приёмами балаганного подтекста, очередная сценка «Петрушка с другом». Столкновение этих двух пластов создаёт поле напряжения: площадное в репликах Разумихина соседствует с разоблачением убийцы («Говори всю правду! Признавайся! <...> рожа как полотно бледна <...> Дурак!.. Что ты в “Хрустальном дворце” делал?»⁵ – там же) и усугубляет трагическое в точках зрения героя («...я не хочу твоих благодеяний...» – там же) и автора, который уравнивает Лужина и Разумихина как мучителей героя.

Разумихин здесь является выразителем народного голоса не только с этическим приговором герою в подчеркнута просторечной стилистике («...болтунишки и фанфаронишки! Заведётся у вас страданица – вы с ним как курица с яйцом носитесь!» – 6; 130), но и с указанием ему «примкнуть опять к людям»: «Станет стыдно – и воротишься к человеку!» (там же).

Интересно осмыслить причины ритма чередования народного голоса как выразителя религиозно-этического кодекса «почвы», с одной стороны, и «площади», с другой. Площадь уходит, когда нет театра, режиссуры, игры в кошки-мышки и герою не надо убежать и заметать следы.

И вот тогда, как в следующем эпизоде с утопленницей, активизируется «серьёзное» звучание народного голоса. Само отсутствие «почвы» для мёртвого героя здесь значимо и акцентировано многочисленными сигналами: мост без возможности «заземления», подчеркнутая литературность сцены с героем-Мечтателем, которому закат представляется дявольским петербургским видением («...красные круги, дома заходили, прохожие, набережные, экипажи – всё это завертелось и заплясало кругом» – 6; 131) с редкой для Достоевского живописностью – пейзаж в духе романтического, с борьбой света и тьмы, с последним солнечным лучом, бьющим красной точкой пламени в окно мансарды. Эстетика заката в восприятии героя разрушена «диким и безобразным видением» (там же) утопленницы, однако в оптике Раскольникова самоубийство Афросиньюшки выглядит не менее живописным «видением»⁶.

Сцена дана глазами героя, который позже вынесет себе безжалостный приговор – «эстетическая вошь». Отсюда и его бестрепетная реакция на чужую смерть – она лишь повод отказаться от собственного самоубийства потому, что оно некрасиво: «Раскольников смотрел на всё с странным ощущением равнодушия и безучастия. Ему стало противно. “Нет, гадко... вода... не стоит”, – бормотал он про себя» (6; 132). Это «про себя» – не только «невслух», а и в прямом смысле «про него»: в герою «этика» и «эстетика» оппозиционны.

Точка зрения героя-эстета контрастирует с почвенным сознанием «от автора» – огромная толпа «народа» с «работой» по спасению всем миром: народные причитания, плачи и вой, просторечье, даже юмор (чихающая и

⁵ Там Раскольников признавался Заметову в убийстве.

⁶ «Грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву, но через минуту утопленница всплыла, и её тихо понесло вниз по течению, головой и ногами в воде, спиной поверх, со сбившеюся и вспухшею над водой, как подушка, юбкой» (6; 131).

фыркающая самоубийца) подчёркивают пропасть между активной толпой и мёртвым героем.

Самоубийство зрелищно не только для героя, но и для толпы, названной «зрителями»: это реакция подсознательная⁷. Разница в том, что у народа оно вызывает этическую реакцию (спасение), а в Раскольникове – эстетическую (отвращение и брезгливость).

Ещё один смысл «мерещится» в этой сцене: Раскольников, безусловно, режиссирует собственную смерть. Однако не он бросается в воду: Афросиньюшка как будто берёт на себя его поступок, замещая героя собой. Она описана как рок, призрак, его двойник, оказывающийся вплотную, рядом, как бы входящий в его тело, как во сне, в замедленном темпе, с подробными жестами и движениями⁸. В утопленнице-видении, названной «жертвой», чудится не только спасительница героя. Это в подтексте ещё своего рода его «виртуальная», воображаемая жертва. Как и Миколка, которого вытащили из петли из-за Раскольникова: недаром герой слышит, что Афросиньюшка «...удавиться тоже хотела, с верёвки сняли» (там же). Самоубийства обоих метафорически как будто вызваны мыслью героя о собственном конце, он свою смерть проигрывает, но только – не на себе, и в этом знак его вины. «Почва» же с её доминантой на другого в лице Афросиньюшки и Миколки дарует ему жизнь: «Всяк за всякого виноват». И одновременно накладывает на героя обязательство «будущего подвига», эту авторскую позицию формулирует Порфирий: «...может, вас Бог для чего и бережёт» (6; 351).

Итак, если самоубийство, «по Раскольникову», неэстетично, остаётся признание. Однако опять совершенно немотивированно и неожиданно он оказывается «у того дома» (6; 133), где фактически признаётся в убийстве новым малярам. Оппозиционность сторон подчёркнута: они определены как «работники», он – как призрак, привидение со скрещёнными на груди руками, преступник с абсурдным поведением, выдающий себя. Они его очередные жертвы из народа, «оба молодые парня» (там же), двойники предыдущих. Недаром тема их разговора – о женщинах – отсылает к Миколке, которого Петербург и «женский пол» (6; 347) испортили, и сигналист о беспочвенности Петербурга с точки зрения народного сознания: «И чего-чего в ефтом Питере нет! <...> окромя отца-матери, всё есть!» (6; 133).

Здесь стратегия Раскольникова – как в признании Заметову: он водит маляров за нос, та же игра и провокация, чтоб в участок свели, раз сам не может, перекладывает это на них. И вроде бы герой достигает цели: рефрен народного голоса в этой сцене – «в полицию!». Однако и в этом Раскольникову народом отказано категорически: «Нечего связываться!» (6; 135). В такой непримиримости нравственной позиции – указание герою: он должен сам сделать это.

⁷ Ср. с описанием пожара в «Бесах» как зрелища, не только вселяющего ужас, но и вселяющего душу.

⁸ Именно в стилистике сюрреалистического «видения» предстает эта сцена в начале фильма режиссёра А. Сокурова «Тихие страницы» по Достоевскому и Бунину: стоны, всхлипывания, падающие с мостов в воду фигуры, всплески воды, звуки дождя лишают её петербургского антуража, превращая в метафору смерти.

Почвенное сознание фиксирует в герое нарушение морального закона на уровне нелогическом, а чувственном, интуитивном: «Чудён человек!» (там же). Поэтому и реакция работников – абсолютное непонимание героя («Вам чего-с? <...> Да что те надо? Кто таков?» – 6; 134)⁹, переходящее в активное его отвержение колоритным хором простолюдинов («Выжига!» – 6; 135, по Далю – «ухорез, пройдоха, опытный и бывалый мошенник», он им уши режет своими недомолвками, тема топора, убийства) до физической расправы и изгнания в стилистике площади – с тумачами, затрещинами, ругательствами: «Пшол! <...> Пшол!» И, схватив за плечо Раскольникова, он (дворник. – Н. Ч.) бросил его на улицу. Тот кувыркнулся было, но не упал, выправился, молча посмотрел на всех зрителей и пошёл далее» (там же). Это уникальный случай, когда Раскольников – «необыкновенный», по его терминологии – здесь в амплуа циркача, жалок и смешон, и в его развенчании – заслуга народа.

В ракурсе религиозно-этического кодекса «почвы» в изгнании Раскольникова огромным мужиком «...в армяке нараспашку и с ключами за поясом» «под воротами» (там же) может почудиться и литературный след (Пугачев), и архетипический (апостол Пётр). Возможно, подсознательно здесь возникнет тень другого Петра. Оппозицией «почва» и «Петербург» автор акцентирует глухоту героя вопреки указанию народного голоса: «Так идти, что ли, или нет», – думал Раскольников <...> Но ничто не отозвалось ниоткуда; всё было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал...» (там же), сравним с началом сцены: «Сердце его было пусто и глухо <...> ни следа давешней энергии, когда он из дому вышел, с тем “чтобы всё кончить!”» (6; 132). Такая ритмическая закольцованность сцены сигналист о безвыходности петровского пространства для героя, обречённого на вечное движение в дурном замкнутом круге.

Площадной пинок выносит героя на перекрёсток, в амбивалентности хронотопа¹⁰ которого – опять «народная» подсказка исхода герою, так и не дошедшему до полиции, теперь из-за смерти Мармеладова, в подтексте – его очередной виртуальной жертвы после Афросиньюшки.

Ассоциация с утопленницей (кстати, тоже пьяницей, «до чёртиков допила» – 6; 132) вряд ли случайна: самоубийство Мармеладова рядом с тем же мостом. Оно третье по счёту в «арифметике» Раскольникова: Миколка в петле, Афросиньюшка в канаве, теперь – «раздавленный» (так названа жертва), как «вошь», Мармеладов. Дьявольское «qui pro quo», подмена, замещение Раскольникова другими, уходящее в бесконечность, зловещая «арифметика» его теории.

⁹ В спектакле режиссёра Камы Гинкаса взаимное непонимание доведено до абсурда: Раскольникова играет швед, не говорящий по-русски и отвечающий малярам по-шведски, к тому же диалог происходит за стеклянной стеной, разделяющей обе стороны. Это очень точная метафора пропасти между Раскольниковым и народом.

¹⁰ О символике хронотопа «перекрёстка» в романе как места рокового и нечистого и одновременно связанного с понятием «мать-сыра земля» в дохристианских народных представлениях, а также как креста в христианском «Сонином» контексте см.: Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». С. 340–341.

Ирреальность такого подтекста всего лишь в сознании рефлексирующего героя и, может быть, внимательного читателя подчёркнута параллелизмом сцен с Афросиньюшкой и Мармеладовым: общее не только место, но и время действия, оппозиция «герой-толпа», тема рока, судьбы, литературная архаика, эстетизация, живописность в предуготовлении ужасного («...в сгущавшейся темноте, различил он толпу, говор, крики... Среди толпы стоял какой-то экипаж...» – 6; 135), даже тревожный огонёк во тьме ассоциируется с ударом последнего солнечного луча в зловещем «петербургском видении» с бабой.

В реальности же именно в связи с самоубийством Мармеладова мёртвый герой как будто просыпается от вечной рефлексии, впервые после преступления вроде бы начинает ощущать «живую жизнь»: в отличие от сцены с бабой он – внутри толпы, деятельный и действующий, несущий Мармеладова на руках, как родной отец, забывший даже об опасности, когда даёт полиции свой адрес.

Однако он болезненно динамичен, слишком активен до суетливости (рефрен «Я заплачу, я поблагодарю» – 6; 138, в подтексте – «за чужую смерть вместо моей»), с преувеличенно навязчивым предложением в такой трагической сцене именно материальной помощи всем, не только жене, врачу: «Он вытащил из кармана деньги и показывал их полицейскому <...> успел сунуть не приметно в руку» (6; 136–138). В виду смерти другого он не теряет способности аналитических оценок: «Раскольников скоро заметил, что эта женщина («Катерина Ивановна. – Н. Ч.) не из тех, которые тотчас же падают в обмороки» (6; 139). Такой подтекст поведения героя заставляет заподозрить его в невозможности искреннего переживания подлинной трагедии конца чужого существования.

Отсюда и эстетизация, как и в сцене с Афросиньюшкой: своеобразная живописность и многоцветность зрелища смерти, зафиксированные не одной только точкой зрения героя (желтовато-чёрное пятно на сердце от копыта, кровь, Соня в цветном наряде и с огненным пером), но и «публикой», «зрителями», «глазеющими на спектакль» смерти.

Смерть другого позволяет Раскольникову пережить космический восторг от «...нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни» (6; 146). Однако подсознательно приятие дарованной жизни вызывает у героя ещё и другую «маленькую» радость, недаром именно в этом эпизоде – потрясающее по правде авторское отступление о странном внутреннем ощущением довольства, «...которое всегда замечается, даже в самых близких людях, при внезапном несчастье с их ближним, и от которого не избавлен ни один человек, без исключения, несмотря даже на самое искреннее чувство сожаления и участия» (6; 140 – 141).

Это не значит, что выявленный второй план сцены, который, однако, нельзя не учитывать в данности текста, отрицает главный первостепенный её смысл: помощь Раскольникова Мармеладову. Функция подтекста здесь в акцентировании подсознательного стремления героя как будто метафорически «откупиться» за дарованную ему в очередной раз жизнь и усугубить вину непризнавшего героя за очередную виртуальную жертву. Этот «рас-

кольниковский» подтекст контрастирует с точкой зрения автора, обнажающей подлинный трагизм сцены смерти Мармеладова – одной из тех сцен великой литературы, которые пронзают сердца, по определению героя Достоевского Версилова.

Во всех сценах второй части убийца – в окружении полицейских и может сдаться «напрямую», но он всякий раз этого не делает, а идёт в контору и никогда не доходит. И в следующей встрече с Никодимом Фомичом Раскольникову выслан «почвой» «добрый» полицейский, которому он отвечает очередным псевдопризнанием с уже известными приёмами площади – смех, игра в «кошки-мышки» смыслами текста и подтекста: на реплику полицейского «А как вы, однако ж, кровью замочились (Мармеладова. – Н. Ч.)» (6; 145) преступник-эстет «с каким-то особенным видом», с пафосом «титанического» героя победоносно и одновременно издевательски признаётся: «...я весь в крови!» (там же).

Здесь и продолжение пульсации раскольниковского подтекста из сцены с Мармеладовым – невозможность осознания героем подлинной трагедии смерти («Умер <...> Был доктор, был священник, всё в порядке» – там же), с подчёркнутой опять реакцией эстетической: повторяющаяся деталь – теперь фонарь, высвечивающий свежие пятна крови.

Во встрече Раскольникова с Полечкой – уже знакомые приёмы выстраивания сцены: мотив рока, ирреальности происходящего («Кто-то догонял его» – 6; 146), сквозной сигнал («Тусклый свет проходил со двора» – там же). Здесь встречаются две важнейшие составляющие «почвы» – «любовь» и «вера».

В отношении народного голоса девочка «...с какою-то особенною твердостью» и с абсурдной улыбкой, ставшей «вдруг серьезнее» (там же) – двойник Сони, ещё и символически высланная для поддержки героя: «А меня прислала сестрица Соня...» (там же). Полечке, как эхо, по-народному вторит Раскольников, называя Соню «сестрицей». Отрезанный от собственных матери и сестры, он принят в семью Мармеладовых, что подтверждает девочка: «Меня и мамаша тоже прислала» (там же).

Вся сцена – разговор о любви, хор голосов семьи Мармеладовых, где каждый перечислен поимённо: «– Любите вы сестрицу Соню? – Я её больше всех люблю! <...> – А меня любить будете? <...> – А папаша вас любил? – Он Лидочку больше всех нас любил <...> а нас он читать учил <...> а мамочка ничего не говорила, а только мы знали, что она это любит, и папочка знал...» (6; 146–147). А ещё – о молитве, и тоже за всех, включая «...нашего другого папашу, потому что наш старший папаша уже умер, а этот ведь нам другой, а мы и об том тоже молимся» (6; 147).

Важнейшая составляющая «почвы» – память, и это подлинные, в отличие от скандальных в реальности, народные поминки по обоим «папашам», воскрешённым любовью и молитвой. И одновременно пророчество исхода главных героев в эпилоге: «Их воскресила любовь».

Страстная просьба героя принять его в «род» людской молитвой за «раба Родиона» (там же) к ребёнку как воплощению невинности приводит к катарсису

с поцелуем, объятьями, плачем и смехом: он «...с каким-то счастьем глядел на неё» (6; 146), она – «...в совершенном от него восторге» (6; 147).

Однако в требовании молитвы от Полечки (ей 9 – 10 лет) угадывается очередная жертва героя, опять ребёнка – как в «мальчишках» Миколке, Заметове, как в Соне с её детскостью, на которую Раскольников взваливает свою ношу: «Пойдём вместе <...> Я тебя выбрал» (6; 252 – 253). Вот почему «через пять минут» сам герой смехом дезавуирует просьбу к ребёнку о молитве – «на всякий случай!» (6; 147), называя её «мальчишеской выходкой», он жонглирует сакральным как предметом детской игры. И теперь Полечка с семьёй будет молиться за очередного третьего «папашу», Раскольникова, заместившего предыдущих, не подозревая, что он убийца.

Недаром уже в который раз опять «... на мосту, ровно на том самом месте...» (там же), где произошло самоубийство бабы и Мармеладова, герой, готовый к борьбе, «решительно и торжественно» обратится ко всем своим виртуальным жертвам: «Довольно! <...> прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!..» (там же).

Отмена катарсиса в сцене о молитве – сигнал обречённости героя: «Есть жизнь! <...> Не умерла ещё моя жизнь ...» (там же). Однако «моя жизнь» Раскольникова – это оппозиция «почве», к которой направляет его народный голос, и вызов Творцу в создании новой этики: «Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы <...> Померяемся теперь! – прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то тёмной силе и вызывая её» (там же). Авторский голос разоблачает героя: «Может быть, он слишком поспешил заключением, но он об этом не думал <...> Он был в превосходнейшем расположении духа» (там же).

Отказ от исхода приводит заблудившегося между полицией и самоубийством героя на новоселье к Разумихину – метафора «живой жизни», от которой он символически отрезан опять хронотопом порога: «Войти же я не могу» (6; 148).

Герой – в маске, и народный голос тут же сигнализирует площадью, где Раскольников «Петрушку валяет», водит за нос всех персонажей народной комедии: друга (пьяный Разумихин, Заметов – «...мальчишка теперь убит <...> Ты ведь <...> язык ему выставил: “На, дескать, что, взял!”» – 6; 149), «доктора» (Зосимов перекалфицирован героем из хирурга в психиатра – «...у него какая-то есть своя идея <...> на душевных болезнях помешался» – там же), полицейского (Порох), «фатального» (Порфирий). Здесь – гул балагана («брякнул», «болтать», «наплевать», «А только ты плюнь...») с ругательствами («дураки», «...чёрт с ними со всеми!»), драками, потасовками («...я бы там подрался...», «Я тогда Заметова немного поколотил...») (6; 148 – 149).

Метафизический же подтекст сцены в том, что перед так и не побывавшим на новоселье Раскольниковым предстаёт вереница его очередных жертв, которых он наплодил своим враньём, ведь именно здесь звучит приговор друга герою («Ты представить себе не можешь, до какой степени может изовратиться наконец человек!» – 6; 148) и парадоксальная разумихинская ода вранью. По-

этому игровой подтекст отменяется очередной попыткой признания, отдающей литературщиной и профанирующей самим героем: «... я сейчас у мёртвого был <...> меня целовало сейчас одно существо, которое, если б я и убил кого-нибудь, тоже бы... одним словом, я там видел ещё другое одно существо... с огненным пером... а впрочем, я завираюсь...» (6; 149 – 150). Как всегда, эстетика одерживает верх над этикой, о чём свидетельствует проступающий в Раскольникове ореол романтических героев со вселенской грустью («...мне так грустно, так грустно!..» – 6; 150), а также сквозной сигнал к смене игровой стилистики сцены на трагическую – на этот раз «свет в щели» из каморки Раскольникова, уверенного, что у него полиция, и, наконец, очередная уловка – патетическое прощание с другом вместо признания. Эстетизм эффектной развязки (ещё один шанс признаться любящим родным вместо полиции оборачивается обмороком героя) отменяется авторским приговором Раскольникову («... он стоял как мёртвый!..» – там же) и усугубляется сакральным подтекстом (мать и сестра с «крестной мукой» – там же, друг как «провидение» – 6; 151).

Опыт медленного чтения актуален для выявления не первого главного смысла, а именно подтекста и привлекает тем, что мешает выстраиванию стройной концепции: предыдущее вступает в противоречие со следующим, сдвигает реальность текста, подтекст вступает в противоречия с основным смыслом, нестыковки смыслов будоражат, интерпретации множественны и т. д. Это связано прежде всего с уникальным даже для такого писателя, как Достоевский, рефлексивным сознанием главного героя, меняющегося каждое мгновение: «...уже в следующую минуту это становился не тот человек, что был в предыдущую» (6; 147). Увлечательный процесс по скрупулёзному исследованию текста приводит к одному несомненному выводу: нельзя отмахиваться ни от одной художественной мелочи, жертвовать ни одной частностью, любой элемент художественного целого достоин учёта и осмысления, даже если в нём что-то всего лишь «мерещится». Надо пытаться не привести все нестыковки и сложности прочтения великого текста к общему и единственному знаменателю, а иметь в виду, что из этого и складывается определяющая черта стиля Достоевского.

Первый выход Раскольникова «в народ» – лишь начало хождения петербургской души «гениального студента», по выражению Вяч. Иванова¹¹, по мытарствам. С этого момента народное сознание ведёт героя, оторвавшегося от почвы, как поводырь слепого, готовя к поиску исхода по нравственному постулату «почвы». И где как не в том отрывке, который был проанализирован выше, происходит, по сути дела, едва ли не первый «тектонический сдвиг» романа: Раскольников, впервые обратившись к людям, пока не зная того сам, делает – ещё бессознательный – шаг к воскрешению.

Дальше народное сознание будет постоянно пульсировать в вынесении приговора герою, демонстрируя разнообразный спектр реакций – от равнодушия, высокомерия, презрения и полного отвержения до сочувствия

¹¹ Иванов Вяч. Эссе, статьи, переводы. Брюссель, 1985. С. 50.

«несчастному» или осмеянию его, как, например, в кульминационной сцене неудавшегося покаяния Раскольникова на Сенной, где мерещится балаган-ный слой с шуточками с обеих сторон: народный смех перечёркивает религиозный жест героя, целующего землю, фиксируя неготовность к высокому акту героя хихикающего («...я за твоими крестами Соня! <...> Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе-хе!» – б; 403).

Народная реакция и оценка героя – не только в сценах с персонажами из народа, от создающих фон (Настасья) или в «солистах» хора (мещанин) до Миколки, активно или незримо присутствующего в сознании героев.

Характерно, что в каждом герое не из народа «веер» кодекса «почвы» акцентирован и проявлен: Мармеладов (исповедь), Катерина Ивановна («справедливости ищет»), Разумихин в паре с Заметовым, спасающий Миколку, а в паре с Дуней отправленный автором в Сибирь, где «почва здоровее», для поддержки Раскольникова с Соней, Лебезятников, оправданный дружбой с Соней и разоблачением Лужина.

Но особенно важен голос народа в трёх встречах героя с тремя главными персонажами (сама цифра сигнализирует о народном слое): в первую очередь с главным оппонентом Раскольникова – Соней, в которой органически сольются этическое и религиозное начала «почвы». Но что более интересно в трагических двойниках героя – следователе-христианине Порфирии, пророке и спасителе Раскольникова, который окажется в поле напряжения между героем и Миколкой («Я этого Миколку полюбил»), и в истинно русском помещике Свидригайлове, одновременно разрушителе деревенской Аркадии: великая тоска по идеалу превращает их тоже в оппонентов главного героя именно благодаря присутствию в них голоса «почвы».

Т. П. Баталова, Г. В. Федянова

РОМАН «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»: РАСКОЛЬНИКОВ И НАРОД. КРУГ ПЕРВЫЙ

В данной статье анализируется сюжетная линия «Раскольников и народ» романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Делается вывод об эволюции этих образов. Отмечается душевный перелом героя, приведший его к согласию с православным мировосприятием и к раскаянию.

Ключевые слова. Достоевский, роман, герой, сюжет, народ, мотив.

Сюжет романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) определён уже заглавием. Заложенный в заглавии контраст проявляется во всех сюжетных линиях, в том числе – «Раскольников и народ». Эта линия функционирует как сквозная. Явно или скрыто она связана с большинством эпизодов и сопутствует эволюции героя с первой и до последней страницы романа. В главном герое читатель видит и безумного преступника- мизантропа, и одновременно альтруиста и бесребреника. Оппозиционный ему образ народа также контрастен. Это особенно заметно по сопоставлению первых романских сближений героя с окружающими его людьми и каторжников из эпилога.

Народ – образ динамический: укрупняющийся, многоликий. В одних эпизодах он персонифицируется, в других выступает как коллегиальный. С самого начала романа *народу* придана функция оценки. Уже первый круг (от каморки, где живёт главный герой, до той же самой каморки, с главными фабульными событиями: посещение процентщицы – трактирная исповедь Мармеладова – жилище Мармеладовых) вводит мотив психологической отчуждённости Раскольникова от населения Сенной. Неприятие взаимно. Омерзение Раскольникова связано с реалиями Сенной: грязь, «особенная летняя вонь», душливый запах многочисленных распивочных неотделимы не только от усиливающей их «страшной жары», но и от привычного быта населения.

Хождение Раскольникова от «каморки» до «каморки» создаёт иллюзию ограниченного замкнутого пространства, деформированных кругов, соответствующих замкнутости и деформированности сознания героя, его подчинённости «этому» – «безобразной мечте» и созданию плана осуществления «дела». В первом круге сознание героя во власти зла: он идёт делать «пробу». «Замирание сердца» и «нервная дрожь» не останавливают его. Но одновременно после заклада часов его же сознание нелицеприятно оценивает происходящее: «О Боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я, нет, это вздор, это нелепость! – прибавил он решительно. – И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, моё сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...» (б; 10).

Здесь «О Боже!» воспринимается не просто как дань риторической традиции устной речи, но как знак свыше, как попытка некой спасительной силы отместить безбожный фантом преступной идеи. Вписанность судьбы героя в жизнь города подчёркнута с первой страницы. Интровертность Раскольникова, который «уединился от всех» (6; 5), не может полностью вытеснить из его сознания реалии, связанные с «хозяйкой», «прислугой», то есть мира людей, где сам он должен «проскользнуть кошкой», чтобы не встретил его «никто» (6; 6). «Всеведущий автор» показывает, как в сознании героя происходит принижение: его вынужденное поведение оценивается через зооморфный образ – «кошкой», а реально окружающие его люди, встречи с которыми нежелательны, – некое «никто». Таково романное первое представление *народа* через поведение героя. Далее это противостояние с «никто» продолжается. Длительное время абстракция «никто» скрыто присутствует в первых городских сценах: безликость «толкотни», подразумевающей множество людей, и «пьяные». Обобщённый образ «пьяные» воспринимается как принижение личностных качеств, так и их отсутствие. В то же время «пьяные» как бы выделены из более обширного образа – «толкотни», но одновременно и неотделимы от этого свидетельства скученности.

Первое размышление о «людях» Раскольниковым не персонифицируется, не относится к социальным явлениям, реальным событиям. «Люди» для него – объект исследования, нужный для анализа собственного противоречивого сознания. «Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова...» (6; 6). Здесь сознание героя ещё на перепутье. «Это» (ещё не расшифрованное автором преступное намерение героя) пока что для Раскольникова «совсем не серьёзно», «игрушки» «ради фантазии» (там же). Встреченных людей и Раскольникова объединяет их обездоленность. Поэтому Раскольников не смущается своего костюма, превратившегося в «лохмотья»: «Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой» (там же). Но пьяный кураж мужика «в огромной телеге»: «Эй ты, немецкий шляпник!» (6; 7) – подсказывает, что и Раскольников, казалось бы, столь незаметный здесь в своём костюме, чужд этим людям. Тема «Раскольников и *народ*» приобретает здесь свою определённую форму. Через кажущуюся случайность – шляпу – проявилась закономерность: отверженность Раскольникова по отношению ко «всем этим людям», несмотря на равенство в лохмотьях. Этот эпизод, отодвигаемый фабульно более значимыми событиями, в конечном счёте будет резонировать и в эпилоге.

Посещение дома процентщицы как бы уточняет портрет *народа*. Дом, состоящий из мелких квартир, неотделим от их обитателей, которые обретают в тексте свой социальный статус: «промышленники» Сенной – это «портные», «кухарки», «слесаря», «разные немцы», «девицы», «мелкие чиновники». Образ дополняется упоминанием о трёх или четырёх дворниках и солдатах-носильщиках. Постоянное и ситуативное, длительное и кратковременное здесь

как бы смешиваются, создавая картину привычной суеты: «входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома» (там же). Жизнь дома, подъезда как бы увенчана квартирой процентщицы. Смысловый ряд «промышленников» и прочих «шмыгающих» линейен. Но в этой простоте перечисления заложен уже определённый подтекст, связанный с судьбой главных героев. Судьба обитателей дома в отдельных случаях может стать благополучной. В дальнейшем не случайно упоминается о том, что Мармеладовы живут в доме Козеля – богатого немца-слесаря; этот персонаж не актуализируется, но своим положением – владелец доходного дома – подсказывает, что и биография жильцов дома процентщицы может быть вполне благополучной. Открывающий этот перечень жильцов род занятий – портные – ассоциируется в какой-то степени с занятием шитьём Сонечки до «жёлтого билета». Это подчёркивает типичность, а также неопределённость судеб женщин Сенной, возможно, начинавших трудовую жизнь с честно заработанных пятнадцати копеек в день и дошедших до жизни «девиц». Население дома процентщицы безлико для Раскольникова, т.к. для него важно отсутствие свидетелей. Он «неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу» (там же). Здесь повторяется и характеристика поведения героя – «проскользнул», и подобие места действия – «лестница», напоминая то, как он «улизнул» от своей «кредиторши» – хозяйки. В отличие от людей, ненужных Раскольникову, среда их обитания ему «нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен» (там же). В отличие от него процентщица, «жилица» четвёртого этажа, проявившая «видимое недоверие», «ободрилась», «увидев на площадке много народу» (6; 8). Итак, здесь впервые в тексте появляется слово *народ*. *Народ* ситуативно противостоит Раскольникову. Процентщица понимает, что *народ* – гарантия её безопасности. Именно в этом эпизоде «пробы» закладывается важнейшая черта взаимоотношений Раскольникова с *народом*, подтверждаемая последующими событиями: неприятие *народом* его преступления. Позднее этот мотив развивается в сцене посещения места убийства Раскольниковым, породившей своеобразное народное следствие, которое заканчивается подозрением мещанина-скорняка и – позднее – его обвинением: «убивец» (6; 209).

Слово-образ *народ* появится и в сцене «дикого и безобразного видения» на канаве (6; 131 – 132). Одна из представительниц *народа* – Афросинюшка – «наша», «мещаночка»; читатель может достроить биографию несчастной женщины, возможно, напоминающую судьбу Сонечки. Не случайно «канавка» как исход судьбы Сони будет позднее появляться в размышлениях Раскольникова. При перечислении населения дома процентщицы появляется ещё один штрих к этому общему портрету: «и проч.». Это авторское сокращение слова в подтексте через фонему коррелируется с наречием «прочь», как бы подчёркивая отчуждённость Раскольникова от этих людей, что усиливается сценами в распивочной. Смысловые перекрёстки лексем «люди», «толпа», «общество», «наша», «люди» обнаруживают разнообразие точек зрения на *народ*.

«Распивочная» также насыщена встречами с теми, кто, несомненно, входит в обширную социальную категорию *народ*. Но здесь впервые Раскольников

стремится увидеть «людей». «Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям, что-то совершалось в нём как бы новое, и вместе с тем ощущалась какая-то жажда людей» (6; 11). Объясняется это психологическим состоянием героя: «Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было...» (там же). Хозяин, прислуживающие мальчишки-подростки, пьяная ватага с «одною девкой и гармонией» (там же), хмельные мещане составляют непривлекательный портрет характерного общества Сенной. Каждая деталь здесь не просто многозначна, но обращена к опыту и самостоятельности выводов читателя. Казалось бы, совершенно случайны немного хмельной мещанин и его «товарищ», «толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищёлкивать пальцами, расставив руки врозь и подпрыгивать верхнею частью корпуса, не вставая с лавки» (там же). При этом посетитель «подпевал какую-то ерунду». Эта фигура не только передаёт местный колорит Сенной. Его «сибирка» наводит на определённые размышления. В жару, пьяный, он одет несообразно ситуации. Как бы выстраивается определённая смысловая цепочка. «Сибирка» – утеплённая одежда. Возможно, под ней нет ничего другого, а её сохранение может подсказывать длительный путь, возможно, в несколько месяцев, когда она спасала от холода. Это могло произойти с беглым каторжником, тем более что персонаж этот счастлив оттого, что может вздремнуть на лавке в распивочной. А его нелепые песни с временным ориентиром «целый год» могут восприниматься как подсознательное выражение каких-то длительных мытарств. Случайная встреча героя с «сибиркой», которая далее сюжетно не развивается, символична. Неприязнь молчаливого товарища «сибирки», смотревшего «на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью» (там же), может объясняться своеобразной осмотрительностью: пьяный кутёж «сибирки» может привлечь внимание стражей порядка. Здесь в читательском воображении как бы достраивается версия судьбы человека, переступившего какую-то грань, черту законности. В подсознании читателя «сибирка» – перспективный образ, экстраполированный на возможную будущность героя.

Яркость этой сценки как бы оставляет в тени появление одной из важнейших сюжетных линий: «Был тут и ещё один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и посматривая кругом» (там же). Драма этого человека здесь подчёркнута только уменьшительной формой слова «посудина». Вкрапление звука «к» создаёт ощущение неустойчивости, жалкости и как бы соответствует его душевному состоянию: «Он был тоже как будто в некотором волнении» (там же). Итак, в этом «другом» для себя мире Раскольников вновь чужд и одинок. Он почти инстинктивно выделяет среди присутствующих и противопоставляет всем им этого «чиновника», в котором впервые увидел «человека». Но и Мармеладов сразу же выделил Раскольникова среди присутствующих, легко

угадав в нём способность к «приличному» разговору. Здесь начинается казус Мармеладова, его загадка. С одной стороны, он относится к образованному обществу, которое с петровских времён противопоставлялось народу. С другой стороны, он живёт среди этого народа, явно далёкого от образованности. Его путь на дно проложен через душевную трагедию. Эгоизм Катерины Ивановны губит и Мармеладова, и его дочь. С первого момента встречи Раскольникова с несчастным чиновником и до его гибели остаётся ощущение двойственности, пребывания Мармеладова как бы в двух социальных мирах. Сознавая себя преступным по отношению к семье, «прирождённым скотом» (6; 15), (хотя в этом образном определении слышится рефлексия оценок, даваемых Катериной Ивановной), он точно выделяет Раскольникова, интуитивно почувствовав его несходство с другими посетителями. И хотя его рассказ уже слышан многократно хозяином и прислугой, но, обращённый к Раскольникову, он не утрачивает своей трагичности. Может быть, этот рассказ впервые правильно понят в своей безысходности. Для хозяина Мармеладов «забавник». Его падение с социальной лестницы вызывает «смех и ругательства». Его взывания к Господу и надежда на прощение «образа звериного и печати его» лишь на минуту вызвали молчание посетителей распивочной, «но вскоре раздался прежний смех и ругательства: « – Рассудил! – Заврался! – Чиновник! – И проч., и проч.» (6; 21). Возвращение к этому сокращению соответствует побуждению Мармеладова: «Пойдёмте, сударь, <...> доведите меня...» (там же). Реальные «пьяные», встреченные Раскольниковым, через исповедь Мармеладова получают как бы новый статус. Сам Господь «возглаголет»: «Выходите, скажет, и вы! Выходите, пьяненькие, выходите, слабенькие, выходите, соромники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем» (там же). Через пафос его признаний проблема пьянства приобретает внесловный характер.

Выделяются особенности литературного проретирования. Так, во внешности хозяина «распивочной» акцентируются детали, лишённые психологической нагрузки. Первое, что «видят» читатели, – это спускающиеся сверху сапоги с красными отворотами, засаленная одежда и затем уже – лицо, которое «как будто смазано маслом, точно железный замок» (6; 12). В отличие от «прочих» Мармеладов наделён подробным описанием внешности. Неприязнь к «оттенкам» «высокомерного пренебрежения» (там же) к другим посетителям. Возникает своеобразная связь страдающего лица и оборванного фрака с единственной висящей пуговицей. В перечне обитателей дома процентщицы мелкое чиновничество названо последним. В этом заложено предвосхищение места Мармеладова в ареале Сенной. Достоевский приблизил читателя к проблеме люмпенизации, истоки которой могут быть разнообразны. «Его превосходительство Иван Афанасьевич» покровительствует Мармеладову, берёт «ещё раз на личную свою ответственность» (6; 18). Попутно отметим, что этот неактуализированный образ чиновника-генерала позднее утратит свои идиллические черты, но это произойдёт под воздействием поведения обезумевшей несчастной женщины и завершится швырянием «чем-то» в него в чужом доме во время приёма (6; 325). Проявление алкоголизма

Мармеладова в первых сценах было спровоцировано Катериной Ивановной. Её положительные эмоции были равны унижению и оскорблению. Рассказывая об этом «Мармеладов остановился, хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал. Он, впрочем, удержался» (6; 19). Эти невыплаканные слёзы подсказывают о его пути вниз по социальной лестнице. Катерина Ивановна не властна в своих чувствах. Только трагическое «некуда» толкнуло её на второй брак. Но отсутствие душевного тепла и хотя бы малейшей благодарности за жертву Мармеладова несёт гибель всему семейству. Не случайно в сцене возвращения Мармеладова именно в проходной комнате, занимаемой его семьёй, завершается портрет мелкого городского люда: «протягивались наглые смеющиеся головы с папиросками и трубками, в ермолках...» (6; 24). «Ермолки» и «халаты» свидетельствуют о некоторых претензиях и, возможно, некотором недостатке обитателей, что позднее проявится в сценах, где читатель встретит Лебезятникова, благополучного Лужина и странную публику поминок. Завершает этот групповой портрет госпожа Липпехель: нищета семьи чиновника и вульгарность сцены в комнате Мармеладовых сливаются воедино.

Итак, в этом первом круге движения героя к преступлению *народ* появляется, главным образом, как совокупный фоновый образ, как литературный стаффаж, без которого, однако, невозможно представить картину жизни «серединых улиц» и душевный настрой главного героя. Восприятие читателя подготавливается к появлению индивидуализированных образов, представляющих оппозиционность *народа* и Раскольникова. Герою предоставляется возможность дать свою оценку виденной им простонародной стихии. Позднее, в круге втором, сон на Петровском острове, в котором *народ* предстаёт в своей жестокости, отторженности от святынь, от храма, возвращает Раскольникова к миру добра, дарует ему на несколько часов чувство свободы, снова утраченное после письма матери. Идёт диалог принципов. Раскольников не принимает грубости и жестокости народной стихии. Но и Раскольникову бросается упрёк: «<...> а ты что, умник, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать? Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?» (6; 26). Отношение говорящей это Настасьи сочетает и неприязнь, и сочувствие, и милосердие. Уже от себя служанка приносит ему чай в своём «надтреснутом» чайнике. Эта доброта подчёркивается убожеством её быта: «спитый чай» и «два жёлтых кусочка сахару» (там же). Подобный упрёк в бездействии делает и Мармеладову хозяйин распивочной, что дополняется прямолинейным суждением окружающих: «Да чего тебя жалеть-то?» (6; 20). Но первое упоминание в тексте *народа* повторится через индивидуализированные образы, среди которых в сценах следствия особо выделяются Николай Дементьев и мещанин-скорняк. Первый из них способен на жестокое самоосуждение, второй – на открытое нравственное неприятие преступления. Обобщённый образ низов, обещанные Порфирием Петровичем «иностранцы», превратятся в каторжных эпилога.

Завершающий свой первый круг Раскольников, ещё не преступник, но уже злоумышленник, после исповеди Мармеладова приходит к выводу:

«Ко всему-то подлец-человек привыкает!» (6; 25). Виденное и слышанное героем толкает к выводу о несовершенстве всего рода человеческого и к мысли, «что остальное всё – предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..» (там же).

Взгляд на *народ* Раскольникова, мечтавшего облагодетельствовать человечество, противоположен душевному настрою Сони. Никого не обвиняя в своём горе, она видит в *народе* часть великого целого; посылая Раскольникова на перекрёсток, Соня уравнивает его вину и перед людьми, и перед землёй. Казалось бы, этот мир не принял раскаяния, но раскаяния и не было. Было безмерное страдание, исток *наказания*, конфликт демонической идеи и искренности натуры. Но, вырастая, это *наказание* дало ему силы прийти через девять месяцев каторги (6; 410) к обретению раскаяния. Можно отметить переключку числа «девять» с надеждой матери на возвращение сына: «именно через девять месяцев надо ожидать его» (6; 414). Это число значимо в связи с «воскрешением из мёртвых» героя. По народным представлениям, Фомина неделя – особая: считается, что это время заключения браков, угодных Небу. Сцена у ног Сони и воспринимается как такой духовный акт брака, благословлённого на небесах. Скрытый мотив угодности Богу и означает пришедшее к нему раскаяние. Отметим, что, избегая какой-либо дидактики, Достоевский вводит христианский мотив любви: «Их воскресила любовь» (6; 421). В последних сценах эпилога происходит своеобразное перерождение и героя, и его антагонистов – каторжных. Раскольников увидел в них людей с достоинствами, умом, своими принципами, чувством природы, с жаждой свободы, почтением к православным святыням. Ещё недавно едва не убившие Раскольникова каторжные способны изменить своё отношение, заметив его душевное перерождение. Каторжные, которые были, как он знал, намного преступнее его, теперь ему «отвечали ласково». Любовь к Соне, освобождённая от вспышек ненависти, приятие своего каторжного состояния и новый взгляд на товарищей по заключению свидетельствуют, что герой пережил своеобразный катарсис. Таким образом, мучительное изживание «наполеоновской идеи» в корне меняет его отношение к *народу*, и вместе с тем ему самому даровано – «воскресение в новую жизнь» (там же).

Рёити Томарино

ОБРАЗ НАРОДА В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ДИАЛОГЕ МЕЖДУ РАСКОЛЬНИКОВЫМ И ПОРФИРИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ

В произведениях Достоевского понятие народ имеет два аспекта: нежность и зверская невежественность. В статье анализируется образ Миколки в диалоге между Раскольниковым и Порфирием Петровичем в романе «Преступление и наказание». Мы узнаём, что герой Достоевского трактует Миколку как отрицательный персонаж. Это значит, что Миколка является зеркально противоположным образом Раскольникова, как Голядкин-младший в романе «Двойник» к Голядкину-старшему.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», народ, двойник, диалог.

Сначала мы коротко рассмотрим образ народа. Например, Григорий Померанц замечает следующее в своей беседе: «Вот возвращаются, допустим, крестьянки с рынка. У них гораздо более простые и, кажется, не настроенные на то, чтобы “казаться”, лица. Они совершенно естественно, просто держатся: достают булку, начинают её жевать и так далее»¹. Померанц говорит о простоте народа. В то же время Владимир Кантор пишет в своей статье следующее: «А народ не только слаб, но и подл, он готов сжечь Христа по приказу Великого инквизитора, даже уже зная (в отличие от евангельских иудеев), что перед ним и вправду Сын Божий»². Кантор, таким образом, подчёркивает отрицательные стороны народа, который показывает Достоевский в романе «Братья Карамазовы».

В журнале «Отечественные записки» 1863 года помещена статья «О русском народе», в которой освещаются отрицательные и положительные черты русского народа. Приведём несколько отрывков из этой статьи: «Легенда говорит, что предок медведей был русский мужик, которого лесной дух полюбил за его прямоту и одарил сперва деньгами, потом сделал старостой, потом пожаловал в генералы, наконец произвёл в цари, но мужик и особенно его баба, всё ещё не довольствуясь своим положением, пожелали сделаться: он – богом, а она – богородицею. Дух, наконец, не выдержал, и в наказание за такое ненасытимое отрицание всех осуществимых на земле благ, сделал мужика медведем, а его жену – медведицею»³. Здесь мы можем увидеть народ прямым и простым, но также и жадным. Однако в определённом смысле можно сказать, что жадность – это выражение прямоты, действие по велению сердца (без лишних размышлений). Обратимся к другому примеру из этой статьи: «Стоит только посмотреть хоть раз на нашего крестьянина, когда он идёт об руку с татаринцом, немцем, поляком, жидом, англичанином, чу-

¹ Померанц Г. С. Народ как совокупность вольных людей не успел сложиться в России // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 128.

² Кантор В. К. «Дневник писателя» Достоевского как провокация имперского кризиса в России // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 240 – 241.

³ Альбертини Н. В. О причине слабых успехов в некоторых делах // Отечественные записки: Современная хроника. 1863. № 1. С. 17.

вашем; стоит взглянуть на него, когда он набожно снимает шапку и крестится при встрече с гробом католика или протестанта, чтоб убедиться раз навсегда, что в русском человеке нет никакой склонности к исключительности и твёрдым направлениям. Может быть, этот самый недостаток и был главной причиной медленного развития нашей истории, но несомненно, что он же служит залогом широких успехов в будущем»⁴. Здесь перед нами предстаёт образ русского народа, который не обращает внимание на «мелочи». Удивительно, что народ совсем не заботится о том, люди каких национальностей живут вместе с ним. Это положительная черта народа. Кроме того, для народа разница между православным, католиком и протестантом, кажется, не является проблемой. Хотя могут быть и другие мнения на этот счёт.

Можно подумать, что одна та же тенденция в народе имеет два аспекта: положительный и отрицательный. По крайней мере, на наш взгляд, автор статьи «О русском народе» полагает, что это своеобразная черта народа, и подобное мнение было довольно широко распространено во времена Достоевского.

В рассказе «Мужик Марей» Достоевский описывает русский народ следующим образом: «Встреча была уединённая, в пустом поле, и только бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещённым человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, ещё и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?» (22; 49).

С одной стороны, русский народ у Достоевского тонкий, нежный, как женщина, а с другой стороны, – грубый и зверски невежественный. Достоевский обязательно замечает, что народ сочетает в себе две противоречивые стихии одновременно.

Как мы можем видеть из приведённых выше описаний народа, мужик-простолудин как правило предстаёт в качестве упрямого, набожного и доброго человека несмотря на то, что иногда совершает крайне безжалостные поступки.

Нам хотелось бы обратить внимание на образ народа в романе «Преступление и наказание» и, в частности, на диалог между Раскольниковым и Порфирием Петровичем и его функцию в романе.

Пристав следственных дел Порфирий Петрович разговаривает с бывшим студентом Родионом Раскольниковым об убийстве процентщицы Алёны Ивановны, и речь заходит о народе. Порфирий рисует образ народа такими словами: «В глубину отечества убежит, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек скорее острог предпочтёт, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе!» (6; 262). В представлениях Порфирия народ – это совсем другой человек, который отличается от «обычного» человека и имеет совершенно другое мнение, права и образ жизни. Приведём ещё одно высказывание Порфирия Петровича.

⁴ Там же. С. 17 – 18.

«– А ну как я убегу? – как-то странно усмехаясь, спросил Раскольников.

– Нет, не убежите. Мужик убежит, модный сектант убежит – лакей чужой мысли, – потому ему только кончик пальчика показать, как мичману Дырке, так он на всю жизнь во что хотите поверит» (6; 352).

Из приведённого отрывка видно, что у Порфирия Петровича, очевидно, отрицательное мнение о народе. Сам Достоевский и герои в его произведениях как правило затрагивают отрицательные и положительные стороны народа. Почему у Порфирия Петровича образ народа принимает такую негативную окраску?

Обратимся к другим произведениям Достоевского. Он часто использует героев-антагонистов, и они составляют пары в его произведениях. Например, в романе «Братья Карамазовы» Иван и Алёша являются парой таких антагонистов по вере, Алёша и Дмитрий – по темпераменту, Дмитрий и Иван по образованности и т.д. Кроме того, главные герои имеют много противоположностей с другими героями романа. Иван, например, противопоставлен Зосиме по религиозным взглядам, а также Смердякову, который является своего рода эпигоном Ивана.

Схожий приём можно найти и в романе «Преступление и наказание», где главный герой Раскольников так же, как и Иван Карамазов, обладает рядом антагонистов. Порфирий Петрович, пристав следственных дел, допрашивает подозреваемого в преступлении Раскольникова. В диалоге Порфирий использует образ народа, чтобы подчеркнуть характер Раскольникова, высшего интеллигента. Иначе говоря, Порфирий создаёт образ Раскольникова, противоположный герою Миколке. Вот почему, на наш взгляд, Порфирий отмечает только отрицательные черты народа в этом романе.

Мы помним, что в романе «Двойник» Голядкин-младший появляется в качестве двойника Голядкина-старшего. Очевидно, что Голядкин-младший похож на Голядкина-старшего как две капли воды. Тем не менее характер Голядкина-младшего совершенно отличается от Голядкина-старшего. Голядкин-младший делает карьеру, в то время как Голядкину-старшему не удаётся продвинуться. Голядкин-младший является зеркально противоположным образом Голядкина-старшего. Схожим образом Миколка является зеркально противоположным персонажем для Раскольникова.

В отличие от героя романа «Двойник» Раскольников почти не встречает Миколку. Он является перед Раскольниковым лишь на один миг, когда врывается в отделение пристава следственных дел, чтобы дать ложное показание (6; 270 – 273). Однако в диалоге с Раскольниковым Порфирий Петрович использует образ Миколки, образ народа, хотя он по-разному преломляется в словах Порфирия⁵. Миколка часто становится предметом разговора между Раскольниковым и Порфирием (6; 343 – 353). Поэтому и Раскольников сам часто вспоминает Миколку (6; 274). Это означает, что герой из народа оказывает сильное влияние на душевное состояние Рас-

кольникова. Можно предположить, что образ Миколки в сознании Раскольникова играет важную роль, в том числе и в этом диалоге.

Мы рассмотрели образ народа, в частности, образ Миколки как двойника Раскольникова в романе «Преступление и наказание». Миколка практически не появляется перед Раскольниковым в произведении и присутствует только в диалоге. Тем не менее этот двойник оказывает серьёзное влияние на героя романа Раскольникова и, таким образом, играет важную роль в романе «Преступление и наказание».

⁵ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского: В 7 т. Т. 2. // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 2000. С. 102 – 137.

Г. Б. Пономарёва

ДОСТОЕВСКИЙ: «ПРИЗНАНИЕ ДУХА НАРОДНОГО» (ОСНОВАНИЯ НАЦИИ, ЦИВИЛИЗАЦИИ)

Освещается решение проблемы основ нации и цивилизации у Достоевского: сакральность и необходимое отражение и действие духа народного. Достоевский выдвигает мессианскую московскую идею как цивилизационно образующую и пересматривает значение петербургского периода русской истории.

Ключевые слова: коренной дух народный, идея, цивилизационно образующая православие.

Основания нации, цивилизации, своей цивилизации Достоевский видит сакральными. «При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала её. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формировались всегда и везде в религию...» (курсив Достоевского. – Г. П.; 26; 165).

Сохранение духа из самых глубин, основ нации мы видим у многих героев Достоевского: в «Записках из Мёртвого дома»; в Миколке из «Преступления и наказания». Он крестьянин Зарайского уезда, из раскольников, бегунов (бегуны, как известно, учили, что православным, дабы спастись от антихриста, подобает бегать из града в град, из веси в весь, до последних пределов земли). Заподозренный в убийстве старухи-процентщицы Миколка – потенциально новая жертва Раскольникова, не признающего в преступлении. Но воля Раскольникова не умножена встречной волей, нарушающей целое мира: Миколка сам доносит на себя, объявляя себя виновным. Он готов «пострадать». И в этой готовности он выражает сопричастность совершаемому в мире, он носитель его целостности, подспудно выраженной в романе (помрачение же, отрыв от почвенных начал вызван был первым приобщением Миколки к Петербургу). Возвращение к начальным ценностям не исключено и для Раскольникова – Соня наводит его на прозрение матери сырой земли через земной поклон на Сенной.

Князю Мышкину понятна и близка народная вера, как выразила её простая баба: «Всё понятие о Боге как о нашем родном отце и о радости Бога на человека, как отца на своё дитя – главнейшая мысль Христова» (8; 184). Земля как хранительница изначальных ценностей – это, в согласии с народными мифологическими представлениями, исповедует Митя Карамазов. На Алёшу Карамазова в романе брошен свет от излюбленного в народе образа Алексея Божьего человека – через духовный стих и житие. Оторван и отвлечён от духа народного Верховенский-старший, а сын его, как и приспешники, вовсе искажают, извращают его в идее народного заступничества. Вообще их идеология и действие – его подмена, создание мифа «взамен Христа», самозванство, попадает в эту орбиту и Ставрогин (с его обманной красотой

под «Ивана-царевича»). Хромоножка пронизает его самозванство, оторванность от матери сырой земли. В «Бесах» не лик, а личина России. Это особая тема в 1870-е годы для Достоевского – романиста и публициста: «Общество химически разлагается... Народ тоже» (16; 16) («материализм», безверие).

В историософии Достоевского многое пересекается с его жизненным духовным опытом. С московского детства он принял в себя «сердечное знание Христа» народом (в его памяти – нянюшка Алёна Фроловна, мужик Марей из Дарового, кто навёл его на путь к подлинному Христу после «розово-райских» утопий и мечтаний в 1840-ые годы), он понял, что страдания, проникающие жизнь и историю народа, – «школа христианства». В ранние годы, в Москве ему «облегчён был возврат к народному корню» (21; 134).

Москва, Троице-Сергиева лавра стали для него духовным вхождением в царство Троицы. Идея Москвы – Третьего Рима, мессианская идея сохранения православия перед всем миром, эта идея у Достоевского – цивилизационно образующая.

Достоевский пересматривает значение петербургского периода русской истории. Деятельность Петра не стала проводником глубинного народного духа, хотя в нём как преобразователе надо бы ожидать «лучшее выражение жизни народной» (20; 12). Но реформатор смотрел на народ, как на «материал, платящий дань» (21; 267), «... у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям». С реформой Петра произошло разъединение с народом и укреплялся взгляд на него как на хранителя старых допетровских форм, «тупого старообрядства» (18; 36), с тех пор единственный исторический момент воссоединения с народом – Отечественная война 1812 года. Его реформа основана на «презрении» к самостоятельности исторической России; петровская Голландия не могла совпасть с народной жизнью. «Болезни воли – всё фантастическое. Как и вся наша жизнь с Петра» (26; 207). Живой дух – «русское достояние», Запад же несёт нам «формулу». Здесь сказалась «второстепенность и мелочность» взглядов Петра (20; 205), что привело к «грубому» перемещению центра в Петербург; Пётр «не понимал идею веры и православия» (21; 272). Иначе говоря, волюнтаризм Петра простёрся на сакральную центральность Москвы. А в ней была заключена и жила древняя мессианская идея, органическая, несущая и скрепляющая народ. Он выдвигает в связи с этим новые оценки Пушкина: Пушкин – обожатель Петра, на самом деле – его отрицатель («Капитанская дочка», «Повести Белкина» – здесь старый, коренной русский народный дух).

Г. С. Прохоров

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ: РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ, НАРОД, ЗАПАД В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» ДОСТОЕВСКОГО

В центре настоящей статьи – понятие «европеизация», как оно представлено в «Дневнике писателя» Достоевского. Мы демонстрируем, что под маской одного слова сосуществуют два смысловых комплекса. Во-первых, европеизация как политический проект, связанный с заимствованием европейских технологий – индустриальных, военных, политических, культурных. Во-вторых, как гуманизация, то есть просвещение с признанием краеугольной значимости человека. Кажущаяся противоречивость понятия продиктована совмещением отчётливо скептического отношения к политическому проекту при активной пропаганде европеизации как приобщения русского общества к пространству гуманизма.

Ключевые слова: Достоевский, публицистика, «Дневник писателя», Россия и Запад, западники и славянофилы, европеизация России.

Россия и Западная Европа – тема одна из самых амбивалентных в публицистике Достоевского (другая, вероятно, – «еврейский вопрос»). Вызов «западничества» проходит сквозь практически всё творческое наследие писателя – от «Бедных людей», «Объяснений и показаний Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев», через «Идиот» и «Зимние заметки о летних впечатлениях» до поздних «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя». Литературная, критическая, литературоведческая рефлексия «европейского дискурса» Достоевского также формирует огромную, неперечислимую историю¹. Кажется, эта дискуссия предопределена самой интенцией автора, которая позволяет противоположным, порой контрадиктивным, видениям России и Европы сосуществовать друг с другом.

Европа нам чужда: «тут сила; это величаво, а не смешно; это – воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана Отступника, но не побеждённого, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом продажа истинного Христа за царства земные совершилась» (22; 89).

¹ См.: *Natorp P. Fjodor Dostojewski's Bedeutung für die Gegenwärtige Kulturkrise*. Jena, 1923. С. 25–28; *Сидоров В. А. О «Дневнике писателя» // Ф. М. Достоевский: статьи и материалы. / Под ред. А. С. Долинина, Сб.2. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 109–116; Гроссман Л. Достоевский и Европа // Гроссман Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2 (Вып. 2). М., 1928. С. 151–213; Carr E. H. Dostoevsky. 1821–1881: A New Biography. London, 1949. P. 266–280; Fülöp Miller R. Fyodor Dostoevsky: Insight, Faith, and Prophecy. NY; London, 1950. P. 92–130; Vivas E. The Two Dimensions of Reality in *The Brothers Karamazov* // Wellek R. <Ed.> Dostoevsky: A Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs, 1962. P. 81 ff; Lawrence D. H. Preface to Dostoevsky's *The Grand Inquisitor* // Wellek R. <Ed.> Dostoevsky: A Collection of Critical Essays. P. 90–97; Сарапкина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях: (от Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006; Williams R. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction. London; NY: Continuum, 2008. P. 1–14; Степанян К. А. Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. М.: ИД ЯСК, 2013.*

И в то же время: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племья...» (25; 23).

Западничество не ведёт Россию ни к чему хорошему, оно лишь конституирует и ещё более увеличивает разрыв «аристократии» с «народом»: «Неужели ж народ наш, закрепощённый именно ради вашей же культуры (по крайней мере, по учению генерала Фадеева), после двухсотлетнего рабства своего заслужил от вас, от окультурившегося человека, вместо благодарности или даже жалости, лишь один только этот высокомерный плевок про кулаков и мошенников. <...>. За вас же он был двести лет связан по рукам и по ногам, чтобы вам ума из Европы прибыло, и вот вы, когда вам прибыло из Европы ума, избоченившись перед связанным и оглядывая его с культурной высоты своей, вдруг заключаете о нём, что “плох и пассивен и мало выказал деятельности” (это связанный-то)» (22; 104–105).

И в то же время – 200 лет «петербургского периода» не пропали даром: «Европейское просвещение нам необходимо: <...> преклониться <перед народом> мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non*: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. <...> я же совершенно убеждён, что это нечто, что мы принесли с собой, существует действительно, – не мираж, а имеет и образ, и форму, и вес» (22; 44–45).

Как столь противоречивые утверждения уживаются в одном текстовом корпусе? Может ли так быть, что мы имеем дело с двумя разными аспектами европеизации, европейскости, западничества?

Когда Достоевский критикует русское западничество, то он критикует требование о растворении русского народа в западно-европейском *мире*, причём в первую очередь – тот формализм, который, действительно, оказался свойственен этому процессу со времён Петра I – вспомним «Юности честное зеркало»: «Когда родители им <детям> что-либо приказывают, то следует шляпу держать в руках и не надевать её, доколе рядом с ними находятся родители»². Перенять знания, перенять нравы – и стать европейцем.

Или перенять костюм – и стать европейцем: «...он пал ниц и обожает перчатки, кареты, духи, помаду, шёлковые платья <...>. Оказывается ведь, что в каретах-то, в помаде-то и в особенности в том, как лакеи встречают барыню, – критик Авсеенко и видит всю задачу культуры, всё достижение цели, всё завершение двухсотлетнего периода нашего разврата и наших страданий, и видит совсем не смеясь, а любясь этим. Серьёзность и искренность этого любования составляет одно из самых любопытных явлений» (22; 107).

А может быть, перенять язык – и стать европейцем: «Но для меня вовсе не то удивительно, что русские между собою говорят не по-русски (и даже было бы странно, если б они говорили по-русски), а то удивительно, что они воображают, что хорошо говорят по-французски. Кто вбил нам в голову этот глупый предрассудок?» (23; 78).

² Юности честное зеркало // Прохоров Г. С. [Ed.] Домострой. Юности честное зеркало. СПб: Азбука-классика, 2008. С. 149.

Как бы то ни было, западничество, как оно сложилось в России в XVIII – XIX веках, во многом основано на заимствовании и копировании³. Никаких существенных различий в мире якобы нет; все видимые особенности обусловлены цивилизационным отставанием ряда стран, в том числе и России: «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы всё ещё открываем истины, ставшие избитыми в других странах»⁴. Вопрос европеизации есть якобы вопрос модернизации, решаемый в сугубо технологическом ключе как переход на современные стандарты и процессы⁵ – от дипломатического протокола и до костюма. За 200 лет перенимания имитация европейских норм проводилась то активно и искренне, то с явной неохотой – однако, оставалась в сердцевине политического курса Российской империи.

В этом двухвековом копировании Достоевский обнаруживает интересный и неожиданный поворот.

Во-первых, европейцы не доверяют русским в их стремлении стать европейцами. Причем больше всего не доверяют – самым европеизированным русским: «все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. <...>. Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками!» (25; 22 – 23).

Во-вторых, – и это, видимо, самое важное для Достоевского – через перенятые обычаи постоянно и неизменно просвечивает самое настоящее варварство: «И странно: отчего это, ещё с самого моего детства, и во всю мою жизнь, чуть только я попадал в большое праздничное собрание русских людей, тотчас всегда мне начинало казаться, что это они только так, а вдруг возьмут, встанут и сделают дебош, совсем как у себя дома. <...> я понимаю и то, что чрезвычайно приятно (о, многим, многим!) встать посреди собрания, где все кругом, дамы, кавалеры и даже начальство так сладки в речах, так учтивы и

³ Эта имитирующая особенность русского западничества нашла примечательную оценку у М. М. Бахтина: «Учение западников носит значительно менее обоснованный характер. Они считали, что Россия уже идёт по пути Западной Европы и должна продолжать его. Но у западников не было глубины и цельности славянофилов, и теперь они умерли совершенно <...>. Славянофильство – это значительное явление в истории русской мысли, тогда как западничество – мыльный пузырь, который ничего кроме фраз не создал и лопнул» (Бахтин М. М. Записи по истории русской литературы // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Русский словарь, 2000. С. 426 – 427).

⁴ Чаадаев П. Я. Философические письма // http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml (доступ с экрана, проверено 10.12.2016).

⁵ Впрочем, такое видение для 2-й половины XIX века было типичным, например: «Вся эта косная масса <Турция> может быть вызвана к новой жизни и к новым движениям только тогда, когда на смену турецкому игу явится господство и протекторат европейской буржуазии. Что процесс преобразования отсталых или остановившихся в своём развитии наций может осуществиться и пойти ускоренным темпом вследствие внешних влияний, это доказывает своим примером Индия. Япония, например, менее чем в тридцать лет сделала громадные успехи по пути к западной цивилизации, которая теперь уже нормально развивается собственными силами» (Лабриола А. К вопросу о материалистическом взгляде на историю. СПб., 1898. С. 18 – 19).

равны со всеми, что как будто и в самом деле в Европе, – встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии, – свистнуть кому-нибудь оплеуху, отмочить пакость девушке и вообще тут же среди залы нагадить: “Вот, дескать, вам за двухсотлетний европеизм, а мы вот они, все как были, никуда не исчезли!” Это приятно» (22; 10 – 11).

Перенимая европейские манеры, наше общество лишь отдаляется от поставленной цели. От европеизации выигрывают типы самые в культурном смысле неевропейские: «Знаете ли, кому, может быть, всех приятнее и драгоценнее этот европейский и праздничный вид собирающегося по-европейски русского общества? А вот именно Сквозникам-Дмухановским, Чичиковым и даже, может быть, Держиморде, то есть именно таким лицам, которые у себя дома, в частной жизни своей – в высшей степени национальны. О, у них есть и свои собрания и танцы, там, у себя дома, но они их не ценят и не уважают, а ценят бал губернаторский, бал высшего общества, об котором слыхали от Хлестакова» (22; 11).

Главная проблема – варварство – русскому западничеству видится отсталостью, то есть внешним явлением, а не внутренним. Отсюда вытекает, будто варвар, перенявший нечто современное, уже одним этим перениманием движется к состоянию культурного человека. Но эта-то исходная «большая посылка» – по видению Достоевского – абсолютно не точна: «Вы не поверите, до какой степени может варвар полюбить Европу; всё же он тем как бы тоже участвует в культе. Без сомнения, он часто и определить не в силах, в чём состоит этот культ» (22; 11)⁶.

В общем и целом лейтмотив «европейской темы» в публицистике Достоевского таков: калькирование не даёт результат, проблема русско-западного взаимодействия не носит лишь технологического характера. Что есть образец Европы – Германия? Франция? Великобритания? Испания? Разве все жители Западной Европы одинаковы? В самых критичных по отношению к Европе фрагментах «Дневника писателя», например, «Три идеи», европейскость – это в первую очередь наделённость голосом: «Три идеи встают перед миром и, кажется, формулируются уже окончательно. С одной стороны, с краю Европы – идея католическая, осуждённая, ждущая в великих муках и недоумениях: быть ей или не быть, жить ей ещё или пришёл ей конец. <...>. С другой стороны восстаёт старый протестантизм, протестующий против Рима вот уже двенадцать веков, против Рима и идеи его, древней языческой и обновлённой католической, против мировой его мысли владеть человеком на всей земле,

⁶ Отметим примечательный «викторианский» флёр, сопровождающий цитату: варвар, внешне имитирующий европейца, оказывается воплощением лицемерия как платы, вносимой пороком в пользу добродетели. В подобную плату и компромисс Достоевский не верит – ср. оттуда же: «Лицемерие есть та самая дань, которую порок обязан платить добродетели, – мысль безмерно утешительная для человека, желающего оставаться порочным практически, а между тем не разрывая, хоть в душе, с добродетелью. О, порок ужасно любит платить дань добродетели, и это очень хорошо; пока ведь для нас и того достаточно, не правда ли? А потому и гаркнувший среди залы в Москве капитан продолжает быть лишь исключением и поторопившимся человеком, ну, по крайней мере, пока; но ведь и “пока” даже утешительно в наше зыбучее время» (22; 11–12).

и нравственно и материально, против цивилизации его, – протестующий ещё со времён Арминия и Тевтобургских лесов. Это – германец, верящий слепо, что в нём лишь обновление человечества, а не в цивилизации католической» (25; 6 – 7). Иметь миссию – значит, преодолеть бессловесность и быть способным говорить: «Идею славянскую германец презирает <...>, не признавал её даже вовсе до самой последней минуты. <...> Хотя ему и до сих пор смешно предположить, что у них могут быть тоже какие-нибудь цель и идея, какая-то там надежда тоже “сказать что-то миру”, но, однако же, с самого разгрома Франции мнительные подозрения его усилились» (25; 8). Соответственно, начать движение в Европу стоит не с технологического трансферта, а с обретения своего собственного голоса⁷, ухода от лакейства, от угадывания желаний собеседника: «Тут самодовольство всем этим лакейством отвратительно. <...> Язык этот как бы краденый, а потому ни один из русских парижан не в силах породить во всю жизнь свою на этом краденом языке ни одного своего собственного выражения, ни одного нового оригинального слова» (23; 79).

Во-вторых, необходимо истинное просвещение – обретение уважения к частному человеку как к просто человеку. Народ как раз и представляет «элите» такой шанс истинного просвещения: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что ещё удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймёт и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружён народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты» (22; 43).

Мы оказываемся перед ситуацией: европеизация – истинная и ложная. Ложная – это простое копирование чужих норм. Истинная же – парадоксальным образом возвращение к себе: к своей почве, к своему слову, голосу (в прямом и переносном смысле слова). Из так понятой европеизации – «Стать русскими во-первых и прежде всего. <...> Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнёт и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. <...> Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма» (25; 23).

⁷ Связь субъектности, зрелости и способности высказываться, защищать свои взгляды – европейская идея, прослеживаемая с античных времён: собственно, лексемы детства – греческая (περιον) и латинская (infans) – значат “не умеющий говорить” (Lerer S. Children’s Literature: A Reader’s History, From Aesop to Harry Potter. Chicago: Un. of Chicago Press, 2009. P. 20–21 ff.).

Достоевский верит, что если вернуться к себе, если увидеть и оценить собственное многообразие, если просвещённый русский увидит человека в обычном русском человеке, то тогда изменится отношение Европы: «Наши Потугины бесчестят народ наш насмешками, что русские изобрели один самовар, но вряд ли европейцы примкнут к хору Потугиных» (22; 10).

Неумение говорить, стремление отказаться от речи, заговорить чужим голосом – никогда не поощряемая позиция в полифоническом мире Достоевского, в котором «...автор действительно оставляет за своим героем последнее слово. Именно оно или, точнее, тенденция к нему и нужна автору для его замысла. Он строит героя не из чужих слов, не из нейтральных определений, он строит не характер, не тип, не темперамент, вообще не образ героя, а именно слово героя о себе самом и о своём мире»⁸. Непоощряемой остаётся она и в публицистике – индивидуальный и уникальный опыт присутствия в мире, выраженный в слове, не превращает «другого» в «своего», но являет его инаковость, наделяя последнюю ценностью даже для скептически настроенного наблюдателя: «...пассивные русские, в то время как там изобретали науку, проявляли не менее изумляющую деятельность: они создавали царство и сознательно создали его единство. <...>. Русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины, русские отставали и укрепляли за собою свои окраины, да так укрепляли, как теперь мы, культурные люди, и не укрепим, а, напротив, пожалуй, ещё их расшатываем. К концу концов, после тысячи лет – у нас явилось царство и политическое единство беспримерное ещё в мире <...>. Может быть, немцы, всего ещё лет пятнадцать тому назад, согласились бы променять половину своей научной славы на такую силу политического единства, которая была у нас уже очень давно» (22; 11).

⁸ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собрание соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 50.

С. А. Подсосонный

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКО-ПОЛЬСКОМ СПОРЕ

Предлагается взгляд на некоторые публикации в современной польской прессе, где отражён конфликт либеральных и консервативных групп общества. При этом рецепция фигуры Достоевского и его миропонимания становится предметом разносторонней аргументации, а зачастую неожиданных контекстов.

Ключевые слова: рецепция, «польский вопрос», польская пресса.

В современной Польше по-прежнему громко и с новой силой звучит вопрос: кем был Достоевский – полонофилом или поляконенавистником – вслед за вопросом в названии работы Марека Ведемана «Полонофил или полонофоб? Фёдор Достоевский в польской словесности. 1847 – 1897» (польск. *Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847 – 1897*)¹. Исследование показывает, что творчество писателя обращает на себя внимание и получает неоднозначные оценки в Польше уже с середины XIX века. Как пишет о данной книге Евангелина Скалинская, монография стала настоящим «поворотным пунктом в изучении польского восприятия Достоевского в XIX веке», ведь исследователю удалось обнаружить первое упоминание о Достоевском уже на страницах газеты «Гвядзы» за 1847 год, тогда как ранее считалось, что известность автор обрёл в Польше только лишь после своей смерти в 1881 году. Прежде всего внимание привлекают «Записки из Мёртвого дома», в которых начинается дискуссия не только о «польской Сибири», но и «польском вопросе» в наследии русского писателя². Сложно оспаривать обвинения в адрес Достоевского в шовинизме, когда читаешь следующие строки из ответа редакции «Времени» на заметку «Московских ведомостей» о статье Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» (к статье мы ещё будем обращаться далее): «Европейская цивилизация, которая есть плод Европы и, в сущности, на своём месте в Европе, – в Польше (может быть, именно потому, что поляки славяне) развила антинародный, антигражданственный, антихристианский дух. Она развила у них преимущественно католицизм, иезуитизм и аристократизм, да тем и порешила. Мало того: нигде, может быть, католицизм не получал такой степени прозелитизма, как в Польше» (20; 99). И уж точно сложно для польского читателя будет воспринимать без излишних эмоций статью «Летняя попытка старой Польши мириться» из октябрьского «Дневника писателя» за 1877 год, где поляки Старой Польши названы «клерикалами», «папистами» и чуть ли не предателями. При этом автор говорит: «Есть Новая Польша, Польша, освобождённая царём...» (26; 58). А это уже исторически

¹ *Wedemann M. Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847 – 1897. Poznań, 2010. 284 s.*

² *Славинская Е. Достоевский глазами поляков. О книге Марека Ведемана «Полонофил или полонофоб? Фёдор Достоевский в польской словесности. 1847 – 1897». Новая Польша. 2011. № 5. S. 46 – 48.*

некорректный вопрос для национально ориентированных групп, а также для весьма чувствительного польского патриотического сознания.

Причем «польский вопрос» ставят как исследователи, так и обычные читатели, а иногда – те, кто текстов Достоевского не читал, но мнение сформировал по коротким заметкам и комментариям в интернете. Некоторые неоднозначные реплики самого Достоевского, литературоведение прошедших десятилетий, а затем статьи и реакции создали о писателе мнение-симулякр (в понимании Ж. Бодриера) как о поляконенавистнике. В современности эти вопросы звучат особенно остро, приобретают несколько новое звучание в выстраивании политики международных отношений.

О том, какими предстают поляки в романах Достоевского, ещё в 1931 году писал Ежи Стемповский в статье «Поляки в романах Достоевского»³. Но, как уже отмечалось выше, так называемый «польский вопрос» прежде всего звучит националистически и с нотами шовинизма (так, по крайней мере, воспринимаемого) не в художественных текстах, а именно в «Дневнике писателя». Биографически же «польский вопрос» фрагментарно появляется во время пребывания писателя на каторге (о чём написал в воспоминаниях «Семь лет каторги» (польск. *Siedem lat katorgi*) Шимон Токаржевски, который столкнулся с писателем в 1851 году; а также в «Воспоминаниях сибиряка» (польск. *Sybiryjski pamiętnik*) Юзефа Богуславского, только несколько лет назад опубликованных Ведеманом⁴.

Воистину значимо «польский вопрос» прозвучал после выхода в свет статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» в журнале братьев Достоевских «Время». Последнее в итоге привело к закрытию издания в конце мая 1863 года, а это в дальнейшем могло повлечь ухудшение здоровья и смерть брата писателя М. М. Достоевского. Статья была посвящена Польскому восстанию этого же года. Позже Страхов скажет: «Разумеется, ни у братьев Достоевских, ни у меня не было ни тени полонофильства, или желания сказать что-нибудь неприятное правительству. Мысль статьи была та, что нам следует бороться с поляками не одними вещественными, но и духовными орудиями, и что окончательное разрешение дела наступит лишь тогда, когда мы одержим над поляками духовную победу»⁵. 17 июня 1863 сам Достоевский писал об этой ситуации в письме из Петербурга в Баден-Баден И. С. Тургеневу, утверждая, что статья Страхова оказалась совершенно непонятой: «Мысль статьи (писал её Страхов) была такая: что поляки до того презирают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть самого прочного) примирения их с нами на долгое время почти не предвидится» (28₂; 34). Как пишет Достоевский, в статье вовсе не утверждалось, что Польша цивилизованно выше русских, и добавляет, что у них «буквально сказано, что эта польская хваленая цивилизация носила и носит смерть в своём сердце» (28₂; 34).

³ *Стемповский Е. Поляки в романах Достоевского. Культура (Париж), 1971. Номер, посвящённый польско-русским отношениям. № 2.*

⁴ См. приложение к работе: *Wedemann M. Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847 – 1897. Poznań, 2010. 284 s.*

⁵ *Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 247.*

Углубляясь в данную проблему, Л. И. Сараскина прослеживает также связь «польского вопроса» с образом Николая Ставрогина, который мог принимать участие в подавлении Польского восстания⁶. Речь идёт о фразе из романа «Бесы»: «В шестьдесят третьем году ему как-то удалось отличиться; ему дали крестик и произвели в унтер-офицеры, а затем как-то уж скоро и в офицеры» (10; 36), на что исследовательница обращает внимание вслед за комментаторами «Полного собрания сочинений» (12; 289). Безусловно, не остаются без внимания герои-поляки в художественной прозе автора: и исследователи, и читатели отмечают негативно-ироническое отношение; но абсолютно настораживают фразы из публицистики Достоевского. На одном из интернет-форумов «О антипольской мании Достоевского, православии и комплексах России» (польск. *O antypolskiej obsesji Dostojewskiego, prawosławiu i kompleksach Rosji*) ведётся обсуждение статьи Зигмунта Колужинского «Страшные поляки, святая Русь» (польск. *Straszni Polacy, święta Rusz*)⁷. Важным, на наш взгляд, является тот факт, что данную статью печатает популярный еженедельник «Polityka», что делает информацию доступной именно для массового читателя. Автор утверждает, что у Достоевского к полякам нет никакого сочувствия: «Поляки появляются у него почти в каждом романе, как правило, всегда одинаково, что выглядит даже схематично. Обычно это эпизодические фигуры, которые появляются только единожды, на короткое время и больше не возвращаются, что редко случается у Достоевского, традиционно расширяющего описание. Поляк у него всегда одинаков: позёр, гордец с нарастающим чувством собственного достоинства, открыто кричащий, что он лучше всех присутствующих, но при этом остающийся скомпрометированным» (перевод мой. – С. П.)⁸. В поисках причин конфликтной зоны между русским классиком и поляками автор статьи выдвигает версию, которая базируется на противоречиях православной и католической традиций. Если в последней прослеживается чёткое разделение добра и зла, то в православии – их своеобразное слияние в человеческой природе. В итоге вся вина пала на поляков: «Они представляли собой единственную сплочённую группу с римско-католическим образованием, с которым столкнулся Достоевский. В нравственных вопросах они проявляли твёрдость; в этом польский католицизм даже более автоматичен нежели европейский, так как дополнительно на нём тяготит национальный комплекс» (перевод мой. – С. П.)⁹. Исследователь приходит к несколько противоречивому выво-

⁶ Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 77.

⁷ *Kałużyński Z. Straszni Polacy, święta Rusz. Polityka, № 33 (2363) z dnia 2002-08-17. S. 57 – 59.*

⁸ См. оригинал там же: «Polacy pojawiają się u niego prawie w każdej powieści, z reguły w ten sam sposób, który jest wręcz schematyczny. Są to zawsze postaci epizodyczne, występujące tylko raz, krótko i więcej nie wracają, co rzadko zdarza się u Dostojewskiego, zazwyczaj rozwijającego charakterystyki. Polak jest u niego z reguły taki sam: pozer, pyszałek o niebotycznym kulcie honoru, otwarcie ogłaszający, że jest lepszy od wszystkich tu zebranych, jednak pozostaje natomiast skompromitowany».

⁹ См. оригинал там же: «Stanowili oni główną zwartą grupę o edukacji rzymskokatolickiej, z jaką Dostojewski się zetknął. W sprawach moralnych wykazywali oni sztywność; pod tym względem katolicyzm polski jest nawet bardziej automatyczny niż europejski, bo obciążony dodatkowo kompleksem narodowym».

ду: автор идеи о народе-богоносце видел и то, что мессианизм свойствен не только русским, но и полякам; это не могло не раздражать, а потому было стимулом искать объяснения для русской исключительности. Правда, данное утверждение звучит не совсем обоснованно, особенно в контексте понимания проблемы Н. А. Бердяевым в работе «Русская идея»: «Мессианизм ничего общего не имеет с замкнутым национализмом, мессианизм размыкает, а не замыкает. Поэтому Достоевский говорит в речи о Пушкине, что русский человек – всечеловек, что в нём есть универсальная отзывчивость»¹⁰. Зигмунт Колужинский подводит итог: «Для Достоевского поляки со своей самоуверенностью были мошенниками, проводниками продажной веры, повернувшимися спиной к правде раз и навсегда, а поэтому в его миропонимании для них не могло быть места» (перевод мой. – С. П.)¹¹. Данные тезисы не новы: ещё Н. О. Лосский в труде «Достоевский и его христианское миропонимание» писал о переломном воздействии на писателя Польского восстания 1863 года, когда тот отворачивается от западной цивилизации и католицизма: «Как это, к сожалению, обыкновенно происходит в человеческой душе в подобных случаях, поворот к православию начался у Достоевского не с упоминания положительной ценности своей Церкви, а с отталкивания от чужого вероисповедания, именно от католицизма»¹². Дискуссия на форуме, которая разгорелась вокруг статьи Колужинского, пошла в направлении возвеличивания Польши и поисков изъяснений не только в России, но и у самого Достоевского. Так, комментатор *Traianvs* говорит о слухах, что происхождение рода Достоевских имеет отношение к Великому Княжеству Литовскому, а в связи с этим автор «мог ощущать дискомфорт как несколько дефективный русский и покрывать его неистовой ненавистью по отношению к ложным предкам» (перевод мой. – С. П.)¹³. Некий пользователь *ZaraneK* ссылается на книгу Станислава Цат-Мацкевича, который оспаривал польские корни Достоевского. А вот в комментарии пользователя *akcja bezpośrednia* говорится о России, которая будто только и живёт с тенью страха о поляках: «В России время от времени происходили взрывы иррациональной антипольской паники – это происходило в XIX в., когда был страх, что поляки неким чудесным образом колонизируют империю; было и во времена Сталина, в половине 30-х гг., когда раскрыли польский „заговор“. Заговор оказался выдумкой, но его кроваво подавили» (перевод мой. – С. П.)¹⁴. Эти примеры демонстрируют, в какой атмосфере обычно проходят дискуссии

¹⁰ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 2015. С. 234 – 235.

¹¹ См. оригинал в: *Kałużyński Z. Straszni Polacy, święta Rusz. Polityka, №33 (2363) z dnia 2002-08-17. S. 57 – 59* («Dla Dostojewskiego Polacy, ze swoją pewnością siebie, byli nosicielami oszustwa, rzecznikami skorumpowanej wiary, odwróconymi raz na zawsze tyłem do prawdy; a zatem w jego wizji dla nich nie mogło być miejsca»).

¹² Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 81.

¹³ См. оригинал в: *O antypolskiej obsesji Dostojewskiego, prawosławiu i kompleksach Rosji [Online] http://rebelya.pl/forum/watek/53413/ (29.12.2016)* («mógł odczuwać dyskomfort jako Rosjanin troszkę zdefektowany i pokrywać go frenetyczną nienawiścią wobec niesłusznych antentów»).

¹⁴ См. оригинал там же («W Rosji od czasu do czasu wybuchały irracjonalne antypolskie paniki – zdarzało się to w XIX w., gdy obawiano się, że Polacy jakimś sposobem spolonizują Imperium, zdarzyło się za Stalina, w połowie lat 30-ych, gdy wykryto polski „spisek“. Spisek był wymyślony, ale stłumiono go krwawo»).

в данном контексте в интернете. Комментарии в общем построены на фактоидах, информации, которая звучит субъективно, но имеет претензию на утверждение неких истин. В таком контексте отношения поляков к русским несколько свысока, даже пренебрежительно объясняет известный скандальный польский редактор Ежи Урбан, хотя следует подчеркнуть, что его публичные высказывания и мнения чаще всего направлены на привлечение внимания, обострение противоречий, разжигание споров, раздражение национальных фобий. Публицист утверждает, что причина конфликта кроется в проблеме польского сознания: «Презрительное отношение поляков к русским, отношение барского превосходства проистекает из польского комплекса неполноценности и самым худшим образом говорит о польских элитах. Поляки завидуют Западу, потому что там более высокий жизненный уровень, и поэтому получают глупое удовольствие от того, что у населения России доходы в среднем втрое ниже, чем у поляков. Когда бедный может презирать ещё более бедного, это ему улучшает настроение»¹⁵. Данная точка зрения может возмущать, но позиция человеческих взаимоотношений типологически выглядит вполне по-достоевски.

Как утверждает профессор В. Н. Захаров в интервью интернет-изданию «Onet.pl», Достоевский «любил поляков, любил» (перевод мой. – С. П.)¹⁶. Но при этом в беседе не приведено аргументов, в чём заключалась его любовь. А уже вспоминаемые моменты из публицистики писателя не позволяют с этим утверждением согласиться однозначно ни исследователям, ни читателям в Польше. Но есть и ещё одна сторона проблемы: важно подчеркнуть, что характерным элементом рецепции Достоевского в современном медиапространстве Польши становится факт частого упрощения творческого наследия писателя для приближения к миропониманию читателя. Достоевский становится ближе к массам, начинает жить в массовой культуре, но интерпретации его наследия привязаны к пониманию публицистов, что не всегда имеет точное истолкование.

Одним из изданий, которое обращается к наследию автора чаще всего, является «Газета wyborcza» («Gazeta Wyborcza»), будто бы занимающаяся своеобразной популяризацией писателя. С момента возникновения издания в 1989 году до конца ноября 2016 года имя Достоевского появилось там в 1206 публикациях (согласно данным электронного архива «Газеты wyborczej»). Газета выходит ежедневно полумиллионным тиражом, имеет множество тематических и региональных приложений и изначально стала символом независимой Польши, а сегодня это газета либеральных групп. Данный факт уже сам по себе вызывает противоречие: консерваторы и националисты, для которых Достоевский является однозначно антипольским, имперским автором, принимают само издание «Газета wyborcza» и публикации в нём, как «левую пропаганду», настроенную на разрушение государственной независимости. Так,

¹⁵ Ответы Ежи Урбана на вопросы читателей ИноСМИ.ru [Online] <http://inosmi.ru/inrussia/20050603/220097.html> (11.01.2017).

¹⁶ См. оригинал в: Dostojewski nie był polakożercą [Online] <http://wiadomosci.onet.pl/kiosk/dostojewski-nie-byl-polakozerca/v7tpz> (11.01.2017) («Lubił Polaków, lubił»).

известный в Польше публицист Томаш Лис (Tomasz Lis) вступает в дискуссию с консервативными политическими силами, которые переписывают историю коммунистического и посткоммунистического прошлого, подчёркнуто говорят о необходимости люстрации и наказания «врагов» в современности, разрушают геройский миф Леха Валенсы. В этой идеологической дискуссии используется русский писатель: «Достоевский презирал поляков, так как считал, что под маской святости и морализаторства спрятаны бесчестность и подлость. Да что с него взять – русский, дело известное. Сегодня самые разные люди за границей утверждают в презрении к полякам, которые опять собственными руками уничтожают героя и легенду. И даже не надо их озлоблять друг против друга» (перевод мой. – С. П.)¹⁷. Томаш Лис находится в ярко выраженной конфронтации с представителями консервативных взглядов, а использование таких мировоззренческих позиций Достоевского осознанно заостряет спор на политической арене и вызывает гневное отношение к самой газете. Поэтому выход на так называемый «польский вопрос» в данном случае неизбежен, что зачастую имеет место в интернет-комментариях под материалами, в которых так или иначе фигурирует имя Достоевского (как видно в примерах выше).

Профессор университета в Лодзи Станислав Обирек (Stanisław Obirek) в статье «Католицизм опять обиделся на мир» (польск. *Katolicyzm znów obraził się na świat*)¹⁸ рассуждает о христианских ценностях в контексте противоречивых связей костёла и светского государства, атакует папу Бенедикта XVI и связанную с ним систему. Происходит обращение к главе «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых»: раздел статьи так и называется «Великий инквизитор и молчащий Христос» (польск. *Wielki inkwizytor i milczący Jezus*). Достоевский там назван «недостижимым талантом описания подчинения человека католическим костёлом»¹⁹. Учёный анализирует энциклику «Спасённые в надежде» (лат. *Spe Salvi*) и замечает, что Бенедикт XVI неудачно обращается к роману русского писателя, чтобы доказать превосходство справедливости над милостью: Папа утверждает, что, как и у Достоевского, на великом пире не сойдутся обидчики и жертвы. В этом сказалось слишком упрощённое прочтение полифонического романа писателя. Главы романа «Бунт», «Великий инквизитор», «Тлетворный дух» звучат как подтверждение слов Бенедикта XVI, но далее следуют главы «Луковка», «Кана Галилейская», которые дают надежду для каждого, а главы о старце Зосиме сам Достоевский называл «кульминационной точкой романа». 16 сентября 1879 года писатель отсылает из Старой Руссы в редакцию «Русского вестника» очередную книгу

¹⁷ См. оригинал в: Lis T. Wakacje z duchami. Gazeta Wyborcza, 2008, № 154, wydanie z dnia 03/07/2008 OPINIE. S. 22 («Dostojewski gardził Polakami, bo uważał, że pod maską świętoszkowości i moralizatorstwa chowa się niegodziwość i podłość. Ale cóż, Rosjanin, wiadomo. Dziś różni ludzie za granicą też utwierdzają się w pogardzie dla Polaków, którzy znowu własnymi rękami niszczą bohatera i legendę. I nawet nie trzeba ich przeciw sobie szczuć»).

¹⁸ Obirek S. Katolicyzm znów obraził się na świat. «Gazeta Wyborcza», 2008, № 10, wydanie z dnia 12-13/01/2008 ŚWIĄTECZNA. S. 31.

¹⁹ См. оригинал там же («Niedościgłym mistrzem opisu zniewolenia człowieka przez Kościół katolicki pozostaje Fiodor Dostojewski»).

романа и в сопроводительном письме обращается к Н. А. Любимову: «Последняя глава (которую вышло), „Кана Галилейская” – самая существенная во всей книге, а может быть и в романе» (30; 126). Именно в этой главе во сне Алёши старец Зосима говорит знаменательные слова: «Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке...» (14; 327). В то же время автор статьи, обратив внимание на такую деталь, отождествляет героев романного пространства с самим Достоевским, с которым можно, однако, не только соглашаться, но и спорить. В материале обильно цитируется монолог Инквизитора о счастье для каждого ценой свободы. При этом Инквизитор автором материала соотносится с папством, которое и критикует в своём романе Достоевский. С однозначностью последнего тезиса опять же можно спорить, но автор статьи его использует для личного сражения с католическим костёлом, который он резко критикует как систему, разрушающую человеческую свободу. В ряду таких систем также названы коммунизм и фашизм, хотя и с оговоркой, что христианство основывается на любви к ближнему, а потому несравнимо с названными выше. Но автор требует, чтобы костёл признавался в грехах внутри самой системы. Вспоминается и Папа Иоанн Павел Второй, который любил читать роман «Идиот» Достоевского, а ведь там речь о Христе, которого Запад утратил, а Россия сохранила. Автор статьи делает вывод: «Фёдор Достоевский не нашёл бы себе места в энциклике Бенедикта XVI. Его наследие углублялось не в теологические системы, а в живое испытание *Евангелия* его героями» (перевод мой. – С. П.)²⁰. Следует отметить, что такое «живое испытание» часто приводило и к катастрофическим результатам в действиях героев-богоборцев.

Статья вызвала не только шквал эмоций со стороны верующих и духовенства, но и дискуссию на страницах «Газеты выборчей». Если первая статья появилась в середине января 2008, то уже в начале февраля публикуется развёрнутый ответ отца Веслава Давидовского (o. Wiesław Dawidowski) под заглавием «Не так страшен папа» (польск. *Nie taki papież straszny*)²¹, где спор о перебрасывании вины за недоверие между костёлом и миром назван игрой в «социально-религиозную песочницу» (польск. „religijno-społeczną piaskownicę”). Священник обращает своё внимание на то, что его оппонент в одной статье смешивает разные темы общественной жизни, а вдобавок необоснованно, по его мнению, опирается на наследие Достоевского: «Папа обращается к Фёдору Достоевскому, суровому критику папства и западного христианства в целом, в непростом вопросе страшного суда. Тогда как рецензент энциклики Папы сосредоточивает свое внимание на том, чего этот текст вообще не касается, – на критике папства. Обвинение странное: разве нельзя сослаться на текст великого русского писателя кому-то, чья

²⁰ См. оригинал там же («Fiodor Dostojewski nie odnalazłby się w encyklice Benedykta XVI. Jego piarstwo było zanurzone nie w systemach teologicznych, ale w żywo doświadczanej przez jego bohaterów Ewangelii»).

²¹ O. Dawidowski W. Nie taki papież straszny. Gazeta Wyborcza, 2008, № 34, wydanie z dnia 09/02/2008 ŚWIĄTECZNA. S. 32.

институция этим самым писателем критикуется?» (перевод мой. – С.П.)²². Оба участника спора используют Достоевского в качестве аргументации, но каждый говорит не о писателе и его мировоззрении с фактическим обоснованием, но лишь о своей правде и убеждениях. На наш взгляд, такого рода дискуссии не ведут к компромиссу или переубеждению какой-либо из сторон, а лишь укрепляют их в собственной правоте.

В связи с вышесказанным утверждение известных исследователей А. де Лазари и Т. Сухарски, которые рассматривали присутствие Достоевского в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. до современности, выглядит несколько противоречиво: «Поляки Достоевского ценят, читают, изучают и давно простили ему антипольские фобии»²³. Это, однако, не получается принять однозначно, хотя интерес к творческому наследию русского классика безусловен. В то же время вопрос о писателе-поляконенавистнике не исчезает для обывателя, хотя и уходит на второй план для подготовленного читателя. А через уроки литературы, где открываются типологические и прямые связи с польскими авторами (Адам Мицкевич, Болеслав Прус, Густав Герлинг-Грудзинский, Ярослав Ивашкевич, Чеслав Милош, Пётр Думала и пр.), творчество Достоевского приобретает особую базообразующую ценность в культурном дискурсе Польши и России. При этом имя Достоевского, его идеи, художественное наследие и публицистика оставляют множество вопросов, склоняют к анализу, зачастую активно используются в польско-польском споре, когда русский классик становится лишь орудием аргументации в руках различных сторон идеологической конфронтации.

²² См. оригинал там же («Papież sięga po Fiodora Dostojewskiego, surowego krytyka papieżstwa i w ogóle recenzenta chrześcijaństwa zachodniego, w trudnej kwestii Sądu Ostatecznego. Natomiast recenzent papieskiej encykliki skupia swoją uwagę na tym, czego tekst w ogóle nie porusza, a mianowicie na krytyce papieżstwa. Zarzut kuriozalny: czy naprawdę nie wolno powoływać się na tekst wielkiego rosyjskiego pisarza komuś, kogo urząd jest przez tego samego pisarza krytykowany?»).

²³ Лазари А., Сухарски Т. Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2013. Т. 20. С. 25.

А. Ю. Козлова

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНЫХ И ПРОСТОРЕЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

В статье рассматриваются языковые особенности романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди», которые можно соотнести с особенностями народной речи жителей Дарового и его окрестностей — малой Родины писателя. Анализируются единицы всех языковых уровней: фонетические, лексико-словообразовательные, морфологические, синтаксические и лексические.

Ключевые слова: роман «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, русские диалекты, русский литературный язык середины XIX в.

В. П. Владимирцев в предисловии к монографии «Достоевский народный» писал, что в XX веке были времена, «когда в открытую сопрягать генетически и эстетически творения Достоевского <...> с народными (простонародными) культурными первоисточниками было попросту невозможно и даже опасно. Такие литературоведческие дерзости встретили бы инквизиторское осуждение, государственный отпор»¹. Именно В. П. Владимирцев ещё в советское время поставил целью своих научных изысканий задачу «фактологически исследовать народно-культурные основы творчества Ф. М. Достоевского» – «русские фольклорно-этнографические материалы из поэтологии Достоевского»². В 1983 г. вышла его первая статья по этой теме – «Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману “Бедные люди”»³. Безусловно, эта работа является основой, отправной точкой для исследования диалектных и просторечных языковых элементов в этом произведении Ф. М. Достоевского.

Какие же основополагающие факторы нужно учитывать при исследовании особенностей языка романа? «Фольклорно-этнографические воздействия на художественный мир Достоевского были неравномерными, функционально неоднозначными...»⁴. Общеизвестно, что этнографические и фольклорные материалы «Сибирской тетради» и «Записок из Мёртвого дома» писателя уже привлекали внимание исследователей. «Дают ли ранние произведения Достоевского основание утверждать, что в остроге он не начинал, а продолжал творческое общение с фольклором?» – задаёт риторический вопрос В. П. Владимирцев⁵. Его исследование позволяет дать на него положительный ответ.

В статье указывается, что «в романе присутствуют или упоминаются представители около ста пятидесяти сословно-классовых, всевозможных бытовых и профессионально-трудовых групп и прослоек»⁶. Автор подчёркивает, что Петербург ещё в середине XIX в. был в значительной мере «народным» городом: «...по переписи 1864 г. главную массу составляют крестьяне, затем следуют мещане»⁷. Речь этих крестьян в середине XIX в. сохраняла диалектную окраску, и только к концу XIX в. возникнет петербургское городское просторечие⁸.

С каким же народным говором Ф. М. Достоевский при создании своего литературного дебюта был знаком лучше всего? Вполне естественно предположить, что всё-таки это была речь московская и речь крестьян сельца Дарового, находившегося недалеко от города Зарайска. По современной классификации московский говор относится к среднерусским, а зарайский – к переходным от южнорусских к среднерусским⁹.

Второе важное обстоятельство связано с тем, что «Бедные люди» – роман-эпистолярный, в котором герои «говорят». «Уже современники заметили сделанный Достоевским упор на устную, живую речь, стилистику городского бытового просторечия, формы простонародного языка. Действительно, Макарьев и Варенька думают и говорят как истинные представители “разночинского пролетариата столицы”, и фольклоризм эпохи отражается в их письмах примерно в той степени, в какой он был свойствен этой социальной среде»¹⁰.

Следует отметить, что современные лексикографические источники практически не содержат информации о характере использования Ф. М. Достоевским диалектной и просторечной лексики: в этих изданиях редкие и забытые слова, а также гапаксы из его произведений представлены только заимствованной лексикой¹¹, кроме одного слова из романа «Преступление и наказание» – *укладка*, которое даётся с пометой *Обл.*¹². За исключением работ В. П. Владимирцева обнаружить какие-то серьёзные изыскания по данной теме оказалось весьма затруднительным. Так, нам удалось найти только несколько отдельных заметок об использовании Ф. М. Достоевским диалектных слов: *трупёрда*¹³, *стриюцкие*¹⁴, *жизнёночек*¹⁵.

⁶ Там же. С. 152.⁷ Там же. С. 154.⁸ Колесов В. В. Язык города. М., 1991. С. 145.⁹ Пшеничникова Н. Н. Типология русских говоров. М., 1996. Карта 1.¹⁰ Владимирцев В. П. Указ. соч. С. 154.¹¹ Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М., 1997; Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII – XX вв. Текст / Р. П. Рогожникова, Т. С. Карская. М., 2005; Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. М., 1996.¹² Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Указ. соч. С. 702.¹³ Кругликова Л. Е. Трупёрда // Русская речь. 2008. №5. С. 114 – 118.¹⁴ Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 668 – 672.¹⁵ Коган Г. Ф. «Жизнёночек вы мой...» // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей/ Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. М., 2000. С. 114 – 118.¹ Владимирцев В. П. Достоевский народный. Иркутск, 2007. С. 7.² Там же. С. 9.³ Владимирцев В. П. Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» / В. П. Владимирцев // Достоевский. Материалы и исследования в 19 т. / [отв. ред. Г. М. Фридендер]. Т. 5. Л., 1983. С. 74 – 89.⁴ Там же. С. 150.⁵ Там же. С. 151.

При разработке проблемы невозможно было не затронуть вопрос об особенностях языковой рефлексии писателя. Е. М. Виноградова во втором томе хрестоматии «Русские писатели XVIII – XIX вв. о языке» сделала подборку высказываний Ф. М. Достоевского по языковым вопросам. Она пришла к выводу, что в основном все замечания относятся к последнему периоду творчества. В ранний период писатель рассуждает лишь по поводу отдельных слов и выражений, взятых из народной речи: «Достоевского интересовали в первую очередь экспрессивные средства русского языка, социальные и эмоционально-психологические коннотации слова»¹⁶.

Из последних исследований, связанных с проблемой использования диалектной и просторечной лексики в произведениях Ф. М. Достоевского, следует отметить статью И. В. Ружицкого «Атопоны Достоевского: к проекту словаря»¹⁷, где автор представляет проект, в котором собирается описывать среди других языковых единиц «коллоквианизмы (слова или выражения, употребляющиеся только в разговорной речи), просторечные слова, устаревшие или устаревающие слова или значения слов, областные слова и выражения (экзотизмы, локализмы, диалектизмы)»¹⁸. Встаёт закономерный вопрос: по каким источникам будет верифицироваться квалификация этих языковых элементов: как будут различаться коллоквианизмы и просторечные слова, если петербургское просторечие, по мнению В. В. Колесова, складывается в Петербурге только к концу XIX века?

Современные издания текстов Ф. М. Достоевского воплощают современные нормы подачи текста. Для того чтобы охарактеризовать языковые особенности, которые могут быть диалектными или просторечными, мы обратились к первому изданию романа «Бедные люди», который был напечатан в 1846 г. в «Петербургском сборнике, изданном Н. Некрасовым»¹⁹. Известно, что в дальнейшем изданный текст был подвергнут авторской правке, но в данной статье мы попытаемся проанализировать, как проявляются диалектные и просторечные особенности в первоначальной редакции текста (цитирование текста в дальнейшем будет по данному изданию).

1. Отражение фонетических особенностей

При сравнении текста романа в «Петербургском сборнике» и изданиях XX века сразу же бросается в глаза, что современные издания в большой степени меняют орфографию в соответствии с действующими нормами. Вполне возможно, что последовательная орфографическая модернизация может искажать первоначальный авторский замысел.

¹⁶ Виноградова Е. М. Ф. М. Достоевский (1821 – 1881) // Русские писатели XVIII – XIX веков о языке: Хрестоматия: В 2 т. Т. 2 / Под общ. Ред. Н. А. Николиной. М., 2006. С. 263.

¹⁷ Ружицкий И. В. Атопоны Достоевского: к проекту словаря // Вопросы лексикографии. Томск. № 1(5). С. 56 – 75.

¹⁸ Ружицкий И. В. Указ. соч. С. 56.

¹⁹ Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. Санкт-Петербург: В типографии Эдуарда Праца, 1846.

Начнём характеристику просторечных и диалектных особенностей языка романа с предполагаемого отражения фонетических особенностей.

Во-первых, в тексте может отражаться диалектное произношение отдельных слов. Так, в тексте «Петербургского сборника» глагол *целовать* и все его производные передаются только через букву *а*, причём как в речи Макара Алексеевича, так и в речи Вареньки: *какъ я поцаловаль вась, Варинька, пальчикомъ погрозили* (с. 4), *цалую ваши пальчики* (с. 8), *цаловаль* (с. 53), *цаловала* (с. 58), *стереть поцалуями эту слезинку* (с. 69), *перецаловаль* (с. 145). В квалификации этой особенности мы можем опираться на лексикографические данные: в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. это слово даётся только с буквой *ѣ*²⁰, точно так же это слово было представлено в конце XVIII в. в «Словаре Академии Российской» 1789 – 1794 гг.²¹. Таким образом, мы видим, что Ф. М. Достоевский последовательно идёт вразрез с устоявшейся практикой орфографической передачи этого слова.

Во-вторых, нужно указать вариативную передачу окончаний имён прилагательных *м.р. ед.ч. в им.п.* Напомним, что после падения редуцированных в русских говорах это окончание было представлено в виде *-ой* или *-ей*, в безударном положении в результате развития редукции в акающих говорах как *-ай*, *-ѣй*, но по церковнославянской традиции эти безударные окончания оформлялись как *-ый* или *-ий*. Ещё в середине XVIII в. окончания *-ый* или *-ий* были маркерами высокого или низкого стилей: в высоком стиле *-ый* или *-ий*, а в низком стиле *-ой*²². Ярче всего рефлекс старого произношения отразились в прилагательных с основами на заднеязычный: в так называемой старшей норме произношений основа слова закономерно заканчивается на твёрдый согласный – *громкѣй, тихѣй, строгѣй*.

В тексте романа в «Петербургском сборнике» можно заметить две особенности отражения этой языковой черты. Во-первых, не во всех случаях основы на заднеязычный передаются по единым правилам: *дворѣ-то узенькой* (с. 7), *смирненькой, тихонькой, добренькой* (с. 60), но *Покровскій* (с. 35), *короткій знакомый* (с. 35), *робкій видѣ* (с. 38), и даже в одном однородном ряду могут встретиться слова с разной огласовкой окончаний – *старичокѣ маленькой, съдѣнькой, неловкій* (с. 35). Во-вторых, окончание *-ой* появляется и у основ не на заднеязычный: *такой съдѣнькой, маленькой... жалкой, хилой такой* (с. 19) *тоже такой чахлоу* (с. 19), *увертливой право такой* (с. 68), *проворный малой* (с. 142). Все указанные формы с основой не на заднеязычный и с окончанием *-ой* характеризуют речь Макара Деушкина, хотя именно этот персонаж как профессиональный переписчик официальных бумаг должен хорошо владеть

²⁰ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Том IV. Санкт-Петербург: В Типографии Императорской Академии Наук, 1847. С. 422.

²¹ Словарь Академии Российской. Часть VI и последняя. От Т до конца. В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1794. С. 637 – 638.

²² Устинов И. В. Очерки по истории русского языка. Часть вторая // Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Учёные записки. Том LXXXII. Кафедра русского языка. Вып. 5 / под редакцией проф. Ф. М. Головенченко. М., 1955. С. 137.

нормами официально-делового стиля той эпохи. В Томе I «Полного собрания сочинений: Канонические тексты Ф. М. Достоевского», изданного в 1995 г., даны варианты прижизненных редакций романа²³. В приведённых текстологами разночтениях можно заметить, что в двух последующих изданиях – 1847 и 1860 гг. – данная особенность сохраняется, но в издании 1865 г. все финалы *-кой, -гой, -хой* исправлены на *-кий, -гий, -хий*.

В-третьих, фиксируется вариативная передача ударного [о] после мягких согласных, которое могло передаваться в «Петербургском сборнике» тремя буквами: о, е и ё. Наше внимание привлекают словоформы, в которых ударный [о] находится после шипящих. С одной стороны, мы видим: *старушонка* (с.6), *старичокъ* (с. 35), *дъвчонка* (с. 42), но в некоторых словах этот звук передаётся по-другому: *къ горшечку съ бальзаминчикомъ* (с.3), *горшечекъ купиль* (с. 22), *глупая собаченка дворная* (с.112), *у жильцевъ* (с. 112). Последнюю словоформу сам Ф. М. Достоевский, без сомнений, произносил с [о], а вот формы *горшечекъ* или *собаченка* могли появиться в результате диалектного влияния – неперехода [‘э] в [о], которое, по данным Р. И. Аванесова, обнаруживается именно в говорах рязанской Мещёры, расположенной близко к селу Даровому²⁴. Опять же все незакономерные формы характеризуют речь Макара Алексеевича.

То, что молодой Достоевский мог использовать фонетический облик слова как речевую характеристику, доказывает употребление в тексте заимствованного слова *конфеты/конфекты*. Макара Алексеевич пишет только *конфеты*, а Варенька – *конфекты: конфекты зачем?* (с.9).

2. Лексико-словообразовательные особенности

Самая яркая диалектная особенность на словообразовательном уровне – использование имён существительных, имён прилагательных и наречий с суффиксами субъективной оценки. Восприятие данных форм читающей публикой в XIX в. изменялось в соответствии с развитием литературного языка. Ещё в баснях И. А. Крылова они были приметой низкого стиля. В поэтике сентиментализма, в новом слоге Н. М. Карамзина и его последователей это поэтизмы. У В. А. Жуковского (*свечка, локоток* в балладе «Светлана») указанные лексические единицы приобретают функцию поэтизмов в соответствии с принципом исторической народности.

Большинство уменьшительных форм, особенно в речи Макара Девушкина, – это отсылка к сентиментальной поэтике, но есть лексемы, которые точно можно отнести к народнопоэтическим: *одна-одинёшенька* (с. 74, 78), *встаётъ каждый день рано-ранёхонько* (с. 78), *раным-ранёшенько* (с. 111), *холодѣхонекъ* (с. 145).

Двойная префиксация у глаголов как диалектное явление вполне известна, в тексте романа она отмечается в письмах главных героев: *окна повиби-*

²³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995. С. 579 – 606.

²⁴ Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М., 1981. С. 85.

ты (с. 17), *всѣ-таки пообвык* (с. 18), *поразвеселить чемъ-нибудь* (с. 19), *понездоровилось* (с. 49), *люблю пообжиться въ привычномъ углу надолго* (с. 69), *изволите-ка поразспросить* (с. 79), *пообчистить от грязи* (с. 114), *отчего же сердца своего не поразвеселить* (с. 118), *вышелъ поосвъжиться* (с. 119).

В тексте романа встречается очень интересное явление – употребление в одной фразе глаголов с одной и той же приставкой: *чуть поработаешь вечеромъ, напишешь что-нибудь* (с. 3), *заблудиться... да занести околесную* (с. 12), *такъ закручиниться и закапризничать* (с. 15), *поживешь и попривыкнешь* (с. 17), *порезвились, поиграли дѣти* (с. 19), *всѣ это меня истерзало, измучило* (с. 26), *я продумала и промѣтала всю ночь* (с. 45), *прозябъ, продрогъ* (с. 114), *я засмотривалась, заслушивалась* (с. 122), *завоетъ, зашумитъ...завоетъ, всѣ застилается ими* (с. 123), *заслышишь кого-то, бѣжишь-бѣжишь что духъ занимается* (с. 123), *запуганъ и загнанъ* (с. 131). Только один раз данный приём встретился по отношению к именам существительным: *въ нерадѣнці, въ неосмотрительности* (с. 134). Данную особенность можно отнести не только к словообразовательным, но и к художественно-выразительным средствам.

3. Морфологические особенности

Он рыжий, чухна какая-то, кривой, курносый, грубиянъ (с. 18). В данном примере мы видим грамматическое противоречие между грамматическим родом существительного *чухна* и полом обозначаемого им лица²⁵: по данным «Толкового словаря русского языка» Д. И. Ушакова слово имеет два значения: первое – в собирательном значении «чухонцы» относится к женскому роду, второе значение «чухонец» – к мужскому роду²⁶. В данном примере второе значение тоже оформляется по женскому варианту – *чухна какая-то*. Подобные примеры встречаются в русском фольклоре: *он слуга моя верная, калика перехожая*.

Другая морфологическая особенность касается координации собирательного существительного *мужичьѣ* с глаголом-сказуемым: в диалектах возможно согласование не по форме – с формой *ед.ч.*, а по смыслу – с формой *мн.ч.*, что и видим у Достоевского: *затолкали меня мужичьѣ* (с. 111).

В области склонения имён существительных часто используется окончание *-у* в *род.п.* у существительных *м.р.*: *порядку не спрашиваете* (с. 6), *сходила только шелчку купить* (с. 7), *вздору нагорожу* (с. 14), *слогу пропасть* (с. 67), *на пол-фунта табачку* (с. 107), *безъ табачку жить не могу* (с. 107), *лоску нѣтъ, тону нѣтъ* (с. 120), *образецъ хорошаго слогу* (с. 130), *что было запасу проплы* (с. 135). Надо заметить, что в 1842 г. в Петербурге проходили своеобразные «грамматические споры вокруг Гоголя», в которых участвовали О. И. Сенковский и В. Г. Белинский²⁷. Предметом дискуссии было использование окончания *-у* в тексте «Мёртвых душ». О. И. Сенковский утверждал,

²⁵ Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Указ. соч. С. 136.

²⁶ Толковый словарь русского языка/ Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Том IV. С – Ящурный. М., 1940. С.1308.

²⁷ Серебряная И. Б. О грамматических спорах вокруг Гоголя// Русская речь. 1994. № 5. С. 62 – 66.

«что распределение флексий -а и -у в русском языке чётко регламентировано, и одни слова возможны лишь с окончанием -а, в то время как другие с -у», В. Г. Белинский считал окончания -а и -у вариативными, а при их выборе нужно ориентироваться на узус²⁸. Вполне можно предположить, что Ф. М. Достоевский был в курсе данной дискуссии. Окончание -у в русском языке появляется чаще всего у имён вещественных, собирательных в определённых контекстах, и, как правило, данные формы осложнены количественным значением²⁹. В романе в письмах Макара Алексеевича используется формы с окончанием -у от отвлечённых существительных без количественного значения: *лоску нить, тону нить* (с. 120), *образец хорошаго слогу* (с. 130), что можно расценить как сознательное отступление от литературной нормы.

В самом конце романа, когда градус эмоционального напряжения повествования возрастает, в письме Вареньки используется в устойчивом словосочетании стяжённая форма имени прилагательного: *въ сыру землю положить* (с. 163).

Все остальные морфологические особенности связаны с глагольными формами и служебными словами, из которых следует назвать:

- использование глаголов многократного действия: *чай пиваль не всегда* (с. 7), *бивала* (с. 37), *да онъ въ иной день и по пяти листовъ писываль* (с. 68), *въ пансионъ хаживала* (с. 77);
- особую сочетаемость глаголов совершенного/ несовершенного вида с наречиями – в литературном языке глаголы совершенного вида не сочетаются с наречиями *обычно, часто, никогда*, указывающими на неоднократность действия: *А зачемъ вы сами къ намъ никогда не зайдёте* (с. 10);
- диалектную форму инфинитива: *раздразнить* и *вывестъ* его из терпѣнья (с. 34);
- форму невозвратного глагола на месте возвратной формы литературного языка: *я балую, рѣзвюсь как десятилѣтний ребѣнокъ* (с. 42);
- незакономерное употребление предлога *объ* перед словами, которые начинаются с согласных звуков: *все объ васъ были мечтанія* (с. 5), *безпокоилъсь объ нашихъ письмахъ* (с. 6);
- использование диалектных и просторечных предлогов: *что за люди такіе кругомъ васъ* (с. 11).

Особенностью как просторечия, так и диалектов является использование частиц, которых в романе великое множество. Укажем лишь примеры использования частицы *оно*: *оно чаю не пить как-то стыдно* (с. 7), *не то-чтобы оно пахло дурно* (с. 17), *оно бы мнѣ и ничего* (с. 93), *вотъ оно и всё* (с. 95).

4. Синтаксические особенности

Самая яркая особенность – очень широкое использование творительного падежа имён существительных с такими значениями, которые не свойственны литературному языку: *спаль добрымъ порядкомъ* (с. 4), *всталъ такимъ соколиккомъ* (с. 4), *прежде я въдѣ жилъ такимъ глухарѣмъ* (с. 6), *здоровьемъ вы*

немного поправились (с. 5), *въ должность пошѣлъ гоголемъ-щѣголемъ* (с. 11), *не обижаться нашими глупыми шалостями* (с. 34), *не оставилъ его своимъ покровительствомъ* (с. 37), *я гордилась безпокойствомъ и заботами его обо мнѣ* (с. 45), *сначала началось тѣмъ* (с. 60), *жить водой не замутя* (с. 86), *боялись потерять вашимъ признаниемъ мою дружбу* (с. 90), *сидѣлъ такимъ медвѣженкомъ, такимъ воробѣмъ общипаннымъ, настоящимъ медвѣдемъ смотрите* (с. 101), *надѣ нами всё бѣды да бѣды* (с. 116), *на деревьяхъ, что по берегу росли, листкомъ не шелохнѣтъ* (с. 122), *небо хмурится облаками* (с. 122), *морозомъ прохватило всё поле* (с. 123), *ежомъ сижу* (с. 136), *торопить меня окончательнымъ решениемъ* (с. 154), *улыбкой были счастливы* (с. 159).

Можно отметить необычное управление, не совпадающее с управлением в литературном языке: *надѣ вами и надо мной можетъ случиться* (с. 81).

Но самый частотный художественный приём, реализуемый в тексте, – это повтор. Повторяться могут отдельные слова, рядом могут оказываться синонимы, а также однокоренные слова.

Повтор слов встречается как в речи Макара Девушкина, так и в речи Вареньки: *я дрожу, плачу, рыдаю* (с. 21), *она мнительна, Федора-то, она мнительна, выздоравливайте ...выздоровливайте* (с. 22), *все худела-худела и стала дурно кашлять* (с. 29), *тихо-тихо, осторожно-осторожно* (с. 38), *купили гробъ простой-простой* (с. 57), *истинно-истинно жалости достойное* (с. 65), *кричала-кричала, распекала-распекала, величали-величали, хохотали-хохотали* (с. 115) и т.д.

Сопряжение синонимов: *къ старушкѣ-бабушкѣ* (с. 14), *пошла-кормила* (с. 21), *по правдѣ-истинѣ* (с. 127).

Использование слов с одним и тем же корнем: *про разныя разности* (с. 12) *да и куда намъ затѣи затѣвать* (с. 13), *не шалила шалунья* (с. 14), *сказки начнѣтъ сказывать* (с. 14), *метелью метѣтъ* (с. 14), *сплетня запелась* (с. 22).

Повтор может реализоваться с помощью разных синтаксических конструкций: *всѣ что-то такъ, да не такъ* (с. 4), *процессъ не процессъ* (с. 19), *подѣ судомъ не подѣ судомъ* (с. 19), *бѣдны-то они бѣдны* (с. 19). В письмах Макара Алексеевича постоянно повторяется модель – однокоренные сущ. в им.п. + сущ. в тв.п.: *я весне-то обрадовался дуракъ-дуракомъ* (с. 12), *тут я просто болванъ-болваномъ оказываюсь...* *Сплю дуракъ-дуракомъ* (с. 68).

В области синтаксиса простого предложения отмечается разговорная конструкция, в которой подлежащее может быть выражено формой родительного падежа: *Семейства у него – жена и трое детей* (с. 19). Интересно отметить, что, с теоретической точки зрения, данная модель предложения была рассмотрена только в конце XX в. В. В. Бабайцевой³⁰.

5. Собственно лексические особенности

В рамках данной статьи охарактеризовать лексические и семантические особенности в полной мере не представляется возможным. Укажем только некоторые из них, причём только отдельные приёмы, тенденции использования

³⁰ Бабайцева В. В. Предложение типа Пароходов было два// Избранное. 1955 – 2005: Сборник научных и научно-методических статей/ под ред. проф. К. Э. Штайн. М., Ставрополь, 2005. С.359 – 368.

²⁸ Серебряная И. Б. Указ. соч. С. 63.

²⁹ Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке/ Под ред. И. Б. Голуб. М., 2001. С.207 – 208.

языковых единиц, с помощью которых создаётся народность языка главных героев романа.

В первоначальной редакции романа более широко представлены название реалий деревенского быта, крестьянских трудовых действий: *посидьлки, избы* (с. 122), *горохъ или макъ щелушить* (с. 123), *самопрялка* (с. 123), *на гумнахъ* (с. 124), *крытые соломой скирды* (с. 124) и т.д.

Встречаются слова с другим значением, нежели в литературном языке. Так, имя прилагательные с суффиксом -н- *доходный* употреблено совсем не в том значении, которое было свойственно литературному языку той эпохи: *молитва доходна к Богу* (с. 15). «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. для слова *доходный* даёт только одно значение: «Приносящий доход, прибыточный. Доходная должность. Доходная деревня»³¹, а здесь, вероятно, реализуется другое значение – «тот, который доходит или потенциально имеет возможность дойти». С точки зрения современного носителя русского языка, другие прилагательные с тем же суффиксом тоже могут показаться использованными в непривычных значениях: *народъ весьма достаточный* (с. 126), *платье продажное* (с. 145), *собаченка дворная* (с. 112), но словарные статьи «Словаря церковно-славянского и русского языков» показывают, что в середине XIX в. такие значения существовали, но в настоящем их можно квалифицировать как устаревшие.

Как ни странно, в прозаическом тексте находим полногласную форму – *имъ в полонъ взятую* (с. 69).

В. П. Владимирцев уже подробно писал о пословично-поговорочном слое романа³². Но можно отметить присутствие не только пословиц и поговорок, но и пласта богатейшей разговорной фразеологии. Приведём лишь некоторые примеры: *часочекъ-другой* (с. 3), *не по карману!* (с. 7) *о вашемъ житье-бытье* (с. 10), *денёкъ такой на мою долю горемычную выдался* (с. 11), *сама меня на счастье наводила* (с. 21), *доволенъ по горлышко* (с. 22), *не по силамъ горды* (с. 32), *горькимъ сдѣлался* (с. 81) и т.д.

Некоторые фразеологизмы в романе даны в трансформированном виде. Так, например, в письме Вареньки встречается следующее выражение: *последнюю копейку ребромъ ставите* (с. 78). По-видимому, это одна из первых фиксаций данной фразеологической единицы, которая только в 1862 г. в «Пословицах русского народа» В. И. Далем будет дана в виде «Последняя копейка ребром» со значением «рисковать» или в виде «Знай наших: последняя копейка ребром»³³.

Безусловно, отдельный комментарий должен быть дан таким лексическим единицам романа, которые воплощают важные концепты народного мировидения: например, *отчего злая судьба выпадаетъ на долю* (с. 126),

где противопоставляются два понимания судьбы в славянской мифологии: *судьба-фатум* и *судьба-фортуна*³⁴.

Встречается использование диалектного слова вместо общепринятого литературного. Макар Алексеевич пишет: *проглянуло солнышко и небо полазоревъло* (с. 12). «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. даёт для слова *лазоревый* только одно значение – «светло-голубой»³⁵, но сам Ф. М. Достоевский почему-то не пишет, что небо стало светло-голубым, значит, были какие-то основания использовать глагол-дериват от прилагательного *лазоревый*. Современные исследования показывают, что *лазоревый* цвет или *лазоревый цветок* в народном сознании мог быть совсем другого оттенка и обладал особой семантикой и значимостью³⁶.

Таким образом, в данной статье мы попытались показать, что в своём литературном дебюте – романе «Бедные люди» – Ф. М. Достоевский с целью создания народной окраски речи героев задействует не только лексику и фразеологию, но и единицы всех языковых уровней. Возможно, что в своём дальнейшем творчестве он сознательно откажется от каких-то средств и приёмов, а какие-то, наоборот, станут для него более предпочтительными.

³⁴ Левкиевская Е. Е. Низшая мифология славян// Очерки истории культуры славян. М., 1996. С.195.

³⁵ Словарь церковно-славянского и русского языка. 1847. Т. II. С.243.

³⁶ Тульцева Л. А. Лазоревые цветы России: антропо-сакральные концепты// Институт этнологии и антропологии РАН [электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <https://ieas.ru>

³¹ Словарь церковно-славянского и русского языка. Том. I. С. 367.

³² Владимирцев В. П. Указ. соч. С. 158.

³³ Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, приговоров, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий. М.: В университетской типографии, 1862.

К. А. Баршт

**«НАПОЛЕОНОМ-ТО, МОЖЕТ БЫТЬ, И НЕ СДЕЛАЛСЯ БЫ...»
О НЕПОЛНОЙ ПРОХОДИМОСТИ ГРАНИЦЫ
МЕЖДУ 9 И 8 КЛАССАМИ ПО ТАБЕЛИ О РАНГАХ И
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Статья предлагает трактовку вынесенной в заголовок фразы из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», основанную на формировании аллюзивного плана, включающего в себя аксиологию гражданских и военных чинов в произведениях писателя, в сравнении с их достоинством по Табели о рангах Петра I. Обнаруживается источник цитаты, связанный со стихотворением О. Барбье «Собачий пир» (1830), переведённым В. Г. Бенедиктовым в 1856-1857 гг. Предлагается версия, что реплика Порфирия Петровича является парафразом одной из строф этого произведения.

Ключевые слова: роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», Наполеон Бонапарт, цитата, стихотворение О. Барбье «Собачий пир», перевод В. Г. Бенедиктова.

Судебный следователь Порфирий Петрович в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», беседуя с Раскольниковым, признаётся, что «решительно <...> карьерой манкировал»: «Мне бы в военной служить-с, право-с. Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе!» (6; 263). В этом многозначительном высказывании содержатся мысли: об относительности всех армейских чинов, от капрала до главнокомандующего («наполеона») в рамках ограничивающей включённости в военную структуру государства и о чине майора как минимально существенного карьерного достижения человека на государственной службе – обретения первого из «старших» (обер-) чинов по Табели по рангам. Заметим при этом, что звание самого Порфирия Петровича значительно выше указанного: «судебный следователь», в соответствии с государственным указом о формировании института следователей, как раз в период написания романа «Преступления и наказания» (1864 год)¹ – чин шестого класса, что на два ранга выше майора. Тем самым мысль Порфирия о перспективе дослужиться до «майора-наполеона» имеет добавочное ироническое значение в связи с тем, что он по армейскому ранжиру имеет звание гражданского полковника² и имеет право трактовать Наполеона Бонапарта как своего рода военного профессионала средней руки, но чрезвычайно удачливого карьериста.

Следует отметить, что чин восьмого класса (по военной службе – майора, по гражданской – коллежского асессора) как первого из «старших» чинов

¹ Согласно Уставу уголовного судопроизводства, 20 ноября 1864 года подписанного Александром II. Обратим внимание на то, что судебный следователь имел чрезвычайно широкие полномочия: помимо следственных действий, он осуществлял также функции прокурора и даже судьи, участвуя в этой роли в заседаниях суда.

² См.: Серов Д. О., Фёдоров А. В. Следствие при Александре II: следственная реформа 1860 г. // Российский следователь. 2015. № 12. С. 52 – 56.

по Табели о рангах в области социальных достижений персонажей в произведениях Достоевского обладает значением водораздела или грани, отделяющий успех от неудачи в карьерном росте во время прохождения государственной службы, а также имеет специфическую морально-психологическую окраску. Приведём ряд примеров. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» крестьяне, поражённые величественным видом и начальственным тоном Фомы Фомича Опискина, высказывают предположение, что он, вероятно, «майор, аль полковник, аль само ваше сиятельство» (3; 16), маркируя тем самым особое качество носителей чинов, начиная с майора, первого звания старшего класса. Далее признание за Фомой статуса условного «майора» создаёт условия для потока безудержного хамства с его стороны по отношению к покорно сносящим эти издевательства крестьянам. Другой пример особого начальственного значения чина восьмого класса содержится в «Записках из Мёртвого дома» в описании характера начальника Омского острога: «Этот майор был какое-то фатальное существо для арестантов; он довёл их до того, что они его трепетали. Был он до безумия строг, “бросался на людей”, как говорили каторжные. <...> Арестанты звали его восьмиглазым» (4; 14). Список выдающихся по наличию разного рода душевных аномалий майоров продолжает персонаж «Бесов», который имел замечательную черту: его религиозность действовала только в тёмное время суток: «в Бога переставал веровать, чуть лишь проходила ночь» (10; 480). То есть религиозная жизнь майора проходила согласно календарю: «вскочишь ночью с постели в одних носках и давай кресты крестить пред образом, чтобы Бог веру послал, потому что я и тогда не мог быть спокойным: есть Бог или нет? <...> Утром, конечно, развлечёшься, и опять вера как будто пропадёт» (10; 307). Этот персонаж был сформирован Достоевским на раннем этапе работы над романом, в подготовительных материалах писателем помечено: «Майор из верующего с зарёй становится атеистом, ободряется, и не нужен Бог, мне пересказывали» (11; 292). Перечисляя категории людей, составлявших набор «дрянейших людишек» в городе N, которые «получили вдруг перевес, стали громко критиковать всё священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть», повествователь «Бесов», наряду с «позорнейшим образом подхихикивающими» «доморощенными сопляками», «поэтами с направлением из столицы, поэтами взамен направления и таланта в поддёрках и смазных сапогах», «развивающимися купчиками», «бесчисленными семинаристами», «женщинами, изображающими собою женский вопрос», упоминает «майоров и полковников, смеющихся над бессмысленностью своего звания и за лишний рубль готовых тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу» (10; 354). В рукописи этот фрагмент романа имеет ещё более откровенную отрицательную семантику: «почти всегда пьяные [горланы, военные, виршеплёты] майоры, полковники, смеющиеся на[д] бессмысленностью своего звания» (11; 319). (Заметим, что Порфирий Петрович над своей должностью и рангом не смеётся, предмет его шуток – «наполеон», стремление к власти над другими людьми, власти как таковой.) Список такого рода примеров можно умножить.

Стоит отметить, что одновременно с многочисленными презрительными шутками относительно «майоров», свойственными нарраторам и персонажам Достоевского, лица, имеющие чин девятого класса, находящегося по другую сторону водораздела, отделяющего «старшие чины» от «младших», титулярные советники или капитаны, описываются в произведениях Достоевского, как правило, с глубокой симпатией. Такова тенденция, начиная с первого и кончая последним его произведением. Таков совершивший ошибку в жизненном выборе и не раскрывший свой талант писателя герой первого произведения Достоевского Макар Алексеевич Девушкин («Бедные люди»), сходящий с ума от недоброжелательства окружающих его людей Голядкин («Двойник»), философ-капитан в «Бесах»³, капитан Снегирёв в «Братьях Карамазовых» и др. В позитивном ключе упоминается писмоводитель Никодим Фомич, с которым объясняется Раскольников по поводу неуплаты им денег за съёмную квартиру (6; 80). В «Бесах» упомянуты также артиллерийский капитан Маврикий Николаевич (10; 88) и отставной капитан гвардии Артемий Павлович Гаганов (10; 168). Стоит также обратить внимание на титулярного советника Н. И. Драшусова (обрусевшего француза Сушарда), в пансионе которого в Москве Достоевский учился в юные годы (упомянутого в «Подростке»). Исключением из этого ряда является капитан, публично оскорбивший Настасью Филипповну и получивший от неё удар хлыстом в «Идиоте» (8; 290).

В ряде случаев Достоевский проводит комические интерпретации нравственного состояния или имени своего очередного носителя чина девятого класса; такого рода пример мы встречаем на страницах «Идиота», где выясняется, является ли г-н Еропегов капитаном или имеет имя Капитон (8; 395–396). В конце 1860-х гг. писатель задумал повесть о «капитане Картузове», где должна была быть развёрнута апология нравственно чистого русского «дон-кихота», подвергающегося жестокой травле и героически стоящего на своих идеальных нравственных принципах под непрекращающимся потоком оскорблений и издевательств. Эти наброски были им частично использованы в романе «Бесы» для формирования образа капитана Лебядкина и, далее, в более полном виде, капитана Снегирёва в «Братьях Карамазовых».

Персонажи произведений Достоевского, «титулярные советники», в отличие от «майоров», как правило, упивающихся своим статусом, активно анализируют своё положение в обществе как определённую социально-онтологическую категорию. В первом произведении писателя, романе «Бедные люди» Макар Алексеевич Девушкин со смирением принимает отпущенную ему судьбой социальную нишу: «Тому определено быть в генеральских эполетах, этому служить титулярным советником; такому-то повелевать, а такому-то безропотно и в страхе повиноваться» (1; 61). Как неизбывное горе переживает свой чин 9-го класса Яков Петрович Голядкин в «Двойнике» (1; 109).

³ Принцип наделения этим чином того или иного персонажа хорошо иллюстрируется следующей сценой из романа «Бесы»: «Один седой бурбон капитан сидел, сидел, всё молчал, ни слова не говорил, вдруг становится среди комнаты и, знаете, громко так, как бы сам с собой: “Если Бога нет, то какой же я после того капитан?”» (10; 180).

Не случайно имеет то же звание проглоченный крокодилом чиновник Иван Матвеевич («Крокодил»), а также герой «Скверного анекдота» Млекопитаев, со скандалом выдающий замуж свою дочь (5; 12). Эта тенденция продолжается и в последующие годы. В «Преступлении и наказании» чин титулярного советника имеет Мармеладов (6; 12), в то время как покойный супруг старухи-процентщицы, убитой Раскольниковым, относится к самому последнему из «низших чинов» – 14 классу (коллежский регистратор). В «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (1861) Достоевский обрисовывает собирательный образ титулярного советника Соловьёва, который характеризует социальный статус носителя «девятого класса», живущего в «грязном углу», страдающего «одышкой и грудным расстройством» и в конце концов «умершего на лохмотьях, посреди отвратительной и грязной бедности» (19; 72). О свойствах души «самого смиренного и семейного титулярного советника» рассуждает также хроникёр «Бесов» (10; 394). В романе «Подросток» создан ещё один портрет типичного представителя этого сословия: «Это был титулярный советник, лет уже сорока, очень рябой, очень бедный, обременённый большой в чахотке женой и больным ребёнком» (13; 164). В «Братьях Карамазовых» этот эскиз получил художественное воплощение в лице капитана Снегирёва, отца умершего от туберкулёза Илюшечки (14; 67).

Вне всякого сомнения, в XIX веке существовала определённая мифология чина, и титулярный советник играл в ней особую, трагикомическую роль. Это позволило М. Е. Салтыкову-Щедрину в рамках журнальной полемики, в которой принимал участие и журнал Достоевского «Эпоха», сформулировать идею о том, что «нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты»⁴. В русской литературе и публицистике XIX века «титулярный советник» обростал мифологическим ореолом «чина-несчастья», служебного и жизненного тупика, венчавшего невероятные и в конечном счёте бесплодные усилия утвердиться на грешной земле с помощью государственной службы. Этому способствовала не только «китайская стена», воздвигнутая Уставом о гражданской службе между 9 и 8 чинами, но и литература, в которой, начиная с 1830-х годов, описание быта гражданского чиновника младших классов стало едва ли не основной темой для весёлых анекдотов и фельетонов. В эти годы в изобилии ставились водевили, которые содержали «куплетики невинно-насмешливого свойства», высмеивающие «секретарей и заседателей», в «иных повестях выводились с сатирическим, по тогдашним понятиям, направлением, жизнь мелких чиновников». По словам современника, такого рода тексты в целом можно было озаглавить «водевильчиком доброго старого времени под названием “Титулярный советник в домашнем быту”»⁵. «Финский вестник» писал по этому поводу: «Существо, известное у нас под общим названием “чиновник”, играет весьма страдательную роль и в литературе, и на сцене. Жалоба, что на бедных чиновников не нападает только разве

⁴ Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь // Современник. 1864. № 1. Отд. II. С. 28.

⁵ Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 105.

ленивый, стала в последнее время повторяться во всех уголках читающего мира. Дурак – чиновник, обманутый муж – чиновник, негодяй – чиновник, отверженный и осмеянный любовник – чиновник, взяточник – уж, разумеется, не кто иной как чиновник. И всякий писака ездит на бедном чиновнике как ему заблагорассудится; и, особенно, мелким, безответным чиновникам беда!»⁶.

Середина XIX века в России ознаменовалась процессом девальвации дворянского кодекса чести, ещё крепкого в военной службе, однако почти сошедшего на нет в обиходе службы гражданской. Герой «Бедных людей» титулярный советник Макар Алексеевич Девушкин, поминутно получая разного рода оскорбления от окружающих, не случайно вспоминает о необходимости «благородного», «дворянского-то отношения», ведь, в соответствии с чином и согласно Табели о рангах, он имеет право на личное (не передаваемое по наследству) дворянство. Однако в роли полноценного дворянина мелкий чиновник 14 – 9 классов обществом воспринимался весьма неохотно. Это зафиксировано во множестве текстов. Например, в романе Ф. В. Булгарина «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» главного героя, Вениамина Чухина, без особых церемоний вышибают из дома князя Туманина: «тут-то меня и с лестницы сбросили, т.е. оно не то чтобы совсем сбросили, а только так, вытолкали»⁷. Подобного рода обращение с представителем дворянского сословия содержится и в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина: Минский, раздосадованный попытками Самсона Вырина увидеться с дочерью, «вытолкнул его на лестницу»⁸. О жалкости участи мелкого чиновника писал в «Бедных людях» Достоевский: «всей ли ногой на камень ступаешь али носочком одним... у такого-то чиновника, такого-то ведомства, титулярного советника, из сапога голые пальцы торчат... у него локти продраны...»; о том же в «Шинели» – Н. В. Гоголь: «Акакий Акакиевич <...> решил <...> ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подмётков; как можно реже отдавать прачке мыть бельё, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, скидывать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем»⁹.

Причина такой ситуации заключалась в том, что перейти рубикон между 9 и 8 классом для простого человека, начавшего гражданскую службу с чина рядового состава («канцелярского служителя») в подавляющем числе случаев было практически невозможно. В соответствии с параграфом № 37 «Положения» 1834 года «О лицах, не имеющих свидетельств учебных заведений

⁶ Финский вестник. 1846. Т. 11. Отд. 5: Библиографическая хроника. С. 45 – 46; указ.: Цейтлин А. Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета). М., 1923. С. 24.

⁷ Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1835. Ч. 1. С. 6 – 39. С. 37.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 8. Ч. 2. М.; Л., 1940. С. 104.

⁹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. М., Изд. АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). 1938. С. 154. См. также: Бем А. Л. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский. Прага, 1936. С. 137.

или обучавшихся только в низших учебных заведениях» и в соответствии с «Указом» от 10 июля 1831 года, канцелярский служитель мог претендовать на классный чин через 2 года лишь в случае, если он был сыном родовитых родителей, через 4 года, если он был сыном «личного дворянина» или купца 1-й гильдии и священнослужителя, и через 6 лет, если он происходил из мещанского сословия. Такой график присвоения чинов действовал только при условии соблюдения всех остальных требований «Положения». Например, Макару Девушкину потребовалось тридцать лет, чтобы добраться до 9 класса, однако в этот момент уже нужно было думать о пенсии, а не о «старших чинах». Тем более что согласно идее, внедрённой 6 августа 1809 года М. М. Сперанским и затем поддержанной «Положением» от 25 июня 1834 года и Уставом гражданской службы, принятым 28 ноября 1844 года, преимущество получали высокообразованные чиновники, окончившие гимназию или университет, к которым, разумеется, не относились лица, начинавшие службу от самого низа служебной лестницы.

Государственные служащие, имевшие начальное и среднее образование, были «ограничены в награждении высшими чинами»: согласно действовавшим правилам, лиц, занимающих должности четвёртого разряда, то есть имевших начальное или незаконченное среднее образование, «предполагалось производить только до чина титулярного советника» (9-й ранг). Десятиразрядная система должностей, четырнадцати рангов (чинов) по петровской Табели и жёсткие рамки образовательных рангов создавали условия, при которых Девушкин не мог рассчитывать на более высокую должность, дававшую надежду на получение следующего чина. Современник комментирует это следующим образом: «<...> вообще чиновники, не окончившие курса наук в высших учебных заведениях, были стеснены в том ещё отношении, что никто из них не мог быть произведён в чин 8-го класса иначе, как при занятии должности, сему чину соответствующей или высшей»¹⁰. Макар Девушкин не мог рассчитывать на чин восьмого класса, который был наглухо закрыт для него указом Николая I от 1834 года. Канцелярский служитель (унтер-офицерский чин в военной службе), получивший домашнее или начальное образование, не прошедший ни университет, ни даже гимназию («третьего» образовательного разряда), мог получить очередной чин «не прежде, как через 16 лет»¹¹. Шансы добраться к пенсии до 9 класса были лишь у служащего, получившего приличное гимназическое образование («второго» образовательного разряда), что также означало, фактически, запрет на получение чина восьмого класса как «обер-офицерского чина». На это жалуется Макар Девушкин: «Я, конечно, неучёный человек и сам знаю, что неучёный, что на медные деньги учился»¹².

Другим ограничением достижения заветной цели для всех низших чиновников – 8-го класса Табели о рангах – был непреодолимый барьер перед теми, кто

¹⁰ Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. СПб., 1888. С. 64 – 65.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Достоевский Ф. М. Бедные люди. Серия «Литературные памятники». М., 2015. С.17, 51.

не был угоден начальству, которое на своё усмотрение могло воспользоваться правилом, установленным Комитетом при Государственном Совете (образован 6 декабря 1826 года). Им была модернизирована петровская Табель о рангах, соединившая в прямую зависимость чины с должностями 14 степеней¹³, что далее подтвердило «Положение» 1834 года: «Никто из чиновников сего разряда не может быть произведён в чин 8 класса иначе, как при занятии должности, оному соответствующей или высшей»¹⁴. Другими словами, для получения чина этого класса, даже выслуженного и заслуженного, необходима была должностная вакансия и намерение начальства предложить её конкретному чиновнику. Повышение в чине без повышения в должности было запрещено, а получение должности было сугубо в руках начальника. Таким образом, чин 8-го класса оказывался практически непроходимым рубежом для любого гражданского чиновника, не принадлежавшего к родовому дворянству и не имевшему хорошего образования, и тем более – не находящегося в фаворе у своего начальника¹⁵. Вожденный чин 8-го класса, при своей отставке со службы, герой романа «Бедные люди», равно как и большая часть описанных в произведениях Достоевского титулярных чиновников, не получил бы ещё и потому, что, согласно параграфу № 20 «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе» от 1834 года, «с издания сего положения лица, не имеющие потомственного дворянства, не могут быть награждаемы при отставке чином 8-го класса»¹⁶. Но именно этот чин обеспечивал качественно иной социальный статус, и его достижение было основным стимулом службы для гражданского чиновничества, которое, как свидетельствует современник, «надев вицмундир, <...> с трудом снимет его и решится сесть за рабочий инструмент или прилавок»¹⁷.

Все эти дискриминационные меры существенно ограничивали возможности людей, не имевших потомственного дворянства, и усугубляли социальное разделение чиновничества на «старших» и «младших». Чин зависел от должности, должность – от благоволения начальства, и то, и другое – от полученного в детстве образования и родовитости родителей; что же касается профессиональных качеств чиновника, они часто оказывались едва ли не на последнем месте. Несправедливость этой системы вызывала недоумение и возмущение у многих современников Достоевского. В печати и в государственных структурах на протяжении всего XIX века дебатировался вопрос о полной отмене системы чинов. Как указывает современный исследователь, эта архаичная и тяжёлая для исполнения система, восходящая к Табели о рангах Петра I, «обращалась в укоризну

и насмешку не только иностранцами, писавшими о России, но и многими из русских, не постигавших смысла сего учреждения»¹⁸.

Нельзя сказать, что очевидное отрицательное отношение писателя к «первому из старших чинов» было изобретением Достоевского, здесь он, скорее, следовал традиции, чем был новатором. Многократно упоминается с комическим или отрицательным значением чин майора в произведениях Н. В. Гоголя, например, в повести «Нос», где к потерявшему майором Ковалёвым носу легко переходит всё великолепие и все привилегии чина восьмого класса. Ироническое отношение к этому обозначению невыразительного «старшинства» выразил И. С. Тургенев, который, собираясь «подать в отставку из литературы», чтобы «уступить дорогу юношам», констатировал, что попал «в число <...> почтенных отставных майоров»¹⁹. Писателей в этой теме поддерживали художники: исполненную сарказма картину П. А. Федотова «Сватовство майора» Достоевский видел в 1848 г. на персональной выставке живописца²⁰. Кроме того, довольно часто майор, с огромным трудом и на склоне лет преодолевший заветный рубеж, не был ровней молодому вельможе, который начинал службу с 9 класса и легко в возрасте двадцати – двадцати пяти лет преодолевал этот перевал, разграничивающий успех и посредственную удачу в служебной карьере.

Возвращаясь к Порфирию Петровичу с его сарказмом относительно чинов Наполеона Бонапарта, следует отметить, что всякого рода легенды и анекдоты относительно небольшого чина молодого военного в связи с известной стремительной карьерой Наполеона Бонапарта получили широкую известность в русском обществе, в равной степени среди военных и гражданских. В популярном в 1830 – 1849-е годы сборнике анекдотов о жизни французского императора был и такой: «На одном параде молодой офицер подошел к Наполеону, жаловался, что, прослужив уже пять лет в поручичьем чине, снова обойдён при последнем производстве. Наполеон ответил ему: “Успокойтесь: я семь лет был поручиком, а при всём том успел выслужиться!”»²¹. Характерно также то, что наравне с быстрым возрастанием служебного ранга отмечалось и поразительное безразличие Наполеона к смерти своих, а тем более чужих солдат во время боевых операций. Легенда гласит, что когда один из генералов «стал Наполеону докладывать о бедственном положении его солдат после поражения французской армии в России 1812 года, он отвечал: “Солдаты?.. и полноте. Поговорим лучше о лошадях”»²². Эти два анекдота как самые яркие свидетельства о свойствах характера Наполеона повторяются и в других аналогичных изданиях²³. Представляется очень вероятным то, что в пору своей военно-инженерной юности подпоручик Достоевский мог познакомиться

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Тургенев И. С. Письма в 18 т. т. IV. М., 1987. С. 234.

²⁰ Нечаева В. С. Достоевский и Федотов // Ф. М. Достоевский. Ползунков. М.; Л., 1928. С. 7 – 32.

²¹ Полные анекдоты Наполеона Бонапарте, изображающие как характер его, так и воинские дарования, с приложением краткого, но верного обозрения его жизни от самой юности по смерть его; описание острова Св. Елены. Ч. 2. М., 1831. С. 7.

²² Там же. С. 33.

²³ См. напр.: Анекдоты Наполеона Бонапарте, императора французов. М., 1845. 56 – 57.

¹³ Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. С. 61 – 62.

¹⁴ Положение о порядке производства в чины по гражданской службе. С. 661.

¹⁵ Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. С. 72.

¹⁶ Положение о порядке производства в чины по гражданской службе (от 25 июня 1834 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1935. Т. 9. Отд. 1. С. 659.

¹⁷ Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. С. 72.

с этими или подобными изданиями, рисующими яркие события в жизни «первого консула» Французской республики.

Однако главным адресатом аллюзии, проявляющейся в словах Порфирия Петровича о майоре и «наполеоне» как минимальной и максимальной целях служебной карьеры, вероятно, является стихотворение О. Барбье «Собачий пир». В России оно обрело известность благодаря прекрасному переводу В. Г. Бенедиктова, созданному поэтом в 1856 – 1857 гг. В нём Наполеон Бонапарт назван «двадцатилетним капитаном»²⁴, что, безусловно, для современников выглядело как отчётливый социально-культурный вызов: ведь русские военно-учебные заведения не выпускали слушателей в чине выше поручика, и нахождение юного военного в капитанском чине содержало в себе для русского человека XIX века мысль о блестящей военной карьере.

Шутка Порфирия Петровича относительно чина молодого Наполеона Бонапарта заставляет обратить внимание также на перевод «Собачьего пира» В. П. Бурениным, в котором будущий император Франции ещё более понижен в чине и является в образе капрала (низшее унтер-офицерское звание, современный аналог – ефрейтор):

Но ей наскучило быть грубых ласк приманкой,
И сбросила она под гром побед
Фригийский свой колпак и стала маркитанткой,
Любовницей капрала в двадцать лет!²⁵

В переводе В. Г. Бенедиктова:

Когда-то ярая, как бешеная дева,
Явилась вдруг она,
Готовая дать плод от девственного чрева,
Грядущая жена!
И гордо вдаль она, при криках исступленья,
Свой простирала ход
И целые пять лет горячкой вождельня
Сжигала весь народ;
А после кинулась вдруг к палкам, к барабану
И маркитанткой в стан
К двадцатилетнему явилась капитану:
«Здорово, капитан!»²⁶

²⁴ *Auguste Barbier. Iambes et Poèmes. 1831. (2-d ed.: 1841; 3-d: 1858).*

²⁵ Впервые: [Буренин В. П.] На добычу (Из Барбье)// Подпольное слово (Женева). 1866. Август; далее перепечатано с цензурными изменениями: Собачий пир (Писано в августе 1830 г.)// Вестник Европы. 1868, № 11. В этой публикации по требованию редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича слово «сука» было заменено на «самку» (см. письмо В. П. Буренина к М. М. Стасюлевичу от 12 октября 1868 года в кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 2. С. 541 – 542). Стихотворение с восстановленным словом «сука», но с грубыми цензурными искажениями текста было опубликовано в сборнике В. П. Буренина «Стихотворения» (СПб., 1878).

²⁶ [Бенедиктов В.] Собачий пир. (Перевод из Барбье)// Потаённая литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Часть первая. Лондон, 1861. С. 352.

В 1860-е годы и далее этот перевод широко распространялся в списках, повсеместно читался в кружках и салонах. Кроме того, Достоевский, несомненно, был знаком с лондонским сборником «Русская потаённая литература XIX столетия», изданным в 1861 году в Лондоне Н. П. Огаревым. Этому существует ряд доказательств, связанных с многократным цитированием Достоевским текстов из этого сборника (см.: 12; 189, 278, 281 – 282, 310 – 311 и др.). Следует также отметить, что произведение Барбье пользуется славой одного из самых переводимых стихотворений мировой поэзии: после Бенедиктова не раз предпринимались попытки новых переводов на русский язык (В. П. Буренин, Д. Д. Минаев, В. С. Курочкин, О. Э. Мандельштам, П. Г. Антокольский и др.). Однако перевод Бенедиктова, возможно, был самым революционно-радикальным из всех существующих, в XIX веке, очевидно, лучшим и, как минимум, самым известным.

Достоевский неплохо знал творчество Бенедиктова, время от времени упоминал и цитировал его произведения, например, стихотворение «Тост»: «Чудный край через Алтай// Бросил локоть на Китай». Здесь Достоевский воспроизводит первую строку, подчёркивая, что в этом изображении «величия России» есть «как бы нечто танцующее» (16; 421). В черновом автографе «Подростка» содержится другая цитата из того же стихотворения, один из персонажей напевает: «Темя вспрыснув океаном, / В Балте рёбра, пять к Балканам/ Мощный тянется гигант». В оригинале эти строки выглядят так: «Чудный край! Через Алтай/ Бросив локоть на Китай, / темя вспрыснув океаном, / В Балт ребром, плечом в Атлант. / В полюс лбом, пятой к Балканам –/ Мощный тянется гигант». Процитированное Достоевским стихотворение В. Бенедиктова «Тост» было впервые опубликовано в 1845 году в альманахе «Метеор»²⁷, через десять лет вошло в трёхтомное собрание стихотворений Бенедиктова²⁸. Достоевский охотно цитировал это произведение (17; 117, 121; 21; 26 – 30). В «Ряде статей о русской литературе» (Глава IV. «Книжность и грамотность») он упоминает «исторические стихотворения русских поэтов», в частности, ««Малое слово о Великом (Петре I)» Бенедиктова», правда, с ироническим замечанием, что хорошо бы «сообщить что-нибудь народу о Петре, а потом уже воспевать его» (19; 41). В своей оценке этого произведения Бенедиктова Достоевский не расходился с Н. А. Некрасовым, который писал о катастрофическом несоответствии языкового стиля стихотворения его основной теме: «Это не народный язык и не язык людей образованных <...> на такой тон нельзя написать удовлетворительного произведения о предмете, который избрал г-н Бенедиктов»²⁹. Вероятно, Достоевский познакомился со сборником стихотворений В. Г. Бенедиктова, изданным в 1856 г.³⁰, или альманахом «Метеор на 1845

²⁷ Метеор на 1845 год. СПб., 1845. С. 3 – 8.

²⁸ Бенедиктов В. Г. Стихотворения: В 3 тт. Т. 2. СПб., 1856. С. 43 – 50.

²⁹ Некрасов Н. А. Заметки о журналах за сентябрь 1855 года// Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15 т. Т. 11. Кн. 2. Л., 1990. С. 165 – 166.

³⁰ Бенедиктов В. Г. Стихотворения: В 3 тт. СПб., 1856.

год»: об этом свидетельствует цитата из стихотворения «Тост»³¹. В другом случае Достоевский цитирует стихотворение «Певец» (1837): «Он к людям на праздник приходит угрюм, / К гробам их подходит с улыбкой» (28₂; 108). Извиняясь в своём письме от 6/18 октября 1863 года перед И. С. Тургеневым за слишком эмоциональную реакцию во время их встречи в Баден-Бадене в сентябре 1863 года, когда, по его словам, случился «проклятый “мятеж страстей”» (28₂; 54), Достоевский, возможно, процитировал стихотворение «Отрывки (Из книги любви)» 1838 г. В. Г. Бенедиктова: «Опять мятежная проснулась / Давно ль затихнувшая страсть, / И вновь пред бурною шатнулась / Рассудка царственная власть»³². Помимо этого, Достоевский упоминал в своих письмах стихотворение «Певец» (24; 108). Работая над романом «Подросток», писатель счёл важным указать на ценностное равенство двух литературно-общественных явлений – поэзии Бенедиктова и нигилизма: «Сравнение нигилизма с появлением поэта Бенедиктова (ОН)» (16; 168).

Впервые это стихотворение Барбье упоминается Достоевским в его «Зимних заметках о летних впечатлениях», где повествователь призывает читателя «вспомнить один из ямбов Барбье», намекая на это же стихотворение, в оригинале имевшее название «Раздел добычи» (1830) и опубликованное в получившем большую популярность сборнике «Ямбы» (1831). На протяжении всего своего творческого пути Достоевский с вниманием относится к Огюсту Барбье, упоминая его имя в своих письмах и произведениях, цитируя его стихи или упоминая их названия: «Ямбы» (5; 372), «Есть бездна на земле, есть бездна роковая...» (19; 243), «Идол» (28₁; 67), «Как больно видеть мне повсюду свою горесть...» (19; 248), «Киаия» (19; 243), «Плач» (28; 41). В своей статье «Книжность и грамотность» Достоевский поставил имена Барбье и Шиллера рядом: «Мне рассказывали достоверно о существовании в Париже таких литераторов, которые не знают Барбье. Не то что не читали, а даже имени-то не знают. Где ж им после этого знать Шиллера?» (19; 17). Не вызывает сомнений, что Достоевский читал «Ямбы» («Jambes», 1831) и «Плач» («Plianto», 1833) Барбье ещё в 1840-е гг. Стихи Барбье читались и в кружке петрашевцев, а С. Ф. Дуров, впоследствии товарищ Достоевского по сибирской ссылке, был одним из страстных поклонников его творчества, переводил такие произведения Барбье, как «Как больно видеть мне повсюду свою горесть...» (1844), «Киаия» (1845), «Есть бездна на земле, есть бездна роковая...» (1846). Поздравляя брата с Новым годом, в своём письме от 1 января 1840 г., Достоевский отзывается о его стихотворении и сравнивает его с Барбье: «Я читал твоё прошлогоднее посланье к Новому году. Мысль хорошая; дух и выраженья стихов под сильным влияньем Barbier; между прочим, у тебя были в свежей памяти его слова о Наполеоне» (28₁; 67)³³.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский пишет о «частой перемене правительств, бывших во Франции», считая, что лучшим ком-

ментарием к этому является «один из ямбов Барбье по этому поводу» (5; 83), имея в виду поэму «Раздел добычи» из сборника «Ямбы». Нельзя не заметить совпадение отношения к Наполеону Бонапарту I со стороны героев романа «Преступление и наказание» и критикой кровожадности французского императора со стороны Барбье, который увидел свою страну в роли взнузданной «палачом» лошади, скачущей «по человеческим телам, как по песку, в крови по грудь» (см. об этом: 28₁; 411 – 412). Тема человека, утверждающего себя в роли распорядителя чужой жизнью, которая занимала ведущее место в сюжетах Достоевского начиная с 1863 года, по всей видимости, возникла и утвердилась в его творчестве не без влияния стихотворения Барбье «Собачий пир» – в оригинале, а также в переводах В. Г. Бенедиктова и В. П. Буренина. Реплика следователя Порфирия Петровича о перспективе на пути к «наполеону» обрести чин майора, указывает на социально-нравственную характеристику «чина восьмого класса» и, одновременно, воспроизводит на уровне аллюзии одну из метафор стихотворения Барбье, формирующего символ головокружительной карьеры французского императора, где он представлен молодым офицером, лишь начинающим свой путь к вершине власти.

³¹ Метеор. 1845. С. 3 – 8.

³² Бенедиктов В. Г. Стихотворения. БСБП. Л., 1983. С. 135.

³³ О восприятии поэзии Барбье в России 1840-х гг. см.: Алексеев М. П. Огюст Барбье // Огюст Барбье. Ямбы и поэмы. Одесса, 1922. С. XXIX – XXXI.

К. Н. Отева

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА: ОБРАЗ РОГОЖИНА В РУССКОМ ТЕАТРЕ И КИНО XIX – XXI ВВ.

В статье прослеживается история интерпретации образа Рогожина в театральных постановках и экранизациях XIX – XXI вв. Фигура Рогожина в зрелищных искусствах связана с представлением о русском национальном характере, в частности, таких его чертах, как широта души, способность всецело отдаться одной страсти, преобладание эмоционального начала над интеллектуальным.

Ключевые слова: интерпретация, русский национальный характер, театральная постановка, экранизация.

Интерпретация романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в театре изначально проходила в тесной связи с развитием достоевсковедческой мысли. При этом, несмотря на постоянный творческий диалог между филологическими и театральными прочтениями романа, существуют смысловые моменты, в которых наука и искусство принципиально расходятся в своих оценках. Одной из таких точек несовпадения между литературоведческим и сценическим восприятием романа «Идиот» является образ Рогожина. Специалисты по Достоевскому привыкли видеть в Рогожине символического двойника и антипода Мышкина; через сюжетное взаимодействие двух героев решаются проблемы веры, смерти, воскресения. Для театра же религиозные и философские контексты, связанные с фигурой Рогожина в романе, практически не актуальны: актёры, исполняющие эту роль, в первую очередь сфокусированы на её психологическом и социально-бытовом наполнении. Через сопереживание одержимому страстью купцу зрители оказываются вовлечены в познание русского национального характера.

Сосредоточенность зрелищного искусства на этой стороне личности Рогожина объясняется тем, что роман «Идиот» даёт богатый сюжетный материал для разработки образа человека из народа, на что неоднократно указывали специалисты по творчеству Достоевского. Так, например, по наблюдениям М. С. Альтмана, фамилия героя происходит от названия старообрядческого кладбища, что, наряду с темой скопчества, делает его носителем специфической народной религиозности¹. Авторы статистического словаря языка Достоевского проанализировали особенности речевого портрета Рогожина, выделяющего его из ряда остальных персонажей как единственного простоянина среди образованного общества². Диалектные и просторечные конструкции в речевом портрете соотносятся с тем, что, по словам самого героя, он «ничему никогда не обучался» (8; 9). К. Накамура также отметил, что,

¹ Альтман М. С. Имена и прототипы литературных героев Достоевского // Учёные записки Тульского пединститута. 1958. № 8. С. 131 – 150.

² Шайкевич А. Я., Андрищенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003. С. 30 – 31.

хотя Рогожин происходит из богатой купеческой семьи, в романе его называют мужиком, подчёркивая отсутствие европейского воспитания и манер³. По мнению японского исследователя, через образ необразованного купца Достоевский показал тёмные глубины национального духа, не тронутого идеями западной культуры. А. Эткинд даже выстроил свою оригинальную, хоть и довольно схематичную концепцию романа вокруг проблемы просвещения народа интеллигенцией, реализуемой в отношениях Мышкина и Рогожина: центральный конфликт произведения учёный интерпретировал как борьбу «Человека Культуры» с «Человеком из Народа»⁴.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на очевидную связь Рогожина с темой народа, литературоведение никогда не ограничивало его образ исключительно сферой размышлений писателя о русском национальном характере. Фигура Рогожина, выходящая за пределы психологического типа купца, открыта различным культурным традициям: языческому символизму, античности, западноевропейскому романтизму. Так, например, Р. Г. Назиров писал о том, что герой производит на читателя чрезвычайно сильное впечатление, нарастающее по мере того, как купеческая тема в его образе вытесняется романтическим началом: «Мы чувствуем, что Рогожин необычен, исключителен, почти фантастичен»⁵.

Между тем для театра народная основа образа Рогожина оказалась его главным и фактически единственным содержанием. Начиная с первых постановок конца XIX в. и вплоть до нашего времени манера исполнения роли Рогожина развивалась в одном направлении. Актёры стремились показать на сцене широкую, размашистую русскую натуру, в традициях известного стихотворения А. Толстого «Коль любить, так без рассудку». Купеческое не только не вытеснялось в герое общечеловеческим, но и, наоборот, нарастало в нём по мере развития действия.

Первые попытки перенести роман «Идиот» на сцену были сделаны в конце XIX в. В 1899 г. инсценировка романа Достоевского, подготовленная В. А. Крыловым и С. С. Сутогиным, получила цензурное одобрение и почти одновременно была поставлена в Малом театре в Москве и в Александринском театре в Санкт-Петербурге.

Несмотря на то, что роль Настасьи Филипповны в Малом театре исполняла М. Н. Ермолова, постановка была холодно принята публикой и получила неблагоприятные отзывы в прессе⁶. Критики объяснили провал трудностями перевода литературного произведения в драматическое. Писали о том, что сюжетные положения, выбранные из романа для сцены, не позволили актёрам раскрыть внутренний мир героев, особенно это касалось

³ Накамура К. Рогожин // Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского. СПб., 2011. С. 241.

⁴ Эткинд А. М. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 116.

⁵ Назиров Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Уфа, 2010. С. 292.

⁶ См., например: Кичеев П. Театр и музыка // Русское слово. 1899. 12 окт.; Театр и музыка // Русское слово. 1899. 12 окт. С. 3.

Настасьи Филипповны и Мышкина. При этом Н. М. Падарина, сыгравшего роль Рогожина, хвалили за то, что ему удалось создать яркий, колоритный образ, несмотря на слабый драматургический материал: «Хорошо, что г. Падарин и талантом не обижен и, судя по внешнему его виду, на избыток физических сил не должен жаловаться. <...> Ну, а будь на его месте другой исполнитель, то он от роли Парфёна Рогожина “одни пустячки” оставил бы и “вздрог” бы её “ухлопал”»⁷.

В спектакле «Идиот» в Александринском театре, вызвавшем почти единодушное одобрение критики, роль Рогожина исполнял М. В. Дальский. В театральной прессе того времени принято было противопоставлять провалившийся московский и успешный петербургский спектакли, особенно образы Настасьи Филипповны, созданные М. Н. Ермоловой и М. Г. Савиной. Однако впечатления рецензентов о роли Рогожина в обеих постановках звучат в одной тональности: Дальского, как и Падарина, хвалили за эмоциональный накал игры и психологическую точность в изображении обезумевшего от страсти купца. В качестве примера можно привести цитаты из критических работ А. Р. Кугеля: «Г. Дальский – чрезвычайно типичный Рогожин – так-таки весь живьём⁸»; «ширь, молодцеватость и страстность обожания, переходящая в молитвенный экстаз – всё это вышло у него великолепно»⁹.

Судя по отзывам 1899 г., и Падарину, и Дальскому удалось попасть в ожидания эпохи: оба изобразили на сцене образ загулявшего купца, понятный зрителями XIX в., – недалёкого, но обаятельного в своей бесшабашности. Работа обоих актёров вызвала у публики эффект узнавания: по мнению современников, герой Достоевского должен был выглядеть и вести себя именно так. Описание спектаклей позволяет нам сделать выводы о том, как зрители конца XIX в. представляли себе типичного героя из народа. Почти все рецензенты остановились на трёх главных качествах, переданных актёрами. Во-первых, это могучий богатырский облик, которым обладали оба исполнителя. Вот как, например, об игре Дальского вспоминал Ю. М. Юрьев: «Если бы кто-либо захотел совершенно объективно, без всякого пристрастия, написать портрет Дальского, то всё сказанное Достоевским по поводу характеристики Рогожина можно было бы с точностью, без всякого изменения, применить и к облику Мамонтова Викторовича Дальского. <...> Весь облик Дальского – в серой поддёвке, отороченной чёрной мерлушкой, в высоких сапогах, сам он курчавый, “черномазый”, с загадочными, сверкающими огненными глазами, с “неделикатною” усмешкою на бледном лице, с размашистой, вызывающей, ни с чем не считающейся повадкой — как нельзя более сочетался с мрачной таинственностью рогожинского дома. Во всей видимости Дальского было что-то мрачное, но бурливое, чувствовалось какое-то кипение в груди его, рвущееся на волю»¹⁰.

Во-вторых, от героя с русским национальным характером требовали способности к широкому жесту и отсутствия практицизма. Готовность, с которой Рогожин отдал Настасье Филипповне сто тысяч, вызывала живую реакцию у зрителей рубежа веков. Юрьев особенно отметил момент, когда Рогожин пытался отказаться от Настасьи Филипповны ради Мышкина – «органично, стихийно, с широким размахом всей его непосредственности»¹¹.

Кроме того, критики, писавшие о работах Падарина и Дальского, неизменно оценивали успех роли по тому, насколько неукротимым получился образ влюблённого купца, со свойственным ему «чисто-русским широким размахом натуры», «дикой безудержной силой и страстью»¹². Судя по рецензиям, от Рогожина ждали гипертрофированных эмоций, при этом из инсценировки полностью ушла интеллектуальная сторона личности героя, например, серьёзные разговоры с князем Мышкиным или напряжённый интерес к смерти, к картине Гольбейна. Поэтому в рецензиях отражено двойственное отношение пишущих к Рогожину: с одной стороны, критики с симпатией, почти с гордостью говорят о широте души русского человека. С другой стороны, чувствуется некоторая снисходительность к некультурному, тёмному герою. Отношение театральной интеллигенции к человеку из народа хорошо передано в заметке И. Н. Игнатова, по мнению которого, роль Рогожина однозначна и не требует тонкой актёрской работы, «потому что он значительно менее сложен, чем остальные герои романа. <...> захваченный “сумасшедшей страстью”, Рогожин и без того ясен зрителю»¹³.

Так, национальный колорит образа Рогожина в двух первых постановках по роману «Идиот» сводился к гиперболизации страсти и широты русской натуры. Судя по тому, что оба исполнителя роли Рогожина получили преимущественно положительные отзывы, публике рубежа веков было близко такое отношение к человеку из народа. Театр показал героя Достоевского простым и однозначным, но в то же время понятным и симпатичным массовому зрителю. Интересно то, что в философско-критической мысли того времени связь Рогожина с народной темой интерпретировалась более сложно. Для сравнения, в том же 1899 г. А. Волынский описал образ Рогожина как русский национальный тип, которому свойственна, с одной стороны, широта души и безудержность порывов, а с другой стороны, напряжённое богоискательство. Волынский указал на глубинную народную символику в сцене братания Рогожина с Мышкиным и подведения князя под благословение матери¹⁴, а также в финальном соединении героев у тела Настасьи Филипповны¹⁵. Театр рубежа веков того времени увидел в Рогожине только одну сторону национального характера – страстную натуру, не терпящую ограничений.

¹¹ Юрьев Ю. М. Там же.

¹² А. Ф. [Фонштейн А. С.] Театр и музыка// Новости и биржевая газета. 1899. 7 нояб. С. 3.

¹³ И-т [Игнатова И. Н.] «Идиот», драма в 5-ти д. Крылова и Сутугина по роману Достоевского// Русские ведомости. 1899. 13 окт. С. 3.

¹⁴ Волынский А. Трагедия красоты// Волынский А. Достоевский. СПб., 2007. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 149.

⁷ Малый театр// Русское слово. 1899. 14 окт. С. 3.

⁸ *Ното novus* [Кугель А. Р.] Театральное эхо// Петербургская газета. 1899. 5 нояб.

⁹ *Н. пов.* [Кугель А. Р.]// Театр и искусство. 1899. № 46. 7 нояб. С. 811.

¹⁰ Юрьев Ю. М. М. В. Дальский// Юрьев Ю. М. Записки: В 2 т. Л.; М.: Искусство, 1963. Т. 1. С. 533.

*Е. А. Лебедев (Рогожин) и И. М. Смоктуновский (Мышкин)
в спектакле «Идиот» БДТ им. М. Горького.
Режиссер Г. А. Товстоногов. 1957 г.
Из открытых интернет-источников.*

В советское время образ Рогожина стал ассоциироваться уже не с просто-народной, а с буржуазной культурой, поэтому в интерпретациях XX в. тема любовной одержимости героя осложнилась темой власти денег. В знаменитой постановке 1957 г. Е. А. Лебедев исполнил эту роль в духе драматургии Островского. По словам критика А. Горелова, «в спектакле Большого драматического театра перед князем Мышкиным предстаёт... купецкий сынок, и весьма традиционный»¹⁶. Если на рубеже веков этот образ казался органичным и вызывал симпатию публики, то эпоха Оттепели требовала принципиально другого подхода к работе над ролью. Излишняя стилизация под культуру XIX в. диссонировала с эстетико-философской сложностью игры Смоктуновского, обращённой к современности. Критики писали о том, что между героями не было подлинного духовного братства, поэтому притяжение «тёмного» Рогожина к внутреннему свету Мышкина казалось непонятным и немотивированным. В схожей стилистике был решён образ Рогожина и в экранизации И. А. Пырьева 1958 г.: режиссёр сделал акцент на чертах, связывающих героя с миром купечества, в ущерб общечеловеческому началу образа Достоевского. В советской экранизации Рогожин не только не был трагической фигурой, но даже получил сатирически сниженные черты торговца, одержимого жадной собственничества.

Кинематограф XXI в. вернулся к традиции интерпретации образа Рогожина как человека из народа. В. Л. Машков, исполнивший эту роль в сериале В. В. Бортко (2003 г.), героизировал любовную одержимость Рогожина. Энергичная и отрывистая манера игры, в целом свойственная актёру, позволила ему создать яркий образ, произведший огромное впечатление на массового зрителя. Этот сумрачный, страстный, неистовый Рогожин, по выражению Т. Москвиной, был «убедителен, хоть и элементарен»¹⁷. Актёр старался раздвинуть рамки традиционного представления о купце с широкой душой и создать фигуру более вдумчивого и самоуглублённого Рогожина, однако остался в плоскости эмоциональной интерпретации роли, без выхода к философским и религиозным контекстам романа. В работе Машкова отразились стереотипы массовой культуры: герой Достоевского в сериале выглядит слишком красиво и респектабельно; играя купца XIX в., актёр попытался вложить в него современное представление о мужчине, наделённом харизмой и привлекательностью.

¹⁶ Горелов А. Князь Мышкин и другие // Нева. 1958. № 6. С. 175.

¹⁷ Москвина Т. Разговор в пользу вечности // Искусство кино. 2003. № 7. С. 30.

Е. А. Осокина

ЧТО СТАЛО С «НАРОДОМ» У ДОСТОЕВСКОГО¹

В статье раскрывается значение идиоглоссы **народ** в художественных, публицистических и эпистолярных текстах Ф. М. Достоевского по материалам «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссария». По приведённым контекстам раскрываются реальные значения слова, уточнённые и закреплённые в Комментариях к словарной статье в зонах сочетаемости, ассоциаций, тропов, афористики и других.

Ключевые слова: народ, Достоевский, идиоглосса, смысловые и социальные оппозиции, население, люди, общество, сакральное значение, «народ-богоносец».

В наши дни как никогда становится актуальным обращение к **народу** как в буквальном человеческом, так и в понятийном смысле. После либерального безвременья **народу** возвращается основополагающая и целеполагающая роль, то есть всё делается для **народа**, ради **народа**, по воле **народа**. Такая же переломная ситуация запечатлена и осмыслена Ф. М. Достоевским: произошло не просто выведение из глубины неведения на поверхность общественного сознания понятия **народ**, но и наполнение его новым значением, возведённым до высшего, сакрального смысла.

У Достоевского **народ** – слово значительное и по частоте, и по смыслу. Самое активное словоупотребление наблюдается в публицистике – 1804. В художественной прозе – 494, в письмах – 144. Дефиниции распределились по контекстам на значения, вполне в соответствии с теми, которые присутствовали и в греческом языке. Помимо государственной общности – нации – и толпы, главным, основополагающим, становится понимание **народа** как *основного населения страны, преимущественно крестьянского, живущего на своей земле, имеющего общую историю, культуру и быт, в противоположность аристократии, интеллигенции и другим сословиям; единого целого, воплощающего идеал; носителя соборного сознания*. И это то, что воплощает смысловые оппозиции, ставшие константой.

Для самого существенного значения слова **народ** таких оппозиций три:

- Народ – «Я» = всё что не «я» и «я».
- Народ – «МЫ» = все остальные и элита, интеллигенция, разные сословия.
- Народ – «нация» = «основное население земли», «основа», «почва» – общество, государство.

Если в наше время третья оппозиция размывается, может быть, специально, объединяя эти два слова в одном значении, хотя исторически они были разновременны и различались, то первые две – вечны, так как всегда противопоставляются.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-04-00135а «Многопараметровое представление тезауруса Достоевского».

В Новом Завете: Посланник Бога – Сын – Богочеловек, принесший жертву за всех, но прежде был и дьявол, уподобивший и противопоставивший себя Богу, – богоборец – человекобог. Возможно, этот древнейший архетип и является основополагающим в противопоставлении себя **народу**, а значит, и Богу. Это и проявляется в речи: «я, мы» и **народ**. В таком ассоциативно-смысловом ряду иначе представляется фраза «*народ безмолвствует*» А. С. Пушкина – безмолвствует Бог, что понимается как Богооставленность. А «ходить в народ», «быть с народом» – это своеобразное Богоискательство.

Достоевский, глубоко и искренне переживая отношения человека с Богом, выбирает **народ** – *основу, почву* – для преодоления человеческой гордыни, богоборчества, полагает **народ** носителем идеала – служение всех всем, – преодолевающим общественную логику.

Закрепилась такая оппозиция и такая традиция понимания **народа** в языке и в книжности? Возможно, при вхождении (=введении) в конце XVII века в язык и в обиход слова «нация» – буквальной кальки с латинского *natio* («народ, племя») через польское *pacja*. Именно тогда словесно могла закрепиться оппозиция земного («нация») и небесного (**народ**), государственного как установленного человеком и царствия Божия, что всегда – *и ныне и присно и во веки веков* – является высшим идеалом сущего, тем, к чему **должно** стремиться и во что **должно** верить, и тогда **народ** как *воплощение чаемого* (что есть часть определения *веры* апостолом Павлом в Послании к евреям: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом, – и является этим высшим идеалом – Евр 11, 1).

Пока сложно сказать, была ли введена в книжный обиход такая оппозиция Достоевским, но **народ** он понимал именно так. Полную реализацию эта оппозиция получила в русском языке в советское время².

² **НАРОД**, а, м. 1. Население, объединённое принадлежностью к одному государству; жители страны. Красная Армия — это вооружённый советский народ. Вршлв. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа. Конституция СССР. ...Наш рабочий класс не только не лишён орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет совместно со всем народом. Стлн. Бельгийский н. Абиссинский н. 2. То же, что **нация**, национальность. Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа... Лнн. Ленинизм расширил понятие самоопределения, истолковав его как право угнетённых народов зависимых стран и колоний на полное отделение, как право наций на самостоятельное государственное существование. Стлн. ...Расцвет национальной культуры народов СССР... Стлн. 3. только ед. В эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущ. крестьяне) в противоположность правящему, господствующему классу. Голос народа. ...Буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами. Лнн. Ийти в н. (см. **итти**). Писатель из народа. 4. только ед. Люди (разг.). Много народу. На народе. Старушки всё – народ сердитый. Грбдв. И поёт при всём народе во саду ли в огороде. Пшкн. Народу было пропасть и в кавалерах не было недостатка. Трнв. Народ в этом краю был суровый — охотники, лесовики. А. Н. Тлстй. ◊ Простой народ (дореволюц.) – то же, что **народ** в 3 знач. Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в «простом народе», а сами отлично обдывают свои делишки... Лнн. // Толковый словарь русского языка в 4-х тт. Ушакова. М., 1935 – 1940.

Как *православие* в своё время было идеалом – общечеловеческим уровнем – для византийского общества, а Христос – для русского, так в советское время идеал, без которого невозможно существовать, заменили **народом**, когда утратили прежний христианский идеал. В «Дневнике писателя» 1876 г. читаем: «Но, вероятно, таково именно свойство его [народа], как славянина, то есть – подыматься духом в страдании, укрепляться политически в угнетении и, среди рабства и унижения, соединяться взаимно в любви и в Христовой истине» (23; 103). Это литургическая идея всеобщего единения, когда после молитвы приношения дьякон произносит: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы».

Достоевский преодолел противопоставление «я, мы» и **народ**, перенеся на него духовный идеал, сделав народ вместилищем Божиим, ходящим «во свете Его». Об этом промыслительно было сказано уже в Библии. Это можно наблюдать в афоризмах: «**Народ** – это тело божие» – 10; 199 (см. далее Приложение).

Идея сакрализации **народа** ярко представлена в диалоге Шатова и Ставрогина в романе «Бесы» (10; 199 – 200). Сцена объяснения между Шатовым и Ставрогиным напоминает (кроме аллюзии к творению маркиза де Сада – 12; 297 – 298) допрос и отсылает к сцене допроса Иисуса Христа первосвященником Каиафой (Мф 26, 67), но с обратным знаком, с замещением героев на антигероев. Шатов говорит, что он «несчастливая, скучная книга», что он может «только отдать свою кровь <...>, как всякий человек без таланта. Погибай же и моя кровь!» (Слова Иуды. Мф 27, 4), что он уже «полчаса пляшет нагишом» перед Ставрогиным... Ставрогин удивлён, что ему «навязывают знамя», повторяя Петрушу Верховенского, «по необыкновенной способности к преступлению». У обоих сверкают и вспыхивают глаза, у Шатова появляется пена на губах, он кричит: «Николай Ставрогин не может лгать пред Шатовым, бившим его по лицу!» (10; 201) Схожую сцену Достоевский описал за 10 лет до «Бесов» в статье «Ответ “Русскому вестнику”» при пересказе одного водевиля тоже с двойным смыслом, смешивая два произведения и двух персонажей (19; 125 – 126, 395): «Его [Виссариона Вихляева] трясли за шиворот, давали ему в нос щелчки, причём особенно отличался офицер, били *во все места*, – и в райке ужасно смеялись. Разумеется, чем больше крал Виссарион платков, тем ярче и ярче обозначалось скромное величие и добродетели коллежского советника. Этот способ оплевания, осмеяния и даже **заушения** прекрасен. Главное – удобен и выгоден. Тотчас же можно собрать толпу, которая, окружив преступника, будет высовывать ему язык, плясать перед ним на одной ножке, показывать ему шиши и кричать: “У-у!”» (19; 126). «– Даже в форме самого великого покаяния сего заключается уже нечто смешное. О, не верьте тому, что не победите! – воскликнул он вдруг почти в восторге, – даже сия форма победит (указал он на листки), если только искренно примете **заушение** и заплевание. Всегда кончалось тем, что наипозорнейший крест становился великою славой и великою силой, если искренно было

смирение подвига. Даже, может, при жизни вашей уже будете утешены!..» (Тх 27).

Эти отступления необходимы для представления о книжных источниках умозаключений о **народе**, что, на самом деле, не влияет на общую концепцию понятия **народ**, являющегося и идиоглоссой, и идеологемой, и концептом у Достоевского. Есть контексты, связанные с персонажами художественных произведений, есть цитируемые автором (прецедентные – Е. О.) тексты и есть контексты, принадлежащие самому Достоевскому. Всё это складывается в единую картину авторского представления о **народе**.

По ассоциативной цепочке словарной статьи в Идиоглоссарии, исключая определения сочетаемости – СЧТ₁ и СЧТ₂, – выявляется представление о **народе** как о *толпе*, *черни*. Это обычно для представления о **народе** до Достоевского, вслед за евангельской традицией, где основное значение слова **народ** – это *люди*, *толпа*.

Примеры эпитетов по СЧТ₁ (подчинительная связь)

Народ	Народ
английский Пс 30(1): 24	низший ДП 25: 43
афимьевский Пд 314	никакой Пб 20: 61
бедный ЗМ 11	оборванный ДП 27: 7
бедный, несчастный, тёмный ДП 25: 11	одинокый Пс 28(1): 274
без ремесла, жалкий и оборванный,	опасный БрК 468
но одарённый ЗМ 36	освобождённый ДП 26: 114 [от крепостного
безжалостный БрК 187	состояния] ДП 26: 119
беспримерный в мире ДП 25: 81	остальной ДП 22: 36 ДП 24: 62
бессмысленный Пс 28(2): 18	очень пронизательный и иронический
бесчувственный Пб 19: 154	Ид 245
битый ЗМ 16	парижский ДП 26: 159
благонадёжный Бс 298	погибший ЗМ 8, 13
богатый ДП 26: 132 «богоносец»	«подавленный» Пс 28(2): 18
Бс 196, 196, 200	подлый БрК 460 Пб 19: 154
бойкий, задорный ЗМ 24	подчинённый ЗМ 150
ваш Пс 28(1): 249	порядочный БрК 78
великий Бс 199, 200 ДП 26: 91 [наш]	последний БрК 32
БрК 286 ДП 25: 124	посторонний Бс 364
великий, гордый и особый ДП 25: 153	правоверный ДП 27: 32
весь Дв 153 Бс 198 Пб 18: 57, 63 Пб 20: 14, 15	православный ДП 25: 168
Пб 21: 214 ДП 21: 35, 59 ДП 26: 170	превежливый и преласковый Пс 29(2): 90
весь этот ВМ 10 Бс 152, 379 ДП 25: 217	презамечательный ЗМ 201
вечно трудящийся Пд 87	продувной, ловкий, всезнающий ЗМ 43
восторженный Пб 21: 192	прозаический ДП 23: 141
всякий Бс 199 Пб 20: 7	промотавшийся, проигравшийся,
второстепенный Пд 44	прогулявший всё до копейки ЗМ 36
выходивший Хз 271	промышленный Хз 268
гениальный Пб 21: 235	простой, многомиллионный ДП 25: 68

германский ДП 26: 91 глупый ПН 328 Бс 487 горячий Бс 177 горячий, жаждущий справедливости ЗМ 201 грамотный ЗМ 12 Пб 18: 63 грубый Пб 18: 64 ДП 25: 80 грубый и неотёсанный Пс 29(1): 325 грубый, раздражённый и озлобленный Пс 28(1): 169 деликатный и ласковый Пс 29(2): 90 дерзкий Пс 29(1): 246 дикий ДП 26: 58 ДП 23: 99 достаточный БЛ 17, 85 другой ЗМ 28 Пб 19: 53 Пб 20: 6, 25 ДП 25: 77 еврейский ДП 25: 83, 87, 88 европейский Пб 18: 37 ДП 21: 17 ДП 25: 215 жалкий Пб 19: 63 желчный, брюзгливый, раздражительный и нетерпимый ЗМ 201 живучий ДП 25: 81 забитый и запуганный Пс 30(1): 114 задорный БрК 90 закрепощённый Пс 30(1): 233 здешний Пд 314 Пс 29(1): 162, 243 здоровенный ЗМ 164 идеальный ДП 21: 9 изживший свои силы Пс 29(1): 176 иной ДП 27: 18 интеллигентный ДП 27: 9 исторический ДП 26: 116 какой-нибудь ДП 22: 110 какой-то там Пб 20: 25 какой угодно ДП 26: 152 каторжный ЗМ 119 Пс 28(1): 169 коренной ДП 25: 78, 81 кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем ДП 23: 150 кряжевой, неотёсанный Пб 20: 26 легкомысленный и не умеющий разрешать загадку жизни ЗМ 5 литературный Пб 20: 31 Пс 28(1): 113 ловкий Кр 191 БКа 177 любопытный ЗМ 120 Бс 180 любящий его БрК 226 мёртвый Пс 29(1): 176 многомиллионный ДП 27: 19 молодой ЗМ 210 БрК 464 ДП 22: 72	прочий ЗМ 121 пьяный ЗМ 109 рабочий ДП 21: 115 «развратный» и тёмный ДП 25: 69 разный УО 308 Пс 29(2): 14 религиозный ДП 22: 95 робкий ЗП 100 Пб 18: 100 родной ДП 26: 143 русский, «коренной» ДП 25: 80 самодовольный и гордый собою ДП 21: 36 самый ЗЗ 57 Ид 451 Бс 324 самый даровитый, самый сильный ЗМ 231 самый молодой и желторотый ЗМ 118 самый серьёзный Бс 298 самый сквернословный ДП 21: 116 сведущий, даже учёный Ид 213 свежий ДП 22: 72 свободный Ид 310 свой ДП 22: 115 ДП 25: 192 сельский Пб 19: 49 сильно развитой ЗМ 34 сильный, большею частью в цвете лет и сил ЗМ 173 славный Пс 29(1): 234 славянский ДП 23: 69 слепой Дв 168 соседний ДП 26: 145 справедливый и прекрасный Пс 29(2): 132 средневековый Пб 20: 28 стомиллионный ДП 23: 160 стоявший ГП 251 странный ЗЗ 64 ДП 22: 13 странный какой-то ПН 75 страшный БрК 62 страшный и жестокий ДП 21: 18 суровый ЗМ 189 суровый и пьяный Ид 499 такой как евреи ДП 25: 77 такой как наш ДП 26: 135 тёмный ДП 25: 12 тёмный и нищий Пб 21: 203 теперешний ДП 22: 104 толковый и по возможности честный ЗМ 57 тому подобный Пб 19: 49 трудолюбивый ПН 211 тупой и бессмысленный Пб 21: 198 тщеславный и легкомысленный в высшей степени ЗМ 121
--	--

молодой, раззадорный БЛ 60 молчаливый и забитый ЗМ 204 московский Пс 30(1): 23 мрачный ЗЗ 71 надёжный, хороший Пб 18: 93 надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени ЗМ 34 наплывной ДП 26: 64 насмешливый и неожиданный ДП 22: 36 настоящий Пб 19: 14 ДП 25: 210 Пс 30(1): 23 натёртый ЗМ 226 нахальный и грязный ДП 26: 31 наш ЗМ 49, 121 Пб 18: 36, 55 Пб 21: 144 Пб 20: 5, 8, 21, 75, 121 ДП 21: 15, 91, 94, 115 ДП 22: 45 ДП 23: 70, 141 ДП 24: 64 ДП 25: 23, 69, 69, 69, 69, 80, 215, 215, 215 ДП 26: 118, 131, 131, 152 недовольный и ропчущий ДП 26: 57 нежный сердцем ДП 25: 41 неизвестный Пд 45 необыкновенно сильный и энергический ДП 25: 81 необыкновенный ЗМ 231 неподходящий ЗМ 226 непотребный СС 26 неробкий ЗМ 204 несовершеннолетний Ид 214 несчастный ЗМ 130 не тронутый ещё чужою цивилизацией ДП 25: 129	угнетённый Пб 20: 25 угрюмый Пб 20: 108 угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и в высшей степени «униженный» Пс 28(2): 18 умный и весьма широкого взгляда ДП 26: 71 ужасно любопытный Бс 484 умный Пс 29(1): 146 французский Бс 34 Пб 19: 15 Пб 21: 181 ДП 23: 133, 134 французский, глухой и обезображенный Пб 20: 28 хитрый Бс 219 Пб 19: 176 хмельной ДП 21: 113 хороший Бс 298 цельный Пб 18: 78 ДП 21: 17, 35 ДП 26: 152, 170 цепкий ДП 25: 71 чрезвычайно легкомысленный, спешливый и доверчивый Пб 20: 51 чрезвычайно любопытный ДП 25: 43 чудный Пс 28(1): 172 чуждый Пб 20: 15 чуткий Пб 19: 53 шныряющий, суевающийся, вечно озабоченный, угрюмый и встревоженный Ид 326 этот ваш Ид 308 этот ЗМ 150 Пб 20: 21, 31 ДП 23: 60 юмористичный, острый Пб 19: 53 юный ДП 24: 58
---	---

В текстах Достоевского происходит преобразование идеи **народа**. Конечно же, это связано с опытом каторги и осмыслением последствий реформы 1861 года. Он указывал на разьединённость с **народом**, на общественные и концептуальные проблемы в противостоянии и противополжении *народа* и *элиты*, на сущностные свойства *народа*, которые недоступны *элите*, всем сердцем и душой устремлённой в Европу.

Ложность позиции элиты – из-за фантастического представления о Европе и цивилизованной идее общечеловека. Истинность **народа** есть вера в Церковь Вселенскую. В Дневнике писателя за 1881 год говорится: «Но теперь об этой лишь главной идее **народа нашего** говорю, об чаянии им грядущей и зиждущейся в нём, судьбами божьими, его церкви вселенской. <...> И тут прямо можно поставить формулу: кто не понимает в **народе нашем** его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймёт и самого народа нашего» (27; 19).

В непрекращающейся до конца жизни полемике с «нашими либералами» Достоевский формулирует идею **русского народа и народа** вообще как смыслодержущую, основополагающую и истинную в целепологаии, наполняя её сакральным смыслом. Осмысление народного чаяния идёт вкупе с *землёй*, а *земля* – с *детьми*, а *дети* – с *будущим*, а *будущее* – *церковь вселенская*. В «Дневнике писателя» за май 1876 года (23; 94-99. Глава IV-я: «Земля и дети») Достоевский говорит о том, что дети должны рождаться на земле, в Саду, а не на мостовой, как какие-нибудь Гавроши, потому что *дети* – наше *будущее*, которое одно мы любим. Без *земли*, *почвы*, нет и *будущего*. Эта мысль Достоевского об отъятии *земли у детей* ещё недостаточно акцентирована, тогда как это отъятие актуально сейчас и состоит в потере *своего* – русского языка, веры, культуры, земли – и ориентации на *чужое* – Европу, Америку, британскую культуру и язык.

Без других словарей языка писателей, подобных «Словарю языка Достоевского», невозможно со всей определённости сказать о принадлежности именно Достоевскому идеи сакрализации **народа**, вознесённой на щит советской коммунистической идеологией, но пока это так. В романе «Война и мир» Л. Н. Толстого возникла тема человека из народа Платона Каратаева как носителя истины – «красоты, добра и правды», но лексикографического материала нет. Так что сравнивать пока не с чем, и Ф. М. Достоевский остаётся идеологом сакрализации **народа**.

Приложение³

Условные обозначения жанров

- – художественная проза;
- – публицистика;
- – личные письма;
- – деловые письма и документы.

Указатель аббревиатурных обозначений

АФРЗ – фразы с описываемым словом, употребляющиеся как афоризмы или способные стать афоризмами.

КОМБ1 – использование в одном предложении двух или нескольких текстоформ с разными значениями.

КОМБ2 – использование в одном контексте нескольких слов того же словообразовательного гнезда.

АССЦ – ближайшее ассоциативное окружение описываемого слова.

СЧТ1 – подчинительные связи слова.

СЧТ2 – связи слова, отличные от подчинительных.

НСТ – нестандартная сочетаемость и управление.

МРФ – морфологические особенности употреблений слова.

ИРОН – ироническое употребление слова.

ТРП – тропеическое употребление описываемого слова.

ЧЖР – чужая речь, цитаты в текстах Достоевского.

³ Словарная статья для издания: Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Главный ред. Ю. Н. Караулов.

Условные сокращения названий произведений Достоевского⁴

- Бб Бобок
- Бл Бедные люди
- БН Белые ночи
- БрК Братья Карамазовы (Т.14)
- БКа Братья Карамазовы (Т.15)
- Б Бесы (Т.10)
- ВМ Вечный муж
- ГП Господин Прохарчин
- Дв Двойник
- ДК Деловая корреспонденция
- ДП Дневник писателя (1873 – 1881)
- ДС Дядюшкин сон
- ЕС Ёлка и свадьба
- ЗЗ Зимние заметки о летних впечатлениях
- ЗМ Записки из Мёртвого дома
- ЗП Записки из подполья
- Иг Игрок
- Ид Идиот
- Кр Крокодил
- Кт Кроткая
- МГ Маленький герой
- ММ Мужик Марей
- МХ Мальчик у Христа на ёлке
- НН Неточка Незванова
- Пб Статьи 1845 – 1864 гг., 1873 – 1878 гг.
- Пд Подросток
- Пл Ползунков
- ПН Преступление и наказание
- Пс Письма (личная переписка)
- РП Роман в девяти письмах
- СА Скверный анекдот
- Ср Слабое сердце
- СС Село Степанчиково и его обитатели
- СЧ Сон смешного человека
- Тх Бесы (Глава «У Тихона». Т.11)
- УО Униженные и оскорблённые
- Хз Хозяйка
- ЧВ Честный вор
- ЧЖ Чужая жена и муж под кроватью

⁴ В словарной статье даются в скобках с указанием номера страницы в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в тридцати томах (Л., «Наука», 1972 – 1990). Для публицистики и писем перед номером страницы указан номер тома.

НАРОД <2442: 494, 1804, 141, 3>⁵

1. Основа населения страны, преимущественно крестьянского, но не только, живущего на своей земле, имеющего общий язык, общую историю и культуру, бытовые условия.

☞ [Горяччиков] Действительно, везде в **народе** нашем, при какой бы то ни было обстановке, при каких бы то ни было условиях, всегда есть и будут существовать некоторые странные личности, смиренные и нередко очень неленивые, но которым уж так судьбой предназначено на веки вечные оставаться нищими (ЗМ 49). [Рассказчик] Слышал я недавно, что какой-то современный помещик, чтоб слиться с **народом**, тоже стал носить *русский костюм* и повадился было в нем на сходки ходить; так крестьяне, как завидят его, так и говорят промеж себя: «Чего к нам этот ряженный таскается?» (ЗЗ 53). [Князь Мышкин] У нас не веруют еще только сословия исключительные, как великолепно выразился намереди Евгений Павлович, корень потерявшие; а там, в Европе, уже страшные массы самого **народа** начинают не верить, – прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к церкви и ко христианству! (Ид 451). [Версилов] Я знал одного вечного труженика, хоть и не из **народа**; он был человек довольно развитой и мог обобщать (Пд 87). [Из жития старца Зосимы] Лишь **народ** и духовная сила его грядущая обратит отторгнувшихся от родной земли духов-атеев наших (БрК 267).

☞ Но скажут [французы], пожалуй: что же **народ**? **Народ** темен и необразован, и укажут на общество, на людей образованных; но и восторг людей образованных к родной старине, и беззаветное стремление к ней всегда казалось нам навеянным, головным, романтическим восторгом, кабинетным восторгом, потому что кто у нас знает историю? (Пб 18: 25). Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с **народом** (Пб 18: 36). Некоторые из этих рассуждений, пожалуй, и очень дельны; замечание о том, что сказка о «Кузьме Остолопе» писана для господ и примется **народом** с пренебрежением, – очень верно, так что даже вчуже начинаешь сожалеть о благородных, но близоруких составителях «Хрестоматии» (Пб 19: 22). Вот почему нельзя говорить, что, дескать, зачем отделять высшее общество или, точнее выражаясь, образованное общество от массы **народа** (Пб 20: 17). Если Россию, чуть не с самого начала столетия, принято считать у европейских умников за грозный колосс на глиняных ногах (тогда как в сущности, если у нас что особенно здорово и цело, то это именно основание, то есть **народ**, на котором испокон веку утверждалась и будет утверждаться Россия) – то неужели и к новому германскому колоссу можно уже применить, хоть отчасти, такой же отзыв? (Пб 21: 223). Вопрос о **народе** и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь. И однако же, **народ** для нас всех – всё еще теория и продолжает стоять загадкой. Все мы, любители **народа**, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представили (ДП 22: 44). Надо заметить, что кроме семинаристов, из **народа** и из купцов например, лишь весьма немногие пробивлись в разряд «лучших людей», и дворянство продолжало стоять во главе нации (ДП 23: 155). Вообще эта идея о **народе** нашем как о любителе подлых ругательств, по моему мнению, укоренилась в интеллигентном слое нашем, главное, уже тогда, когда уже произошел окончательный, нравственный

⁵ Количественная характеристика использования описываемой единицы в корпусе текстов. Первая цифра – общее количество словоупотреблений, вторая – количество словоупотреблений в художественной прозе, третья – в публицистике, четвертая – в личных письмах, пятая – в официальных письмах и деловых документах.

разрыв его с **народом**, кончившийся, как известно, со стороны интеллигентного слоя нашего совершенным непониманием **народа** (ДП 25: 130).

☞ [М.М. Достоевскому] «Прежде господином был [каторжники о Достоевском], **народ** мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал» – вот тема, которая разыгрывалась 4 года (Пс 28(1): 169). [М.М. Достоевскому] Щепкин [актер] чуть не до 30 лет был крепостным человеком. А между тем почти с детства соединился с цивилизованным обществом, не переставая быть **народом** (Пс 28(2): 70). [Студентам Московского университета] Но, отрываясь от него и оставляя его, наш студент уходит не к **народу**, а куда-то за границу, в «европеизм», в отвлеченное царство небывалого никогда общечеловека, и таким образом разрывает и с **народом**, презирая его и не узнавая его, как истинный сын того общества, от которого тоже оторвался (Пс 30(1): 22). [Студентам Московского университета] Почему мясники не **народ**? Это **народ**, настоящий **народ**, мясник был и Минин (Пс 30(1): 23).

☞ [Александрю II] Вы уже осыпали миллионы **народа** Вашего [речь идет об отмене крепостного права]; осыпайте же еще бедного сироту, мать его и несчастного больного, с которого до сих пор еще не снято отвержение и который готов отдать сейчас же всю жизнь свою за царя, благодетельствовавшего **народ** свой! (Пс 28(1): 387). [Председателю С.-Петербургского цензурного комитета Н. В. Медему] Если причиной недопущения статьи к печати могло служить опасение за впечатление, ведущее к превратному понятию в **народе** о каторжной жизни, то теперь статья эта имеет целью произвести то впечатление, что несмотря ни на какие облегчения участи каторжных, со стороны правительства, – каторга не перестанет быть нравственной мукой, невольной и неизбежно карающей преступление (Пс 28(2): 336).

Примечания. 1. Понимание слова **народ** в оппозиции *народ – элита* и *народ – цивилизованное сословное общество как «толпа – собрание личностей»* было актуальным во времена Достоевского и продолжает быть актуальным и в наше время. Особенность Достоевского – мыслителя и писателя – в том, что он творчески и промыслительно преодолел эту оппозицию, возведя **народ** на целеполагающую высоту Божественной идеи. Хронологически это произошло со времени создания романа «Идиот». ⁶От разрыва с **народом** страдают и высшие классы. Их силы сравнительно с силами **народа** – чрезвычайно малы, если не ничтожны (Пб 20: 18). Без соединения с **народом** никогда, пожалуй, не удадутся высшим классам и попытки улучшить общественный быт страны (Пб 20: 19). [Студентам Московского университета] Разрыв с средой [молодежи] должен быть гораздо сильнее, чем, например, разрыв по социалистическому учению будущего общества с теперешним. Сильнее, ибо, чтобы пойти к **народу** и остаться с ним, надо прежде всего *разучиться презирать* его, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества в отношении его с **народом** (Пс 30(1): 25). [А.Ф. Благодравову] Нет, уж я лучше буду с **народом**; ибо от него только можно ждать чего-нибудь, а не от интеллигенции русской, **народ** отрицающей и которая даже не интеллигентна (Пс 30(1): 236) Δ См. также АФРЗ и зн. 4.

2. В *противопоставлении* Δ <...> лучшие наши «знатоки» народной жизни до сих пор в полной степени не понимают <...> по самой простой причине: потому что никогда не жили с **народом**, а жили другою, особенно жизнью (Пб 19: 7). Продолжая верить в чистоту его [Левина] сердца по-прежнему, я не верю, что он **народ**; напротив, вижу теперь, что и он с любовью норовит в обособление (ДП 25: 193). [Прогрессивной интеллигенции] Вы и просветились в два-то столетия, а **народ-то** от вас отдалился, а вы от него (ДП 27: 18) Δ

⁶ Условное обозначение границ примеров, включённых в Примечания и Комментарии.

2. Люди; группа людей.

☞ [Девушкин] Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить как-то стыдно; здесь всё **народ** достаточный, так и стыдно (БЛ 17). [Девушкин] **Народу** ходила бездна по набережной, и **народ**-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат по какой-нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанным в копченом масле, с замком в руке; солдат отставной, в сажень ростом, – вот какова была публика (БЛ 85). [Горянчиков] В кухне, кроме дворян, было еще много **народу**, всего человек тридцать (ЗМ 203). Он [Раскольников] вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись **народу**, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «Я убийца!» (ПН 405) [Из рассказа Макара Ивановича] «<...> С здешним **народом** по-другому нельзя. Здешний **народ** развратен; без меня б они все здесь с голоду перемерли, сколько их тут ни есть. <...>» | Вот так говорил Максим Иванович об **народе** афимьевском; хоть худо он это говорил, а всё ж и правда была: народ был стомчивый, не выдерживал. <...>» (Пд 314) [Великий инквизитор Пленнику] Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый **народ**, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли, знаешь ты это? (БрК 228)

☞ Являлись туда с незапамятных времен и отставные наши кавалеристы, **народ** веселый и добродушный, изумлявший на наших парадах публику красотой своих форм, обтянутых лосиной, и проводивший потом остаток дней своих уже не в тягостях службы, а в свое удовольствие (Пб 18: 47). Разумеется, она [книжка] не между мужиками расходилась сначала, а попалась горничным, писарям, лакеям, приказчикам, мешанам и тому подобному **народу** (Пб 19: 49). Никогда **народ**, называя преступника «несчастливым», не переставал его считать за преступника! (ДП 21: 18). Дети странный **народ**, они снятся и мерещатся (ДП 22: 13). Он [дон Карлос] пролил реки крови ad majorem gloriam dei [к вящей славе Божьей] и во имя богородицы, кроткой молевицы за людей, «скорой заступницы и помощницы», как именует ее **народ** наш (ДП 22: 93). Иду по улицам, **народ** ходит, который час, не знаю (ДП 24: 56).

☞ [М.М. Достоевскому] Некрасов аферист от природы, иначе он не мог бы и существовать, он так с тем и родился – и посему в день же приезда своего, у меня вечером, подал проект летучему маленькому альманаху, который будет соиздаться посильно всем литературным **народом**, но главными его редакторами будем я, Григорович и Некрасов (Пс 28(1): 113). [Н. Н. Страхову] Много **народу** привалило как в столицу; жить гораздо дороже, чем прежде, но сравнительно с Петербургом все-таки сильно дешевле (Пс 28(2): 334). [Студентам Московского университета] И вот и вы сами, господа, называете московский **народ** «мясниками» вместе со всей интеллигентной прессой (Пс 30(1): 23). [А. Г. Достоевской] Было [у Корнилова] человек до 20 разного **народу** (Майков не пришел) (Пс 29(2): 14).

3. Нация (исторически складывающееся устойчивое сообщество людей, живущее в данный момент на одной территории по одним законам государственной и экономической жизни, говорящих на едином государственном языке; государство, страна, общество).

☞ <...> [Ордын] видел, как раскидывались перед ним волшебные, роскошные сады, как слагались и разрушались в глазах его целые города, как целые кладбища вы-

сылали ему своих мертвецов, которые начинали жить сызнова, как приходили, рождались и отживали в глазах его целые племена и **народы**, как воплощалась, наконец, теперь, вокруг болезненного одра его, каждая мысль его, каждая бесплотная греза, воплощалась почти в миг зарождения <...> (Хз 279). [Шатов Ставрогину] **Народы** слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо (Бс 198). [Версильов Аркадию о своем сне] Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой **народы** не хотят жить и не могут даже и умереть! (Пд 375)

☞ Это писал француз <...> способный рассердиться за то, что есть какой-нибудь другой **народ** у которого своя история, своя идея, свой народный характер и свое развитие (Пб 18: 25). Он [русский человек] инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других **народов**; тотчас же соглашается, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских наций, – в идеях, которые сами собою, у себя дома, еще до сих пор, к несчастью, не находят способа примириться между собою, а может быть, и никогда не примирятся (Пб 18: 55). Нам принцип, принцип дорог, принцип, который вы защищаете; помните же: мы [«Современное слово»] вам [черногорцам] помогаем как **народу**, защищающему принцип национальности, и главное – независимости, а отнюдь не как черногорцам (Пб 20: 25). Иногда королям, возвращающимся к своим **народам**, нарочно придумывают словечки для первой встречи (Пб 21: 183). Тем не менее ход событий, кажется, должен изменить отношения к России европейских **народов** в весьма недалеком будущем (ДП 22: 122). Предполагается отказаться наконец от турок, уничтожить турок, как людей отпетых и ни на что не способных, и из всех христианских **народов** Балканского полуострова составить союз с центром в Константинополе (ДП 23: 115). Константинополь должен быть наш, рано ли, поздно ли, хотя бы именно во избежание тяжелых и неприятных церковных смут, которые столь легко могут возродиться между молодыми и не жившими **народами** Востока и которым пример уже был в споре болгар и вселенского патриарха, весьма плохо окончившемся (ДП 25: 73).

☞ [А.Н. Майкову] В Германии меня всего более поражала глупость **народа**: они безмерно глупы, они неизмеримо глупы). У нас даже Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов, человек ума высокого, – и тот не хочет понять правды: «Немцы, говорит, порох выдумали» (Пс 28(2): 243). [С. А. Ивановой] Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и неприметно ожесточается и впадает в варварство. Я говорю про **народы** в целом (Пс 29(1): 137). [А. Г. Достоевской] Немцы в воскресение были все на улицах и в праздничном платье, **народ** грубый и неотесанный (Пс 29(1): 325).

4. Мистическая сущность, воплощение Божественной идеи.

☞ [Шатов Ставрогину, воспроизводя его слова] Знаете ли вы, – начал он почти грозно, принагнувшись вперед на стуле, сверкая взглядом и подняв перст правой руки вверх пред собою (очевидно, не примечая этого сам), – знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный **народ**–«**богоносец**», грядущий обновить и спасти мир именем нового Бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова... (Бс 196). [Шатов Ставрогину, воспроизводя его слова] Цель всего движения народного, во всяком **народе** и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного. <...> Бог есть

синтетическая личность всего **народа**, взятого с начала его и до конца (Бс 198). [Шатов Ставрогину, воспроизводя его слова] Никогда не было еще **народа** без религии, то есть без понятия о зле и добре (Бс 199). [Старец Зосима] Из **народа** спасение выйдет, из веры и смирения его. <...> Отцы и учителя, берегите веру **народа**, и не мечта сие: поражало меня всю жизнь в великом **народе** нашем его достоинство благолепное и истинное, сам видел, сам свидетельствовать могу, видел и удивлялся, видел, несмотря даже на смрад грехов и нищий вид **народа** нашего (БрК 286). <...> Так и у нас будет, и воссияет миру **народ** наш, и скажут все люди: «Камень, который отвергли жидущие, стал главою угла» (БрК 288).

☞ Это, действительно и на самом деле, почти братская любовь наша к другим **народам**, выжитая нами в полтора века общения с ними; это потребность наша всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам; это примирение наше с их цивилизациями, познание и *извинение* их идеалов, хотя бы они и не ладили с нашими; это нажитая нами способность в каждой из европейских цивилизаций или, вернее, – в каждой из европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину, несмотря даже на многое, с чем нельзя согласиться (ДП 23: 47). Тогда было горячее и славное время: подымалась духом и сердцем вся Россия, и **народ** шел «добровольно» послужить Христу и православию против неверных, за наших братьев по вере и крови славян (ДП 25: 65). Да, великий **народ** наш был взращен как зверь, претерпел мучения еще с самого начала своего, за всю свою тысячу лет, такие, каких ни один **народ** в мире не вытерпел бы, разложился бы и уничтожился, а наш только окреп и сплотился в этих мучениях (ДП 25: 124). **Народ** же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все двухсотлетие с петровской реформы не раз (ДП 26: 131).

✉ [А. Н. Майкову] А мы в это время [когда немцы порох выдумали] великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, сумели перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили ее, наконец, немцев перенесли, и все-таки наш **народ** безмерно выше, благороднее; честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противуречащим себе самому лютеранством (Пс 28(2): 243). [А. Н. Майкову] И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой **народ** и народность, тот теряет и веру отеческую и бога (Пс 29(1): 145). [А. Ф. Благодорову] А первый признак неразрывного общения с **народом** есть уважение и любовь к тому, что **народ** всею целостью своей любит и уважает более и выше всего, что есть в мире, – то есть своего бога и свою веру (Пс 30(1): 236).

/// В составе имени собственного «Статья называется «**Опыт о книге для народа**» (Пб 19: 21). Начинается она V отделом, «**Антологией для народа**», который, кажется, самый лучший отдел во всей книге, хотя бы по тому одному, что всех занимательнее (Пб 19: 41)» [Н. Ф. Щербина // «Отечественные записки». 1861. № 2].

♦ **Божий народ (народ Божий)** ☞ И действительно, тут же недалеко от него [Прохарчина] взмогнулся на дрова какой-то мужик, в разорванном, ничем не подпоясанном армяке, с опаленными волосами и бородой, и начал подымать весь **божний народ** на Семена Ивановича (ГП 251). [Из Жития старца Зосимы] Кто не верит в бога, тот и в **народ божий** не поверит (БрК 267). См. также БрК 149, 284.

В народ (идти, путь, хождение) ☞ Рядом с рассказами о нескольких несчастных молодых людях, «идущих **в народ**», начинают рассказывать и о другой совсем молодежи (ДП 22: 101). Это совет молодежи, идущей «**в народ**» <...> (ДП 25: 24). Я убежден даже, что если нигилистическая пропаганда не нашла до сих пор путей «**в народ**», то

единственно по неумелости, глупости и неподготовленности пропагаторов, неумевших даже и подойти к народу (ДП 27: 17). ✉ [Студентам Московского университета] Он [народ] давно их [интеллигентную молодежь русскую] стал отмечать, еще в начале шестидесятых годов: затем все эти хождения **в народ** произвели в народе лишь отвлечение (Пс 30(1): 23).

Всех веков/времен и народов ☞ Заключительную же часть печатаю лишь потому, что тут, так сказать, тема общая: это некое увещание какому-то воображаемому фельетонисту, – увещание даже пригодное для фельетонистов **всех веков и народов**, до того оно общее (ДП 21: 62). Первая мысль – *всемирность* России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями **всех времен и народов** мира (ДП 25: 199).

При всем честном народе ☞ [Бахчевев Сереже] Терпел я, терпел, да и не утерпел, встал из-за стола да **при всем честном народе** и бряк ему: «Согрешил я, говорю, перед тобой, Фома Фомич, благодетель; подумал было, что ты благовоспитанный человек, а ты, брат, выходишь такая же свинья, как и мы все», – сказал, да и вышел из-за стола, из-за самого пудинга: пудинг тогда обносили» (СС 29). ☞ Он [человек, отделившийся от почвы] до того воспламеняется, что тотчас же обрушивается на него [предрассудок] всем своим хохотом и свистом, преследует его насмешками и, в благородном негодовании своем, харкает и плюет на этот предрассудок, тут же **при всем честном народе**, забывая и даже не думая о том, что ведь этот предрассудок покамест всё-таки дорог для народа <...> (Пб 19: 29).

Простой народ ☞ [Горянчиков] Они [доктора] никогда не делают между арестантами различия, как невольны делают почти все посторонние, кроме разве одного **простого народа** (ЗМ 46). [Рассказчик] Одним словом, все эти господа были **народ простой**, кряжевой; до корней не доискивались, брали, драли, крали, спины гнули с умилением, и мирно и жирно проживали свой век «в добросовестном ребяческом разврате» (ЗМ 57). [Кармазинов П. Верховенскому] **Простой народ** еще держится кое-как Русским Богом; но Русский Бог, по последним сведениям, весьма неблагонадежен и даже против крестьянской реформы едва устоял, по крайней мере сильно покачнулся (Бс 287). ☞ Даже сказки, то есть прямые небылицы, нравятся **простому народу**, может, отчасти по этой же самой причине (Пб 19: 50). <...> у нас всех, русских, – эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая; все у нас этому верят и сознательно и просто, и в интеллигентном мире и живым чутьем в **простом народе**, которому и религия его повелевает этому самому верить (ДП 25: 20). Слово «стюцкий, стюцкие» есть слово простонародное, употребляющееся единственно в **простом народе** и, кажется, только в Петербурге (ДП 26: 63). См. также ЗМ 134, 142, 176 Бс 279 Тх 6 БрК 29, 299 Пб 20: 18 ДП 21: 116 ДП 22: 62 ДП 26: 105, 119 ДП 27: 16.

Черный народ ☞ Он [народ] не обидится заманчивым заглавием и догадается, что оно выставлено на книге единственно для того, чтоб подманить его купить ее [книгу], а не для того, как в «Читальнике», что ее нужно читать, для того, что стыдно быть безграмотным и необразованным мужиком, стыдно перед добрыми людьми и благодетельными господами, которые принуждены были, наконец, административно и официально распространить в невежественном **черном народе** просвещение (Пб 19: 52). Кстати, многие смеются совпадению появления обеих сект у нас в одно время: штунды в **черном народе** и редстокистов в самом изящном обществе нашем (ДП 25: 12). [М. М. Достоевскому] Городишка [Омск] грязный, военный и развратный в высшей степени. Я говорю про **черный народ**. Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно (Пс 28(1): 171). [А. Н. Майкову] Право, **черный народ** здесь [у немцев] гораздо хуже и бесчестнее нашего, а что глупее, то в этом сомнения нет (Пс 28(2): 211). См. также Пб 21: 200, 243 ДП 21: 67 ДП 22: 96 Пс 30(1): 233.

имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения <...>. Если великий **народ** не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим **народом** и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий **народ** (Бс 199). <...> Истинный великий **народ** никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. <...> Кто теряет эту веру, тот уже не **народ** (Бс 200). [Александр Семенович (доктор) Макару Ивановичу] Наш **народ** – бродяга по преимуществу (Пд 300). [Старец Зосима] **Народ божий** любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и в брезгливой гордости вашей, а пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше (БрК 149). [Из Жития старца Зосимы] Гибель **народу** без слова божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия (БрК 267). [Из Бесед и поучений старца Зосимы] От **народа** спасение Руси (БрК 285). [Из Бесед и поучений старца Зосимы] **Народ** верит по-нашему, а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален (БрК 285). По-нашему, цел и здоров тот **народ**, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живет, и он умеет понять его (Пб 18: 26). <...> в **народях** родник непосредственной жизни (Пб 21: 238). <...> **народ** спасет себя сам, себя и нас, как уже неоднократно бывало с ним, о чем свидетельствует вся его история (ДП 21: 31). Может быть, единственная любовь **народа русского** есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания (ДП 21: 38). Нет, судите наш **народ** не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать (ДП 22: 43). Мы, русские – **народ** молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет; но большому кораблю большое и плавание (ДП 22: 72). Война развивает братолюбие и соединяет **народы** (ДП 22: 125). Россия сильна **народом** своим и духом его <...> (ДП 24: 62). Стать русским значит перестать презирать **народ** свой (ДП 25: 23). Колосс этот есть **народ** наш (ДП 25: 96). Чем больше **народ** будет уважать людей образованных лично, тем вернее пойдет и образование народное (ДП 25: 170). «Россия освобождает **народы**» – какая нелиберальная мысль! (ДП 26: 69). Пушкин любил **народ** не за одни только страдания его (ДП 26: 116). <...> любовь к **народу** была у Некрасова как бы *исходом его собственной скорби по себе самом* (ДП 26: 125). Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм **народа русского**: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово* (ДП 27: 19). <...> кто не понимает в **народе** нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого **народа** нашего (ДП 27: 19). Ибо **народ** наш, и по местам сидя, скажет точно-точно всё то же, что сказал бы и весь вкуче, ибо он один (ДП 27: 21). [А. Н. Майкову] <...> наша конституция есть взаимная любовь монарха к **народу** и **народа** к монарху (Пс 28(2): 280). [А. Н. Майкову] <...> кто теряет свой **народ** и народность, тот теряет и веру отеческую и бога (Пс 29(1): 145) Δ

Примечания. Много афоризмов с особым, положительным и новым смыслом Достоевский вкладывает в уста персонажа романа «Бесы» Шатова.

КОМБ1 Δ Овсянников, когда его везли недавно в Сибирь через Казань, вышвыривал, говорят, ногами подаянные копейки, которые ему наивно кидал **народ** <зн. 2> в экипаж: это уже последняя степень нравственной разорванности с **народом** <зн. 1>, полная потеря самого малейшего понимания народного смысла и духа (ДП 23: 157) Δ

КОМБ2 Δ Барчонка-белоручки в них не видать, духа барского не слышать, а есть в них какой-то особенный простонародный запах, прирожденный им, и, боже мой, как чутко **народ** к этому запаху! (ЗМ 150). А если Беранже всё-таки не так далек

от сознания не понимающего его большинства, как у нас Пушкин от простонародья, то это потому, что подобного исторического раздвоения **народа**, как у нас, во Франции не было (Пб 19: 14). Разве с развитием **народа** исчезает его народность? (Пб 19: 14). И зачем народный поэт должен быть непременно ниже развитием, чем высший класс **народа**? (Пб 19: 16) <...> (как, например, «Слово о полку Игореве», помещенное в «Читальнике» г-на Щербины для того, «чтоб воспитывать **народ** на положительной и коренной почве его народности»... другими словами, чтоб **народ** сделать *народным*) <...> (Пб 19: 44). Но это уж идеал [распространение в **народе** грамотности и образованности]; это возможно бы было только в том случае, когда бы составитель народных книжек видел в этом составлении неудержимое призвание свое с самого детства и ощущал бы в себе самую наивную и горячую потребность жить с **народом** и говорить с ним во все дни и часы своей жизни (Пб 19: 51). Ведь выходит, что нельзя сливать Москву с **народом**, нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выражение жизни народной (Пб 20: 12). Правда, что мы действительно **народ**, отстаивающий принцип независимости, да ведь с народностью-то что будешь делать! (Пб 20: 26). **Народ** наш не знает ни сербов, ни болгар; он помогает, и грошами своими и добровольцами, не славянам и не для славизма, а прослышал лишь о том, что страдают православные христиане, братья наши, за веру Христову от турок, от «безбожных агарян»; вот почему, и единственно поэтому, обнаружилось и всё движение народное этого года (ДП 24: 61). Поймут, наконец, и то важное обстоятельство, что ни разу еще в великие или даже в чуть-чуть важные моменты истории русской без него не обходилось, что Россия *народна*, что Россия не Австрия, что в каждый значительный момент нашей исторической жизни дело всегда решалось *народным* духом и взглядом, царями **народа** в высшем единении с ним (ДП 25: 70). Этот исход был – народность, *преклонение перед правдой народа русского* (ДП 26: 114) Δ. См. также ЗЗ 59 Пб 19: 16, 51 Пб 20: 27, 66 ДП 24: 62 ДП 25: 84, 170 ДП 26: 44, 63 (ФЕ), 138, 145, 155 ДП 27: 5 Пс 29(1): 145 (зн. 4).

АССЦ артельщики, бабы-чухонки, бездна, Бог, вера, веруют, всемирная отзывчивость, всепримирение, всеслужение человечеству, высшее общество, высшие классы, «глава угла», горничные, дети, достоинство благолепное и истинное, земля, идеалы, извозчики, искание Бога, кухня, лакеи, лица, личности, любовь, мальчишки, масса, мещане, миллионы, мир, мужики, нищие, образованное общество, отец, писари, пожарные, помещик, потребность всеслужения, понятие о зле и добре, послужить Христу и православию, поэт, пренебрежение, преступление, приказчики, примирение, публика, пятак, род человеческий, родная земля, Романовы, служители, смирение, солдат, сословия, стряпки, талантливый, тысяча лет, тьма и ложь, улица, фанатизм, фигуранты, христианство, цари и князья, царь, целость, церковь, человек.

СЧТ1 **народ** английский Пс 30(1): 24 афимьевский Пд 314 бедный ЗМ 11 бедный, несчастный, темный ДП 25: 11 без ремесла, жалкий и оборванный, но одаренный ЗМ 36 безжалостный БрК 187 беспримерный в мире ДП 25: 81 бессмысленный Пс 28(2): 18 бесчувственный Пб 19: 154 битый ЗМ 16 благонадежный Бс 298 богатый ДП 26: 132 «богососец» Бс 196, 196, 200 бойкий, зазорный ЗМ 24 ваш Пс 28(1): 249 великий Бс 199, 200 ДП 26: 91 [наш] БрК 286 ДП 25: 124 великий, гордый и особый ДП 25: 153 весь Дв 153 Бс 198 Пб 18: 57, 63 Пб 20: 14, 15 Пб 21: 214 ДП 21: 35, 59 ДП 26: 170 весь этот ВМ 10 Бс 152, 379 ДП 25: 217 вечно трудящийся Пд 87 восторженный Пб 21: 192 всякий Бс 199 Пб 20: 7 второстепенный Пд 44 выходивший Хз 271 гениальный Пб 21: 235 германский ДП 26: 91 глупый ПН 328 Бс 487 горячий Бс 177 горячий, жаждущий справедливости ЗМ 201 грамотный ЗМ 12 Пб 18: 63 грубый Пб 18: 64 ДП 25: 80 грубый и неотесанный Пс 29(1): 325 грубый, раздраженный и озлобленный Пс 28(1): 169 деликатный и ласковый Пс

29(2): 90 дерзкий Пс 29(1): 246 дикий ДП 26: 58 ДП 23: 99 достаточный БЛ 17, 85 другой ЗМ 28 Пб 19: 53 Пб 20: 6, 25 ДП 25: 77 еврейский ДП 25: 83, 87, 88 европейский Пб 18: 37 ДП 21: 17 ДП 25: 215 жалкий Пб 19: 63 желчный, брюзгливый, раздражительный и нетерпимый ЗМ 201 живучий ДП 25: 81 забитый и запуганный Пс 30(1): 114 задорный БрК 90 закрепощенный Пс 30(1): 233 здешний Пд 314 Пс 29(1): 162, 243 здоровенный ЗМ 164 идеальный ДП 21: 9 изживший свои силы Пс 29(1): 176 иной ДП 27: 18 интеллигентный ДП 27: 9 исторический ДП 26: 116 каждый Пб 20: 6, 19 ДП 23: 132 какой-нибудь ДП 22: по какой-то там Пб 20: 25 какой угодно ДП 26: 152 каторжный ЗМ 119 Пс 28(1): 169 коренной ДП 25: 78, 81 кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем ДП 23: 150 кряжевой, неотесанный Пб 20: 26 легкомысленный и не умеющий разрешать загадку жизни ЗМ 5 литературный Пб 20: 31 Пс 28(1): 113 ловкий Кр 191 БКа 177 любопытный ЗМ 120 Бс 180 любящий его БрК 226 мертвый Пс 29(1): 176 многомиллионный ДП 27: 19 молодой ЗМ 210 БрК 464 ДП 22: 72 молодой, раззадорный БЛ 60 молчаливый и забитый ЗМ 204 московский Пс 30(1): 23 мрачный ЗЗ 71 надежный, хороший Пб 18: 93 надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени ЗМ 34 наплывной ДП 26: 64 насмешливый и неожиданный ДП 22: 36 настоящий Пб 19: 14 ДП 25: 210 Пс 30(1): 23 настоящий Пб 19: 14 натертый ЗМ 226 нахальный и грязный ДП 26: 31 наш ЗМ 49, 121 Пб 18: 36, 55 Пб 21: 144 Пб 20: 5, 8, 21, 75, 121 ДП 21: 15, 91, 94, 115 ДП 22: 45 ДП 23: 70, 141 ДП 24: 64 ДП 25: 23, 69, 69, 69, 69, 69, 80, 215, 215, 215 ДП 26: 118, 131, 131, 152 недовольный и ропчущий ДП 26: 57 нежный сердцем ДП 25: 41 [слишком] ДП 25: 41 неизвестный Пд 45 необыкновенно сильный и энергический ДП 25: 81 необыкновенный ЗМ 231 неподходящий ЗМ 226 непотребный СС 26 неробкий ЗМ 204 несовершеннолетний Ид 214 несчастный ЗМ 130 не тронутый еще чужою цивилизацией ДП 25: 129 низший ДП 25: 43 никакой Пб 20: 61 оборванный ДП 27: 7 одинокий Пс 28(1): 274 опасный БрК 468 освобожденный ДП 26: 114 [от крепостного состояния] ДП 26: 119 остальной ДП 22: 36 ДП 24: 62 очень пронизательный и иронический Ид 245 парижский ДП 26: 159 погибший ЗМ 8, 13 «подавленный» Пс 28(2): 18 подлый БрК 460 Пб 19: 154 подчиненный ЗМ 150 порядочный БрК 78 последний БрК 32 посторонний Бс 364 правоверный ДП 27: 32 православный ДП 25: 168 превежливый и преласковый Пс 29(2): 90 презамечательный ЗМ 201 продувной, ловкий, всезнающий ЗМ 43 прозаический ДП 23: 141 промотавшийся, проигравшийся, прогулявший всё до копейки ЗМ 36 промышленный Хз 268 простой, многомиллионный ДП 25: 68 прочий ЗМ 121 пьяный ЗМ 109 рабочий ДП 21: 115 «развратный» и темный ДП 25: 69 разный УО 308 Пс 29(2): 14 религиозный ДП 22: 95 робкий ЗП 100 Пб 18: 100 родной ДП 26: 143 русский, «коренной» ДП 25: 80 самодовольный и гордый собою ДП 21: 36 самый ЗЗ 57 Ид 451 Бс 324 самый даровитый, самый сильный ЗМ 231 самый молодой и желторотый ЗМ 118 самый серьезный Бс 298 самый сквернословный ДП 21: 116 сведущий, даже ученый Ид 213 свежий ДП 22: 72 свободный Ид 310 свой ДП 22: 115 ДП 25: 192 сельский Пб 19: 49 сильно развитой ЗМ 34 сильный, большею частью в цвете лет и сил ЗМ 173 славный Пс 29(1): 234 славянский ДП 23: 69 слепой Дв 168 соседний ДП 26: 145 справедливый и прекрасный Пс 29(2): 132 средневековый Пб 20: 28 стомиллионный ДП 23: 160 стоявший ГП 251 странный ЗЗ 64 ДП 22: 13 странный какой-то ПН 75 страшный БрК 62 страшный и жестокий ДП 21: 18 суровый ЗМ 189 суровый и пьяный Ид 499 такой ЗМ 226, 227 Пб 18: 49 ДП 21: 93 ДП 23: 112, 150 такой как евреи ДП 25: 77 такой как наш ДП 26: 135 темный ДП 25: 12 темный и нищий Пб 21: 203 теперешний ДП 22: 104 толковый и по возможности честный ЗМ 57 тому подобный Пб 19: 49 трудолюбивый ПН 211 тупой и бессмысленный Пб 21: 198 тщеславный и легкомысленный в высшей степени ЗМ 121 угнетенный Пб 20: 25 угрюмый Пб 20: 108 угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и в высшей степени «униженный» Пс 28(2): 18 умный и весьма широкого взгляда ДП 26: 71 ужасно

любопытный Бс 484 умный Пс 29(1): 146 французский Бс 34 Пб 19: 15 Пб 21: 181 ДП 23: 133, 134 французский, глухой и обезображенный Пб 20: 28 хитрый Бс 219 Пб 19: 176 хмельной ДП 21: 113 хороший Бс 298 целый Пб 18: 78 ДП 21: 17, 35 ДП 26: 152, 170 цепкий ДП 25: 71 чрезвычайно легкомысленный, спешливый и доверчивый Пб 20: 51 чрезвычайно любопытный ДП 25: 43 чудный Пс 28(1): 172 чуждый Пб 20: 15 чуткий Пб 19: 53 шныряющий, суесящийся, вечно озабоченный, угрюмый и встревоженный Ид 326 этот ваш Ид 308 этот ЗМ 150 Пб 20: 21, 31 ДП 23: 60 юмористичный, вострый Пб 19: 53 юный ДП 24: 58; **народ** беспорядка ДП 23: 150 одного корня Пс 30(1): 120 такого склада ПН 277 твердого воззрения ДП 23: 150; получше ПН 294 ДП 21: 15; **народ** без религии Бс 199 без языка ЗМ 181 в Европе ДП 22: 110 ДП 25: 19 в его глубочайших проявлениях ДП 26: 116 в стороне ДП 26: 44 не по тебе МГ 284 не совсем ДП 25: 205 ни один Бс 198 [в мире] ДП 25: 124 один Пб 20: 19 ДП 25: 20; **народ** беден и голоден Пб 20: 20 безмерно выше, благороднее; честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли Пс 28(2): 243 бросится целовать Пб 21: 185 будет хлопотать Пб 18: 66 был бы низок и недостоин уважения Пб 19: 29 был до такой степени недоумок Пб 19: 37 был мрачный, задумчивый ДП 21: 18 был настоящею внутреннею потребностью ДП 26: 125 был неказистый, но разбитной Бс 41 был не неженка ЗМ 78 был прямодушен и добр ДП 22: 89 был стомчивый, не выдерживал Пд 314 был умерщвлен граждански ДП 27: 18 [сам себя] бьет ДП 22: 29 верит Пб 20: 16, 109 ДП 25: 94 ДП 26: 152 верует в правду БрК 286 вздыхал и крестился Бс 258 видел и угадал это желание Пб 18: 67 видит и дивится ДП 22: 30 вносит в свое религиозное чувство Пд 312 вовсе не так безнадежен, вовсе не так подвержен шатости и неопределенности ДП 22: 119 вовсе не так избалован вкусами Пб 19: 53 [разве не] волнуется ДП 27: 17 воскрес ДП 27: 18 воссияет миру БрК 288 восстает на богатых БрК 286 восстал против молодежи и уже отметил студентов Пс 30(1): 24 врет ЗМ 181 в состоянии сознательно понимать ДП 25: 69 выбирает ДП 27: 17 выговаривает ДП 26: 65 выделяет из себя великих кающихся «Власов» ДП 25: 70 выказал себя ДП 23: 121 выставляет на вид свои недостатки Пб 20: 22 выступает на сцену Пб 20: 5 вытерпел ДП 26: 152 выучился ЗМ 88 глуп ЗМ 92 Пб 19: 25, 33 Пб 20: 8, 22 говорил про войну ДП 25: 176 грешен и груб ДП 26: 152 грешит и пакостится ДП 26: 152 груб ДП 26: 152 груб и невежествен, предан мраку и разврату, «варвар, ждущий света» ДП 22: 42 грязен, невежествен, варварствен ДП 25: 129 давал на школы и богадельни Пб 21: 138 добрый Пд 321 догадался бы Пб 19: 33 доказал ДП 25: 16 должен взять у нас нечто ДП 22: 109 должен просветиться от нас, культурных людей, и усвоить нашу мысль и наш образ ДП 22: 103 должен служить лишь своим трудом и своими силами ДП 26: 135 достал с рынка Пб 19: 52 достоин своей участи Пб 20: 20 еще невежествен, или несвободен, или мало развит экономически ДП 25: 83 еще не устраивался на началах науки и разума Бс 198 жалостлив ДП 21: 13, 18 ждал освободителя своего и дождался ДП 27: 21 забудет «Прекрасную магометанку» Пб 19: 45 забыл свои духовные начала, не уберег их в сердце своем ДП 23: 161 зависел ДП 25: 84 загноился от пьянства и не может уже отстать от него БрК 286 за иностранцев считает ЗЗ 59 заключает в душе своей ДП 26: 131 закутил и запил ДП 21: 94 запуган и предубежден против госпиталей ЗМ 142 заслужил ДП 22: 104 слышит призыв ДП 23: 69 за формами погонится ДП 27: 21 зачитается Пб 19: 40 зашептал и закрестился Бс 258 знает Пб 18: 25 Пб 19: 51 ДП 21: 18 ДП 23: 150 ДП 26: 151, 153 [Христа бога своего] ДП 22: 113 имел полную свободу ДП 21: 31 именуется ДП 22: 93 ищет правды(-у) ДП 27: 16 ДП 27: 24 как бы говорит ДП 21: 17 кидал в экипаж ДП 23: 157 копошился ЗМ 98 крестился ДП 25: 94 лишен земельного надела Пб 21: 191 любит Пб 19: 33 ДП 26: 116 [войну] ДП 22: 126 любит и уважает Пс 30(1): 236 любит и чтит ДП 25: 16 любит тоже рассказывать и всеславное и великое житие ДП 25: 69 любит точно так же правду для правды ДП 25: 15 мог бы научить Пб 19: 29 мог <...> запомнить ДП 25: 215

может жить Пб 18: 26 ДП 21: 17 [похвалиться] ДП 23: 60 молчал Бс 254 назвал их еще раз «барчонками» Пс 30(1): 23 назвал уличных револьверщиков студентами Пс 30(1): 23 называет «несчастливым» ДП 21: 18 называет осужденных «несчастливыми», подает им гроши и калачи ДП 21: 17 наклонен к недоверчивости Пб 19: 41 наклонен к учению ДП 21: 16 начал подавать ДП 25: 210 начнет действовать ДП 22: 105 начнет что-нибудь делать ДП 22: 104 не боится их и никогда не потеряет голову Пс 30(1): 24 не бывал в такой кабале ДП 23: 158 не верит в их искренность Пб 20: 16 не выказал бы столько вежливости ДП 22: 94 не глупее других ЗМ 201 не догадался Пб 19: 33 не забыл ничего из своих древних надежд и верований ДП 25: 68 не забыл свою великую идею ДП 23: 102 не заметит Пб 19: 28, 32 не заражен социализмом Пс 30(1): 43 незащищен ДП 22: 36 не знает [веры] ДП 22: 113 не знает и не смекает ДП 23: 70 не знает молитв ДП 25: 69 не знает истории и географии ДП 25: 216 не имеет ни малейшего понятия об истории Пб 19: 41 некогда идти вперед Пб 20: 18 не кричал и не заявлял ДП 25: 10 не любит Пб 19: 41 не мог видеть Пб 19: 18 не мог не обвинить Пб 20: 61 не может быть теперь компетентен ДП 23: 157 ненавидит веру и презирает ее ДП 22: 89 не опомнится ДП 21: 95 не особлив ото всех и не заключает в себе особой идеи ДП 27: 22 не отличит Пб 19: 44 не отрицает преступления и знает ДП 21: 18 не пал духом Пб 18: 36 не повернет ДП 22: 90 не подойдет к нам Пб 20: 8 не позволит ДП 26: 133 не поймет Пб 19: 35 не поймет всего Пушкина Пб 19: 16 [вовсе даже] не понимает ДП 25: 194 не примет за своего ДП 27: 19 не сочиняет песен прежним размером, а сочиняет в рифмах Пс 29(1): 42 не стоил реформы ДП 21: 114 не утратил правды ДП 27: 16 ничего не поймет Пб 19: 6 ничего не понимает ДП 25: 26 ничем не защищен ДП 22: 30 нищ и смерд ДП 26: 135 обвинил в пожарах Пб 20: 61 обвинял Пб 20: 61, 61 «обеспокоен» нравственно ДП 27: 17 обзывает ДП 26: 64 объят развратом ДП 22: 41 ожидал ДП 27: 16 окажется неспособным к образованию ДП 26: 135 оказался самостоятельным Пс 30(1): 24 освобожден был ДП 22: 118 остался [один] ДП 27: 20 [с сущностью этой же самой формулы] ДП 23: 99 [таким же] Пб 20: 14 останавливался ВМ 51 отвергает нас Пб 20: 17 [всякому царю нашему] отдавал и отдает любовь свою и в него единственно окончательно верит Пс 28(2): 281 отдалился ДП 27: 18 отвык от королевской власти, груб и даже некрещен Пб 21: 198 отказался Пб 18: 36 отличит два-три фальшивые штриха ДП 26: 119 отметит Некрасова ДП 26: 119 отмечает Пс 30(1): 23 отрекся [и] Пб 20: 15 отстаивал <...> свое общественное устройство Пб 20: 21 отшатнется и назовет ДП 21: 18 оценит [с любовью] Пб 18: 67 оценит и не забудет ДП 25: 13 очень не прочь читать Пб 19: 53 очутился свободным ДП 26: 115 переродился ДП 22: 104 перестанет умирать и «калечиться понапрасну» Пб 19: 39 пил ДП 21: 60 платил подати Бс 374 плачет и целует землю БрК 227 погружен ДП 22: 43 податлив на нелепые слухи ДП 27: 24 поднялся [за истину] ДП 25: 95 [на войну] ДП 25: 94, 95 подымался сердцем своим ДП 25: 203 пожалеет ДП 21: 18 пойдет вслед за нами Пб 19: 14 поймет Пб 18: 66 ДП 23: 69 [ли] Пб 20: 16 поймет и оценит Пб 19: 17 полюбит читать книги Пб 19: 44 понимает и оценит Пб 19: 37 понятлив и преубежден против нас Пб 19: 25 поражал ДП 25: 176 поспешил заявить себя ДП 23: 157 пошел за ним ДП 21: 59 поумнел Бс 197 привержен к своим обычаям Пб 20: 21 признает заодно ДП 26: 31 признателен Пб 18: 67 признает за своих Пб 19: 52 примет всё ДП 25: 22 принимает [свальный грех] за правду ДП 26: 152 принимал участие ЗЗ 90 [чтоб] принял ДП 22: 45 приучен, покорен и трепетно послушен БрК 227 провозгласил ДП 21: 17 проголодается Бс 356 прогоняет от себя и не признает Пс 30(1): 24 просветился ДП 26: 150 просвещения жаждет ДП 27: 20 просвещен уже давно ДП 26: 151 профершпилился ЗЗ 78 прочтет Пб 19: 38, 40 проявил [себя] Пс 30(1): 23 [чрезвычайную силу духа] ДП 25: 14 проявись перед нами ДП 23: 124 пусть еще погуляет Пб 21: 143 пьян с утра до вечера ДП 21: 60 пьянствует ПН 370 работал из-под палки ЗМ 13 рад был уверовать ДП 27: 16 разберет Пб 19: 37 ДП 26: 119 разве не

страдает в войну больше всех, не несет разорения и тягостей ДП 22: 125 разгуливался ЗМ 110 разделился на две половины Пб 19: 14 разумен и тих ДП 25: 10 рассчитывал Пд 314 расходился ПН 132 ревел от радости и плясал перед гильотиной Пс 30(1): 24 религиозен Бс 491 решает и решал ДП 26: 152 [хоть и] ругается по привычке, но сам знает <...> и осуждает её ДП 25: 130 сам доставит Пб 18: 68 сбегаются Ид 20 сбежался ВМ 50 с жадностью прочел Пб 19: 56 скажет Пб 19: 64 ДП 25: 16 сказал Пб 19: 33 ДП 25: 16 сквернословит зря ДП 21: 116 смеялся ЗЗ 60 смотрит на еврея <...> без всякой предвзятой ненависти ДП 25: 80 смущен ДП 21: 15 сновал ПН 70 совсем без стыда БрК 460 согласился ДП 21: 18 содержит их ДП 21: 17 созрел до нее Пб 18: 65 спасал отечество ДП 26: 153 спасет себя сам ДП 21: 31 спросил Пб 19: 41 столпился ПН 132 столь низок ДП 26: 115 страшно любит фантастическое и с жадностью читает его или слушает Пб 19: 37 стремится БрК 226 Пб 19: 16 сумеет свою правду сказать ДП 27: 24 счастлив ли ДП 26: 119 тверд и могуч Пс 30(1): 24 твердо и неуклонно поставил ДП 25: 68 толпами ходит молиться Пб 18: 25 толпился ЗМ 121 толпится ЗЗ 70 требует паясничества и скоморошничества Пб 19: 36 уверовал Бс 325 увидел в среде своей ДП 25: 216 угадал разом Пб 19: 18 удержал [общинный быт] Пб 20: 21 увидел и заметил разрыв с ним интеллигентной молодежи русской Пс 30(1): 23 узнает Пб 19: 28 «лучшего человека» указывает ДП 23: 162 умеет переносить боль ЗМ 153 услышал о славянах ДП 25: 213 учится в этой школе ДП 23: 19 хлынул в церкви ДП 25: 94 целомудрен ДП 21: 116 ценить не будет Пб 19: 33 читает Пб 19: 46 [ли] Пб 20: 16 чтит память Пб 18: 25 чтит память своих великих и смиренных отшельников и подвижников, любит рассказывать истории великих христианских мучеников своим детям ДП 25: 69 чувствовал гнет Пб 20: 14 чувствовал худобу жизни Пб 20: 14 чувствует и даже рассуждает БрК 27 чувствует, а может, уже и думает ДП 23: 69 чуждается нас Пб 20: 17 чуток к запаху ЗМ 150 чуть-чуть прочтет и услышит Пб 19: 37 широк и умен ДП 27: 19; **народ** безграмотный невежда ДП 25: 216 богоносец БрК 285 вовсе не мертвая и бездушная масса ДП 26: 28 вовсе не такой ругатель ДП 25: 130 вор и мошенник БрК 450 всё еще человек черный ДП 22: 111 в единении БрК 285 «Гекуба», предмет слез ДП 26: 125 дитя Пб 19: 38 дрянь Бс 464 Пс 29(1): 147 «загадка» ДП 22: 119 зверь ДП 26: 115 иезуиты ДП 25: 162 ипохондрик Пб 19: 37 какой [народ] протестант и какой он немец ДП 21: 59 косная и безгласная масса ДП 23: 69 любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она ДП 23: 150 не более как «странник, который сам еще не выбрал себе дороги» ДП 22: 119 недостойная, варварская масса ДП 26: 135 не матерьялист и не развращен еще духом ДП 23: 70 не с вами духовно и вам чужой ДП 27: 18 не совсем же стадо Пб 19: 28 несравненно чище сердцем высших наших сословий ДП 25: 129 ничего ДП 22: 111 носитель Христа ДП 26: 170 «образа звериного и печати его» ДП 26: 152 огромность ДП 22: 45 один, без советников ДП 27: 17 подлец СА 10 [вовсе не такой] пуританин Пб 19: 52 разбойник БКА 101 с сельскими наклонностями Пб 19: 165 теория ДП 22: 44 трус ЗМ 89 ужаснейшая дрянь ДП 22: 75 формалист ЗМ 12 чист сердцем ДП 25: 63 шваль Бс 469; **народ** [я] сам ДП 25: 193, 205, 206, 216, 217, 218 свидетель ДП 26: 124; **народы** благоразумные, честные и умеренные, спокойные, без всяких пороков, торговцы и кораблестроители, живущие богато и с чрезвычайною опрятностью ДП 25: 19 великие Бс 199 БрК 235 восточные ДП 26: 84 все Бс 10 Пб 18: 37, 54 Пб 19: 124 Пб 20: 6, 19 ДП 25: 18, 19 ДП 27: 22 [в мире] ДП 25: 78 все или многие Бс 198 гуманные и просвещенные ДП 25: 71 дикие Пс 30(1): 22 другие БКА 150, 173 Пб 18: 55, 99 ДП 23: 31, 46, 47, 150 ДП 26: 145 другие, договорные ДП 27: 22 западноевропейские Пб 20: 5 западные ДП 26: 131 европейские Пб 18: 54, 55, 99 ДП 22: 122 ДП 26: 145 ДП 27: 22, 34 культурнейшие ДП 27: 8 обновленные ДП 25: 72 освобожденные ДП 25: 72 [нами] ДП 27: 34 остальные Бс 200 ДП 25: 70 первобытные Бс 59 ДП 22: 41 подлещи ПН 390 просвещенные ДП 26: 28 разные Пб 20: 19 сами Бс 199 сильные и самостоятельные духом,

с сильным национальным развитием, с привычкой давнишней к труду и с умением труда ДП 25: 83 славянские ДП 23: 115, 116, 118 ДП 27: 39 столь высокие по образованию, столь равные по силе открытий, изобретений, столь равные по вооружению ДП 26: 40 такие-то Пб 18: 95 угнетенные ДП 25: 67 христианские ДП 23: 112 чужие ДП 26: 132, 146 эти же самые ДП 25: 17; **народы** Востока ДП 25: 68, 70, 72, 73 Европы ДП 22: 116 ДП 26: 131, 148 ДП 27: 22 Запада ДП 25: 73 мира сего ДП 25: 69 такого духа ДП 26: 132; **народы** молодые, полны жизни и будущности ДП 23: 133; **народы** будут владеть Константинополем ДП 26: 83 возьмут у них всё, всё главнейшее ДП 25: 18 если б знали ДП 23: 153 заживут одним духом и ладом ДП 25: 19 знают и покамест запоминают про себя ДП 25: 72 ищут славы Пб 20: 19 не будут ждать БКа 152 не дали одолеть себя ДП 25: 84 не хотят жить и не могут даже и умереть Пд 375 сторонятся БКа 173 формируются постепенно ДП 23: 133; **народа** бездна Пс 28(1): 162 большинство ДП 21: 113 бунт ДП 26: 28 вера БрК 286 ДП 22: 113 ДП 25: 168 [в своего царя] ДП 25: 177 ДП 27: 22 вкус и любопытство Пб 19: 43 вожаки ДП 23: 62 волны ГП 250 воля ДП 25: 213 восемьдесят миллионов ДП 26: 170 враги ДП 26: 153 высший класс Пб 19: 16 главная идея ДП 27: 19 глупость Пс 28(2): 243 гонители Пс 30(1): 41 гость ДП 22: 95 гражданские формы ДП 26: 166 грехи Пб 21: 214 два класса Пб 19: 49 движение ДП 25: 215 дети ДП 22: 29 детская любовь к царю ДП 27: 22 деятельность ДП 23: 69 доверенность Пб 19: 7 дух ЗМ 143 Пб 19: 14 ДП 22: 126 ДП 26: 134, 144, 153 ДП 27: 20 душа Пб 19: 40 ДП 25: 206 ДП 27: 24 жалобы Пб 19: 160 желание ДП 23: 104 жизнь Пб 20: 14 ДП 25: 215 звериное состояние ДП 26: 115 «зверство и тупость» ДП 25: 124 здравые понятия ДП 25: 168 знакомство ДП 23: 121 знание Бс 512 Пб 19: 32, 47, 63 ДП 21: 104 знаток Бс 416, 417 знатоки Бс 31 ДП 23: 70 ДП 26: 144 идеал ДП 21: 9 ДП 26: 152 идеалы ДП 22: 109 идеи Пб 18: 36 избранники Пб 21: 239 изображение ДП 25: 15 изучение Бс 302 [будто бы] индифферентность к религии ДП 27: 18 интересы Пб 20: 16 историческая черта ДП 25: 216 история ДП 26: 135 красота и здоровье Пб 18: 44 куча Дв 228 личная жизнь Бс 104 любители ДП 22: 44 любитель ДП 26: 171 любовь к монарху Пс 28(2): 280 масса Пб 19: 14, 36 Пб 20: 8, 17, 19 ДП 25: 80 массы ДП 23: 62 миллионы ДП 25: 9 Пс 28(1): 387 склонность к пьянству ДП 21: 94 «неискушенная душа» Пб 19: 40 [совершенное] непонимание ДП 25: 130 неразвитость Пб 20: 17 нижние слои Пб 20: 14 нравственная сила ДП 25: 14 нравственное беспокойство ДП 27: 17 обвинение ДП 25: 213 облегчение ДП 25: 26 образование ММ 49 Пб 19: 35 Пб 20: 15 образование и обучение Пб 19: 44 одна часть Пб 20: 14 ознакомление с церковнославянским шрифтом Пб 19: 42 опекуны ДП 25: 212 организм ДП 23: 161 ДП 26: 169 ДП 27: 21 освободитель БрК 221 освобождение Пд 374 ДП 21: 96 ДП 22: 118 основные начала ДП 27: 25 отношение ДП 25: 216 ДП 27: 22 «отрицательные стороны» Пб 19: 24 оценка ДП 26: 116 плечи ДП 22: 104 поведение ДП 22: 99 понятия ДП 25: 130 Пс 29(1): 42 понятия и интересы Пб 20: 17 пора разложения ДП 23: 89 правда ДП 26: 117 представители ДП 25: 217 преклонение пред деньгами ДП 22: 30 привычки и нравы Пб 19: 47 приговор ДП 21: 12 пример ДП 27: 25 просвещение Пб 19: 39 просвещение ДП 25: 16 развитие Пб 18: 102 Пб 19: 14 Пб 20: 14 раздвоение Пб 19: 14 Пб 20: 18 распадение Пб 18: 36 самобытные силы ДП 21: 91 самые древнейшие в мире ДП 23: 132 связь с царем ДП 27: 22 семейный быт ДП 21: 113 сердце ДП 21: 58 ДП 25: 14 сила ДП 25: 10 силы Пб 20: 18 слои ДП 22: 114 смрад грехов и нищий вид БрК 286 созерцание ДП 26: 116 состояние ДП 21: 30 способность ДП 26: 131 стечение ДП 23: 51 стойкость Пб 19: 18 [четырехсотлетние] страдания Пб 20: 52 ДП 22: 43 стремление обновиться Пб 20: 15 суть ДП 26: 156 толпа ГП 250 ПН 122 Ид 500 тысячи БКа 146 убеждения Пб 19: 14, 15 ум ДП 26: 153 участие ДП 23: 68 ДП 25: 212, 216 ученое образование Пб 19: 41 факт участия ДП 25: 123 характеристика ДП 24: 61 хорошие стороны Пб 19: 182 христианство ДП 26: 151 цари ДП 25: 70 целый организм ДП 25: 51 часть Пб 19: 15 ДП 25: 68 чувства Ид 451; **народа** много Пб 19: 39; **народа** бояться ЗЗ 78 быть хуже ДП 22:

112 заслуживать уважения ДП 25: 170 коснуться Пб 19: 16 ДП 26: 117 масса ДП 25: 18 не знать ДП 21: 95 ДП 26: 152 [вовсе] ДП 23: 124 не любить Бс 33 ДП 23: 69 нельзя разглядеть Пб 19: 178 не оскорбить ДП 22: 113 не отвергать БрК 495 не отвечать на вопросы ДП 25: 174 не понимать Пб 20: 75 Пс 29(2): 179 не понять ДП 27: 19 не узнать Пс 30(1): 24 стать выше ДП 22: 111 стыдиться ДП 27: 25; **народу** бездна БЛ 85 ЗЗ 71 Пс 28(1): 115, 264 больше ПН 405 Бс 22 ватага ЗМ 186 восемьдесят миллионов ДП 26: 135 довольно Бс 487 куча ПН 328 мало ПН 11, 70, 406 миллионы Пд 376 много УО 418 ЗМ 203 ПН 8, 92, 357 Ид 60 Бс 293 Пд 62 Пс 28(2): 334 Пс 29(2): 36 Пс 30(1): 206 [ужасно] Пс 29(1): 53 множество ПН 136 нет Пд 348 сотни две Пс 30(1): 183 толпа ЗМ 24 ЗЗ 72 человек тридцать ЗМ 10; **народу** выдывать довольно ДП 21: 35; **народу-то** валит ЗМ 172 набежало тут Пд 167; **народов** братство ДП 26: 85 волнение ДП 23: 149 европейский союз ДП 23: 108 животный инстинкт ДП 25: 99 жизнь ДП 25: 216 ДП 26: 166 миллионы ДП 27: 32 освобождение ДП 26: 69 рознь ДП 23: 107 семья ДП 23: 58 [европейская] ДП 21: 70; **для народа** быть дорогим Пб 19: 29 быть изданным Пб 19: 44 быть неинтересным Пб 19: 50 быть неприятным Пс 28(2): 281 быть несносным Пб 19: 50 быть унизительным, моментальным, но отнюдь не ДП 22: 126 быть тяжёлым Пб 20: 20 быть унизительным ДП 25: 211 быть чрезвычайно и полезным и занимательным Пб 19: 56 быть скучными Пб 19: 44 выказывать неприятное Пб 19: 32 оставлять последствия ДП 22: 125 открыть двери Пб 20: 20 сказать ПН 251 составлять «Читальник» Пб 19: 43; авторитет Пб 19: 37 занимательность и приятность Пб 19: 44 книга Пб 19: 24 новинка Пб 19: 53 поэт Пб 19: 14 сведения Пб 19: 52 Словарь иностранных слов Пб 19: 41 таинство, священство, миропомазание Пс 28(2): 281 царь ДП 27: 21; **до народа** додуматься Пс 30(1): 22; **из (какого-л.) народа** быть ДП 24: 62, 6 быть взятым ДП 22: 43 ДП 25: 123 быть лучшим ДП 25: 217 выйти ПН 348 БрК 286 Пб 19: 37, 50 ДП 25: 130 ДП 26: 119, 135 сделать немцев Пб 18: 68; любящий чтение Пб 19: 32 самый грубый ДП 25: 129; женщины Пб 21: 151; **из народов** быть наиболее предназначенным ДП 26: 148; **от народа** быть отдаленным ДП 22: 115 быть отличным ДП 25: 26 быть оторванным ДП 23: 81 ДП 26: 137, 138 жить отдельной кучкой ДП 26: 156 ожидать ДП 22: 40 ДП 26: 115 отдалить мысль Пб 19: 45 отдалиться ДП 23: 155 отделиться Пб 19: 186 ДП 21: 9 отличаться ДП 22: 110 оторваться ДП 22: 115 ДП 23: 102 ДП 26: 155 отстать БрК 495 Пс 29(2): 179 отшатнуться Пс 30(1): 22 получить Пб 20: 17 скрывать Пб 19: 57 скрыть Пб 19: 16, 32 слышать ДП 21: 18 увидеть ДП 27: 24 улететь на луну ДП 27: 20 услышать ДП 25: 70; **от народа** битие Ид 339 отвращение ДП 22: 108 отчуждение свое Пб 21: 229 различие наше ДП 22: 110; **по поводу народа** заговорить ДП 22: 44; **прежде народа** сказать своё слово ДП 27: 25; **со стороны народа** ошибка Пс 30(1): 23 покаяние ДП 25: 216; объявиться ДП 25: 211; **среди народа** возрасти Бс 273; **среди народа** появление Бс 122; **у народа** быть в неуважении Пб 19: 37 быть обратившимся ДП 23: 130 выманить деньги Пб 19: 33 высказаться ДП 23: 122 есть идеалы ДП 22: 74 есть Фомы Даниловы ДП 25: 16 не повторяться ДП 23: 46 нет правды ДП 22: 110 остаться Пб 19: 37 отнимать ДП 25: 202 поучиться ДП 27: 24 просить прощения ЗМ 88 являться и выходить ДП 27: 18; **у народа** два десятка чинов ДП 27: 17 идеалы ДП 22: 109 [есть] много суеверий Пб 19: 37 складка ПН 356, 384 смех ДП 21: 116; **народов** живая жизнь ДП 25: 18 жизнь Бс 198 мировое общение ДП 25: 100 расспросы ДП 26: 63 ряд Бс 172 эксплуататоры ДП 25: 101; **во главе народов** стоять ДП 25: 17; **из народов** единый Бс 200; **у народов** могут быть свои ханы и эмиры ДП 27: 33 позаимствовать ДП 25: 18 разобрать <...> мундиры ЗП 116; **народу** быть близким ДП 23: 130 быть должным ДП 21: 74 быть занимательным Пб 19: 40 быть известным ДП 25: 216 быть милее ЗЗ 57 Пб 19: 38 быть недоступным Пб 18: 66 быть не знакомым Пб 21: 158 быть неизвестным Пб 19: 39 ДП 21: 116 быть не по душе Пб 19: 38 быть непонятным ДП 22: 23 быть неприметным Пб 19: 51 быть нужным Пб 19: 24, 52 ДП 27: 9, 25 быть обеспеченным в будущем ДП 27: 20 быть полезной ДП 21: 113 быть полным

СС 46 Бс 423 быть понятным ЗЗ 53 Пб 19: 17 ДП 22: 23 быть по сердцу Пб 19: 49 быть преданным ДП 26: 116 быть сродни Пб 19: 185 ДП 27: 24 быть чуждым ДП 26: 167 вещать Бс 273 выкатить бочку ДП 22: 29 говорить истину Пб 19: 17 даровать новые права Пб 19: 8 дать читать Пб 19: 6 дела нет Пб 19: 24 доставить чтение Пб 19: 38 желать ДП 26: 118 задолжать ДП 21: 74 зачесть историческую черту ДП 25: 217 казаться Пб 20: 16 крикнуть ДП 22: 29 можно приказать Бс 253 набраться Бс 493 навязывать ДП 21: 16 не сказать противоречиво ДП 27: 25 нести [драгоценность] ДП 23: 46 [образование] Пб 18: 68 не учить Пб 19: 28 нравиться Пб 19: 49 «обходиться» Пб 21: 137 объявить Пб 21: 152 оказать доверие ДП 27: 21 оказаться полезной ДП 21: 113 ответить на вопросы ДП 25: 174 отдать сердце ДП 27: 24 отказать в доверии ДП 27: 24 отречься от надежд ДП 27: 22 передавать Пб 19: 43 повалить БрК 117 подражать ДП 25: 10 подсаживать Дв 228 пожелать ДП 26: 119 показаться бахарьством, морочением Пб 19: 37 поклониться ПН 405 понравиться Пб 19: 49 поставить в идеал ДП 22: 44 предлагать Пб 19: 50 предлагаться Пб 19: 50 представлять Пб 18: 50 преклониться перед нами ДП 22: 109 принадлежать ДП 26: 116 принести из Европы ДП 22: 110 принести пользу Пб 19: 44 приходилось выручать себя ДП 21: 95 простить ДП 21: 101 рассказать событие Пб 19: 38 растолковать Пб 19: 39 сказать ДП 26: 89, 171 сообщить Пб 19: 41 стать братьями ДП 25: 60 стошнить ЗЗ 59 толковать Евангелие БрК 149 толковать писание БрК 265 угадать Пб 19: 18 указывать ДП 26: 132 учиться Пс 30(1): 23 хватить Пс 28(2): 281 читать проповеди ДП 26: 151; **народу** братья ДП 25: 16 гибель БрК 267 доставление чтения Пб 19: 44 долг ДП 21: 95 [неоплатный] ДП 21: 74 «долги» ДП 21: 104 изменник Пс 30(1): 236 отец ДП 27: 22 помощь духовенства ДП 21: 58 представление БрК 225 развитие Пб 20: 7 рассказ Пб 19: 53 служение ДП 26: 125; **к народу** быть близким ДП 22: 115 быть брезгливым ДП 27: 7 быть невежливым даже ДП 25: 61 быть одними из ближайших ДП 25: 174 быть почтительнее Пб 19: 29 влечь ДП 26: 125 войти в доверенность ЗМ 26 воротиться ДП 22: 116 Пс 29(1): 208 заглянуть Пб 19: 113 идти ДП 25: 26 надвигаться ДП 25: 215 не уметь подойти Пб 20: 16 обратиться Пб 21: 202 ДП 26: 89 обращаться Бс 397 [с сочувствием] отнестись Пб 20: 20 относиться Пб 20: 151 [враждебно] Пб 20: 18 подойти [не уметь] Пб 19: 24 ДП 27: 17 подступить Пб 19: 6, 30 Пб 20: 8 подходить Пб 19: 52, 179 ДП 21: 32 пойти Пс 30(1): 24, 25 появиться БрК 226 появляться БрК 35 пребывать помещиками ДП 25: 22 прийти ДП 21: 59 приобщиться ДП 25: 103 приходиться ДП 26: 119 пройти БрК 44 стоять ближе ДП 25: 174 суметь выйти Пб 21: 202 уходить Пс 30(1): 22 чувствовать уже не столько гордость, сколько омерзение ДП 26: 157; **к народу** воззвание Пб 21: 227 ласка Пб 20: 16 любовь Пб 19: 184 ДП 22: 42 ДП 26: 115, 118, 119, 124, 125, 126 неуважение Пб 20: 73 обращение Пб 21: 202 отношение ДП 24: 64 ДП 27: 18 отношение свое Пб 20: 151 поворот ДП 22: 43 ДП 23: 123 ДП 25: 199, 200 презренье(-ие) Пб 20: 76 ДП 21: 132 ДП 25: 102 стремление ДП 26: 126; **народам** быть дороже всего ДП 23: 70 отказывать Пб 20: 7 сказать и заявить ДП 25: 199; **народам** общий закон ДП 25: 98 передача ДП 26: 87; **народ** абюргировать Бс 246 беречь БрК 285 ДП 27: 17 бесчестить насмешками ДП 22: 110 бить ДП 22: 29 благословлять БрК 227 быть намеренным образовать ДП 26: 135 вести к цели ДП 25: 82 видеть ДП 23: 123 ДП 26: 152 вознести ДП 26: 135 возносить [до Бога] Бс 199 [до себя] ДП 26: 135 воспитывать Пб 19: 44 выгораживать ДП 25: 212 вызвать к жизни Пб 20: 21 выразить Пб 19: 16 готовить Пб 19: 38 двинуть ДП 25: 123 забирать в кордегардию ЗМ 183 заохотить Пб 19: 24 заполнить и поработить ДП 21: 97 заставить отвернуться Пб 20: 12 заставить отрешиться Пб 20: 7 заставить уважать кулак ДП 25: 170 защищать ДП 25: 211 держать в темноте, в пороках и в невежестве Пб 18: 65 защитить от филантропии Пб 18: 65 знать Пб 18: 66 Пб 19: 7 изучать Пб 18: 66 Пб 20: 18 интересоваться изучить ДП 26: 28 испортить ДП 22: 45 кабалить Пб 21: 143 лишать <...> духовного хлеба Пб 18: 63 любить Бс 33 БрК 49 Пб 18: 37 Пб 19: 28, 182 ДП 23: 69, 123 ДП 24: 64 ДП 25: 16 ДП 26: 115, 116, 118, 125 Пс 30(1): 233 [в вас]

Пб 20: 25 морочить и пугать Пб 19: 130 мучить Пс 28(1): 169 навести на догадку Пб 19: 32 направлять Пб 19: 42 научать ДП 25: 170 научиться уважать ДП 25: 170 научить ЗМ 122 ДП 25: 16 ДП 27: 7 не считавшие за собаку и каналью ДП 22: 116 не узнать Пс 30(1): 23 нужно полюбить Пб 20: 20 обвинить Пб 18: 26 обвинять Пб 20: 16, 17 облагодетельствовать Пс 28(1): 387 облагородить ДП 25: 10 обливать Бс 337 обманывать БЛ 87 Ид 476 Пб 19: 32 обоготворить Бс 199 обойти ДП 25: 59 образовать ДП 25: 170 озверять ДП 22: 123 оздоровить ДП 27: 20 опаивать водкой Бс 245 освободить ДП 22: 118 Пс 30(1): 233 освободить от крепостного состояния Пс 30(1): 24 оставить крепостным ДП 27: 18 отделять от интеллигенции ДП 27: 25 отличать от других народов ДП 27: 22 отрицать Пс 29(2): 179 Пс 30(1): 236 отстранять Бс 253 отучить от ругательств ДП 25: 130 переделывать Пб 20: 14 перестать узнавать Бс 202 поднять до себя ДП 26: 144 полюбить ДП 26: 115 полюбить, то есть пожалеть ДП 26: 115 понимать Бс 34 понять ДП 25: 26 ДП 26: 139 поразить Пб 19: 32 поссорить ЗМ 200 похвалить ДП 22: 108 поучать ДП 27: 7 презирать ЗЗ 59 ДП 22: 115, 115 ДП 25: 23 ДП 26: 115, 155 Пс 30(1): 24 привлекать сердцем ДП 25: 170 пригласить ПН 294 признавать Пб 20: 22 признать ДП 27: 10 приискать Пс 29(1): 215 принимать за что-л. Пс 30(1): 24 приучать Пб 18: 67 просмотреть Бс 34 [начать] развлекать Пб 21: 144 развратить ДП 21: 115 ДП 22: 104 развращать ДП 22: 30 решиться спасти Пб 21: 219 рисовать ДП 25: 43 сбивать ПН 331 сделать народным Пб 19: 44 сковать ДП 27: 8 смущать Пб 19: 41 сосать БрК 8 спасти от процентщика-еврея ДП 25: 79 спросить ДП 25: 100 ДП 27: 21 страшать ДП 23: 119 судить ДП 22: 43 считать [глупым] Пб 19: 30 [добродушным и даже очень умственно способным] ДП 25: 14 [мало] уважать Пб 20: 58 ДП 25: 23 удивлять ДП 23: 138 узнать Пб 19: 113 улучшить Пб 18: 65 унижать и развращать ДП 25: 83 уничтожить ДП 26: 133 устранить ДП 26: 135 учить Пб 19: 28 ДП 25: 16 [веротерпимости] ДП 23: 128 хотеть не закабалить ДП 26: 135 хотеть переделывать ДП 26: 170 хотеть переевропейть Пб 18: 68 чтить ДП 22: 113 ДП 26: 117; **народ-то** оскорблять Пс 30(1): 23; **народы** низложить мечом ДП 25: 82 освободить ДП 26: 69 развращать и даже совсем губить ДП 25: 102 соединять ДП 22: 125; (**прямо**) **в народ** броситься ДП 22: 89 [с крыльца] Ид 493 верить БрК 495 ДП 22: 40 не пройти Пб 19: 18 не проникнуть Пб 19: 14 не уверовать ДП 27: 24 проникнуть Бс 324 прорвалась мысль ДП 22: 30 прорваться ДП 22: 36 прорываться ДП 22: 30; святая вера Пб 19: 60; **за народ** бывать Пс 30(1): 23 не признавать Пб 19: 14 признать себя Пб 19: 130 стоять Пб 20: 41 ДП 26: 153 ДП 27: 26; **за народ** гордость ДП 22: 94 «кончина» ДП 23: 69 страх ДП 23: 160; **на народ** бросать взгляд ДП 26: 69 быть возведенным ДП 25: 202 взглянуть Пб 19: 178, 180 ДП 23: 68 влиять Пб 19: 185 возлагать ДП 25: 130 идти ДП 22: 123 махать рукой ДП 23: 161 наложить путы Пб 18: 69 наталкиваться Пд 258, 263 не опираться ДП 27: 18 не подействовать ДП 22: 30 не смотреть ДП 26: 115 опираться ДП 27: 8 не опираться ДП 27: 18 плевать ДП 22: 108 работать на народ ДП 22: 113 смотреть Пб 19: 179 ДП 22: 116 ДП 25: 130 [без плевок] ДП 22: 113 [свысока] Пб 20: 67 ДП 23: 122 составлять клевету Пб 20: 8; **на народ** взгляд ДП 23: 64 ДП 23: 69 [верный] Пб 19: 179 влияние Пб 19: 39 посягательство Пб 20: 8; **на народ** с надеждой ДП 26: 154; **о народ** толкаться Пд 227; **про народ** говорить Пд 105 Пб 21: 138 ДП 23: 115 ДП 25: 14, 69 нельзя сказать ДП 22: 112; слова Бс 196; **народы** метить [в зн. «предназначать, намечать»] Дв 161; **про народы** отвечать БрК 465; **народом** быть [самим] Пб 19: 57 быть понятным и осмысленным ДП 27: 15 быть популярным и принятым с симпатией Пб 21: 203 быть посещаемым Хз 319 быть презираемыми ДП 25: 130 быть приписанным Пб 19: 52 быть уважаемым Пб 19: 38 быть униженным Дв 228 занести с улицы ГП 251 называть себя Пб 20: 17 ДП 25: 205 не разделяться ДП 25: 194 не сделаться ДП 25: 205 оказаться ДП 26: 115 окружить со всех сторон ЗМ 228 пониматься Пб 19: 36 приняться Пб 19: 22 стать ДП 25: 205; **вместе с народом** родиться ДП 25: 14; **за народом** заметить Пд 300; **меж народом** в коридоре ВМ 50; **между народом** быть грамотным Пб 18: 65;

между народами не может быть антагонизма Пб 20: 19; явление Пб 19: 17; над народом быть возвышенным ДП 21: 116 величаться своим просвещением ДП 27: 12 возвыситься ДП 26: 129, 131 возвышаться ДП 26: 116 либеральничать и подхихикивать ДП 26: 152 продолжать смеяться ДП 25: 95 сесть богами ДП 26: 146 статья ДП 22: 31 ДП 27: 9 стоять ЗЗ 60 ДП 26: 143, 154; над народом кураж ЗЗ 61; перед народом быть слабым и шатким ДП 22: 119 выйти Бр 279 исповедываться ЗП 133 красоваться БрК 227 обнаружить заднюю мысль Пб 19: 44 преклониться ДП 22: 45, 103 преклоняться Пс 30(1): 43 тщеславиться ДП 22: 108; гордость ДП 25: 17 идея смирения Пб 19: 179, 180 наш свет, единственное спасение и слава наша ДП 22: 119 положение наше Пб 18: 694 сознание мудрости и учености Пб 19: 28; под народом воображать Бс 34; с народом беседовать Пб 20: 17 быть БрК 285, 495 Пс 30(1): 236 быть в отношениях барина к крепостному ДП 26: 156 быть грубее и несравненно разъединеннее Пб 19: 186 быть заодно ДП 25: 217 быть разобщенными Пб 20: 17 быть разорванным ДП 25: 26 быть разрозненным Пб 20: 18 быть сходным ДП 22: 41 говорить Пб 19: 31 [умеючи] БрК 474 делить ДП 26: 131 есть вместе Пб 19: 7 жить Пб 19: 7 ДП 25: 80 заводиться Дв 200 заговорить Пб 19: 57 зняться ЗМ 199 идти рука в руку вместе ДП 25: 100 иметь дело Пб 19: 28 ДП 25: 163 не иметь общих интересов Пб 19: 29 обращаться Бс 486 поговорить Ид 245 БрК 474 Пс 28(2): 154 пожить вместе Пб 19: 113 порвать ДП 25: 167 прожить ДП 25: 205 разделять [общество, нас] Пб 19: 6, 8 ДП 26: 145 раззнакомиться ДП 25: 26 разорвать ДП 21: 134 ДП 25: 168 разрывать ДП 23: 157 Пс 30(1): 22 разъединить Пб 18: 36 ДП 27: 20 разъединиться Пб 20: 17 разъединяться и разрывать ДП 25: 98 родниться ДП 25: 170 сблизиться Пб 20: 8 [попытки] Пб 21: 202 сливать Москву Пб 20: 12 слиться ЗЗ 53 совпадать ДП 23: 157 соединиться Пб 20: 17 ДП 23: 82 соединяться ДП 26: 144 сойтись ДП 27: 10, 18 [в понимании] ДП 23: 162 соприкоснуться ДП 22: 44 сродниться ДП 26: 144 сталкиваться ПН 405 толковать ДП 21: 98 уйти в леса ДП 25: 98 что поделать Бс 404; с народом единение ДП 27: 9 [сословий интеллигентных] ДП 27: 20 [царя] ДП 25: 97 Пс 28(2): 155 жизнь Пб 19: 6 контракт ДП 22: 42 общение ДП 26: 138 Пс 30(1): 236 отношения Пс 30(1): 25 разделение Пб 19: 7 разлад Пс 30(1): 24 разорванность ДП 23: 157 разрыв Пб 20: 18 ДП 21: 9 ДП 23: 89, 121 ДП 25: 17, 130 Пс 30(1): 22 разъединение Пб 19: 6 рознь ДП 25: 17 сближение Пб 20: 7, 20 ДП 25: 169 соединение Пб 20: 19 ДП 22: 45 ДП 23: 83, 123 ДП 26: 31 [царя] ДП 25: 96 соприкосновение ДП 21: 134 столкновение ЗМ 65 точка соприкосновения Пб 18: 37 фортель ДП 21: 17; с народами умирать Бс 199; вместе Бс 199; в народе (нашем) бродяжество Пд 300 грех БрК 285 деятель ДП 22: 112 дурное Пс 30(1): 41 дурь Пс 29(2): 10 жизнь Пб 20: 9 идеал христианства ДП 26: 164 идеалы ДП 22: 41 кроме этой «идеи» [православия] и нет никакой ДП 27: 18 много зверства ДП 25: 124 мысль ДП 24: 62 недовольство Пб 21: 200 понятие Пс 28(2): 336 предрешения Пд 310 проявлений духа Христова и «огня милосердия» ДП 25: 123 распространение грамотности Пб 19: 48 [и образованности] Пб 19: 51 распространение книг(и) Пб 19: 49 распространение чтения Пб 19: 24 распространитель просвещения Пб 19: 51 редкость Пб 18: 64 религия ДП 26: 166 святые ДП 22: 75 смятение, крики, рыдания БрК 227 [все наше] спасение Пс 30(1): 22 уединение БрК 285 уменьшение пьянства ДП 22: 29 упор Пб 20: 15 успех ДП 27: 17 чувство собственного достоинства ДП 26: 115; в народе бояться Пд 300 быть БрК 45 быть дорогим Пб 19: 182 быть истинной, великой и непереставаемой ДП 24: 61 быть мерзавцами ДП 22: 43 быть неслышанным ДП 25: 174 быть подлецом ДП 22: 41 видеть Пб 20: 75 вскипеть ДП 23: 60 довольно БрК 117 должно быть Дв 153 есть много «идей» ДП 27: 19 есть праведники ДП 26: 153 зароптать Бс 253 иметь успех Пб 19: 33 искоренять Пб 19: 25, 27 найти кредит Пб 19: 49 насмеяться Пб 19: 24 началось извращение идей ДП 22: 30 не бывало и не случилось Ид 277 не видеть ДП 25: 69 не забудется ДП 25: 13 не понимать его православия и конечных целей ДП 27: 19 не понять никогда ДП 22: 113 не признавать никакого характера ДП 25: 22 не признавать правды ДП 26: 118 нет ЗМ 121 нет нико-

го ДП 25: 176 обличать лишь темные стороны ДП 24: 64 остаться Пб 19: 46 отрицать мысль и движение ДП 26: 69 предполагать Пб 19: 38 презирать ДП 25: 23 преследовать Пб 19: 24 признать ДП 23: 69 [истину] ДП 26: 125 [ум] БрК 477 приниматься как пустяки Пб 19: 37 принять ДП 25: 217 пройти ПН 348 проявляться Пб 20: 21 развивать ЗМ 12 распространить грамотность Пб 20: 20 распространить охоту к чтению Пб 19: 44 распространиться Пб 19: 45 сложиться и укрепиться ДП 24: 62 совершаться Пб 19: 14 сохраниться ДП 25: 129 сохранять Пб 18: 102 ДП 22: 119 ДП 26: 125 спрашивать ДП 25: 215 уважать БрК 27 укореняться Бс 267 уцелеть ДП 23: 98 царствовать ДП 23: 157 явиться ДП 25: 174 ДП 27: 16; в народах родник непосредственной жизни Пб 21: 238; вселить желание мира, международного единения и человеколюбивого преуспевания ДП 25: 99; при народе учить ПН 328; о(б) народе (нашем) болеть ДП 27: 18 говорить Иг 317 ДП 22: 103 Пс 29(1): 42 писать ДП 26: 144, 144; о народе анекдоты ДП 25: 22 вопрос Пб 20: 5 ДП 22: 44 идеи ДП 25: 130 идея ДП 25: 130 мысль Пб 19: 178 Пб 20: 7 писатели ДП 23: 70 понятие Пб 19: 179 слова ДП 22: 103 стишки ДП 26: 125 трактат ММ 46; тут не так Пб 20: 61.

СЧТ 2 Δ кричала громче пожарных и народа ГП 251 улицу, полную разного промышленного народа, мучных лабазов и постоялых дворов Хз 268 целые племена и народы Хз 279 купцы, мещане и весь народ наш ЗМ 18 там народ, полиция ЗМ 103 глубоко презираем народ и начала народные ЗЗ 59 почвы нет, народа нет ЗЗ 59 города и народы заражались и сумасшествовали ПН 419 стоял народ и солдаты Ид 52 Кругом народ, крик, шум, десять тысяч лиц, десять тысяч глаз Ид 55 вынесшего <...> битье от стражи, битье от народа Ид 339 экипажи и народ ВМ 51 знатоки народа и государства Бс 31 Ни России, ни народа! Бс 33 Лекции о первобытных народах и о первобытном человеке Бс 59 пожарные и народ отстаивали довольно большое деревянное строение Бс 395 приходят к нему и из самого простого народа, и из знатнейших особ Тх 6 была кутерьма, много народу, полицейские Тх 19 она тоже русская, тот же народ Пб 19: 14 рассказы об отдаленных странах, о царях и народах, о русских царях и их деяниях, о каре Новгорода, об самозванцах, об осаде Лавры, о войнах, походах, о смерти Ивана-Царевича Пб 19: 53 читать вслух солдатикам и другому народу Пб 19: 53 во все времена и во всех народах Пб 19: 170 отношений, связывающих администрацию и народ Пб 19: 184 пробудилась мысль о народе, о народном развитии Пб 20: 7 мы и народ не способны ни к какому лучшему будущему Пб 20: 20 ничего не сделали ни мы сами, ни народ Пб 20: 20 что можем сказать хорошего о нас и этом народе Пб 20: 20 сознания своей разрозненности с почвой и с народом Пб 20: 66 столкновение интересов общества и народа Пб 20: 66 сближение народа и общества Пб 20: 66 весьма важного для церкви и народа вопроса Пб 21: 140 О народе и войске как бы никто и не думает Пб 21: 190 удовлетворит и народ и Собрание Пб 21: 218 даже в развратительных целях против народа и общества русского ДП 21: 115 говорить бесконечные речи к народу и к разным депутациям ДП 22: 55 католичество бросится в демократию, в народ ДП 22: 90 «мыслителей» всех стран и народов ДП 22: 96 презирают прежнюю среду свою, свой народ и даже веру его ДП 22: 115 воротившихся опять к народу и к идеалам народным ДП 22: 116 общее зло для нас и для народа ДП 22: 116 народ идет на народ, люди идут убивать друг друга ДП 22: 123 нравственная школа для нашего общества и народа ДП 23: 19 стала действительной и единственной покровительницей и православия, и народов, его исповедующих ДП 23: 49 в обществе и даже уже в народе с жаром следят за успехами ДП 23: 51 те самые народы и нации <...> разом отвертываются от миллионов несчастных ДП 23: 61 торжествуют наконец в народах и нациях ДП 23: 65 повредит самым насущным и необходимейшим интересам народов и государств ДП 23: 66 должен существовать такой естественный закон в народах и национальностях, по которому каждый мужчина должен по преимуществу искать и любить женщин в своем народе и в своей национальности ДП 23: 89 ясно сознаваемая обществом и народом, политическая мысль ДП 23: 104 не про народ говорю, не

про массу ДП 23: 115 уже болело сердце за то разъединение высших слоев русских людей с низшими, с **народом** и с народной жизнью ДП 23: 121 способствуют нашему более ясному пониманию **народа** и русской жизни ДП 23: 121 оторвавшегося от **народа** и жизни русского европейничанья ДП 23: 122 фальшиво разъединился с **народом** и обществом ДП 23: 123 **народ** наш и общество ДП 23: 124 пришел на ум такой пример и такой **народ** ДП 23: 134 и сам **народ** и сама нация добровольно и свободно склоняют себя ДП 23: 153 из **народа** или нации ДП 23: 153 из **народа** и из купцов ДП 23: 155 не обратиться ли, дескать, к **народу** или к народным началам ДП 23: 157 **народ** и иной миллионер-фабрикант ДП 23: 157 сильна **народом** своим и духом его, а не то что лишь образованием, например, своим, богатствами, просвещением и проч. ДП 24: 62 в **народе** нашем и в духе его отыщем новые слова ДП 25: 23 понимающей **народ** и почву свою ДП 25: 26 как должен глядеть русский человек, – и на **народ** свой, и на семью русскую, и на Европу, и на хромого бочара, и на братьев славян ДП 25: 40 совершенно обошла **народ**, пролетария ДП 25: 59 хранить его и все **народы**, его исповедующие ДП 25: 68 воображающих Россию и **народ** ее лишь в образе пьяной бабы ДП 25: 69 приниженных теперь **народов** и братьев наших на Востоке ДП 25: 69 все остальные **народы** и царства просвещенного европейского мира ДП 25: 70 понимали это наш **народ** и государи его ДП 25: 74 попал в ненавистники еврея как **народа**, как нации ДП 25: 75 рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми **народами** ДП 25: 82 к этому неуважению ко всякому **народу** и племени и ко всякому человеческому существу, кто не есть еврей ДП 25: 84 где царь и **народ** его с ним ДП 25: 95 верящих в свою собственную и **народа** своего самостоятельность ДП 25: 95 и **народ** наш и дух его изобретены лишь фантазиями доморощенных московских мечтателей ДП 25: 96 этот **народ**, эти солдаты, взятые из **народа** ДП 25: 123 **Народ** и юное поколение интеллигенции нашей сойдутся вместе вдруг ДП 25: 131 чем живут нации и **народы** ДП 25: 142 всех **народов** и всего девятнадцатого столетия ДП 25: 142 разъединение начал, разъединение с **народом** ДП 25: 143 каждому **народу** и государству *страшно много собственного дела у себя дома* ДП 25: 149 без всемирного владения землями и **народами** ДП 25: 152 не верит в него [Бога] и **народ** ДП 25: 158 искать уединения или, лучше сказать, отъединения, ленивого и цинического, от общества, **народа** своего и самых первейших к ним обязанностей ДП 25: 192 сколько бы ни прожили с **народом** или подле **народа** ДП 25: 205 вещи цинические и хульные на часть нашего общества и на **народ** наш ДП 25: 207 проникли и к нам в Россию, в интеллигентную публику и, наконец, в **народ** ДП 25: 210 многие добровольцы и **народ** ДП 25: 217 разница между ним и **народом** ДП 25: 218 отпускается на племена и **народы** ДП 26: 25 они-то и за Россию, за ее интересы, за обновление, за **народ** и общество ДП 26: 32 уважать русского человека и русский **народ** ДП 26: 32 много живых сил из **народа** и русской молодежи ДП 26: 32 Другие **народы**, другие армии ДП 26: 42 с **народом** и царем своим во главе ДП 26: 85 владение Константинополем всех восточных **народов** и народцев ДП 26: 86 сибиряки, **простой народ** и мещане ДП 26: 105 перевоплощаться в гении чужих **народов** и национальностей ДП 26: 114 говоривший о **народе** и страданиях его ДП 26: 119 оторванном от **народа**, от народной силы ДП 26: 138 соприкосновение с родиной, с родным **народом**, с его святынею ДП 26: 143 С надеждой на **народ** и на силы его ДП 26: 154 убеждение в мерзости нашего мужика и **народа** ДП 26: 160 При начале всякого **народа**, всякой национальности ДП 26: 165 вся Россия, войска, общество и даже весь **народ** настроены патриотически Пс 28(2): 35 могло бы быть гораздо более доверия к **народу** и к обществу Пс 28(2): 155 теряет свой **народ** и народность Пс 29(1): 145 любят и Россию, и **народ** Пс 30(1): 8 не в **народе**, не в Земле Пс 30(1): 23 разрешение недоразумения <...> между **народом** и обществом Пс 30(1): 24 закрепощенный **народ** и горожане и между ними 14 классов Пс 30(1): 233 зона-то между властью и **народом** Пс 30(1): 233 сидит между властью и **народом** Пс 30(1): 233Δ

Примечания. В *противопоставлении* Δ [Горянчиков] Я заметил, что такие личности водятся и не в одном **народе**, а во всех обществах, сословиях, партиях, журналах и ассоциациях (ЗМ 49). Теперь же книги называются иначе; для всех иначе, а для **народа** так вот по-старому: «Читальник» (Пб 19: 32). Тогда только выработается именно тот общественный быт наш, такой именно, какой нужен нам, когда высшие классы будут опираться не на одних только самих себя, а и на **народ**; тогда только может прекратиться эта поразительная чахлость и безжизненность нашей общественной жизни (Пб 20: 19). Но вопрос этот у нас никогда иначе и не ставился: «Что лучше – мы или **народ**? **Народу** ли за нами или нам за **народом**? (ДП 22: 44) Почему мы люди *чистые*, а **народ** всё еще человек *черный*, почему мы всё, а **народ** ничего? (ДП 22: 11) <...> разве между культурными Русскими не такие же кулаки и мошенники поминутно? Да чуть ли не больше еще, и это тем стыднее, потому что они окультурены, а **народ** нет (ДП 22: 112). О, без этого [несимпатии] нельзя, это есть, но происходит это вовсе не от того, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной **народ**, а сам еврей (ДП 25: 81). Всех добровольцев, за весь прошлый год, было не бог весть сколько, очень не много тысяч: но провожала их в Сербию решительно вся Россия, и особенно **народ**, настоящий **народ**, а не стрючки, как особенно настаивает на том озлобленный Левин; стрючками он считает и добровольцев (ДП 25: 210). [А. Н. Майкову] Разумеется, я говорю об **народе**, а не о прогневших боярах и семинаристах (Пс 29(1): 42). [Студентам Московского университета] Это слово правды, которого жаждет молодежь, она ищет бог знает где, в удивительных местах (и опять-таки в этом совпадая о породившим ее и прогневшим европейским русским обществом), а не в **народе**, не в Земле (Пс 30(1): 23). [Студентам Московского университета] Но факт тот, что **народ** (**народ**, а не одни мясники, нечего утешать себя тем или другим словом) восстал против молодежи и уже отметил студентов; а с другой стороны, беда в том (и знаменательно то), что пресса, общество и молодежь соединились вместе, чтобы не узнать **народа**: это, дескать, не **народ**, это чернь (Пс 30(1): 24) Δ В *уточнении* Δ Гостинная полна **народу**, преимущественно тузы (СС 46). [Горянчиков] Скамейки же – для унтер-офицеров и инженерных писарей, кондукторов и прочего **народа**, хотя и начальствующего, но не в офицерских чинах, на случай, если б они заглянули в острог (ЗМ 121). [Рассказчик] Тут уж вы видите даже и не **народ**, а потерю сознания, систематическую, покорную, поощряемую (ЗЗ 71). [П. Верховенский Ставрогину] То есть еще вовсе нет, и, признаюсь, я ровно ничего не слышал, но ведь с **народом** что поделаешь, особенно с погорельцами: *Vox populi vox dei* (Бс 404). [Из бесед и поучений старца Зосимы] Из **народа** спасение выйдет, из веры и смирения его (БрК 286). Нас убеждают согласиться в том, что **народ** – наше земство – глуп, потому что г-да Успенский и Писемский представляют мужика глупым... (Пб 20: 8). Мы просто укажем на вкоренившееся во Франции предубеждение против древней монархии, на столетнюю от нее отвычку, на столетние совсем новые привычки, на шесть или семь поколений французов, возросших после монархии, и, наконец, на **народ**, на *черный народ*, даже совсем и забывший про древнюю монархию, совсем ее не знающий, не имеющий об ней никакого точного понятия и наверно не понимающий теперь: из-за чего ему присягать Шамбору, усыпать его путь цветами и целовать копыта его белой лошади? (Пб 21: 200) Но **народ**, стомиллионный **народ** наш, эта «косная, развратная, бесчувственная масса» и в которую уже прорвался жид, – что он противопоставит идущему на него чудовищу материализма в виде золотого мешка? (ДП 23: 160) Итак, разве не дух Христов в **народе** нашем – темном, но добром, невежественном, но не варварском (ДП 25: 123). [А. Г. Достоевской] Шеры, Ставровские – всё это одного корня **народ**, мошенники, надувалы и валеты (Пс 30(1): 120) Δ В *повторе* Δ Ни один **народ**, – начал он [Шатов], как бы читая по строкам и в то же время продолжая грозно смотреть на Ставрогина, – ни один **народ** еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости (Бс 198). Левин любит себя называть **народом**, но это барич, московский барич средне-высшего круга, историком которого и был по преимуществу граф Л. Уж в этом-то одном Левин мог бы увидеть, что он не совсем **народ** и что нельзя ему говорить про себя: я сам **народ**. Я хочу только сказать, что вот эти, как Левин, сколько бы ни прожили с **народом** или подле **народа**,

но **народом** вполне не сделаются, мало того – во многих пунктах так и не поймут его никогда вовсе (ДП 25: 205). [О Н. А. Некрасове] Если не нашел ничего в своей жизни более достойного любви, как **народ**, то, стало быть, признал и *истину народную* и *истину в народе*, и что истина есть и сохраняется лишь в **народе** (ДП 26: 125). Да, в сем случае, **народ** наш, такой **народ**, как наш, – может быть вполне удостоен доверия (ДП 27: 21) Δ *В амплификации* Δ [Горянчиков] Это был сильно развитый **народ**, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды и по-своему сильные диалектики; **народ** надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени (ЗМ 34). [Размышления Раскольникова] Целые селения, целые города и **народы** заражались и сумасшествовали (ПН 419). [Шатов Ставрогину] Так веровали все с начала веков, все великие **народы** по крайней мере, все сколько-нибудь отмеченные, все стоявшие во главе человечества (Бс 199). [П. Верховенский Ставрогину] **Народ** пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро» (Бс 324). [Катерина Ивановна А. Карамазову о Грушеньке] Ее нужно плетью, на эшафоте, чрез палача, при **народе!**.. (БрК 141). Видите ли, чтоб существовать сорок веков на земле, то есть во весь почти исторический период человечества, да еще в таком плотном и нерушимом единении; чтобы терять столько раз свою территорию, свою политическую независимость, законы, почти даже веру, – терять и всякий раз опять соединяться, опять возрождаться *в прежней идее*, хоть и в другом виде, опять создавать себе и законы и почти веру – нет, такой живучий **народ**, такой необыкновенно сильный и энергический **народ**, такой беспримерный в мире **народ** не мог существовать без *status in statu*, который он сохранял всегда и везде, во время самых страшных, тысячелетних рассеяний и гонений своих (ДП 25: 81). Эта радость о неудачах России и легкомысленное визжание от восторга, что Россия так-де вдруг оказалась «слаба, без финансов, с расстроенным войском, с недовольным и ропчущим **народом**, с нигилизмом, подточившим общество» – все эти небылицы, несомненно, носят на себе печать столь известного происхождения (ДП 26: 57). Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними **народа**, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин (ДП 26: 145). [Студентам Московского университета] Но так бывало всегда и везде, во всем мире, у **народа** (Пс 30(1): 24) Δ *В градации* Δ [Горянчиков] Да и каким способом весь этот **народ**, развитый, сильно поживший и желавший жить, насильно сведенный сюда в одну кучу, насильно оторванный от общества и от нормальной жизни, мог бы ужиться здесь нормально и правильно, своей волей и охотой? (ЗМ 16) [П. Верховенский Ставрогину] **Народ** пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро» (Бс 324). [Катерина Ивановна А. Карамазову о Грушеньке] Ее нужно плетью, на эшафоте, чрез палача, при **народе!**.. (БрК 141). Знают, что **народ** наш довольно смысленный, но не имеет гения; очень красив, живет в деревянных избах, но неспособен к высшему развитию по причине морозов (Пб 18: 42). Вывают к голосу народному, от **народа**, еще неискусившегося во зле, ожидают плодов, а молодому поколению, на которое возлагаются лучшие надежды общества, отказывают во всяком голосе... (Пб 20: 11). Неужели у вас недоставало сообразить, что никогда, нигде, ни в каком **народе**, от начала мира сразу никто не выступал безошибочно и тем более против предрассудков, укоренившихся в почве столетиями и имевших за собой – привычку к ним общества (Пб 20: 64). По-моему, еще есть лекарства: они в **народе**, в святынях его и в нашем соединении с ним (ДП 24: 52). Ну можно ли представить себе, что иной из них почти рад нашей штунде, рад для **народа**, для выгоды и для блага его: «Все же-де это несколько выше прежних народных понятий, все же это может хоть несколько облагородить народ» (ДП 25: 10). Мне даже случалось жить с **народом**, в массе **народа**, в одних казармах, спать на одних нарах (ДП 25: 80). Это сам **народ** поднялся на войну, с царем во главе (ДП 25: 94). И всему тому есть причины – и главнейшая, по-моему, – разъединение начал, разъединение с **народом** и обособление дипломатических умов в слишком уж, так сказать, великосветской и отвлеченной от человечества сфере (ДП 25: 143). Характернейшая, существеннейшая черта этого великого, гордого и особого **народа**, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла

в том, что он никогда не хотел соединиться, в призвании своем и в началах своих, с крайне западным европейским миром, то есть со всеми преемниками древнеримского призвания (ДП 25: 153). [Студентам Московского университета] Но так бывало всегда и везде, во всем мире, у **народа** (Пс 30(1): 24) Δ См. также ЗМ 36, 118 ДП 23: 149 ДП 25: 59, 123, 169. *В параллелизме* Δ [Горянчиков] Востроге всегда бывает много **народу** промотавшегося, проигравшегося, прогулявшего всё до копейки, **народу** без ремесла, жалкого и оборванного, но одаренного до известной степени смелостью и решимостью (ЗМ 36). [Размышления Раскольникова] «Целые селения, целые города и **народы** заражались и сумасшествовали» (ПН 419). [Шатов Ставрогину] Так веровали все с начала веков, все великие **народы** по крайней мере, все сколько-нибудь отмеченные, все стоявшие во главе человечества (Бс 199). Николай Всеволодович узнал, что он [Тихон] уже лет шесть как проживает в монастыре и что приходят к нему и из самого простого **народа**, и из знатнейших особ; что даже в отдаленном Петербурге есть у него горячие почитатели и преимущественно почитательницы (Тх 6). Но это уж идеал [распространение в народе грамотности и образованности]; это возможно бы было только в том случае, когда бы составитель народных книжек видел в этом составлении неудержимое призвание свое с самого детства и ощущал бы в себе самую наивную и горячую потребность жить с **народом** и говорить с ним во все дни и часы своей жизни (Пб 19: 51). Это негодование, этот антагонизм всегда был и будет между двумя поколениями – юным и зрелым; он был и пребудет во все времена и у всех **народов** (Пб 20: 54). Помилуйте, **народ** идет на **народ**, люди идут убивать друг друга, что тут необходимого? (ДП 22: 123) Для **народов** славянских, для сербов, для черногорцев – Россия всё еще солнце, всё еще надежда, всё еще друг, мать и покровительница их, будущая освободительница! (ДП 23: 115) Они [факты добровольчества и безыменного жертвования на раненых] означают лишь, что весь **народ** поднялся за истину, за святое дело, что весь **народ** поднялся на войну и идет. (ДП 25: 95)) Они [эти мудрецы] так недавно еще кричали на весь мир, что мы бедны и ничтожны, они насмешливо уверяли всех, что духа народного нет у нас вовсе, потому что и **народа** нет вовсе, потому что и **народ** наш и дух его изобретены лишь фантазиями доморощенных московских мечтателей, что восемьдесят миллионов мужиков русских суть всего только миллионы косных, пьяных податных единиц, что никакого соединения царя с **народом** нет, что это лишь в прописях, что все, напротив, расшатано и проедено нигилизмом, что солдаты наши бросят ружья и побегут как бараны, что у нас нет ни патронов, ли провианта и что мы, в заключение, сами видим, что расхрабрились и зарвались не в меру, и изо всех сил ждем только предлога, как бы отступить без последней степени позорных пощечин, которых “даже и нам уже нельзя выносить”, и молим, чтоб предлог этот нам выдумала Европа (ДП 25: 96). Но зато знают это цари наши, и чувствует это **народ** наш (ДП 25: 98). Спросите **народ**, спросите солдата: для чего они поднимаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, – и все скажут вам, как один человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате (ДП 25: 100). Но если бы только хоть обеспечена была правда **народу** в будущем, так чтобы он вполне уверовал, что придет она непременно, если б только хоть капельку выбралась муха из тарелки с патокой, то и тогда бы совершилось дело великое и неисчислимое (ДП 27: 20) Нет, тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм **народа**, слинного с своим царем воедино (ДП 27: 21) Δ См. также зн. 4 Пс 29(1): 145. *В эвгме* Δ [Автор некоей маменьке] Именно, сударыня, мне как нарочно несколько уже раз в жизни приходило на мысль, что в дипломатии, то есть во всеобщей дипломатии, всех **народов** и всего девятнадцатого столетия, чрезвычайно даже мало было умных людей (ДП 25: 142) Δ

НСТ Δ [Рассказчик] Пусть всё вокруг нас и теперь еще не очень красиво; зато сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже **народу** стошнило, на нас глядя (ЗЗ 59). [Марья Сысоевна Вельчанинову] Народ сбежался, Павла-то Павловича самого дома нет, а ребенок без призору ходит, гляжу, и она там в коридоре меж **народом**, да из-за других и выглядывает, чудно так на висельника-то глядит (ВМ 50). Следственно, всё-таки будут между **народом** грамотные; а если будут, то всё-таки будут наполнять остроги, следовательно, вы никого по излечите, ничего не достигнете (Пб 18:

65). Всякий занят своим делом: один практичностью, другой печалью по **народу** (ДП 26: 125). [Студентам Московского университета] Вместо того, чтобы жить его жизнью, молодые люди, ничего в нем не зная, напротив, глубоко презирая его основы, например веру, идут в народ – не учиться **народу**, а учить его, свысока учить, с презрением к нему – чисто аристократическая, барская затея! (Пс 30(1): 23) Δ

МРФ В образовании сложных слов Δ [Шатов Ставрогину] <...> знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный **народ**-«богоносец», грядущий обновить и спасти мир именем нового Бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова... (Бс 196). [Ставрогин Шатову] Вся ваша фраза и даже выражение **народ**-«богоносец» есть только заключение нашего с вами разговора, происходившего с лишком два года назад, за границей, незадолго пред вашим отъездом в Америку... (Бс 196) Δ

ИРОН Δ [Рассказчик] Видно было, что это **народ**, прошедший сквозь разные трубы и усвоивший себе навеки хоть и кислое, но чрезвычайно деловое выражение лица (ЗЗ 64). [Хроникер] Липутин, Шигалев и знаток **народа** особенно поддерживали эту мысль; Лямшин помалчивал, хотя и с согласным видом (Бс 416). Ведь чтоб **народ** действительно слушал нас [образованных людей], разиня рот, надо прежде всего это заслужить от него, то есть войти к нему в доверие, в уважение; а ведь легкомысленное убеждение наше, что стоит нам только разинуть рот, так мы и всё победим, – вовсе не заслужит его доверия, тем более уважения (Пб 19: 28). А уж если на то пошло, чтоб учить и более *ничего*, так не лучше ли бы прямо, с первого раза объявить откровеннее: «Вот смотри, **народ**: я ученый, а вы все дураки» (Пб 19: 30). <...> и вот вы [г-н Авсеенко], когда вам прибыло из Европы ума (?), избоченившись перед связанным и оглядывая его [народ] с культурной высоты своей, вдруг заключаете о нем, что «плох и пассивен и мало выказал деятельности (это связанный-то), а проявил лишь некоторые пассивные добродетели, которые хоть и питали литературу живыми соками, но в сущности не стоят медного гроша, потому что чуть только **народ** начнет действовать, как тотчас же является кулаком и мошенником» (ДП 22: 105). Выйди из **народов** и составь свою особь и знай, что с сих пор ты *един* у бога, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй (ДП 25: 81). [Ответ за западников] Собственно же **народ** наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вот бы и прекрасно и уж лучше, кажется, нельзя бы и быть, ибо страшно нужна **народу** интеллигенция, предводящая его, сам он жаждет и ищет ее (ДП 27: 9) Δ См. также ЗЗ 57 ДП 25: 216 ДП 27: 17.

ТРП В метафоре Δ [Голядкин] «<...> Гришка Отрепьев только один, сударь вы мой, взял самозванством, обманув слепой **народ**, да и то ненадолго» (Дв 167). Замирая от ужаса, оглянулся господин Голядкин назад: вся ярко освещенная лестница была унижена **народом**; любопытные глаза глядели на него отовсюду; сам Олсуфий Иванович председал на самой верхней площадке лестницы, в своих покойных креслах, и внимательно, с сильным участием, смотрел на всё совершавшееся (Дв 228). <...> наконец весь народ побежал, загремели пожарные трубы, и целые волны **народа** вынесли его [Прохарчина] почти на плечах на тот самый пожар, на котором он присутствовал в последний раз вместе с попрошайкой-пьянчужкой (ГП 250). [П. Верховенский Ставрогину и своих соратниках] Горячий **народ**. Книжки вынули, спорить собираются. Виргинский – общечеловек, Липутин – фюрерист, при большой наклонности к полицейским делам <...> (Бс 177). Знал Алеша, что так именно и чувствует и даже рассуждает народ, он понимал это, но то, что старец именно и есть этот самый святой, этот хранитель божьей правды в глазах **народа**, – в этом он не сомневался нисколько и сам вместе с этими плачущими мужиками и больными их бабами, протягивающими старцу детей своих (БрК 29). [Автор] Нам бы сильно хотелось, если бы кто-нибудь из этого рода теоретиков решил бы следующие вопросы: точно ли выиграет много человечество, когда каждый **народ** будет представлять из себя какой-то стертый грош, и какая именно будет оттого польза? (Пб 20: 6) И однако ж, мы всегда будем стоять за

правую сторону дела, и хоть, надо признаться, наше общество заявляло себя, свои нужды и требования, действительно, иногда легкомысленно, выставляя слепо западную цивилизацию и свысока смотря на **народ**, но мы всё-таки жалеем, что кудахтающее направление успело повредить начинающейся саможизненности нашей (Пб 20: 67). Они утешали и укрепляли несчастных, они томились в тюрьмах, они с радостью всходили на эшафоты, умирали мучениками за Христа и честною кровью своею смыли позор, в который легкомысленно упали вера и ее служители в глазах **народа** в предшествовавшие столетия (Пб 21: 152) Δ В метонимии Δ «**Народ** молчал, не выказывая ни порицания, ни одобрения; Лизавета Николаевна села на коня в загрязненном своем платье и ускакала (Бс 254) Δ В гиперболе Δ «**Народу** привалило видимо-невидимо, весь город сбежался: разбойника наказывать будут, убийца, значит (ЗМ 92) Δ

ЧЖР В библейской цитате Δ Захочет ли оно [владельческое сословие] искренно признать **народ** своим братом по крови и духу, вопрежь навсегда, почитит ли оно то, что чтит народ наш, согласится ли возлюбить то, что возлюбил **народ** даже более самого себя (ДП 27: 10) [Мф 22: 37-39; Мк 12: 30-31] Δ В цитате Δ «**Народ** должен подойти к нам, или, лучше, мы должны подвести его к себе, потому что ведь в нас, собственно, витают общечеловечные идеалы, мы представители на Руси прогресса и цивилизации» (Пб 20: 8) [М. А. Антонович. «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени» // «Современник». 1861. №12]. «Применяя к Руси известную мысль Монтескье – всякий **народ** достоин своей участи, что можем сказать хорошего о нас и этом **народе**, который и т. д.? (Пб 20: 20) [Монтескье. «О духе законов», 1748. Русское издание 1809–1814 гг. В 1862 г. начало выходить новое издание в переводе Е. Коренева]. «И всё это сказать сейчас же после того, как на предыдущей странице было объявлено, что на «плечах **народа**, на его терпении и самопожертвовании, на его живучей силе, горячей вере и великодушном презрении к собственным интересам – создалась независимость России!» (ДП 22: 104). [В. Г. Авсеенко. «Опять о народности и о культурных типах. Рассказы Андрея Печерского (П. И. Мельникова)» // «Русский вестник». 1876. т. 122. № 3] Δ См. также **ИРОН** ДП 22: 105. В отсылке к прецедентному тексту Δ «У груди благой природы | Всё, что дышит, радость пьет; | Все созданья, все **народы** | Засобой она влечет | Нам друзей дала в несчастье, | Грозный сок, венки харит, | Насекомым – сладострастье...» (БрК 99). [Ф. Шиллер. «Элвзинский праздник» (в пер. В. А. Жуковско-го), 1798]. В восьмой части «Анны Карениной» Левин, излюбленный герой автора романа, говорит про себя, что он сам **народ** (ДП 25: 193). Но Левин и князь от этого обвинения сами выгораживают **народ** (ДП 25: 212). [Л. Н. Толстой. «Анна Каренина», 1875–1877]. См. также ДП 25: 205, 217, 218. Не скажу и о том даже, что Пушкин первый у нас, в тоске своей и в пророческом предвидении своем, воскликнул: «Увижу ли **народ** освобожденный | И рабство, павшее по манию царя!» (ДП 26: 114) [А. С. Пушкин. «Деревня», 1819]. [Ф. Н. Бергу] Одну только строчку, по-моему, надо бы изменить: | Молчит бессмысленный **народ**. | Это как будто Пушкина «Молчи, бессмысленный **народ**» и в смысле модном, то есть в смысле враждебном Пушкину (Пс 28(2): 18) [А. С. Пушкин. «Поэт и толпа», 1828] Δ

СЛБР [**НАРОД**] [**народец**] [народцам ДП 26: 86[1] народцами ДП 26: 78, 84[2] народцев ДП 26: 86[1] народцу ДП 26: 83[1] народцы ДП 26: [] 84[1][**народик**] народики ДП [] 26: 78[1] [**народишко**] народишке Бс [] 184[1] [**народность**] народностей Бс 198[1] народности Бс 44, 199, 199, 372 БКА 116[5] народность СА 21 БрК 392[2] народность-то ЗЗ 60[1] народностям Бс 22[1] народностей Бс 198[1] народности Бс 44, 199, 199, 372 БКА 116[5] народность СА 21 БрК 392[2] народность-то ЗЗ 60[1] народностям Бс 22[1] [] народностей Пб 20: 151 ДП 23: 50 ДП 25: 78, 148 ДП 26: 79, 83, 85, 85[8] народности Пб 18: 24 Пб 18: 37, 67, 71, 71, 71 Пб 19: 8, 8, 8, 8, 9, 18, 18, 18, 19, 19, 40, 41, 44, 59, 60, 62, 62, 62 Пб 20: 7, 9, 14, 19, 20, 41, 100, 121, 121, 121, 122 ДП 25: 90, 136 ДП 26: 81, 147 ДП 27: 30[40] народности-то Пб 19: 173[1] народность

Пб 19: 8, 8, 8, 8, 9, 9, 12, 12, 12, 14, 14, 14, 18, 13, 13, 114, 149 Пб 20: 6, 7, 13, 14 ДП 23: 128 ДП 26: 114, 147, 147, 147[26] народностью Пб 19: 113[1] народностью-то Пб 20: 26[1] народностям ДП 23: 49 ДП 26: 145[2] народностями ДП 24: 62 ДП 25: 80[2] народностях Пб 19: 115 ДП 23: 64 ДП 26: 85[3] народностей Пб 20: 151 ДП 23: 50 ДП 25: 78, 148 ДП 26: 79, 83, 85, 85[8] народности Пб 18: 24 Пб 18: 37, 67, 71, 71, 71 Пб 19: 8, 8, 8, 8, 9, 18, 18, 18, 19, 19, 40, 41, 44, 59, 60, 62, 62, 62 Пб 20: 7, 9, 14, 19, 20, 41, 100, 121, 121, 121, 122 ДП 25: 90, 136 ДП 26: 81, 147 ДП 27: 30[40] ☒ народностей Пс 28(2): 206[1] народности Пс 29(1): 152 Пс 30(1): 169, 236[3] народность Пс 29(1): 145 Пс 30(1): 169, 236, 236, 236, 236[6] народность Пс 29(1): 145 Пс 30(1): 169, 236, 236, 236, 236[6] народностей Пс 28(2): 206[1] народности Пс 29(1): 152 Пс 30(1): 169, 236[3] [НАРОДНЫЙ] [народолюбец] ☑ народолюбцы ДП 25: 16[1] [народонаселение] ☑ народонаселением Пб 19: 24[1] народонаселения Пб 19: 15[1].

Примечания. 1) По характеру эпитетов в СЧГ¹ и.п. ед.ч. и мн.ч. можно увидеть наиболее значимое для Достоевского положительное представление о **народе**, такое как «богоносец», гениальный, кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем и т. п., – что отражается в их большей частотности; немного нейтральных эпитетов (всякий, европейский, московский и т.д.); отрицательных оценок, как правило цитируемых по высказываниям противников, или неопределённо-личных по форме, а не своих, или иронических (глупый, грубый, раздражённый и озлобленный, сквернословный и т.д.) вдвое меньше.

2) Из высказываний обобщающего характера Δ Зато как же мы [европейцы] теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании, как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, **народа** нет, национальность – это только известная система податей, душа – tabula rasa, вошечек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки (ЗЗ 59). При начале всякого **народа**, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее (ДП 26: 165). Механическое перенесение к нам европейских форм (которые там завтра же рухнут), **народу** нашему чуждых и воле его не пригожих, есть, как известно, самое важное слово русского европеизма (ДП 26: 167). Мало того: тот не может и любить **народа русского** (а у многих ведь из них, из европейцев-то наших, сердце чистое, справедливости и любви жаждущее), а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть и каким себе напредставит его. А так как **народ** никогда таким не делается, каким бы его хотели видеть наши умники, а останется самим собою, то и предвидится в будущем неминуемое и опасное столкновение (ДП 27: 19). Я лишь то хочу выразить, что силы, разъединяющие нас с **народом**, чрезвычайно велики и что **народ** остался один, в великом уединении своем, и кроме царя своего, в которого верует нерушимо, ни в ком и нигде опоры теперь уже не чает и не видит (ДП 27: 20). Царь для **народа** не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, всеединящая сила, которую сам **народ** восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что он нее только одной ждал исхода своего из Египта. Для **народа** царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его (ДП 27: 21). Да: мы уже по тому одному не с **народом** и не можем понять его, что хоть и знаем и понимаем его отношения к царю, но вместить не можем в себя во всей полноте самого главного и необходимого пункта в судьбах наших: что отношение это **русского народа** к царю своему есть самый особый пункт, отличающий **народ наш** от всех других **народов** Европы и всего мира; что это не временное только дело у нас, не переходящее, не признак лишь детства народного, например, его роста и проч., как заключал бы иной умник, но вековое, всегдашнее и никогда, по крайней мере еще долго, очень долго оно не изменится (ДП 27: 22) Δ

Е. О.

ИЗ ИСТОРИИ ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТРУДАХ В. П. ВЛАДИМИРЦЕВА

В. П. Владимирцев одним из первых обратился к глубокому исследованию народной культуры как главного эстетического элемента художественной системы Достоевского. Глубокие познания в фольклоре, пристальное внимание к словам и «словечкам», употребляемым Достоевским, изучение «Сибирской тетради», «Записок из Мёртвого дома» и «Дневника писателя» позволили Владимирцеву создать стройную и убедительную теорию о художественно-этнологической культуре Достоевского во всех её проявлениях. Исследователь показал, что народность – основная категория в эстетике Достоевского, что «многим и многим, если не всем» Достоевский был обязан «родному народу, его языку, психическому складу, правдолюбию, воззрениям, верованиям, традициям и привычкам». Одним из первых обратился Владимирцев и к изучению бестиария и нумерологии Достоевского. Владимир Петрович признавался, что всю жизнь «искал ответы», «учился России у Достоевского». Он и был «человеком Достоевского» – истинным русским интеллигентом, честным, открытым, совестливым, настоящим патриотом своей земли и своего народа.

Ключевые слова: В. П. Владимирцев, художественно-этнологическая культура, народность, почвенничество, «словечки», языковая игра.

Буквально накануне своего ухода Владимир Петрович Владимирцев выпустил книгу «Достоевский народный», в статьях, очерках и этюдах которой обобщил свои исследования о Достоевском и русской этнологической культуре. Мысли, выраженные в книге, В. П. Владимирцев вынашивал не одно десятилетие. Как признавался Владимир Петрович, они зародились в то время, когда «в открытую сопрягать генетически и эстетически творения Достоевского (“архискверного”) с народными (простонародными) культурными первоисточниками было попросту невозможно и опасно. Такие литературоведческие дерзости встретили бы инквизиторское осуждение, государственный отпор». Поэтому «приходилось двигаться “тихими стопами” <...>, начинать издалека, с мелких “безобидных” подробностей литературного фольклоризма писателя»¹.

Дорога Владимирцева от сказки, фольклора, народности к творчеству Ф. М. Достоевского естественна, и начинается она с исследования пословичного фольклора в его произведениях 40-х годов. Владимир Петрович предлагает свой фольклорно-этнографический комментарий к роману «Бедные люди», с интересом воспринятый достоевистами, рассматривает поэтику локальных историко-этнографических отражений Петербурга Достоевского, обращает внимание на использование писателем «фольклорных словечек», народных плачей и народных песен, русских быличек и поверий, народных загадок, исследует фольклорные акценты в «Дневнике писателя», акцентирует внимание

¹ Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура. Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс историко-литературных исследований. Иркутск, 2007. С. 7.

на органичности детского фольклора и этнографии детства в творческом воспроизведении Достоевского².

Немало способствовала продвижению в его исследованиях народно-культурных истоков творчества Достоевского книга Т. Ф. Тиселтона Дайэра «Фольклор у Шекспира». «Я раз и навсегда усвоил, – признавался Владимир Петрович, – насколько неотменно важно искать и находить в сочинениях Фёдора Михайловича любые проявления его творческой близости к повседневной культуре народной (простонародной), чтобы через них, проявления эти, понять и объяснить законы и преимущества национально-русской поэтики писателя»³.

Учёный протестовал против принятых в научном обиходе терминологических словосочетаний «Достоевский и фольклор», «Достоевский и народная культура», полагая, что союз «и» «выражает отношения соседства, совместности на расстоянии, но никак не бытия одного в другом»⁴. Он предлагает «располагать ключевые понятия иначе, смещая смысловой центр и обращаясь к нетрадиционному обороту терминологии: народная культура (фольклор) в Достоевском – его нравах, речевых привычках, менталитете. Здесь – убеждён Владимир Петрович, – полнее схвачен момент истины: взаимозависимое соотношение частей внутренне монолитного личностного психоидеологического целого. <...> Народная культура (язык, склад мышления, взгляды, понятия и представления, вера, поэзия, обычай, вкусы, привычки, мистика) была наиболее органичной составляющей мироощущения и мировидения Достоевского (“золотая жила”, по определению В. Я. Проппа). Она входила в сознание и подсознание писателя как единое с его натурой этнически кровное опорное духовное достояние. Незримо изо дня в день питала и возбуждала нравственную и литературную мысль Фёдора Михайловича (идеальное зеркало процесса – “Дневник писателя” и подготовительные материалы к нему). Этот культурный рабочий феномен есть краеугольный камень его творческой жизни»⁵.

Владимирцев был убеждён, что достоевистам необходимо «определить, как народопоклонничество и русскость Достоевского выразились в его творениях художественно, через поэтическую технологию, “приёмы”, так как писатель «бесконечно многое взял у народа собственно как художник и мыслитель. Взял органически, не напрокат, а как нечто “свое”, этнически и стихийно родное – в духе и по примеру пушкинского протеизма. “Живая школа народности” глубоко и неизгладимо отразилась на личных творческих убеждениях и принципах, поэтической воле и технике Достоевского, вошла, так сказать, в его плоть и кровь»⁶.

Работы Владимира Петровича представляют собою некий единый исследовательский метатекст, в котором мысль, обозначенная в одной статье,

² Шинкарёва А. Профессор Владимирцев: творческий и научный путь // Он был чисто-го Слога слуга...: Воспоминания о В. П. Владимирцеве: Интервью. Выступления. Библиография. Сост. И. А. Белякова, А. П. Шинкарёва. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С. 12.

³ Владимирцев В. П. Достоевский народный. С. 8.

⁴ Владимирцев В. П. Указ. соч. С. 10.

⁵ Владимирцев В. П. Достоевский народный. С. 10 – 11.

⁶ Владимирцев В. П. Указ. соч. С. 13.

В. П. Владимирцев

находит свою разработку в другой, написанной подчас спустя несколько лет или даже десятилетий. Причём «автоцитирование» у него носит сугубо научный характер, вовлекает нас в непрерывный процесс познания и углубления в текст Достоевского. Он не просто отсылает нас к предыдущей работе, но на новом витке своей исследовательской мысли развивает, углубляет, проясняет то, о чём говорил ранее. Как заметил коллега В. П. Владимирцева С. Р. Смирнов, «труды В. П. Владимирцева всегда отличались максимальной научной точностью и скрупулезностью. Тончайшие жизненные наблюдения, пиетет по отношению к предшественникам, благодарности за малейшую помощь в разыскании того или иного источника или указания на него – всё это позволяет отнести штудии профессора Владимирцева к традициям, восходящим к классическим образцам науки о литературе»⁷.

Владимир Петрович был убеждён: «власть (“паутина”) художественных идей Достоевского», или, по А. Н. Веселовскому, «предания» Достоевского, «объемлет – зримо и незримо – практически всю литературу ушедшего XX столетия. Прежде и более всего – литературу русскую. Было бы напрасной попыткой закрывать глаза на этот уклон в движущейся исторической поэтике нового и новейшего времени. Здесь находят себе объяснение многие “странные” явления из литературного процесса прошлой эпохи»⁸.

Но только ли литературу? Владимир Петрович утверждал, что те, кто занимается творчеством Достоевского, или хотя бы в какой-то мере соприкасался с ним, не могут не испытывать власть его гения. Во всех, кто

⁷ Смирнов С. Р. Уроки профессора Владимирцева. С. 34.

⁸ Владимирцев В. П. Достоевский народный. С. 418.

тесно взаимодействует с творениями великого писателя, – частичка его мира, сказывающаяся и в характерных чертах внешнего и внутреннего облика, и в том, что мы живём «по Достоевскому», мыслим «по Достоевскому», по Достоевскому поверяем свои поступки и впечатления. Пусть не всегда осознанно, но всегда... Заниматься изучением творчества Достоевского и жить вне его мира – невозможно. «Я у него ответы ищу», – признавался Владимир Петрович. Особенно явственно это проявляется в маргиналиях Владимирцева на полях произведений Достоевского. Когда-то Е. Кузьмина-Караваева разделила человечество на две группы: «люди Достоевского» и остальные. Владимир Петрович Владимирцев был именно «человеком Достоевского» – истинным русским интеллигентом, совестливым, честным, открытым для добрых и полезных идей и дел, истинным патриотом, горячим поборником высказанных в творчестве Достоевского национальных идей.

В изучении творчества Достоевского для Владимирцева счастливо совместились все его увлечения и научные пристрастия: фольклор и риторика, журналистика и литературоведение. Глубокие познания в фольклористике, страстная любовь к языковой культуре народа, талант журналиста и чутьё учёного позволили Владимиру Петровичу создать поистине уникальные, оригинальные по форме и содержанию исследования, которые, несомненно, навсегда войдут в классический фонд достоевведения. Все мы знаем, что именно Владимир Петрович открыл для достоевистики «Сибирскую тетрадь» Достоевского. Как сказал о В. П. Владимирцеве Б. Н. Тихомиров, «он – старейший и крупнейший достоевед Сибири. Его статьи невозможно спутать ни с кем: будь они даже без подписи, их выдаст и тематика, и оригинальная исследовательская оптика, и неповторимый “владимирцевский” стиль. Стоит произнести: Достоевский и фольклор, реакция у всех мало-мальски знающих дело будет молниеносной – Владимирцев; “Сибирская тетрадь” – и снова Владимирцев. В изучении “Сибирской тетради” у Владимира Петровича заслуги исключительные. В академическом Полном собрании сочинений Достоевского эта “каторжная тетрадка” писателя была “задвинута” в приложения. А В. П. Владимирцев взял и издал её (в соавторстве с Т. И. Орнатской) отдельной книгой с обширными примечаниями. Стоит ли она того? Владимир Петрович выявил и рассмотрел более 600 случаев отражения материалов “Сибирской тетради” в творчестве писателя – от “Дядюшкиного сна” до “Братьев Карамазовых”. Больше того, первоначально на X симпозиуме Международного Общества Достоевского в Нью-Йорке, а затем в своей докторской диссертации “Достоевский и русская этнологическая культура” (1998) он обосновал взгляд на “Сибирскую тетрадь” как на универсальную “художественно-народоведческую” модель творчества писателя в целом. Благодаря его многолетним усилиям в новых собраниях сочинений “каторжная тетрадка” Достоевского теперь, напротив, полноправно открывает тома сибирской прозы, а набранный убористым шрифтом комментарий занимает без малого 100 страниц»⁹.

⁹ Тихомиров Б. Н. Владимиру Петровичу Владимирцеву // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 17. М.; Иркутск, 2008. С. 3.

Одним из первых обратился В. П. Владимирцев к глубокому научному изучению «Дневника писателя», заговорил о глубинной сущности понятия «Достоевский народный».

Нельзя не обратить внимания на постоянно звучащие в статьях Владимира Петровича отеческие упреки достоевистам о тех или иных «прозёванных» темах, проблемах и образах его творчества. Особенно огорчало В. П. Владимирцева то, что «занимающиеся изучением Достоевского избегают говорить о народности его творчества. Тема является будто бы неактуальной и ошибочной. Может быть, мешает наша современная “окультуренность”, понимаемая по Достоевскому?»¹⁰ Исследователь полагал, что причиной этому может быть как «психологическая инерция», так и то, что «в теории литературы не разработана проблема взаимоотношения народности и вершинных достижений искусства». В результате за уклончивыми синонимическими понятиями-заменителями (своеобразный демократизм, почвенничество, народничество и т.д.) скрывается суть формулы «самоотчитавшегося перед Россией и миром Достоевского: “<...> я конечно народен”»¹¹.

«Мы утратили способность видеть в Достоевском носителя, хранителя и выразителя народных начал, собственно этнокультуры, русизма», – с горечью писал Владимир Петрович¹². Поэтому особенно радует тот факт, что спустя более чем десятилетие эта тема обрела своё звучание в научном мире. Знакомые трудами В. П. Владимирцева, его ученики и соратники по науке не раз отмечали, что высказанные в трудах сибирского учёного идеи и мысли претворились в трудах его последователей, из них вышли статьи, книги, диссертации.

Его исследование о «Сибирской тетради» начинается опять же сетованием на то, что в современной науке «Сибирская тетрадь» остаётся «недопонятой и недооценённой, в сущности, полузабытой»: «Да читают и перечитывают ли уважаемые коллеги “Тетрадь”, столь заветную для автора “Пятикнижия” и “Дневника писателя”», – задаётся Владимир Петрович риторическим вопросом, полагая, что «потаённо-подпольная» «заветная тетрадка» всего лучше свидетельствует о том, что «Великое Слово низовой России» Достоевский искал и находил в народной культурно-речевой деятельности¹³.

Называя «Записки из Мёртвого дома» книгой века, Владимирцев замечает, что наукой о Достоевском «пока не найдено удовлетворительного объяснения, каким образом писателю удалось гармонически совокупить в едином творческом процессе летописание (фактографию) с личной исповедью, познание народа – с самопознанием, аналитизм мысли, философскую медитацию – с эпичностью изображения, дотошно-мельчайший разбор психологической действительности – с беллетризмом занимательного и сжато-безыскусного, пушкинского по типу, рассказывания»¹⁴.

¹⁰ Владимирцев В. П. Достоевский народный. С. 19.

¹¹ Там же.

¹² Владимирцев В. П. Ещё раз о влиянии «нянюшки» Алены Фроловны на личность и творчество Достоевского: факты и размышления // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 13. М.; Иркутск, 2003. С. 18.

¹³ Владимирцев В. П. Достоевский народный. С. 232.

¹⁴ Владимирцев В. П. Там же. С. 243.

Владимир Петрович утверждал, что «единственно-неповторимые “Сибирская тетрадь” и “Записки из Мёртвого Дома” не имеют ни прецедента, ни подобию во всём художественно-этнологическом репертуаре русской классической литературы, то есть они – её высшие народоведческие художественные достижения».

Одним из важнейших столпов исследовательского мира В. П. Владимирцева является «Дневник писателя», который учёный считал «вместе с подготовительными и маргинальными записями к нему, – центральной публицистической площадкой Достоевского-художника. Выстроенные здесь небоскрёбы авторской мысли – вершины русской литературно-публицистической и художественно-этнологической культуры. Писатель сосредоточил и синтезировал в “Дневнике” всё, что занимало и тревожило гений его».

Некоторое (особенно приметное в последние годы) охлаждение к “Дневнику писателя” со стороны, видимо, уставшей науки о Достоевском, выглядит аномалией. Корпус “Дневника”, взятый во всей своей совокупной колоссальности, остаётся первоосновой публицистической исповедью Достоевского о России, её людях, народе, о мире и себе. Адекватна “Дневнику писателя” – нет. Повышенный интерес к нему обязателен всегда. Это историко-литературная норма¹⁵. Звучащая в этих словах категоричность, непривычная для Владимирцева-человека, весьма свойственна Владимирцеву-исследователю, горячо отстаивающему свою точку зрения и максималистски нетерпимому ко всяким конъюнктурным проявлениям в исследовательском мире.

В «Дневнике писателя» Владимирцев видел документальную, журналистски организованную, адресную масштабную публицистику, остро исследующую жизнь России, народную в особенности. «Это художественно-публицистическая россиада, написанная по заведомо принятому на себя автором масс-медийному принципу: “отчёт о действительно выжитых каждый месяц впечатлениях, отчёт о виденном, слышанном и прочитанном” (22, 136). В планетарных измерениях (русский этнос, общечеловеческая культура, христианские ценности, логосное слово, геополитика) точка зрения “Дневника писателя” выше, универсальнее»¹⁶.

Жемчужиной творчества Фёдора Михайловича считал В. П. Владимирцев очерк «Мужик Марей». «Предельная сжатость, кристально-чистая простота рассказа (пушкинско-лермонтовская традиция) не помешали рассказу вобрать в себя всё лучшее и светлое, что есть в духовно-литературном наследстве писателя», – писал исследователь. «Рассказом “Мужик Марей” образно и фундаментально продолжается, конституируется и “заключается” “трактат о народе”. Перед нами художественный психоидеологический отчёт писателя о своих личностных отношениях с Россией и её народом. Если сузить предмет – итоговый “трактат” о том, что русский мужик дал Достоевскому и что Достоевский получил из этого источника источников: духовно-православное

¹⁵ Владимирцев В. П. Очерковый рассказ «Мужик Марей» в художественно-публицистической раме «Дневника писателя» Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 5. М.; Иркутск, 2004. С. 24.

¹⁶ Владимирцев В. П. Очерковый рассказ «Мужик Марей»... С. 25.

культурное начало со всеми его нравственными, поэтическими и речевыми производными. По лиро-эпической цельности сюжета, моноидейной и образно-психологической повествовательной завершенности автобиографическая исповедь, заключённая в рассказе-очерке “Мужик Марей”, не имеет ничего себе равного или похожего в публицистическом своде “Дневника писателя”. Это пик христианского газетно-журнального (хочется сказать, реального) “почвенничества” Достоевского-публициста»¹⁷.

Глубокое проникновение в поэтическую и идеологическую природу «Дневника писателя» позволило В. П. Владимирцеву выдвинуть в качестве априорного тезис о том, что дети, Иисус Христос, народ, земля, интеллигенция, Россия, Запад – основополагающая социально-концептная феноменология «Дневника писателя», альфа и омега публицистики Достоевского, её сердцевина. Январский и февральский выпуски «Дневника» 1876 года, в первую голову классические рождественский и пасхальный рассказы, положили начало его «почвенническому» этнологическим лейтмотивам («народная культура», «народная личность», «правда народная», «вера народная», «Столетняя», институт «русских нянек», язык как народ и т.д.).

Исследовательский интерес Владимира Петровича всегда был обращён к областям, которые по тем или иным причинам оказывались вне поля зрения или недостаточно изученными достоевистикой. Так, одним из первых В. П. Владимирцев обратил пристальное внимание на нумерологию и бесстиарий в произведениях Достоевского, полагая что ни «числовая», ни «бесстиарная» поэтика пока не пользуется вниманием, «адекватным своему творческому весу в художественных построениях писателя»¹⁸.

Недооценённым достоевистикой полагал Владимир Петрович и народоведческий аспект творчества Достоевского. Он писал: «Первым этнологическим университетом, или, может, следует сказать источником *народознания* Достоевского было непосредственное – разной степени близости, личной заинтересованности и приязни – бытовое общение со всевозможными представителями народной низовой России: мещанско-городской, крестьянской, разночинской, монашеской, священнической, солдатской, бродячей (странники Христа ради), арестантско-разбойничьей (“разбойник многому меня научил” – 24, 106), нищесборной, юродствующей, приживальческой и т.п. Другими словами, будничные общественные житейские отношения необходимо и на постоянной основе сводили Достоевского с великим множеством простых людей из народа. Более того, в известном смысле писатель жил впечатлениями от встреч и контактов с безвестными простолюдниками-соотечественниками»¹⁹.

«Почему-то никто из моих коллег должным образом, то есть в интересах науки о Достоевском, даже не обмолвился о том, что писатель подходил

¹⁷ Владимирцев В. П. Там же.

¹⁸ Владимирцев В. П. Достоевский народный. С. 256.

¹⁹ Владимирцев В. П. Возвращаясь к истокам художественно-этнологической культуры Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 6. М.; Иркутск, 2004. С. 29.

к народу, его слоям и группам, разборчиво-дифференцированно, с разными социально-психологическими мерками. Он привычно и убежденно, как нечто само собой разумеющееся, делил народ на... «классы» (его собственная социологическая терминология). Возможно, это самая характеристическая особенность его этнологических соображений и расчётов, имевшая серьёзные творческие последствия.

Приходится констатировать, что исследователи недооценили некоторые частные значения и автобиографические детали двух литературно-критических статей Достоевского 1861 года, объединённых под нетипичным для него спокойно-академическим названием «Книжность и грамотность». В этих статьях и поставлен вопрос о внутринародных «классах» России²⁰. То, что «многим и многим, если не всем» Достоевский был обязан «родному народу, его языку, психическому складу, правдолюбию, воззрениям, верованиям, традициям и привычкам», было для Владимирцева очевидным, и потому такое недоумение вызывал у него факт, что «в науке это совершенно не разработанная проблема, хотя лежит она под ногами».

Как заметил Б. Н. Тихомиров, «сферой особого исследовательского интереса Владимира Петровича были микрожанры народного творчества: пословицы, поговорки, присловья, прозвища, загадки, былички, детские дразнилки, фольклор «словечек»»²¹.

Владимирцев убеждён, что «Достоевский был и, по-видимому, ощущал себя поэтом словечек. Его афоризм «Человек есть воплощённое Слово» (15, 205) классичен, восходит по закону культурной преемственности к евангельскому постулату о Слове и категорично обязывает считаться всерьёз с тем, как работает (функционирует) в гуманоцентричной художественной системе писателя именно отдельное слово: заголовочное, подзаголовочное, фамильное (ономастическое, прозвищное) и рядовое текстовое. Эти функции отдельного «воплощённого Слова» – из области наивысших творческих достижений Достоевского, художника-сердцеведа²².

Владимир Петрович постоянно подчёркивал, что «для Фёдора Михайловича – это доказывают фактология и психология очерка – озабоченность точным смыслом народного слова и словоупотребления была неотъемлемой частью его разносторонних публицистических попечений о «Матери-России»»²³.

Кстати, как отмечает Б. Н. Тихомиров, и «словечки» самого Владимирцева, «славившегося выразительной, зачастую «коряво-мускулистой» образной речью, запоминались, повторялись, жили и будут жить в профессиональной среде Российского Общества Достоевского»²⁴.

²⁰ Владимирцев В. П. Возвращаясь к истокам художественно-этнологической культуры Достоевского. С. 34.

²¹ Тихомиров Б. Н. Указ. изд. С. 3.

²² Владимирцев В. П. Отдельное слово («словечко», «словцо») в началах поэтики Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 4. М.; Иркутск, 2003. С. 17 – 18.

²³ Владимирцев В. П. Там же. С. 22.

²⁴ Тихомиров Б. Н. Указ. изд. С. 3 – 4.

Вот примеры таких «слов и словечек» Владимира Петровича, его довольно неожиданных, но всегда точных, узнаваемых и семантически значимых терминов:

скрытые экивоки-многозначности
«словесно-играющее» именование заглавие
приём художественного экивока
коннотативный смысловой разлом
излюбленная личная терминологическая акцентуация Достоевского
интеллектуализированное художественное впечатление
таинственное интригообразующее словечко
лексическая единица (загогулина), непостижимо-искусно «раскрученная»
в сюжетной интриге произведения
коренное коннотативно-магическое значение
амбициозная игра писательского словолюбия
литературная лингвоэстетическая ответственность за слово
авторская психоидеологическая «подкладка»
приёмы беседного, интимизированного разговора с читателем
идейно-психологическая моновертикаль многослойного и многофигурного
дневникового целого
эмпирически-самолично установить смысл народного слова
христианско-софийное сияние рассказа
«вдруг»-поэтика
пик христианского газетно-журнального (реального) «почвенничества»
Достоевского-публициста
бесценно-информативные свидетельства
вокабулярный и фразеологический праопыт
бестиарный поэтологический фонд Достоевского
«единица народности»
этнологическо-простолюдинные интересы Фёдора Михайловича
Достоевский как писатель-сердцевед («сердцевед») и публицист-народо-
почитатель
соприродные и обусловленные свойства писательской природы
родственно-миметические сплетения
поэтический типикон Достоевского
гипер-художественная компонента образа
речевая психопоэтическая игра
спектаклеподобно разыгранная дразнилка
именовательные изыски
печальнозначимая «фирменная» причина
чудо художественного пересоздания, совоплощения и
сращения «чужого» и «своего»
русификаторское преодоление школы Бальзака
фактическое начало этноречевого созидания
экстралитературная психологическая подоплёка
плотность эстетически обустроенных «вброшенных» русизмов

гуманоцентричные (жалостливые, милосердные, сострадательные) привнесения Достоевского в текст генезисные ретроспективы ретардационно-тавтологические языковые построения и структуры прирождённый этнологизм художественно мышления Достоевского литературно-этнологические «шалости» Достоевского каламбурно-автобиографическая именная реминисценция вездесущие литературно-языковые «шалости» Достоевского «холодная любовь» Вампилова к Достоевскому была чревной литературная характерологическая техника Достоевского иноипостасные двойники протагониста близнечные сопоставления

Неоднократно Владимир Петрович обращал своё внимание на «интегральную основу критико-комических “шалостей” Достоевского – игру словом, доходящую до “зубоскальства”, языковую игру», «всевозможную поэтически изощрённую каламбуристику, нередко балаганного озорного свойства»²⁵. В. П. Владимирцев справедливо полагал, что «в речевой деятельности русского простолюдья», в его «словечках» писателя «занимали всего более мгновения из внутренней жизни православного великорусского человека и этноса в целом. Живые, “горячие” коннотативные значения “словечек” позволяли Достоевскому своевременно и пронизательно судить о нравственных и психологических процессах, происходивших в России»²⁶. С горечью Владимир Петрович отмечал: «Мы утратили способность видеть в Достоевском носителя, хранителя и выразителя народных начал, собственно этнокультуры, русизма», – и труды В. П. Владимирцева во многом восполняют и заполняют этот пробел.

Маргиналии Владимирцева на полях «Дневника писателя» явственно свидетельствуют, что учёный испытывал особый, буквально личностный интерес к проблеме, которую с девятнадцатого века принято называть «проблемой положения народа», ко всем аспектам понятия «народность». Маргиналии Владимирцева (подчёркивания разноцветными чернилами, вертикальные отчёркивания, восклицательные знаки, примечания, обведённый кружком знак NB) свидетельствуют, что многие мысли Достоевского не просто находили отклик в его сердце, но приводили в восторг, открывали ему то, что он только «предчувствовал», «ощущал», но не мог обобщить в слове, сформулировать. Об этом не раз в личных беседах говорил В. П. Владимирцев.

Особенно густо испещрены всевозможными знаками статьи «Дневника писателя» и «Записных тетрадей», в которых Достоевский рассуждает о русском народе: его ментальности, экономическом и социальном положении, духовном и религиозном статусе.

Так, в «Записных тетрадях», Владимирцев красным цветом подчёркивает, кроме некоторых других, такие высказывания Достоевского: «в семействах лишь растление», «поступили не национально», «наш мальчик развитее

немецкого», «русское назначение», об отмене для народа «налога на соль», «надо беречь народ», «между тем аксиома: что там и благосостояние и финансы, где твёрдо стоит земледелие», «крестьянин срамит и позорит почву, убивает скот некормлением, пьянством», «сведённая роща, 5 коп. за бревно», «дух народный», «аристократизм манер русского мужика», «Алексей человек Божий – идеал народа», «доверчивость народная», «не от омерзения удалялись святые от мира, а для нравственного совершенствования», «совесть без Бога есть ужас», «русский язык богат», «идеи органической духовной солидарности народа с царём», «идеал красоты человеческой – русский народ», «достоинство и аристократизм мужика» (подчёркнуто тремя чертами). Несколькими чертами и чёрточками отмечены слова: «России учиться. У нас дошло до того, что России надо учиться, обучаться как науке, потому что непосредственное понимание её в нас утрачено». Поистине, сам Владимир Петрович «учился России у Достоевского»: об этом и свидетельствуют маргиналии на полях собрания сочинений великого писателя.

Нетрудно заметить, что в отмеченных Владимиром Петровичем мыслях Достоевского особенно привлекательны для него те, в которых ярко отражаются проблемы не только девятнадцатого века, но и века двадцатого, и нынешнего, двадцать первого.

Владимир Петрович всегда мечтал создать свой журнал – культурологический, просветительский, литературный. Журнал, который стал бы настольной книгой для учителей, студентов и всех, кому дорога судьба русской литературы. И он его создал, назвав своё детище «В начале было слово...». С огромной любовью, скрупулёзностью, вниманием подбирал авторов и материалы, работал над форматом, дизайном, мечтая сделать его всероссийским проектом, и сделал бы: столько в нём было веры в силу таланта, в силу слова, веры в то, что труд, добро, любовь, красота действительно способны изменить человека и мир.

Труды В. П. Владимирцева дали толчок многим исследованиям, послужили основой многочисленных работ о творчестве Достоевского. Его цитируют, на него ссылаются не только отечественные достоевисты, но исследователи всего мира. Вклад в науку о Достоевском, сделанный Владимиром Петровичем Владимирцевым поистине неocenim, как неocenimo всё то, что отмечено печатью таланта, искренности и верного, истового служения.

²⁵ Владимирцев В. П. Достоевский народный. С. 335.

²⁶ Там же. Стр. 348.

В. П. Владимирцев

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДОСТОЕВСКОГО¹

В статье анализируются глубинные источники художественно-этнологической культуры Достоевского. Первый – это бытовое общение со всевозможными представителями народной низовой России. Именно здесь черпал Достоевский лексический, фразеологический, нравственно-понятийный ресурс. Это позволило писателю сознать «душу простолюдина» как этнокультурный источник его творений, показать её в слиянии с душой художника-мыслителя. Создав теорию «двух классов народа» – «сельского народа» и «городских простолюдинов», Достоевский судил по состоянию их умов и духовной жизни о человеке русском вообще: «почва» была источниковой основой его мировидения и миропонимания.

В статье рассмотрены и другие, не менее важные народно-этнологические источники творчества Достоевского: искусство, литература и наука и, конечно, фольклор, народная культура. Показано, как в творчестве Достоевского складывается народоведческая культура, отличающаяся объективностью и трезвостью непредвзятого взгляда на простолюдина. Достоевский назван прямым наследником и преемником художественно-этнологической культуры Пушкина.

Ключевые слова: Достоевский, художественно-этнологическая культура, народознание Достоевского, этнографизм, два класса народа.

... для того, чтобы вышло очевиднее.
(Из реплик Ивана Карамазова)

Первым этнологическим университетом, или, может, следует сказать – источником народознания Достоевского было непосредственное – разной степени близости, личной заинтересованности и приязни – бытовое общение со всевозможными представителями народной низовой России: мещанско-городской, крестьянской, разночинской, монашескующей, священнической, солдатской, бродячей (странники Христа ради), арестантско-разбойничьей («разбойник многому меня научил» – 24; 106), нищесборной, юродствующей, приживальческой и т.п. Другими словами, будничные общественные житейские отношения необходимо и на постоянной основе сводили Достоевского с великим множеством простых людей из народа. Более того, в известном

¹ Имеются в виду мои предшествующие статьи в «юрьевских» межвузовских сборниках «Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения»: Экивоки заглавия «Братья Карамазовы» (Вып. 2); Ещё раз о влиянии «нянюшки» Алёны Фроловны на личность и творчество Достоевского: факты и размышления (Вып. 3); Отдельное слово («словечко», «словцо») в началах поэтики Достоевского (Вып. 4); Очерковый рассказ «Мужик Марей» в художественно-публицистической раме «Дневника писателя» Достоевского (Вып. 5).

Впервые статья опубликована: Три века русской литературы: Межвуз. сборник научных трудов / Под. ред. Ю. И. Минералова и О. Ю. Юрьевой. Выпуск 6. М.; Иркутск, 2006. С. 29 – 43.

смысле писатель жил впечатлениями от встреч и контактов с безвестными простолюдинами-соотечественниками. Репрезентативная классика подобных случаев и неизгладимых впечатлений от них – пережитое Достоевским-публицистом счастливое творческое увлечение петербургским «простонародным» уличным «словцом» (субстантивированное прилагательное) – «стриюцкие». Комплекс лингвоэтнографических и культурно-психологических разысканий писателя, относящихся к слову и понятию «стриюцкие», воссоздан в «Дневнике писателя» за 1877 год².

Кстати, даже за границей Достоевского не оставляло стремление ближе познакомиться с тамошним простонародьем, чтобы разгадать душу чужого этноса, понять инациональную характерологию. Сошлюсь на забытый факт. В конце 1870 года, будучи в Дрездене, во время спровоцированной Бисмарком Франко-прусской войны, Фёдор Михайлович в манере своего профессионально-творческого любопытства постигает общественные умонастроения, дух немцев-«победителей» – через каким-то образом удавшееся ему знакомство с их частной перепиской: «Я сам читал несколько писем солдатиков немцев из Франции, из-под Парижа, сюда к своим матерям и отцам (лавочникам, торговкам). Господи, что пишут! Как они больны, как голодны!» (письмо к А. Н. Майкову 30 декабря 1870 года – 29; 162). Нет нужды распространяться об очевидной внутренней связи христианской сострадательности писателя с его народными чувствами и демократическими убеждениями.

Этот скрытый, подспудный суммарный демократический ресурс творчества всегда выпадал из поля зрения достоевистики (аристократизм источниковедения): «низкие» (низовые) раздробленно-атомарные творческие источники писателя не удостоивались надлежащих «высоких» и системных суммирующих эстетических истолкований.

Между тем эмпирические следы стихийного психологического коммуникативно-речевого взаимонаправленного процесса «Достоевский ↔ простой народ» видны повсюду и во всём, что обиходно составляло жизнь и деятельность Фёдора Михайловича. Доказательная (не умозрительная, а документированная) база предлагаемых мною нетрадиционных наблюдений – автобиографический слой произведений писателя, в первую очередь публицистики, творческих дневников, материала записных тетрадей и книжек (семиотически всезначимой «Сибирской тетради») и, конечно, писем. Прямые источники дополняются богатой мемуарной литературой. Так, бесценно-информативны свидетельства Анны Григорьевны Достоевской: «Во время долгого пути <...> Фёдор Михайлович, любивший простых людей (здесь и далее курсив мой. – В. В.), разговаривал обыкновенно со своим извозчиком»: «<...> он приводил нищих к нам на квартиру и здесь выдавал <им> деньги»; «На всех остановках Фёдор Михайлович закупал в буфете булки, пряники, папиросы, спички и нёс в вагоны, где и раздавал вещи солдатам, а с иными из них долго разговаривал»; «Заходил Фёдор Михайлович и в избы мужиков, своих

² См. об этом: Владимирцев В. П. Отдельное слово («словечко», «словцо») в началах поэтики Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Выпуск 4. М.; Иркутск, 2003. С. 17 – 24.

сверстников, из которых многих он помнил. Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, *радостно его приветствовали, зывали в избы и угощали чаем*³.

Из текста «Дневника писателя» 1873 года можно вычленировать инвариантную модель типичных летучих народных микроконтактов Достоевского, так либо иначе оказывавших «почвенническое» воздействие на духовно-творческий мир писателя.

В зачине дневникового путевого очерка «Маленькие картинки (В дороге)» Достоевский бегло, будто мимоходом, внезапно сослался (явление «вдруг»-поэтики писателя) на услышанное им от какого-то безымянного «мужичка» народное слово. Обыгрывая и встык продолжая подзаголовок «В дороге» (журналистско-газетный приём подхвата), писатель подкупающе простецким тоном интимизировал беседу с читателем (тотальная стилевая особенность «Дневника»): «Я разумею *дорогу* паровую, чугунок и пароходы. Про *дороги* прежние, про *дороги* “конём”, как выразился недавно один мужичок, мы, жители столиц, стали совсем забывать» (21; 159). Как видим, в зачинной диспозиции – два диалектно-просторечных слова, сообщающихся меж собой исторически и по народной семантике: «чугунок» и «дороги “конём”». Первое вошло в языковой оборот помимо Достоевского⁴, и публицист, не без чувства долга перед языком простого народа, лишь подтвердил право словечка на литературно-журналистское гражданство. Зато второе слово, антонимичное первому, – плод сугубо личных поисково-речевых тактик и стратегий Фёдора Михайловича. Где-то на лету из уст неизвестного «мужичка» подхваченное писателем словосочетание «дороги “конём”» обрело в «Дневнике» любопытную в историко-литературном и лингвистическом плане коннотацию. Собственно – пучок коннотативных смыслов, засвидетельствовавших особую лингвоэтнологическую ангажированность Достоевского. Фразеологический этнографизм «дороги “конём”» отсутствует в Словаре Даля: лексикограф не знал этого народного речевого оборота и ограничился официально принятым в России ходовым термином «гужевая дорога». (Попутно не мешает заметить: в определённом смысле Достоевский здесь *превозмог* «самого» Даля, что случалось не столь уж и редко в его творческом словесном универсуме.) Очевидно избирательное и хорошо натренированное внимание, с каким Достоевский въедливо по-далевски вслушивался в речи «мужичков», дабы уловить всё, что представляло для него злободневный этнологический интерес (ср. с предшествующим «Дневнику» вокабулярным и фразеологическим праопытом «Бедных людей», «Хозяйки» и соотносительной с ними в речевом ключе «Сибирской тетради»). Не менее очевидно другое – смежное. Народное словечко, натурально и просто обозначившее рубеж и эпоху в транспортной истории России, не отметил никто их публицистов и литераторов тех времён, кроме Достоевского: ему принадлежит скромная, но действительная честь «продалежского» лексикографического открытия.

³ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 84, 305, 312, 313.

⁴ См.: Даль В. Толковый словарь... Т. IV. Статья «Чугун», слово «чугунок»: «Железная дорога, железянка».)

Наконец, самое, пожалуй, главное в пучке коннотаций этнографизма «дороги “конём”». В практически необозримом bestiarii, Ноевом ковчеге Достоевского-художника лошадь (конь) первенствует: по частотности появления и функциональной роли в его текстах – занимает положение авторского фаворита⁵. То есть художественная гиппология, интенсивно и поэтически изошрённо разрабатывавшаяся писателем, заведомо предопределила его этнолексический выбор в данном случае. Произнесённое в присутствии Фёдора Михайловича «мужичкое» слово о «дорогах» и о «коне» России середины XIX века попросту не могло быть им не расслышанным и не взятым впрок на заметку. В результате – специфически пополнился на «единицу народности» общелитературный словарь и bestiарный поэтологический фонд Достоевского.

Рассмотренная инвариантная схема *народных микроконтактов* Достоевского по сути обладает силой принудительной репрезентации: проясняет тот психоидеологический механизм, который «работал» в творческой мастерской писателя: отчеканенная в слове отзывчивая на действительность «душа простолюдина» (14; 372) соприкасалась и сходилась (сливалась) с душой художника-мыслителя и служила этнокультурным источником его творений. Заодно фактологически проясняется и другая истина: внутренне причастный к своему народу, Достоевский абсолютно дорожил мнением и словом (Логосом) народным.

Перед нами вовсе не спорадический и не из ряда вон выходящий случай (словосочетание «дороги “конём”») – напротив, обыкновенное, рядовое дело в поэтической практике писателя. На протяжении всего творческого пути собственно народ (простолюдин) духовно сопровождал Достоевского, оставался его *непременным этнологическим информатором и стимулятором*. С этой точки зрения полутысячные миниатюры, занесённые в свод «Сибирской тетради», или упоминавшийся дневниковый очерк о «словце» «стрицкие», не говоря уже о народной эпосе «Записки из Мёртвого дома», – суть лучшие образцы взыскующей познавательной деятельности Достоевского в области творчески нужного ему прикладного словесного психоидеологического народоведения.

Причём Фёдор Михайлович отдавал себе ясный отчёт в своих прирождённых (имею в виду плебейские корни рода Достоевских, особенно по линии матери⁶) и благоприобретённых этнологических преимуществах и оттого язвительно подтрунивал над «иными нашими писателями о народе, которые так и остались, во весь свой век, лишь обучившимися русскому мужику иностранцами» (23; 70; коммент. 386). Образ-гротеск «обучившиеся русскому мужику иностранцы» направлен против изначально чуждых «почвеннику» Достоевскому способов неадекватного (поверхностного, непсихологического,

⁵ См.: Владимирцев В. П. Поэтический bestiарий Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах № 12. М., 1999. С. 129. Его же. Bestiарий // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. Челябинск, 1977. С. 141.

⁶ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского 1506 – 1933: Записи прошлого: Воспоминания и письма / Под ред. М. Цявловского. М., 1933. С. 12 – 17.

сусального, пейзажного и т.п.) разрешения народной темы в искусстве и литературе. Почему-то никто из моих коллег должным образом, то есть в интересах науки о Достоевском, даже не обмолвился о том, что писатель подходил к народу, его слоям и группам, разборчиво-дифференцированно, с разными социально-психологическими мерками. Он привычно и убеждённо, как нечто само собой разумеющееся, делил народ на... «классы» (его собственная социологическая терминология). Возможно, это самая характеристическая особенность его этнологических соображений и расчётов, имевшая серьёзные творческие последствия.

Приходится констатировать, что исследователи недооценили некоторые частные значения и автобиографические детали двух литературно-критических статей Достоевского 1861 года, объединённых под нетипичным для него спокойно-академическим названием «Книжность и грамотность». В этих статьях и поставлен вопрос о внутринародных «классах» России.

Чувство народа, обострённое после сравнительно недавнего заточения в Мёртвом доме бок о бок со своими «братьями по несчастью» (28; 208), побудили Достоевского-публициста, по праву знатока низовой России, добровольно взять на себя общественную роль компетентного журналиста-эксперта, решившего проследить, как распространяются и проявляют себя «книжность и грамотность» среди «двух классов народа»: «сельского народа» и «городских простолюдинов» (19; 49). По наблюдениям писателя, «у нас их (классы. – В. В.) часто смешивают», что «невозможно». Одно дело – «класс», который составляют «сиволапый мужик» (19; 35), «мужик-пахарь», «крестьянин-пахарь», но совсем другое – «высший класс простолюдинов» (курсив Достоевского – В. В.): «горничные, писари, лакеи, приказчики, мещане и тому подобный народ»; сюда Достоевский относил и «деревенского же дворового человека» (19; 49). «Этот высший класс простолюдинов <...> граничит даже с иными чиновниками и помещиками включительно» (19; 49 – 50). (Почти с уверенностью можно утверждать, что к этому «классу» писатель причислял и «солдатиков»).

Психоидеологическое воздействие быта, нравов и духовности «двух классов народа» на внутренний и творческий мир Достоевского было соответствующе дифференцированным. Этот социальный аналитический опыт писателя нашёл художественно-этнологическое выражение в типажных портретах-характерах целой галереи его протагонистических персонажей (Девушкин, Ихменёвы, Фалалей, Опискин, Хромоножка, Мужик Марей, Макар Иванович, Столетняя, Кроткая, Грушенька, Смердяков и др.). Более того, по состоянию умов и духовной жизни наблюдаемых им «двух классов народа» Достоевский судил о человеке русском вообще: «почва» была источниковой основой его мировидения и миропонимания.

Нет ничего удивительного в том, что интонационный строй обеих статей «Книжность и грамотность» пронизан лейтмотивными нотками нескрываемых авторских симпатий к народу. В культурологической полемике Достоевский всегда становится на сторону «нашей родной почвы» (19; 6) и ограждает народ от лжепросветительских спекуляций и либерально-консервативной риторики. Завершая вторую статью о «книжности и грамотности», он кре-

щенто усиливает «почвенническую» заострённость полемики с «правыми» и «левыми» и впрямую обращается к исповедальным признаниям о таинствах своего личного общения с народным, массовым человеком. Этот мемуарно-автобиографический материал исполнен высокого – в свете представлений о народности писателя – смысла: «Мне самому случалось в казармах слышать чтение солдат, вслух (один читал, другие слушали) о приключениях какого-нибудь кавалера де Шеварни и герцогини де Лявергондьер. <...> Солдатики читали с наслаждением. <...> И сколько раз мне приходилось иногда самому читать вслух солдатикам и другому народу разных капитанов Полей, капитанов Панфилов (романы А. Дюма «Капитан Поль» и «Капитан «Памфил». – В.В.) и проч. Я всегда производил эффект чтением, и это мне чрезвычайно нравилось, даже до наслаждения. Меня останавливали, просили у меня объяснений разных исторических имён, королей, земель, полковников. <...> Ох, да какой это чуткий народ! Тотчас разберёт ложь и подход. И какой юмористичный, вострый народ в то же время» (19; 53)⁷.

Цитатная длиннота допущена ради того, чтобы высветить самоподтверждённое, «авторизированное», что ли, народолюбие Достоевского. И чтобы удостоверить достойное быть особо выделенным: личное общение писателя с людьми из простого «вострого» народа доставляло ему, народолюбцу, «чрезвычайное удовольствие» (19; 54; курсив мой. – В. В.).

Наверное, любой филолог обратит внимание на то, как почтительно-ласков Достоевский в именовании «солдатик», причём корни этой диминутивной словоформы уходят в толщу устной народной культуры (клеймо фольклорности). В «Сибирской тетради» зафиксирована подобающая «единица народности» под порядковым номером 163: «Хоть без рёбрушка ходить, да солдатика любить» – песенное забубённое откровение молодой замужней женщины, терпящей зверские побои от нелюбимого мужа-ревнивца. Таким образом, словечко «солдатики» в публицистической статье «Книжность и грамотность» – дважды народная мета произведения: во-первых, это реальная солдатская (простолюдинная, мужицкая) масса, аудиторным вниманием которой некогда владел «наслаждавшийся» тем Достоевский, и, во-вторых, фольклорно-этнографическая цитата, сочувственно-солидарно, прямо-таки по-свойски воспроизведённая автором статьи.

...По всей видимости, далее нет смысла в том же духе подбирать и подвёрстывать друг к другу факты из летописи житейских этнологических университетов Достоевского: имя им, фактам этим, – легион. Очевидное – очевидно. Фёдор Михайлович многим и многим, если не всем, обязан родному народу, его языку, психическому складу, правдолюбию, воззрениям, верованиям, традициям и привычкам. Среди каналов и агентов этнокультурного влияния

⁷ Описанные встречи – беседы с «солдатиками» и «другим народом» – могли иметь место в казармах Петербурга или под Петербургом, когда Достоевский ещё учился в Главном инженерном училище. Но кажется более вероятным, что беседы происходили в 7-м Сибирском линейном батальоне в Семипалатинске, куда Фёдор Михайлович был определён рядовым «солдатиком» после выхода из омского острога.

отнюдь не на последнем месте, как это явствует из настоящей статьи, находятся разнообразно-бытовые личные контакты писателя с простолюдыем. В науке это *совершенно не разработанная проблема*, хотя лежит она под ногами.

Ни под каким видом нельзя оставлять в стороне другие, параллельные, тоже могущественные, но вроде бы теньевые, вспомогательные, или опосредованные народно-этнологические источники творчества Достоевского: искусство, литературу и науку.

Русская культура искони отличалась демократизмом – уделяла большое внимание мужику, простолюдину, загадочной народной душе. Сызмальства пребывая в лоне этой культуры, Достоевский органически впитал её демократичный дух, усвоил гуманитарные идеалы и принципы её корифеев. Другими словами, Фёдор Михайлович осваивал богатства народной психеи, если можно так выразиться, двойной тягой: «прямо», беря из первых рук, через личное, непосредственно-контактное общение с простолюдыем, и «косвенно» – через знакомство с многообразными отражениями внешнего и внутреннего быта народа в искусстве, литературе и науке. Сливаясь, оба этноинформационных потока, «прямой» и «косвенный», вывели народознание Достоевского на самый высокий «почвеннический» уровень. О том можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что единственно-неповторимые «Сибирская тетрадь» и «Записки из Мёртвого дома» не имеют ни прецедента, ни подобия во всём художественно-этнологическом репертуаре русской классической литературы, то есть они – её высшие народоведческие художественные достижения.

Этнологическо-простолюдинные интересы Фёдора Михайловича проявились в одном сильном, правда, обычно не замечаемом, музыкально-этнографическом пристрастии писателя, которое находится в ближайшем отношении к проблемам народности его творчества. Речь идёт о том, как Достоевский воспринял и далеко наперёд осмыслил музыкальную фантазию М. И. Глинки на темы русских плясовых песен «Камаринская» – в блистательном авторском исполнении. Известно, что композитор написал «Камаринскую», смелое правдивое музыкальное повествование о русском мужике, в августе – сентябре 1848 года⁸ и как исполнитель охотно знакомил с ним своё окружение, друзей.

Достоевский встретился с Глинкой в 1849 году (до 22 апреля) на вечере у петрашевцев А. И. Пальма и С. Ф. Дурова. Здесь он услышал (и увидел) «Камаринскую» в феерической интерпретации композитора. До нас дошло свидетельство П. М. Ковалевского о необыкновенном артистизме, с каким Глинка исполнял свою «Камаринскую» в кругу близких ему людей: «М[ихаил] И[ванович] окончательно расхотелся: сел за рояль и начал показывать, какая будет в оркестре сочиняемая им в то время фантазия на камаринскую. Он подыгрывал губами, ударял по клавишам обеими пятернями в пассажах tutti, пристукивая каблуками, подпевал, подсвистывал и с поразительной образностью передавал движение и краски инструментов... Когда я услышал впо-

следствии эту бесподобную по чисто русской забубённости вещь в концерте, то к ней почти ничего не прибавило оркестровое исполнение, даже кое-что поубавило в огне и стремительности передачи»⁹.

Виртуозно представленная Глинкой на вечере у Пальма и Дурова «Камаринская» стала наиболее значительным эстетическим переживанием Достоевского конца 40-х годов. Иначе не случилось бы – уже несколько лет спустя, да ещё в тюремной казарме Мёртвого дома – экстравагантное по неожиданности, окольное политесное воспоминание о глинкинской «Камаринской», поразившей воображение Федора Михайловича на вечере у сотоварищей-петрашевцев¹⁰. Факт мемуарного по типу впечатления застенографирован (по памяти, вероятно) в знаменитой XI-й главе «Записок из Мёртвого дома»: «Оркестр (арестантский. – В. В.) начинает камаринскую.

Начинает тихо, едва слышно, но мотив растёт и растёт, темп учащается, раздаются молодецкие пощёлкивания по декам балалайки... Это камаринская во всём своём размахе, и, право, было бы хорошо, если б Глинка хоть случайно услышал её у нас в остроге» (4; 127 – 128).

Достойно изумления, что закованный в кандалы писатель-арестант, поистине великомученик каторги, насильственно оторванный от своей культурно-бытовой среды, не утратил эстетической прозорливости: нашёл-таки стилизовую исполнительскую связь между двумя идентичными, но всё-таки разными камаринскими: глинкинской (композиторская аранжировка фольклорных песенно-плясовых мотивов) и первоизданной, живой и натуральной, – народной.

Мы знаем, что камаринская, главная плясовая мелодия крестьянства России, пользовалась у Достоевского-художника бесконкурентным предпочтением. В камаринской мелодии писатель нашёл звуковую эмблему дорогого сердцу его русского мужичества. С другой стороны, не всегда сознаём до конца, что в наигрышах, припевках и плясовой хореографии камаринской адекватно, с предельной художественно-психологической выразительностью, очерчен (синтезирован) образ «сукиного сына, камаринского мужика»: разудалого, вольнолюбивого простолюдина, гения отчаянной пляски, ухаля, бунтаря, весёлого и озорного человека из народных низов¹¹. Творческие симпатии Достоевского

⁹ Гозенлуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство: Исследование. Л., 1981. С. 79 – 80. По неизвестным причинам упомянутые события (встреча с Глинкой и эскапада «Камаринской» в авторском исполнении) не нашли отражения в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (Т. 1. СПб., 1993).

¹⁰ Второй раз Достоевскому довелось услышать «Камаринскую» Глинки, уже в оркестровом исполнении, только через 11 лет, 2 марта 1862 года, в Петербурге, на литературном вечере в «пользу учащихся», где писатель прочитал фрагменты «Записок из Мёртвого дома» (Гозенлуд А. А. Указ. соч. С. 80; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 351 – 352). Эту историко-биографическую справку целесообразно дополнить хронологическим комментарием. М. И. Глинка ушёл из жизни в 1857 году. Основная работа над текстом «Записок из Мёртвого дома» падает на 1852 – 1862 годы. Следовательно, изысканное пожелание: «...и было бы хорошо, если б Глинка хоть случайно...» (речь идёт о здравствовавшем тогда композиторе) относится к острожному быту Достоевского и, как мемуар, восходит к его впечатлениям от встреч с Глинкой в 1849 году. Иное расположение фактов, скорее всего, исключается.

¹¹ Об исторических корнях образа см., например: Пясецкий Г. М. Исторические очерки города Севска и его уезда // Сборник Орловского церковно-историко-археологического общества. Т. II. Орёл, 1906.

⁸ Цуккерман В. А. «Камаринская» Глинки и её традиции в русской музыке. М., 1957. С. 6.

к фольклорно-этнографическому комплексу камаринской (пик симпатий – в XI-й главе «Мёртвого дома», в плутовских плясовых проделках степанчиковца Фалалея, музыкальном рисунке грозных предзнаменований, нависших над Городом Бесов, и, наконец, в публицистике «Дневника писателя») есть не что иное, как всегда отличавшая этнолога Достоевского внимательная любовь к народно-крестьянской России. Эта созидательная «почвенническая» любовь неистощимо питала и беспокоила эстетическую мысль Фёдора Михайловича, одухотворяла и направляла его литературную и публицистическую (журналистскую) деятельность.

Другими словами, «говорящая» «душа простолюдина» (это вдруг сорвавшееся с языка Митеньки Карамазова выражение экстатически обращено к *вознице*¹²), как бы она ни выказывалась в онтологически значимых явлениях культурной жизни России, неизменно притягивала к себе внимание Достоевского. В его этнологическом сознании «Камаринская» Глинки, надо полагать, безусловно позиционировалась в одном общекультурном ряду с разноплановыми народными опытами русских муз. Так, Фёдор Михайлович, конечно, понимал, априори, что та же «душа простолюдина», которая воплотилась в поэзии глинкинской «Камаринской», хотя на другой лад, но всё равно колоритно отразилась, допустим, в баснях И. А. Крылова: «Да, разве басня-то не из народа вышла?» (19; 37). Его социально-психологическая оценка протагонистов картины И. Е. Репина «Бурлаки на Волге» исходит из жадного притяжения «души простолюдина» и, что не менее существенно, открыто провозглашаемого народолюбия: «Славные, знакомые фигуры <...>. Ведь нельзя не полюбить их, этих беззащитных, нельзя уйти, их не полюбя. <...> Ведь эта бурлацкая “партия” будет сниться потом во сне, через пятнадцать лет вспомнится. <...> Просто скажу: фигуры – гоголевские. Слово это большое...» (21; 74). Вдумываясь в эти строки-восторги, строки-откровения и еще твёрже убеждаешься: отношение Достоевского к народу было полно немеренной духоподъёмной силы (источник творческого вдохновения, «кастальский ключ»).

Впрочем, отнюдь не всё в народознании Достоевского было безоблачным и благостным. В его мнении, «душа простолюдина» страдала изъятиями, червоточинами, но и в таком случае была важнейшим этнологическим источником писателя, так либо иначе снабжала его фантазию материалами к созданию негармонично-жуткой картины мира человека (брутальные типы мордасовских дам, Опискина, Газина, Фомы Фомича, Свидригайлова, Рогожина, Бесов, Смердякова). В этом смысле психологическая коллекция «Сибирской тетради», где схвачены и отмечены тысячи народных микроконтактов Достоевского, была постоянно действующим «кастальским ключом» его литературно-публицистической характерологии и сценографии.

Примечателен выполненный в 1861 году Достоевским критический разбор картины В. И. Якоби «Привал арестантов». Сам арестант в незабвенном прошлом, писатель узнал в сюжете и фигурах полотна Якоби хорошо известные ему негативы народной жизнедеятельности: черты «подлого народа, подлого

в том смысле, как он разумел это весь свой век» (19; 154). Народоведческая культура Достоевского много выиграла от объективности и трезвости его непредвзятого взгляда на простолюдина («бесовский» пример Федьки Каторжного). Вот почему отрицательные впечатления от картины Якоби стали для Фёдора Михайловича ценной этнологической информацией обратного значения: уроком того, как не следует изображать «подлый» быт «подлого народа». Вероятно, писатель впервые ощутил тогда, что в лице автора «Привала арестантов» он столкнулся с распространённым в России типом художника: «обучившийся русскому мужику иностранец» (к этой классификаторской формуле Достоевский пришёл в 1876 году – до такой крайности недопустимо и популистски-фальшиво сконструировал Якоби внешне броскую, душесипательную, но совершенно ложную этнопсихологическую коллизию арестантского «привала». Живописец не знал и не чувствовал главного – «души простолюдина». В жёстком критическом неприятии популярной у «постоянной» «толпы зрителей» картины Якоби (китчевой, в современном определении) проявились высокие качества эстетико-этнологического мышления Достоевского: чистота нравственных требований, научная точность и основательность суждений о народе, свобода от всякой конъюнктуры. Опыт публичного развенчания столь нашумевшего в Петербурге острожанрового полотна Якоби должен быть поставлен в особую заслугу психологу-этнологу Достоевскому. Без преувеличения, это – одна из вершин его общей народоведческой культуры.

Как писатель-сердцевед («сердцевед») и публицист-народопочитатель, Достоевский интересовался научными исследованиями современных ему учёных, изучавших быт, нравы и культуру демоса, «почвы». Народное мирозерцание, искусство, язык, фольклор, вероисповедания, история – далеко не полный перечень культурно-этнологических отделов, привлекавших мысль Фёдора Михайловича. Он был читателем-аналитиком трудов Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, П. В. Киреевского, С. В. Максимова, Е. А. Якушкина, А. П. Шапова, Н. Я. Данилевского и многих других. Его представления о человеке «почвы» получали под их влиянием научно-теоретическую оснастку, становились более дееспособным фактором литературно-демократического и художественно-этнологического развития писателя. (Эта специальная область этнологического источниковедения Достоевского выходит за пределы настоящей статьи – требует отдельного разговора.)

Тезис о том, что Достоевский, художник и мыслитель, не в последний черёд находился под многоопределяющим влиянием харизматической православной «души простолюдина», обречён быть защищённым ещё одним, так сказать, сверхаргументом. В системе всеохватного «конечного» историко-литературного мышления Достоевского аргумент этот – личность и творчество А. С. Пушкина.

В речи на заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 года Достоевский ошеломил слушателей категорическим и впервые в истории отечественной словесности состоявшимся заявлением, равным крупному открытию: «И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде,

¹² Курсив мой. – В.В.

ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин» (26; 144). Такого о Пушкине никто – «ни прежде, ни после» – не говорил. Вернее, не додумался или не сподобился, не оказался способным и готовым сказать. *Единственно Достоевскому открылась в пушкинском гении и наследстве «задушевная родственность с народом своим»*. Здесь, в этом открытии Достоевского, нет слепого жребия избранничества либо каприза хаотической исторической случайности. Есть – другое, необходимо определившееся: указание на особые, *соприродные и обусловленные* свойства писательской природы Фёдора Михайловича. Иначе говоря, в историко-литературном прозрении-манифесте Достоевского «И никогда ещё ни один русский писатель...» угадываются некие личные психоидеологические начала, въявь слышится нечто персональное пережитое, выстраданное, автобиографически значимое. Что именно?

Достоевский по собственному опыту превосходно знал внутреннее состояние, испытываемое художником слова, который отмечен благодатью «почвеннического» таланта: «задушевное» и «родственное» «соединение» «с народом своим», с «душою простолюдина». Подлинно эйфория такого умиленного, «пушкинского» состояния автобиографически воспроизведена в той же прославленной XI главе «Записок из Мёртвого дома» или в сценах встречи «русского мальчика» Феди Достоевского с крепостным крестьянином в очерковом рассказе «Мужик Марей». Со всей исторически и эстетически возможной правдивостью писатель воссоздал и образцово запечатлел (впору сказать, изваял) психологический процесс «родственного» сближения со своим народом: 1) «Честное слово, я до тех пор не имел понятия о том, что можно сделать из простых, простонародных инструментов; согласие звуков, сыгранность, а главное, дух, характер понятия и передачи самой сущности мотива были просто удивительные, я в первый раз понял тогда совершенно, что именно есть бесконечно разгульного и удалого в разгульных и удалых русских плясовых песнях» (4; 123, 2) «<...> и вдруг теперь, двадцать лет спустя, в Сибири, припомнил всю эту встречу с такою ясностью, до самой последней черты. Значит, залегла же она в душе моей неприметно, сама собой и без воли моей, и вдруг припомнилась тогда, когда было надо: припомнилась эта нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика...» (22; 49).

Судя по этим исповедальным текстам (и контекстам), этнологическая, народопостигающая культура Достоевского взлетала до своеобразного народного лиризма, когда писатель изъяснялся в своих лучших демократических чувствах – признавался в «задушевной» и «родственной» (= «пушкинской») приверженности к своему народу.

Есть все причины заключить: в основах Пушкинской речи лежат помимо другого-прочего *народные чувства* Достоевского. Именно народно-этнологическое самосознание дало Фёдору Михайловичу возможность по-новому взглянуть на сердцевину творчества великого национального поэта. В историко-литературном треугольнике «Пушкин – народ – Достоевский» всё взаимосвязано и взаимобратимо. Чудо магического треугольника подметил ещё В. В. Розанов, оценивая историческое значение Пушкинской речи Досто-

евского: «Правда народная» (ключевое понятие в народознании писателя – В. В.) получила в лице Достоевского такого по силе и настойчивости выразителя, какого не знала никогда ранее. Он был её Аароном, и речь его потому именно звучала так твёрдо, что он почувствовал за собою несметные народные толпы, которые, не будь они немые, заговорили бы то именно и так именно, как говорил он»¹³.

С розановским пониманием «запредельной» народности Достоевского нельзя не согласиться. Доводы едва ли не самого пронизательного критика Достоевского не только эпически монументальны и в корне своём новы – они точны по сути и непререкаемы исторически. «Запредельная» близость «почвенника» из «почвенников» Фёдора Михайловича к необъятной по содержанию православной и мистической «душе простолюдина» позволила ему открыть и осмыслить народные начала в творчестве Пушкина. Открытие стало итоговым достижением демократизма Достоевского, прямого наследника и преемника художественно-этнологической культуры Пушкина.

¹³ Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1998. С. 200.

В. П. Владимирцев

ОЧЕРКОВЫЙ РАССКАЗ «МУЖИК МАРЕЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РАМЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ДОСТОЕВСКОГО¹

«Дневник писателя» – центральная публицистическая площадка Достоевского-художника, обозначившая вершины русской литературно-публицистической и художественно-этнологической культуры, уникальное, самое народное произведение писателя. В «Дневнике» писатель уясняет свои созидательные отношения с «народной личностью», своё единство с ней.

В этом «трактате о народе» переплетаются четыре повествовательных и временных плана-«видения», что делает рассказ «романным» произведением Достоевского. В основе рассказа – две эстетические повествовательные категории: характер и случай. В статье анализируется уникальная поэтика рассказа, в котором символически сходятся земля и небо, человек и Христос, Сам Господь Бог, мгновение и вечность, личное и народное, бытовой факт и его онтологическое и мистическое значение.

По сложности архитектоники, невероятной пластичности образов и деталей и фундаментализму острой и глубокой христианской художественно-этнологической мысли рассказ «Мужик Марей» может быть причислен к шедеврам русской классической литературы.

Ключевые слова: Достоевский, «Дневник писателя», рассказ «Мужик Марей», народная культура, народная духовность, христианская народность.

*Он не был свет, но был послан,
чтобы свидетельствовать о Свете.*

Ио 1: 8

«Дневник писателя», вместе с подготовительными и маргинальными записями к нему, – центральная публицистическая площадка Достоевского-художника. Выстроенные здесь небоскрёбы авторской мысли – вершины русской литературно-публицистической и художественно-этнологической культуры. Писатель сосредоточил и синтезировал в «Дневнике» всё, что занимало и тревожило гений его.

Некоторое (особенно приметное в последние годы) охлаждение к «Дневнику писателя» со стороны, видимо, уставшей науки о Достоевском, выглядит аномалией. Корпус «Дневника», взятый во всей своей совокупной колоссальности, остаётся первоосновой публицистической исповедью Достоевского о России, её людях, народе, о мире и себе. Адекватата «Дневнику писателя» – нет. Повышенный интерес к нему обязателен всегда. Это историко-литературная норма.

«Дневник», если охватить его в полном объёме, – демографически наиболее плотное (густонаселённое) сочинение Достоевского. К тому

¹ Впервые статья опубликована: Три века русской литературы: Межвуз. сборник научных трудов / Под. ред. Ю. И. Минералова и О. Ю. Юрьевой. Выпуск 5. М.; Иркутск, 2004. С. 25 – 33.

же – самое народное. В одном ряду с ёмкими до притчевых значений миниатюрами «Сибирской тетради» и «книгой о народе»² – «Записками из Мёртвого дома». В этой демократической литературной связке положение у «Дневника писателя» предпочтительное. Там, в «Тетради» и «Записках», – осторожная репортёрско-хроникёрская и мемуарно-художественная сибириада по преимуществу. Здесь, в «Дневнике», – документальная, по-журналистски организованная, адресная масштабная публицистика, остро исследующая жизнь России, народной в особенности. Это художественно-публицистическая россиада, написанная по заведомо принятому на себя автором масс-медийному принципу: «отчёт о действительно выжитых каждый месяц впечатлениях, отчёт о виденном, слышанном, прочитанном» (22; 136). В планетарных измерениях (русский этнос, общечеловеческая культура, христианские ценности, логосное слово, геополитика) точка зрения «Дневника писателя» выше, универсальнее.

Достоевский умом и сердцем понимал, что судьбы России завяжут в первую очередь от материально-производственной и духовно-нравственной жизни «нашего демоса» (22; 122). От провинции, уездных и волостных местечек (не исключая, разумеется, Петербурга, хотя по выражению писателя, «Петербург совсем не Россия» – 27; 15) – от «первого самого главного корня», «всё от того же русского народа», «простого нашего народа», «простолюдина и мужика» (27; 16). Практически непрерывная авторская внутренняя творческая обращённость к «море-океану» народной жизни (там же) наводит на предположение, которое отнюдь не представляется далёким от истины: Достоевский задумал и осуществлял народоцентричный «Дневник писателя» с такой, помимо прочего, наиважной для себя целью: уяснить свои созидательные отношения с «народной личностью» (21; 257), утвердить собственную единичность с ней («Я всегда был русским по сердцу», – из письма к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г.).

Очерково-эссеистский рассказ «Мужик Марей» (в подготовительных материалах Достоевский дал ему оригинальное, в духе своего «разговорного письма»³, определение: «рассказец») из февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год является жемчужиной творчества Фёдора Михайловича, и это не конъюнктурное, ради красного словца, утверждение. Предельная сжатость, кристально-чистая простота рассказа (пушкинско-лермонтовская традиция) не помешали рассказу вобрать в себя всё лучшее и светлое, что есть в духовно-литературном наследии писателя.

Судя по черновым заметкам, словечкам, вариантам текста, Достоевский тщательно обдумывал сюжетное решение, образы, подробности и концепцию «рассказца»; не сразу было найдено и по-газетному колющее демократическое название.

² Определение «книга о народе» принадлежит В. А. Туниманову. См.: Туниманов В. А. Творчество Достоевского (1854 – 1862). Л., 1980. С. 128.

³ Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова. Пб., 1922. С. 33.

У рассказа-очерка парадоксальная литературно-критическая участь. Критики-современники не обратили на него особого внимания. Их не тронула идея «живой школы народности» писателя (О. Ф. Миллер), столь мощно и прекрасно выраженная буквой и духом автобиографичнейшего повествования. Рассказ сочувственно заметила лишь демократически настроенная интеллигенция (22; 324, 345). Немногим далее продвинулись дела с рассказом о Мужике Марее в достоевистике советского и постсоветского времени. Все, кто писал о Достоевском в той либо в другой связи с «рассказцем», отдавали симпатии этому произведению. В комментарии к Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского (авторы Г. М. Фридендер и В. Д. Рак) подытожены спорадические оценки «Мужика Марей», рассыпанные в научной прессе (22; 344 – 345). Однако исследование, которое бы всеобъемлюще (если таковое возможно в принципе⁴) раскрыло и объяснило многоипостасные достоинства «Мужика Марей» («крестьянского евангелия от Мужика Марей»), пока не создано: известное и очевидное не стало познанным. И станет ли?

Наиболее удачная, на мой взгляд, попытка заполнить эту лауну в науке о Достоевском принадлежит американскому русисту профессору Роберту Льюису Джексону. Его монография «The Art of Dostoevsky: Deliriums and Nocturnes» (Princeton, 1981; русский перевод Т. В. Бузиной, 1988, Москва) открывается проблемной специализированной главой «Тройное видение: “Мужик Марей”». Исследователь предлагает собственную точку зрения на очерк «рассказец» как произведение «искусства» высшей пробы. Важно, что глава о «Мужике Марее» концепционна и системна и выполняет роль пролога к идейно-теоретическим положениям книги об искусстве писателя в целом. Подобной системообразующей оценки рассказа в достоевистике не было. Можно в чём-то не соглашаться с Джексоном, но нельзя отказать ему в главном. Американский коллега прав: «Мужик Марей» есть ключевое эстетическое явление в искусстве Достоевского. Вне красоты, религии и миропонимания «рассказца», помимо его человеколюбивых – преображающих и спасительных – народоцентричных установок не дано понять до конца (имеется в виду известная формула самооценки Достоевского: «я конечно народен» – 27; 65), какие эстетические и энергетические законы управляли художественным сознанием и подсознанием («грёзами») писателя.

В панораме «Дневника» рассказ «Мужик Марей» занимает место одного из ведущих художественно-публицистических ориентиров. Собственно – место «заклęcia нашего (Достоевского. – В. В.) трактата о народе» (22; 46). Этот «трактат» (для придания веса разговору с читателем «Дневника» Фёдор Михайлович, как видно, пользуется стилистически приподнятой научной и общественно-политической лексикой) есть не что иное, как объяснение Достоевского в своих лучших общественных

⁴ Ср.: «Сколько бы критики и специалисты-достоевсковеды ни судили о достоинствах “Мужика Марей”, это повествование из второго, февральского выпуска “Дневника” за 1876 год, кажется, никогда не будет исчерпанным» (Владимирцев В. П. Поэтика «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: этнографическое впечатление и авторская мысль. Иркутск, 1998. С. 45 – 46).

чувствах и помыслах. Писатель озаглавил вторую (из трёх) часть «Главы первой» «Дневника» за февраль 1876 года с неслыханной дерзновенной странностью (в манере своей «вдруг»-поэтики): «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» (22; 42). Таких заголовочных манифестаций («народ» / «любовь» / «необходимый контракт») русская литературная пресса – ни до, ни после «Дневника» – не знала. Ещё внушительнее собранные под этим заголовком исповедальные суждения и откровения писателя: идеология «почвенничества» в снятом виде – поистине «трактат о народе». Хорошо известны его афористические постулаты: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства» (22; 43) etc. Их родословную Достоевский выводит из собственных психоэтнологических наблюдений (периодов детства, отрочества, каторги, солдатчины, литературно-общественной и журналистской деятельности). Лично испытанное и пережитое – источник художественно-публицистической патетики и лирики «трактата о народе», основа его философии, если угодно, кредо: «Вот моя вера» (22; 45). И, что чрезвычайно важно, рассказом «Мужик Марей» образно и фундаментально продолжает-ся, конституируется и «заклчается» «трактат о народе».

Большая художественная заслуга Достоевского – остроумная форма подачи материалов «трактата о народе». Писатель воспользовался древним кумулятивным («нанизывающим») приёмом композиционного сочленения материалов «трактата» (близкий аналог – способ «матрёшка-в-матрёшке»).

В «трактат о народе» (1), по праву его «заклчения», входит «рассказец» под названием «Мужик Марей» (2), который представляет собой синхронное февральскому выпуску «Дневника» 1876 года «далёкое воспоминание» о двадцатипятилетней давности празднике Пасхи в омской военно-каторжной тюрьме (3), вобравшее в себя каторжный мемуар об одном эпизоде из детства писателя (4), вновь переключённый на сугубое изображение внешней и внутренней жизни автора-арестанта (3) и опять, уже на финальном витке повествования, соразмерно вернувшейся к синхрону (2, 3) и завершению «трактата» (1).

Сочленение взаимно и гармонично переплетающихся меж собой четырёх (не трёх, как полагает Р. Джексон) повествовательных и временных планов-«видений» делает рассказ «романным» произведением Достоевского («я романист» – 22; 14). По сложности (тем не менее простой и ясной) архитектоники, невероятной пластичности образов и деталей и фундаментализму острой и глубокой христианской художественно-этнологической мысли рассказ «Мужик Марей» (подчеркну: при полном отсутствии «fiction») может быть причислен к шедеврам русской классической литературы. В новейшем культурологическом труде «Константы. Словарь русской культуры» рассказ «Мужик Марей» признан самым знаковым для русской культуры сочинением, в котором духовные концепты «Родная земля» и «Любовь к родным людям» получили наиболее совершенное пафосное этнотипизирующее воплощение⁵.

⁵ Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 516 – 519.

Симптоматично, что автор нигде и никак не педалирует декларативно-внешним порядком идеи о своём духовном единстве с Россией Мужиков Мареев (самая дорогая для него идея!). Однако целостный художественно-публицистический и психоидеологический мир «заключения» «трактата о народе» – сильнейшее аргументированное воззвание именно к этой «почвеннической» идее. Внутренняя сила рассказа – в его идеально осуществлённой этикоэстетической программе и непринуждённом разговорном естестве авторского («пушкинского») голоса. Потому столь очаровывает и пленяет христианско-софийное сияние рассказа на фоне «Дневника писателя».

В основе «Мужика Мареев» как произведения искусства лежат две эстетические повествовательные категории: характер и случай. Их неожиданное («вдруг»-поэтика) и причудливое сцепление и образует вещество поэзии. Заглавие и сюжет выделяют крупным планом фигуры центрального героя и стоящего неразделимо с ним автора. Мужик Мареев с его «кобылёнкой» – герой эпического стиля, близкое и нарочитое уподобление (не более того) былинным богатырям (они всегда при лошади), великим устроителям порядка и покоя, труженикам и защитникам родной земли, хранителям и носителям чистого христианского чувства (Микула Селянинович, Илья Муромец). Спасительная встреча (она спасительна в нескольких смыслах) «русского мальчика» Феди Достоевского с пахарем Мареем и его «кобылёнкой» «на поляне» – тот эмблемный случай, психологические составляющие которого разом определяют художественное функциональное назначение всех персонажей и обстоятельств очеркового эссе в целом: раскрыть, утвердить и способом эпической христианской идеализации воспеть единство повествователя (мальчика, каторжанина, публициста) со своим родным народом. Главное – именно здесь миметически проводится мысль о том, что нравственно здоров и собран народ от Святогора и Микулушки до тульского крестьянина Мареев (и состоящего в этническом и духовном родстве с ними автора очерка-«рассказа»). Так проявляет себя стихийная державная статья России. Принимая во внимание миметические опосредованные отношения «Мужика Мареев» с русским богатырским эпосом, мы вправе примерить к «рассказу», например, такое альтернативное (и, конечно же, условное) название: «Былина про землепашца Мареев и волчьих страсти дворянского отрока».

В пределах изъяснимого находится бесподобное искусство поэтической детализации (штриховки) изображаемого. Нечаянное, но судьбоносное, может, предопределённое свыше, столкновение попавшего в беду «барчонка» с крепостным мужиком-землепашцем «во чистом поле» России обставлено эпически значимыми подробностями. В них символически сходятся земля и небо, человек и Христос, Сам Господь Бог, мгновение и вечность, личное и народное, бытовой факт и его онтологическое и мистическое значение. По сути, эти подробности формируют всю идейно-художественную структуру очерка и возвышенно одухотворяют её.

Целе-сообразная поэтическая детализация повествования различимо многослойна и системна. Зрительно-кинетический, «внешний», событийный и вещный ряд изображения в «Мужике Мареев» (живописующие

штрихи из тюремного и деревенского быта России 1830 – 1850 гг.) синхронно совмещён с «внутренним», психологическим (осмысление подробностей из истории духовного сближения писателя с народом) и онтологически соотнесён с рядом лексическим, «словечковым», логосным (франкоязычная, «прозападная», не для русского уха и понимания, ворчливая и разрушительная брань поляка-каторжанина контрастирует с матерински простыми, излучающими свет добра и незыблемых истин, животворящими созидательными словами крестьянина-коренника). Достоевский испытывает видимое удовольствие от морального и художественного эффекта вынесенных им в центр повествования народных логосных словечек (он следует евангельской заповеди – слово было в начале): «Ну-ну!», «вишь», «ишь», «испужался», «ай-ай», «родный», «малец», «ай», «Христос с тобой», «окстись», «ступай», «те» (тебе). «Словечковый» набор в таком сюжетно форсированном средоточии свидетельствует о раннем, если не изначальном, проникновении народности в мир художественных представлений и речевых привычек Достоевского. Очевидно, что христианские основы этнологической культуры писателя закладывались уже в его «первом детстве и отрочестве» (25; 172) под прямым и сильным воздействием исконной стихийной культуры русского простолюдина («нянюшка» Алёна Фроловна; крестьянские кормилицы-сказочницы; приглашавшиеся в барский дом песельники, самодеятельные актрисы; Мареев; погорельцы; во пленицы; участники «зелёных святок» (троицких); дворовые; прислуга; «бедные» пациенты папеньки-лекаря и др.). Здесь не лишне присовокупить: живя летом в деревне Даровое, юный Достоевский в известном смысле «крестьянствовал». Водил дружбу с кучером Семёном Широком, играл в мужиков-торговцев лошадьми («барышников»), общался с крестьянами, помогал им, вступал в игры с деревенскими сверстниками и т.д.⁶

Описанный в «Мужике Мареев» эпизод из детства Фёдора Михайловича имеет, стало быть, точные географические, социальные, психологические и временные координаты: сельцо Даровое Тульской губернии Каширского уезда (имение Достоевских, в 150 километрах от Москвы) – лето 1832 года⁷. В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский отозвался о своём давнем жительстве в деревне Даровое темпераментно, с пронзительной ностальгией: «...Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю мою жизнь» (25; 172).

Всего более отвечает автопризнанию писателя «рассказец» об испуганном «мальце», «волке» и крестьянине-избавителе Мареев. В этой связи пишущему и размышляющему о «Дневнике» необходимо считаться с тем фактом, что главнейшие «почвеннические» идейные узлы его монументальной публицистики

⁶ Эти и другие факты своеобразного «крестьянствования» «барчонка» Феди Достоевского засвидетельствованы братом писателя А. М. Достоевским в его «Воспоминаниях» (Л., 1930).

⁷ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. СПб., 1997. С. 23 – 24.

подчёркнуто автобиографичны. Сила художественно-публицистической аргументации (демонстрации) в пользу «почвеннических» идеологием «Дневника» всегда обнаруживает себя через автобиографически добытое или проверенное, то есть абсолютное в глазах писателя, знание. Иначе говоря, Достоевский придавал первостепенное значение лично увиденному, услышанному и пережитому (жанровая специфика собственно дневников). Так повелось в его творческом «хозяйстве» ещё со времени «Сибирской традиции», где христианский народно-общественный (этнологический) опыт писателя впервые получил капитальное фиксированное речевое закрепление. Эссеистский рассказ о Мужике Марее, преемственно перекликающийся с незабвенным сибирским опытом, – не лучший ли пример к тому, насколько результативен автобиографический фактор в стихии дневниковой публицистики Достоевского?

Кажется невозможным уйти от соблазна поставить «Мужика Марее» не рядом, а впереди других народных глав и страниц «Дневника писателя» («Влас», «Маленькие картинки», «Мальчик у Христа на ёлке», «Столетняя», «Что значит слово “стриючки”?», «Фома Данилов, замученный русский герой», строки о «нянюшке» Алёне Фроловне и проч.). Действительно, «рассказец» – ведущее «почвенническое» произведение в «Дневнике», флаг и квинтэссенция своеобразного православного народничества Достоевского. Художественно-онтологически смысл очерка, основанного на подлинных фактах из русской действительности, выходит далеко за пределы их прямых житейско-бытовых значений. Перед нами художественный психоидеологический отчёт писателя о своих личностных отношениях с Россией и её народом. Если сузить предмет – итоговый «трактат» о том, что русский мужик дал Достоевскому и что Достоевский получил из этого источника источников: духовно-православное культурное начало со всеми его нравственными, поэтическими и речевыми производными. По лиро-эпической цельности сюжета, моноидейной и образно-психологической повествовательной завершённости автобиографическая исповедь, заключённая в рассказе-очерке «Мужик Марей», не имеет ничего себе равного или похожего в публицистическом своде «Дневника писателя». Это пик христианского газетно-журнального (хочется сказать, реального) «почвенничества» Достоевского-публициста.

Было бы упущением пройти мимо пасхальной (восстание из мёртвых, воскресение, преображение, спасение) идеи, существенно обогатившей «почвенническую» программу «рассказца». В 1876 году праздник Святой Пасхи пришёлся на 4 апреля⁸. Непосредственная календарная приуроченность «Мужика Марее» (февральский того же года выпуск «Дневника») к этой дате – исключается. Следовательно, есть формальная необходимость уточнить приобретённое этим рассказом определение – «пасхальный»⁹. Не подлежит сомнению, что рассказ-очерк «Мужик Марей» пасхален (воскрешает, спасает, преображает), хотя задуман, написан и опубликован автором

задолго до Светлого Христова Воскресения 1876 года – в отдалённом по времени преддверии к нему. И дело не только в том, что Достоевский обратился в этом «пасхальном» произведении к ретроспективе – «далёким воспоминаниям» о давнопрошедших событиях апрельских – собственно пасхальных – дней 1852 года в омском остроге. Дело ещё в другом: профессиональном журнализме, конструктивном журналистском мышлении создателя «Дневника» 1876 года.

Газетно-журнальная медийная специфика повременных выпусков «Дневника писателя» обязывает посмотреть на «рассказец» и с этой стороны – соответственно типу и назначению периодического издания. «Мужик Марей» находится в окружении других материалов «Дневника» 1876 года, согласованно и обоюдно взаимодействует с ними, зависит от них в той мере, в какой они зависят от него, и может быть до конца понят только в контекстных связях с ними.

Общий план «Дневника писателя» на первые месяцы 1876 года задуман и реализован в типичном журналистском коммуникативном ключе: с нелинейной, привлекательно-ломаной тематической композицией, броскими, дразнящими заголовками: «Золотой век в кармане», «Нечто о чертях», «Ягодки», «Столетняя», «Мечты о Европе»... Но в этой магнетизирующей внимание читателя текущей фельетонной «мельтешне» вдруг является высокодуховный авторско-редакторский проект писателя. Сначала, в январском выпуске новой на рынке русской периодики журнало-газеты Достоевского помещается специально сочинённый к этому случаю легендарно-притчевый *рождественский* рассказ «Мальчик у Христа на ёлке». Рассказ становится художественно-идеологическим гвоздём номера, его христианской сутью и животворным оправданием. Формально же – традиционной дежурной данью православному календарю со стороны периодического издания. Затем, в следующем, февральском выпуске «Дневника писателя», Достоевский, вопреки православному каноническому календарному уставу, но в продолжение христианских художественно-публицистических бесед о Спасителе, помещает, – казалось бы, ни с того ни с сего, – *пасхальный* рассказ «Мужик Марей». («Плохой» календарь, но превосходный журналистский ход писателя, пожелавшего и сумевшего объединить в газетно-журнальной «диалогии» святые фабулы и мыслеобразы великих христианских праздников!)

Дети, Иисус Христос, народ, земля, интеллигенция, Россия, Запад – основополагающая социально-концептная феноменология «Дневника писателя», альфа и омега публицистики Достоевского, её сердцевина. Январский и февральский выпуски «Дневника» 1876 года, в первую голову классические рождественский и пасхальный рассказы, положили начало его «почвенническим» этнологическим лейтмотивам («народная культура», «народная личность», «правда народная», «вера народная», «Столетняя», институт «русских нянек», язык как народ и т.д.).

Очерковый рассказ «Мужик Марей» – выдающийся плод христианского миропонимания Достоевского. Тем и означено положение «рассказа»

⁸ Хронологический справочник (XIX и XX века) / Сост. М. И. Перпер. Л., 1984. С. 27.

⁹ Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 40.

в художественно-публицистической раме «Дневника писателя». И не только. Эссе о Мужике Марее проливает свет на истоки, характер и формы «конечной» «народности» православного Достоевского, беззаветно любившего народ России (не первейшее ли условие народности?).

Эстетические народноправославные отзвуки и отсветы рассказа «Мужик Марей» – слышимы и видимы повсюду в творчестве Достоевского 1876 – 1881 годов. Рядовое, казалось бы, произведение подённой текущей литературной («фельетонной») журналистики стало в конечных итогах знаковым – непреходящей харизматической ценности – событием в истории русской художественно-этнологической культуры, вызовом безбожным антинародным временам и эпохам, символом христианской народности писателя Фёдора Достоевского.

ЗАПОВЕДНИК

УСАДЬБА ДВОРЯН ХОТЯИНЦЕВЫХ МОНОГАРОВО. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2016 г.

На основании полевого исследования и имеющихся архивных материалов, а также результатов археологических раскопок впервые дано научное описание ныне утраченной усадьбы помещиков Хотяинцевых в селе Моногарове Зарайского района Московской области. Ближайшие соседи семьи Достоевских, владельцы Дарового, Хотяинцевы сыграли немаловажную роль в судьбе Ф. М. Достоевского. В свете музеефикации мемориальных объектов, связанных с детскими годами писателя, данное исследование представляется актуальным.

Ключевые слова: усадьба Моногарово, Хотяинцевы, соседи усадьбы Достоевских Даровое, Свято-Духовский храм, церковная школа.

«...о Павле Петровиче Хотяинцеве. Он с женою, кажется, Феодосьею Яковлевною, жил в своём селе Моногарове. Большой деревянный дом его находился возле самой церкви, и мы с маменькой, бывая всякое воскресенье в церкви, каждый раз были приглашаемы из церкви на чашку кофе. Но вместо кофе тут бывал целый завтрак с аппетитным пирогом с начинкою из яиц, зелёного луку и молодых цыплят. Кроме взрослого сына, который служил где-то юнкером, у них был 4-летний сынок, родившийся после 12-летнего перерыва, и в этом сынке родители не слышали и души <...> Хотяинцевы изредка бывали и у нас...». Так вспоминает об усадьбе Моногарово и её хозяевах Андрей Михайлович Достоевский, брат великого писателя¹.

Владельцы Моногарова для семьи Достоевских были не просто соседями: исторические факты и легенды связывают эти два семейства довольно крепко. Известно, что родители Ф. М. Достоевского, Михаил Андреевич и Мария Фёдоровна, приобрели у Хотяинцевых усадьбу Даровое², в которой и проживали в дальнейшем. С ними велись, достаточно традиционные среди землевладельцев, споры о земле. С именем П. П. Хотяинцева связана версия о насильственной смерти отца писателя, которую, впрочем, опроверг в статье «Домыслы и логика фактов» Г. А. Фёдоров, доказавший на основе найденных им архивных документов, что М. А. Достоевский не был убит крестьянами, а умер в поле между Даровым и Черемошнёй своей смертью от «апоплексического удара»³. Так что изучение усадьбы Моногарово и семьи Хотяинцевых в контексте исследования и музеефикации мест, связанных с Ф. М. Достоевским, является одной из актуальных задач.

В настоящее время состояние усадьбы Хотяинцевых в Моногарово нельзя назвать даже плачевным, так как, по сути, от неё не осталось ни построек, ни парка. Более того, северная часть усадебного комплекса, там, где располагался

¹ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 65.

² Там же. С. 56, 58.

³ Фёдоров Г. А. Домыслы и логика фактов // Литературная газета. 1975. 18 июня.

служебный и хозяйственный блок, в настоящее время подверглась дачной застройке.

Сохранилась ближайшая к усадьбе церковь Сошествия Святого Духа с приделами в честь Покрова Пресвятой Богородицы и во имя святителя Димитрия Ростовского, построенная в стиле барокко в 1763 г. (илл. 1; №2 на плане) и здание приходской школы (илл. 2; №3 на плане). В 1822 г. при храме была сооружена колокольня. В церковной ограде похоронен отец писателя Михаил Андреевич Достоевский, но местоположение могилы утрачено.

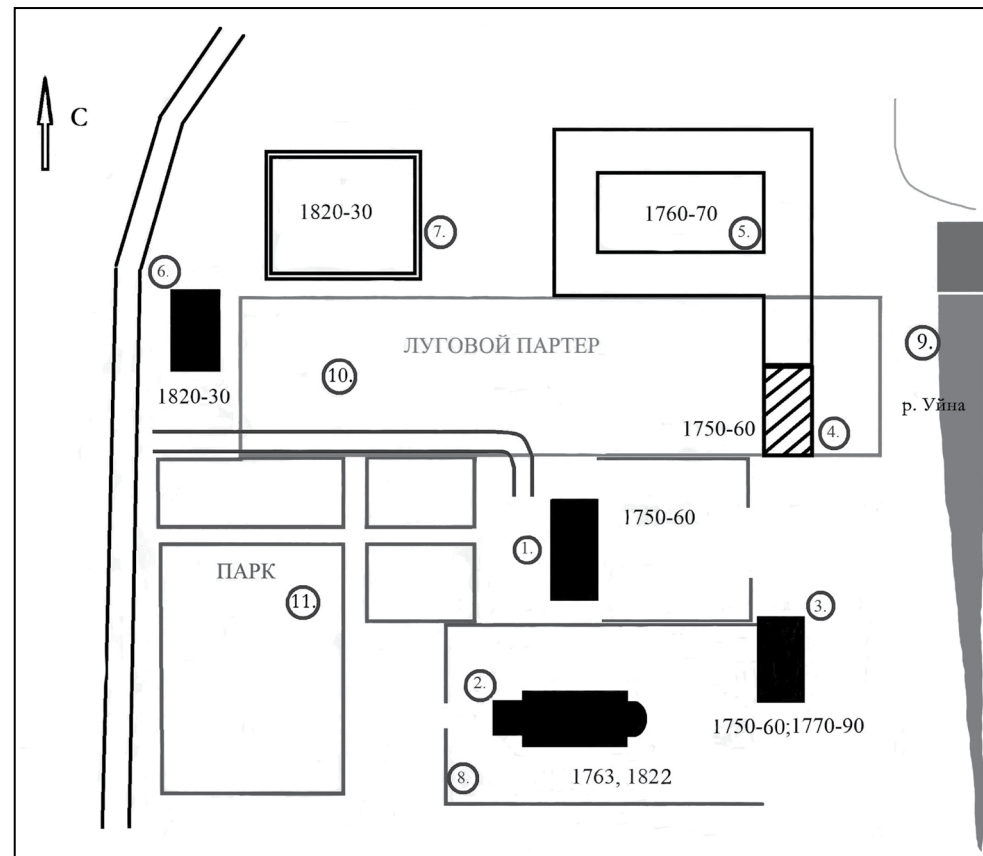
Из исторических насаждений единично или в куртинах сохранились:

1. Липа мелколистная
2. Тополь группы бальзамических ср.
3. Яблоня домашняя
4. Яблоня сибирская
5. Груша домашняя
6. Сирень обыкновенная
7. Акация жёлтая
8. Боярышник колючий. Боярышник кроваво-красный
9. Роза ср.
10. Спирея Вангутта
11. Спирея иволистная
12. Земляника мускусная
13. Лилия мартагон (саранка)
14. Колокольчик широколистный
15. Хатма тюрингенская
16. Маргаритка многолетняя

Таким образом, изучение комплекса усадьбы возможно только с использованием археологических методов, методов геоботанического и ландшафтного анализа, анализа микрорельефа, с привлечением аналоговых, косвенных и сопутствующих источников.

Село Моногарово в настоящее время находится в Зарайском районе Московской области, а до 27 апреля 1923 г. входило в состав Каширского уезда Тульской губернии. Впервые в исторических документах оно упоминается ещё в Писцовых книгах XVI в., в которых числится за Хотяинцевыми.

При производстве работ по межеванию земель Моногарова 19 августа 1770 г. землемер Лопатин записал: «Манагарово сельцо, что ныне село надворного советника Василья Иевлева Хотяинцева с протчими». И в нём 121 душа мужского пола⁴. А селом сельцо Монагарово стало после того, как Василий Хотяинцев построил в нём в 1763 г. Духовскую церковь. Слово «сельцо» означает, что это был населённый пункт, где имелась усадьба владельца земли. А из этого следует, что ещё до постройки церкви Хотяинцевы имели здесь усадьбу. Следы одной из построек этого периода были выявлены в 2006 г. археологической экспедицией под руководством А. С. Сыроватко. Им были проведены работы по исследованию руинированного здания церковно-

Илл.8. План-схема усадьбы Хотяинцевых в Моногарово.
Д. Б. Ойнас. 2016 г.

ЭКСПЛИКАЦИЯ

1. Местоположение главного дома.
2. Церковь Сошествия Святого Духа.
3. Здание церковно-приходской школы.
4. Местоположение усадебного флигеля.
5. Местоположение предполагаемого скотного двора.
6. Местоположение служебного флигеля.
7. Местоположение хозяйственной постройки.
8. Церковная ограда.
9. Место бывшего пруда.
10. Луговой партер.
11. Парк с регулярной планировкой.

⁴ РГАДА. Ф.1354. Оп.541-1. Д.25.

приходской школы в Моногарове, расположенного вблизи храма Сошествия Святого Духа, в результате которых выяснилось, что существующее здание стоит на месте более раннего сооружения, относящегося как минимум к первой половине-середине XVIII в.⁵

Усадебный комплекс был построен на левом высоком коренном берегу реки Уйны. Русло реки было запружено, благодаря чему образовался пруд внушительных размеров, площадь водного зеркала которого составляла около 2 га. В настоящее время дамба пруда разрушена, и пруд, соответственно, не существует. Его ложе заросло ивняком, тополем, клёном остролистным и ясенелистным (№ 9 на плане).

Местоположение главного дома было выявлено по нюансам микрорельефа (илл.3; № 1 на плане), богатым отложениями органики и строительных остатков вблизи северного фасада храма, на расстоянии 17 м, что соответствует 8 сажням. Сохранившиеся в микрорельефе трассы залегания фундаментов главного дома позволили достаточно точно определить его площадь. Это было относительно небольшое, по всей видимости, деревянное здание, размером 16 м (7,5 саж) на 13 м (6 саж). Обнаруженные на этом месте кирпичи, использованные, видимо, в фундаменте, имеют размеры 290–295 x 145 x 80–85 мм. Такие параметры кирпича характерны для построек конца XVII – первой половины XVIII вв.

Кирпич аналогичных параметров был обнаружен северо-восточнее местоположения главного дома, ближе к реке Уйне (295 x 145 x 80 мм). Это место в настоящее время занято частным огородом. Несмотря на проводившуюся хозяйственную деятельность на этом участке, в микрорельефе и в почвенных отложениях до сих пор сохраняются следы существовавшей здесь когда-то постройки. Надо полагать, что это был флигель, фланкировавший парадный двор усадьбы с северо-восточного угла (№4 на плане).

Следы ещё одной постройки, видимо, относящейся к этому же периоду, были обнаружены при проведении археологических работ в здании бывшей церковно-приходской школы (илл.2; № 3 на плане)⁶. А. С. Сыроватко удалось выявить яму погребя, относящегося к более раннему зданию, чем здание школы, а выводы, сделанные исследователем на основании собранного им здесь материала, дают нам датировку этой постройки, соотносимую со временем появления главного дома усадьбы. Планировочная логика, расположение этой утраченной постройки на одной оси с ранее описанным предполагаемым северо-восточным флигелем, позволяет нам полагать, что это был еще один флигель, фланкирующий парадный двор с другой, с юго-восточной стороны. Отнесению этой постройки к указанному времени, способствует и тот факт, что при исследовании одной из ям рядом со стеной приходской школы в основании фундаментной ленты была обнаружена группа кирпичей, абсолютно совпадающих в габаритах с кирпичами, обнаруженными на месте главного дома, – 295 x 145 x 85 мм.

⁵ Сыроватко А. С. Археологические исследования усадьбы Достоевских // III Летние чтения в Даровом. Материалы научной конференции 26 – 28 августа 2011 г. Коломна, 2013. С.105 – 121.

⁶ Сыроватко А. С. Там же.

Других структур, относящихся к раннему периоду (как минимум к первой половине XVIII в.) существования усадьбы, пока выявить не удалось. Требуются более серьёзные археологические изыскания.

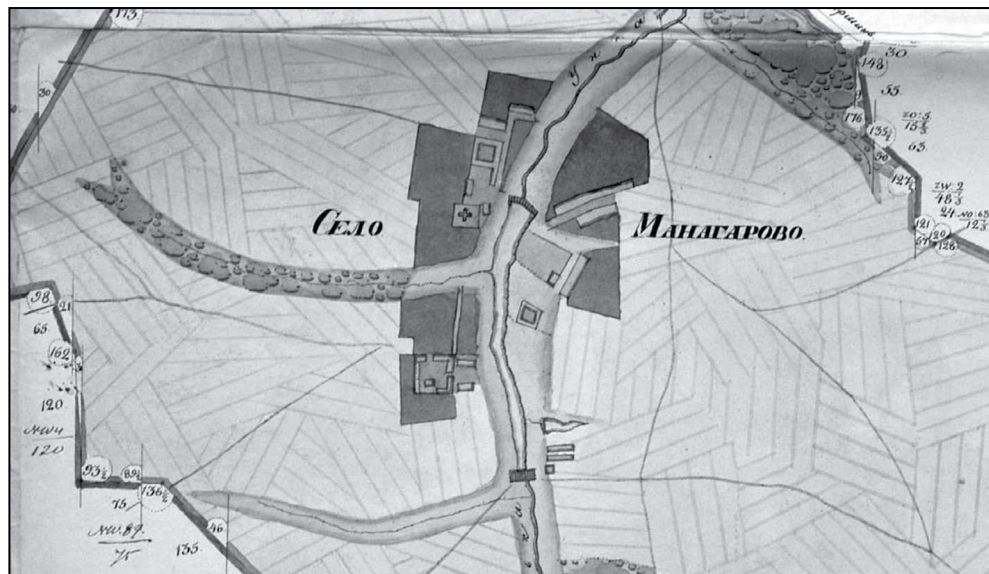
Возможно, что уже тогда при усадьбе существовал парк, но на сегодняшний день не сохранилось ни одного исторического насаждения этого периода. Из существующих сейчас насаждений все относится к более поздним этапам развития комплекса усадьбы. Единственное, что может соотносить выявленные нами парковые планировочные структуры с ранней эпохой усадьбы, так это то, что парк имел регулярную барочную планировку, что вполне соответствует тому времени. В основе планировки парка лежала так называемая «крестовая аллея», делившая его на четыре боскета, которую удалось проследить в микрорельефе, в том числе благодаря зачистке уплотнений грунта в тех местах, где проходили парковые дорожки. Эта планировка парка существовала здесь на всём протяжении истории усадьбы, изменяясь лишь в нюансах. Зафиксированные в микрорельефе в западных боскетах парка декоративные рельефные структуры, напоминающие барочные арабески, используемые при формировании цветочных композиций или композиций из бордюрных кустарников, также характерны для периода барокко.

В 1763 г. В. И. Хотяинцев строит в сельце храм Сошествия Святого Духа. Эта хорошо датированная постройка, а также размеры кирпича, использованного при её строительстве, дают нам дополнительные планировочные ориентиры и материал для сопоставления. Размеры кирпича раннего периода строительства храма – 280–285 x 120–125 x 70–75, кроме того, использовался ещё один размер кирпича – 240–260 x 120–125 x 70–75, видимо, для выполнения работ по выкладке сложного рисунка архитектурного убранства стен. Эти параметры кирпича, а также «верстовая кладка» и способ расшивки шва – «прямая односторонняя подрезка» – вполне соответствуют известной дате постройки храма.

Ко времени постройки храма следует отнести и строительство довольно внушительного по размеру строения: 34 м (16 саж.) x 38,5 м (18 саж.), следы которого удалось выявить в северо-западной части комплекса. В настоящее время это место частично застроено жилыми домами, частично занято огородами. Тем не менее северный край этой постройки не попал под застройку и хорошо просматривается в рельефе (№5 на плане). Кроме того, здесь в почве обнаружен строительный мусор и кирпич, параметры которого и позволяют нам предполагать появление этого строения фактически вместе с Духовским храмом в 1760 – 1770-х гг. – 260–270 x 120–135 x 75–80 мм. Если судить по плану генерального межевания 1770-х годов, а также по дублирующему его геометрическому плану села Моногарова 1874 г.⁷ (илл.4), эта постройка имела кареобразную форму в плане. По всей видимости, это был скотный двор.

Надо полагать, что к этому времени относится и постройка каменного здания, которое впоследствии стало использоваться для церковно-приходской

⁷ РГАДА. Ф. 1354. Кашира. М-26. Геометрический план села Моногарова Каширского уезда. 1874 г.

Илл.4. Геометрический план села Моногарова 1874 г.,
дублирующий план межевания 1770-х гг.
РГАДА. Ф.1354. М-2б.

школы. Точно определить его первоначальное использование пока не представляется возможным, но, так как оно строилось на месте утраченного или снесённого юго-восточного флигеля, можно полагать, что и после перестройки оно несло ту же функцию. Его размеры: длина – 15 метров (7 саж.), ширина – 8,5 метров (4 саж.). О том, что это здание было выстроено вскоре после возведения Духовского храма, мы также можем судить по параметрам кирпича, методу кладки и использованному раствору. Размеры кирпича в кладке приходской школы близки по габаритам с кирпичом в кладке Духовского храма раннего периода строительства и усадебного скотного двора: 260–270 x 115–125 x 60–75 мм.

Северо-восточный флигель в это время также претерпевает изменения. От комплекса скотного двора к нему, параллельно реке Уйне, вытягивается пристройка, фактически срастившая два этих здания.

Парк при усадьбе в это время, безусловно, уже существовал (№ 11 на плане). На это указывает возраст единично сохранившихся лип мелколистных (на момент исследования в 2016 г. их возраст составлял 220 – 230 лет). Аллеи и боскеты из липы являлись скелетообразующими структурами парка. Парк примыкал к главному дому с западной стороны и имел регулярную планировку. Однозначно к этому же времени следует отнести появление здесь лилии саранки, а также, возможно, акации обыкновенной, боярышника, розы, сирени и земляники мускусной.

Территорию хозяйственного двора от жилой части усадьбы отделял обширный, вытянутый с запада на восток, луговой партер (№ 10 на плане). Его

параметры: ширина 32 м (14 саж.), длина 96 м (45 саж.). Партер со стороны реки Уйны отсекался от неё пристройкой скотного двора, что создавало эффект целостности элементов комплекса и замкнутости пространства.

Следующий период строительной активности в усадьбе приходится на 1820 – 1830-е гг. В это время усадьба принадлежит отставному майору Павлу Петровичу Хотяинцеву и его жене Федосье Сергеевне. А село Моногарово уже разделено на 2 части между двумя владельцами. Усадьба Хотяинцевых относилась ко 2-й части села, первая часть принадлежала дворянке Небольсиной.

В этот период в 1822 – 23 гг. при храме строится массивная колокольня в три яруса, увенчанная шпилем, частично перестраивается трапезная и изменяется убранство фасадов храма. Таким образом, в нашем распоряжении появляется ещё один временной ориентир с датированным строительным материалом. Параметры кирпича использованного при этой перестройке храма, следующие: 245–255 x 70–75 x 120–125 мм.

Вскоре после возведения колокольни или одновременно с ней в хозяйственной части комплекса появляется ещё одна внушительная постройка. Она была возведена в линию со скотным двором в северо-западной части комплекса усадьбы (№7 на плане). Несмотря на то, что на данной территории сейчас располагается частная застройка и огороды, следы этого здания до сих пор можно проследить в микрорельефе и отложениях в почве. Из какого материала было выстроено это здание, неясно, но фундамент под ним был кирпичный на «вживую» уложенных в грунт валунных камнях. Размеры обнаруженного здесь кирпича (250–255 x 70–75 x 125–140 мм) близки по параметрам кирпичу, использованному при строительстве колокольни Духовской церкви, что позволяет нам соотнести их по времени появления.

Видимо, немного позже, к концу 1820-х – 1830-м гг., следует отнести появление другой постройки, выстроенной на западной границе партерного луга, замкнувшей его окончательно (илл.5; № 6 на плане). Возможно, это один из служебных флигелей, выстроенных для проживания двора, обслуживающей хозяйство. В настоящее время строение утрачено, но сохранилась кирпичная фундаментная лента и пол, выложенный кирпичом «в ёлочку» (илл.6), своеобразный кирпичный паркет. Параметры обнаруженного здесь кирпича 250 x 70 x 125–140 мм, что отчасти сопоставимо с кирпичом, использованным при строительстве церковной колокольни. Постройка была обнаружена при планировании участка в 2016 г. Ножом бульдозера был срезан поверхностный слой земли, обнаживший фундаменты и позволивший собрать обширный подъёмный материал. В частности, значительное количество фрагментов керамической посуды XVIII – XX вв., чернолощёной, глазурированной (жёлтая и зелёная эмаль), красноглиняной, белоглиняной; фрагментов фарфоровой, фаянсовой, стеклянной посуды; печных изразцов с рисунком голубой и коричневой эмали, металлических предметов этого же периода. Наличие на некоторых предметах, относящихся к XIX столетию, следов воздействия высоких температур – оплавления, деформации, изменения фактуры, а также многочисленных угольных остатков в почве, позволяет предположить, что

в здании некогда был пожар. Но, так как здесь же были обнаружены предметы конца XIX – XX вв. без следов воздействия огня, мы думаем, что здание было восстановлено и продолжало существовать и далее.

Кроме того, судя по аналогичным параметрам использованного кирпича, тогда же вокруг храма была выстроена церковная ограда. Она прямоугольником, вытянутым с запада на восток, охватила храм и начавшее формироваться к этому времени кладбище (илл.7; № 8 на плане). Она примкнула в восточной своей части к южному флигелю, фактически включив его в церковный ансамбль. С севера и юга ограда отстояла от храма на 10,5 м (5 саж.), а с запада, где были сделаны парадные ворота, на 8,5 м (4 саж.). Здесь, внутри этой новой ограды, с юго-восточной стороны храма, в 1839 г. был похоронен отец Ф. М. Достоевского – Михаил Андреевич Достоевский.

Таким образом, к 1831 году, ко времени приобретения Достоевскими у Хотяинцевых имения в Даровом, усадьба в Моногарове – это небольшой комплекс площадью около 2,5 – 3 га, без учёта площади пруда, устроенного в долине Уйны. Вместе с ним это примерно 4,5 – 5 га. В годы жизни в Даровом Фёдора Михайловича Достоевского усадебный комплекс в Моногарове ещё продолжал строиться и развиваться. Скорее всего, именно в это время в парке усадьбы появились зафиксированные нами спиреи, колокольчик, маргаритка, хатьма тюрингенская.

Ко времени очередного межевания, которое проводил землемер Кандиано в сентябре 1850 г., владельцами Моногарова числятся в первой части – штабс-капитанша Вера Дмитриевна Дашкова, а во второй – майор Павел Петрович Хотяинцев⁸.

Видимо, дальнейшего развития комплекс усадьбы в последующие годы не получил. Во всяком случае, это не прослеживается на основе доступных нам полевых и документальных материалов. За исключением появления среди насаждений тополя группы бальзамических, которому никак не более 150-ти лет. К тому же, по всей видимости, вскоре после крестьянской реформы 1861 г. Хотяинцевы продали усадьбу. Сестра Ф. М. Достоевского Вера Михайловна в одном из писем брату в 1872 г. сообщает, что имение Хотяинцевых с аукциона приобрёл их сосед Костюрин.

У Костюрина Ф. М. Достоевский собирался снять дом для летнего отдыха своей семьи, но под влиянием супруги отдал предпочтение Старой Руссе. А в письме сестре Вере написал: «А знаешь, мне очень жаль, что мы будем не в Моногарове. Но я наверно приеду гостить». В ответном письме от 31 марта 1872 г. Вера Михайловна описывает дачу Костюрина: «довольно маленький домик, крытый соломой, в котором шесть комнат, из коих зала в 7 аршин, а остальные ещё меньше, но, кажется, на вид довольно приятные. Сад около самого дома и большой луг вокруг дома, погреб будет к твоим услугам»⁹.

⁸ РГАДА. Ф.1354. Оп.541-2. Д.51.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29725. Цитируется по изданию: Бессонова А. С. К вопросу о концепции музея-заповедника Даровое // III Летние чтения в Даровом. Материалы научной конференции 26 – 28 августа 2011 г. Коломна, 2013. С.149.

АРХИВ

НЕИЗВЕСТНОЕ ДАРОВОЕ (по архивным материалам)¹

В статье прослеживается тесная связь творчества Ф. М. Достоевского с воспоминаниями детства, а именно летних месяцев, проведённых в родительской усадьбе Даровое Каширского уезда Тульской губернии. Установить эту связь помогают архивные документы, ранее неизвестные. Они не только проливают свет на обстоятельства пребывания Достоевского в Даровом, но и дают представление о творческой лаборатории писателя и уточняют некоторые идейные и художественные особенности его произведений.

Ключевые слова: архивные документы, усадьба Достоевских Даровое, биография и творчество, своеобразие творческого процесса.

Создание музея в усадьбе Достоевских Даровое невозможно без опоры на документальные источники. Таковыми, например, являются фонды рукописного отдела РГБ: фонд 365 «Село Моногарово» (архив Свято-Духовского храма в селе Моногарове) и фонд 93 «Достоевские». Хотя документы обоих собраний в той или иной степени изучены, ряд из них опубликован², некоторые материалы содержат любопытные факты, ранее никак не отмеченные.

Вере Степановне Нечаевой, первому директору музея Ф. М. Достоевского в Москве, мы обязаны сохранением обширного фонда Свято-Духовского храма села Моногарова. Именно она вывезла в 20-е годы церковные книги из Моногарова в Москву. Метрика 1835 года осталась в московском музее, а все остальные документы поступили в рукописный отдел тогдашней Ленинской библиотеки. Конечно, жаль, что в фонде есть хронологические лакуны. Но даже в нынешнем своём виде собрание документов о жизни Моногаровского прихода может стать бесценным источником для биографов и исследователей творчества Достоевского.

Андрей Михайлович Достоевский в дневнике своей последней поездки в Даровое в июле 1887 года, побывав на могиле отца у Моногаровского храма, записал: «Церковь всё в том же виде, как и прежде; она для села очень хороша и велика, и красива»³. Опись храма, «учинённая марта 21го дня 1826го года благочинным села Узунова священником Петром Леонардовым», свидетельствует о справедливости оценки Андрея Михайловича. Детально описанные «иконостас, всякая утварь, ризница, книги» являют для читателя этого

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Первым исследователем архива Моногаровского храма стала В. С. Нечаева, которая опубликовала, в частности, фрагменты книги «брачных обысков» и исповедных ведомостей 1832, 1835 гг. См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. Опись храма 1826 г., «Донесение об исцелившихся...», выдержки из приходно-расходных книг напечатаны и прокомментированы Г. С. Прохоровым и А. С. Бессоновой в сборнике: IV Летние чтения в Даровом. Коломна, 2016. С. 129 – 169.

³ Дневник А. М. Достоевского 1887 г.// РО ИРЛИ. Ф. 56. № 3. Л. 7 об. (Расшифровка В. А. Викторовича.)

документа зрелище удивительное и поучительное: так, в церковной библиотеке мы находим не только обязательные богослужебные книги. Есть здесь «Наставление о собственных всякого христианина должностях» святителя Тихона Задонского, которое в 1834 году дополнено ещё одним изданием: «...внесено на покупку с доставлением издаваемого вновь первого тома сочинений Тихона Епископа Воронежского два рубля и шестьдесят копеек», – читаем в приходно-расходной ведомости⁴. Есть все основания предположить, что первое знакомство Достоевского с сочинениями Тихона Задонского и другими произведениями духовной литературы произошло именно в Даровом. Тем более что в «Дневнике писателя» 1877 года, насквозь пронизанном воспоминаниями детства, есть интересное наблюдение, имеющее, на наш взгляд, даровские корни. Достоевский, говоря о «безошибочном знании русским народом главнейшей сущности восточного вопроса», спрашивает: «кто читал Четьи-Минеи? <...> Да и достать их трудно: надо купить, а попробуйте попросите почитать на время в приходе – не дадут» (25; 214). Как знать, может быть, летнее чтение Достоевского – это не только «весь Вальтер Скотт» (откуда он в деревне? от соседей-помещиков: Хотьинцевых, Еропкиных, Оболенских?). Мог же Федя и у настоятеля храма Григория Алексея «попросить на время почитать» что-то из церковной библиотеки...

В Моногаровском архиве церковных описей две. Г. С. Прохоров, готовивший публикацию одной из них, вторую, по-видимому, счёл дубликатом. Однако она есть не что иное, как опись здания и имущества церковного на период перестройки храма в 1821 – 1823 гг. Именно отсюда мы узнаём о том, что купол с фонарём и расписные фронтоны появились у храма в период преобразования нарышкинского барокко в ранний классицизм. Без малого через десять лет сей белоснежный корабль с зелёной крышей и тремя золочёными главами на высоком берегу речки Уйны увидит Федя Достоевский. Здесь он будет молиться буквально бок о бок с крестьянами Дарового, Моногарова, Черемошни, Назарьева, Комова (приход насчитывал более тысячи человек, включая причт и немногочисленных помещиков).

Окружение будущего писателя в Даровом – отдельная тема. В. С. Нечаева, опираясь на исповедные ведомости и брачные обыски Моногаровского храма, в своей книге «В семье и усадьбе Достоевского» подробно рассказала о крестьянах Дарового и Черемошни, о соседях-помещиках. Однако ведомости дают богатый материал и о церковном причте. Андрей Михайлович Достоевский в «Воспоминаниях» отозвался о нём так: «...к нам иногда являлось приходское священство, состоящее из священника, дьякона <...> и дьячка. Все эти лица не много отличались от простых крестьян, и то только своим полуобразованием, в отношении же жизни они были те же крестьяне и столь же много работали своеручно, не имея у себя ни одного наёмного рабочего»⁵. Брат писателя называет только имя «дьячка Ивана Фёдоровича», с которым он «покумился». Церковные книги, которые велись прилежной рукой настоятеля храма, сохранили имена духовенства. Это, во-первых, «священник Григорий

Алексеев Рязанский 53 лет <по ведомости 1834 года. – А. Б.>. Священнический сын. По окончании курса в Тульской семинарии <...> 1802го года сентября 8го дня Преосвященным Мефодием Епископом Тульским посвящён во священники на настоящее место. Грамоту имеет. За 1812^й год имеет наперсный бронзовый крест. В 1821^м году по случаю начавшегося возобновления вышеупомянутой Моногаровской церкви определён был в комиссию строения оной, при каковой должности находился три года. За что награждён того ж 1821го года ноября 5го дня набедренником, а в 1823^м году февраля 4го дня скуфьёю»⁶. Здесь же – дьякон Иван Яковлев 59 лет (у которого, согласно ведомости 1834 года, 6 взрослых дочерей и один сын, в то время как А. М. Достоевский говорит, что у моногаровского дьякона 12 дочерей и ни одного сына). В ведомости также указаны дьячок Стефан Васильев 30 лет и пономарь Иван Фёдоров 22 лет, у которого Андрюша Достоевский и стал восприемником при крещении сына Павла⁷. В таком составе причт Моногаровского храма просуществовал до 1846 года: с октября записи в церковных книгах ведёт уже священник Павел Проферансов.

Итак, отец Григорий крестил Александру Михайловну Достоевскую, родившуюся в Даровом летом 1835 года. Гостил в усадьбе у Марии Фёдоровны Достоевской, которая, в свою очередь, каждое воскресенье с детьми бывала на литургии. Отпевал Михаила Андреевича Достоевского летом 1839 года. Документ «строгой отчётности», составленный по форме, кажется, мало может рассказать о характере священника. Однако педантичность, с которой отец Григорий ведёт записи в церковных книгах, грамотная речь и каллиграфический почерк, а особенно статья «расходы» – выразительный портрет моногаровского батюшки. При нём «возобновлялся» храм, пополнялась церковная библиотека. Свечная торговля, венчики и разрешительные молитвы, мука крупитчатая и вино красное, масло деревянное, дрова – а среди этого церковного быта Тихон Задонский (полное собрание сочинений которого появилось в Моногарове в 1839 году), непрестанная работа по ремонту и благоустройению храма (черемошнинские плотники господина Достоевского поправляют балюстрадник церковной ограды). И при том – многочисленное семейство, земли церковные (кои обрабатывают церковнослужители сами, как крестьяне) – в трёх верстах, а дома причта – по ту сторону Уйны, так что «проход к церкви от дворов священно- и церковнослужительских во время половодья и дождливой погоды бывает очень неудобен»⁸.

Когда Достоевский в «Дневнике писателя» пишет о церковном кризисе, о проблемах сельских батюшек или в «Братях Карамазовых» устами старца

⁶ Ведомости о церкви. Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа за 1834 – 1842 гг. Ф. 365. Моногарово. I. Ед. хр. 13. Л. 20б.

⁷ «1838. В июле. Первого ж числа села Моногарова у местного пономаря Ивана Федорова и законной его жены Марьи Петровой родился сын Павел. Числа крещения 7. Кто были восприемники. Сельца Дарового помещика Михаила Андреева Достоевского сын Андрей Михайлов Достоевский и города Зарайска мещанская женка Прасковья Яковлева Крюкова» // Метрическая книга церковью Каширского уезда. ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 890. Л. 488 об.

⁸ Ведомости о церкви. Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа за 1834 – 1842 гг. Ф. 365. Моногарово. I. Ед. хр. 13. Л. 10б.

⁴ Ф. 365. Моногарово. II. Ед. хр. 2. Л. 450б.

⁵ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 65.

Зосимы говорит о духовном просвещении народа и стезе приходского священника, – в нём, несомненно, говорит память детства: «...слышал я не раз, <...> как у нас иереи божии, а пуще всего сельские, жалуются <...> на малое свое содержание и на унижение своё и прямо заверяют, <...> что не могут они уже теперь будто бы толковать народу писание, ибо мало у них содержания, <...> пусть нет времени, пусть он справедливо говорит, что угнетён всё время работой и требами, но не всё же ведь время, ведь есть же и у него хоть час один во всю-то неделю, чтоб и о боге вспомнить. <...> Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, — прослышат отцы, и отцы приходиться начнут. <...> Разверни-ка он им эту книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко <...> и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаниями <...> И увидит сам, что милостив народ наш и благодарен, отблагодарит во сто крат; помня речение иерея и умиленные слова его, поможет ему на ниве его добровольно, поможет и в дому его, да и уважением воздаст ему большим прежнего — вот уже и увеличится содержание его» (14; 265 – 266). Сцена чтения Писания сельским батюшкой и ответная благодарность крестьян – только ли фантазия писателя?.. Убеждённость Достоевского в реакции народа на простые, но мудрые поступки священника могла, на наш взгляд, опираться на личные наблюдения автора этой будто бы гипотетической сцены.

Пожалуй, уже общим местом стало утверждение, что в Даровом Достоевский «постигал крестьянскую Россию». Оно наполняется «живой жизнью», только когда читаешь церковную летопись, письма родителей, романы и публицистику Достоевского как гипертекст с многочисленными взаимными ссылками. Тесное, в буквальном смысле слова, общение с крестьянами (от усадьбы до деревни – пара шагов через дорогу). Легендарные игры – «в диких», «Робинзона», в «лошадок» – с крестьянскими мальчиками и девочками, а потом встреча с ними в «последнее лето детства» 1877 года. И вот читаем церковную ведомость 1832 года: кто они, друзья детских игр? Это дети дворового человека Григория Васильева и жены его Феодосьи Яковлевой – Александра 11 лет и Павел 9-ти, крестьянские дети: Пётр 14 лет, Ирина 9-ти и Яков 6-ти (вдовы Феодоры Даниловой), Василий 11 лет и Варвара 9 лет (дети Феодула Петрова и жены его Авдотьи Петровой), девка Аграфена Матвеева 10 лет, живущая в доме Леонтия Малахиева, девка Феврония Иванова 8 лет из дома Симеона Фомина, дети старосты Савина Макарова Елизавета (8) и Прасковья (6), Борис Иванов 12 лет и Иван Сидоров 10 лет (сын солдатки Марьи Петровой), дочери Марка Ефремова (мужика Маррея) Настасья 12 лет и Аксинья 9-ти, дети Ивана Тимофеева и жены его Анны Макаровой Степан 10 лет и Елизавета 7-ми, сын вдовца Мокея Тимофеева Яков 7 лет, дети Симеона Иванова (предположительно кучера Семёна Широкова) и жены его Прасковьи Ивановой Прасковья 10 лет и Наталья 7-ми⁹.

Приведём здесь один эпизод из февральского «Дневника писателя» 1876 года: «В детстве моём, в деревне, я знал одного дворового мальчишку, кото-

⁹ НИОР РГБ. Ф. 365. К.3. Ед.хр.п. Ведомость Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа о прихожанах (с отметками об исповедовании и причастии). Л. 7 об. – 8 об.

рый ужасно любил мучить животных и особенно любил сам резать кур, когда их надо было готовить господам к обеду. Помню, он лазил в риге по соломенной крыше и очень любил отыскивать в ней воробьиные гнезда: отыщет гнездо и тотчас начнет отрывать воробьям головы. Представьте же себе, этот мучитель ужасно боялся курицы, когда та, расшвырив крылья, становилась перед ним, защищая цыплят своих; он всегда тогда прятался за меня». «Дворовый мальчишка» по церковной ведомости 1832 года – сын приказчика Григория Васильева 9-тилетний Павел. «Воспитали его Марфа Игнатьевна и Григорий Васильевич, но мальчик рос “безо всякой благодарности”, как выражался о нём Григорий, мальчиком диким и смотря на свет из угла. В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией. Он надевал для этого простыню, что составляло вроде как бы ризы, и пел и махал чем-нибудь над мёртвою кошкой, как будто кадил. Всё это потихоньку, в величайшей тайне» (14; 114). Это характеристика Павла Смердякова. А возможный его прототип жил рядом с Федей Достоевским в Даровом. Причём не один прототип. У Павла Петровича и Феодосьи Сергеевны Хотяинцевых¹⁰, по церковным ведомостям, были сыновья – Сергей и Николай. А. М. Достоевский вспоминает, что младший, Николай, любил играть в священника, для чего у него были и облачение, и кадило, и добавим от себя, смердяковская важность...¹¹

«Впечатления детства», нашедшие своё воплощение в творчестве Достоевского, на наш взгляд, значительно глубже, чем прямые отсылки в именах персонажей, топонимах, сюжетных поворотах. Эмоциональный диапазон этих впечатлений широк: от безусловной радости игр до трагедии семейных отношений. И вот в «Дневнике писателя» 1873 года появляется признание: «Видали ли вы, как мужик сечёт жену? Я видал <...> Маленькая девочка, дочь их <...> на печке дрожит, прячется: она слышала, как кричала мать» (21; 21). Пронзительные детали этой сцены не оставляют сомнения в том, что юный Федя Достоевский мог быть её свидетелем в Даровом. «Дневник писателя» и архивные документы в таком случае взаимодействуют, благодаря чему лаконичные записи церковной ведомости о прихожанах обретают плоть и кровь, и характер. И рождают новые вопросы.

Здесь хотелось бы сказать об одном даровском эпизоде, который, кажется, давно не вызывает никаких сомнений. Это история дворовой девицы Екатерины Александровны. Всё очевидно: есть «Воспоминания» А. М. Достоевского, есть подготовительные материалы к «Братьям Карамазовым», В. С. Нечаева в своей книге, опираясь на церковные ведомости, подтверждает семейную драму Достоевских. Однако вот простая арифметика. Ведомость 1837 года свидетельствует о том, что девица Екатерина Александровна – дворовая г-на Достоевского и живёт в Черемошне, сам же помещик Михаил Андреевич Достоевский как постоянно проживающий в имении появится в числе прихожан со своими домочадцами только в ведомости 1838 года. Подписана ведомость 1837 года благочинным священником Тимофеем Пашковым 29 августа. По воспомина-

¹⁰ А. М. Достоевский ошибочно называет её Феодосьей Яковлевной. Так звали жену дворового человека, «приказчика» Григория Васильева.

¹¹ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 65.

ниям А. М. Достоевского, отец, вышедший в отставку и решивший переехать из Москвы в деревню, смог собраться в Даровое только в августе¹². В письме же самого Михаила Андреевича к сыновьям в Петербург от 17 октября 1837 года говорится: «Я завтра еду в деревню», что можно истолковать как день переезда в Даровое. В ведомости 1838 года, заверенной благочинным 2 сентября, дворовая девица Екатерина Александрова с незаконнорождённым младенцем Симеоном (родившимся в апреле 1838 года¹³) живут уже в Даровом. Поражает стремительность сближения Михаила Андреевича с дворовой девушкой, ведь те же воспоминания сына Андрея повествуют о глубочайшем горе отца, тоскующего по безвременно ушедшей Марии Фёдоровне. Можно по-разному объяснить этот факт. Безутешный, Михаил Андреевич искал и нашёл утешение. И тут перед нами, вполне возможно, психологическая подоплёка истории Версилова и Софьи Андреевны, о которой незаконнорождённый их сын Аркадий Долгорукий отзовется так: «Началось у них прямо с беды. <...> она <...> полюбила, прямо до изнеможения, всего его <...> Я слышал, что с дворовыми девушками это иногда случалось во времена крепостного права, да ещё с самыми честными» (13; 12). И тогда сыновнее понимание отца слышится в словах Андрея Михайловича Достоевского: «При его летах и в его положении, кто особенно осудит его за это?»¹⁴ К тому же младший брат Фёдора Михайловича гостит у отца в деревне в июле 1838 г. и признаётся, что «ничего ненормального в жизни отца не заметил, несмотря на свою наблюдательность»¹⁵. Другой же вариативный сценарий развития событий – легендарный. Сближения не было – была сплетня, которая, как показывает и современная ситуация в Даровом, значительно более жизнеспособна, нежели достоверный факт. Особенно если она многократно усилена последующими трагическими событиями – внезапной кончиной М. А. Достоевского.

Известно, что некоторое время опекуном Дарового был Михаил Михайлович Достоевский. Сохранились его письма 1840 – 1850-х гг. с упоминанием Дарового или присланные из усадьбы (в частности, колоритное его письмо 1850 г. к жене, Эмили Фёдоровне¹⁶, короткая записка Д. В. Григоровичу в соседнее Дулебино¹⁷). В рукописном отделе РГБ хранится «Записная тетрадь» М. М. Достоевского, где помимо хозяйственных заметок обнаружен список черемошнинских мужиков-рекрутов и целый раздел под названием «Речи и обороты, подслушанные у народа». Приведём эту этнографическую запись полностью.

¹² Достоевский А. М. Воспоминания. С. 80. По архивным документам, отставку М. А. Достоевский получил 1 июля 1837 года.

¹³ «Апрель. Двадцать пятого числа сельца Дарового в доме г-на Михаила Андреева Достоевского крепостная девка Екатерина Александрова родила сына Симеона. <Крещён> 25. <Восприемники> Того ж сельца и г-на дворовый человек Григорий Васильев и крестьянская женка Матрена Максимова» // ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 890. Л. 486 об. Примечательно, что восприемник незаконнорождённого младенца Григорий Васильев – прототип слуги Фёдора Павловича Карамазова. Матрёна Максимова – мать Екатерины.

¹⁴ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 103.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Опубликовано на сайте Петрозаводского государственного университета: <http://philolog.petsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm>

¹⁷ Там же, <http://philolog.petsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm>

«<Чернилами с коричневым оттенком, более бледными>
Речи и обороты, подслушанные у народа

- Заходите когда.
- Становой в Хлопове, подымает утопшее тело
- <Чёрными чернилами>
- Она быстрыми шагами идет к своей гибели
- (недослушав) Сколько вам говорить, что дочь моя теперь никогда не ходит; у нее, слава Богу, четверня на конюшне; она едет, сударыня, едет.
- И он меня ударил в щеку – чего я терпеть не могу.
- Дутые векселя.
- Шуба топленая.
- А вот я надясь перевозил одного барина, должно быть важный член какой...
- <Снова более бледные чернила, как вначале>
- Я к етому человек ненатуральный.
- Соломенная корова, т.е. кормленная соломой.
- Здесь завсегда овсы хороши живали.
- Полегчить жеребца, т.е. схолостить.
- Он ей не по обычаю (т.е. не по сердцу). Он-то слишком-добре велик, а она махонькая.
- <Далее карандашом>
- Андрей Первозван завсегда живет ... осенью...
- А вдруг барин проявился... Какой купил их (крестьян) чтоли, али свой какой вдруг нашолся...
- Господское и скотское заведение
- У него недавно певчие-то? процвели, а то все не процветали¹⁸.

Специфическая фонетика, грамматика фраз, а самое главное, топоним Хлопово (деревня в окрестностях Дарового) не оставляют сомнений в происхождении этих записей. Михаил Михайлович не только с удовольствием слушает крестьянские песни в Даровом¹⁹, но и ведёт лингвистические наблюдения. Нет сомнений, что в высшей степени оригинальный язык произведений Ф. М. Достоевского питался и характерной простонародной речью Дарового, достаточно сказать, что в романе «Преступление и наказание» содержится целый пласт диалектной лексики, пришедшей из Зарайска и Дарового. Этой теме будет посвящено отдельное исследование.

Большой раздел фонда 93 составляют документы семьи Веры Михайловны Достоевской, в замужестве Ивановой. После смерти Веры Михайловны в 1897 году Даровым и Черемошнёй распоряжались её дочери, племянницы Ф. М. Достоевского Ольга, Юлия, Наталья и Мария. Фрагменты их писем в своё время опубликовал М. В. Волоцкой в «Хронике рода Достоевских».

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 93. Ф. 93. III. Достоевский. К. 8. Ед.хр.б. Достоевский Михаил Михайлович. [Записная тетрадь]. Материалы для художественных произведений, расчёты по табачной фабрике и др. заметы. 1849 – [1850-ые гг.]. Л. 9. Подчёркивания в тексте – М. М. Достоевского.

¹⁹ «Все работы весёлые – бабы (молодые все прехорошенькие) поют без умолку песни». / Достоевский М. М. Письмо Э. Ф. Достоевской. 7 июля 1850 г. // <http://philolog.petsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm>

В РГБ есть и другие интересные документы, проливающие свет не только на жизнь усадьбы в конце XIX – начале XX вв., но и проясняющие отдельные моменты в произведениях Достоевского. Хорошо известен даровской топоним в «Братьях Карамазовых» – Чермашня, куда Фёдор Павлович посылает Ивана. Однако местный контекст значительно шире: «...сверни в Чермашню. Чего тебе стоит родителя успокоить! <...> Видишь, там эта роща моя, в двух участках, в Бегичеве да в Дячкине, в пустошах» (14; 252). А вот письмо крестьян деревни Черемошни 1913 года: «Многоуважаемая Юлия Александровна и Ольга Александровна Просим Вас все вообще Чермошеския мужички насчет зимли и лугу как Вы намерины отдать зимли под еровой посев Будим братъ 20 десян А луг весь как то Бигичево и дячкино и покорьнице Вас просим от писать нам Ваше условие и стоимось как лугу так же ровно и зимли»²⁰. Микротопонимы «земли детства» писателя в единстве со «знаковой» Черемошнёй усиливают значимость этого воспоминания в контексте последнего романа Достоевского. Неслучайно в свой последний приезд в Даровое в 1877 году, по воспоминаниям А. Г. Достоевской, он посетил не только любимые места в усадьбе, но и сходил в Черемошню. Автобиографическое начало в романе «Братья Карамазовы» таким образом оказывается значительно более сильным, чем представлялось ранее. Новые архивные материалы в данном случае не только проясняют творческий процесс у Достоевского, но и позволяют проследить взаимосвязь идейного содержания произведения и реального биографического факта. Если в большинстве случаев имена людей и мест у Достоевского – плод творческой фантазии, то реальные антропонимы и топонимы в тексте художественного произведения – знак того, что они весьма значимы для автора, в частности, своими биографическими коннотациями. В «Братьях Карамазовых» подлинные имена сохранили слуга Фёдора Павловича Григорий Васильевич, Павел Смердяков (сына дворового Григория Васильева в Даровом, как мы узнали, звали Павлом), а из топонимов – деревня Чермашня (именно в такой, простонародной огласовке название употребляется до сих пор), пустоши Бегичево и Дячкино. В единстве своём эти имена собственные образуют важное смысловое гнездо в романе об отцеубийстве.

Работа с архивными источниками показывает, что многие факты ранней биографии Ф. М. Достоевского нуждаются в уточнении, а некоторые, ранее неизвестные подробности позволяют по-новому взглянуть на творчество писателя.

ОЧЕРК СЕЛЬСКИХ ПРАЗДНЕСТВ, ПРИМЕТ, ПОВЕРИЙ И ОБРЯДОВ В КАШИРСКОМ УЕЗДЕ*

В очерке 1849 г. рассказывается о традиционных народных календарных праздниках Каширского уезда Тульской губернии. Дано подробное описание и характеристика народных поверий и обрядов. Очерк представляет интерес с точки зрения этнографического контекста, в котором прошло детство Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Каширский уезд, этнография, детство Ф. М. Достоевского.

(Статья 1-я)

В настоящее время, между здешним простым народом не много остаётся таких обычаев, которые слишком резко бросались бы в глаза своей оригинальностью. Постоянное присутствие множества помещиков, близость Москвы и непрерывное общение с ней, для сбыта хлеба и фабричных промыслов – подвинули умственное развитие здешних крестьян далеко вперёд в сравнении с живущими в губерниях, отдалённых от столиц, и в особенности степных. Правда, что здешний народ не чужд ещё суеверия и следует и теперь некоторым старинным обыкновениям, основанным на том же суеверии, и иногда довольно нелепым; но он суеверен не столько уже по собственному убеждению, сколько по привычке, и если следует ещё, в подобных случаях, обрядам отцов и дедов, то следует едва ли не потому только, что считает неприличным отступить от них. Мы постараемся указать и на то, что ещё осталось здесь от старины, и на то, что уже вывелось.

В однообразной жизни крестьян годовые праздники занимают первое и главное место. Это дни их веселья и отдыха, их эпохи в истории каждого года, их хронологические таблицы. Поэтому мы и начнём с народных празднеств, которые в общности своей почти одинаковы во всей России, но разнятся в подробностях также почти повсеместно, оправдывая пословицу: «Что ни город, то норы; что ни деревня, то обычай».

Праздник *Рождества Христова*, который в целой Германии, да и во многих наших домах, так радостно встречают символом вечности – *ёлкой*, встречается здешними крестьянами без всякого особого торжества и без всяких обрядов. Даже обычай петь под Рождество *коляду*, который некогда был почти повсеместный, здесь давно вывелся. О нём знают здесь только по преданиям, и в памяти здешних старожилы остались от *песни коляды* и от всего этого обряда только следующие слова:

Сходитесь, мужики,
Берите вы топоры,
Колите вы доски,
Мостите вы мостик.
По этому мостику
Три Святителя пойдут:
Первый Святитель –
Рождество Христово,

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 93. Ф. 93. Достоевские. III. К. 13. Ед. хр. 43. Крестьяне д. Черемошни. Письма к Ивановым Ольге Александровне и Юлии Александровне. [1913]. Л. 5. Сохранены орфография и пунктуация источника.

* Печатается по изданию: Сумароков П. Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде // Москвитянин. 1849. №9. С. 1 – 14.

Второй Святитель –
Крещение Христово,
Третий Святитель –
Иоанн Креститель.

*Песнь овсеню**, которая певалась здесь под *Новый год*, тоже уж больше не поётся. Но вообще вся эта церемония сохранилась в памяти народной живее, чем *коляда*. Вот как это делалось.

Толпа весельчаков, надев на плеча сумки и кошель и взяв в руки посохи, отправлялась странствовать по деревне. Входила по очереди в каждую избу и начинала петь следующее:

Ой, овсень,
Бай, овсень,
Что ходил овсень по светлым вечерам,
Что искал овсень Иванов** двор.
У Ивана на дворе три терема стоят:
Первый терем – светел месяц,
Второй терем – красно солнце,
Третий терем – часты звёзды.
Что светел месяц – то Иван господин,
Что красно солнце – то хозяйшка его,
Что часты звёзды – то детки его.
Уж дай ему Бог,
Зароди ему Бог,
Чтобы рожь родилась,
Сама в гумно свалилась
Из колоса осьмина***,
Из полужерна пирог,
С топорище долины,
С рукавицу ширины.
Кишки и ножки в печи сидели,
В печи сидели, на нас глядели,
На нас глядели, в кошель хотели.
Скажите, прикажите,
У ворот не держите.
Винца стаканчик поднесите,
Кочергами не гребите,
Помелами не метите.

После песни хозяева оделяли спевших её всем, как говорится, что было у них в печи. Те наполняли данным кошели свои и шли дальше.

Один стих в *песни овсеню*:
«У ворот не держите»

* *Авсень* у В. И. Даля – первая встреча весны: первый день весны, 1 марта, коим прежде начинался год; ныне название это перенесено на Новый год и на Васильев-вечер, канун Нового года.

** Имя хозяина, в чьём доме поётся. *Примечание П. Сумаркова*.

*** *Осьмина* – (в)осьмая часть, доля, о зерновом хлебе. Из колоса осьмина, из зерна ковыга, о хвасты (В. И. Даль).

Тульская губерния.

Карты игральные географические. XIX в. ГИМ. Инв. № ПМд-705/42.
Электронный каталог музейных предметов <https://catalog.shm.ru/>

говорит ясно, что обряд этот сначала происходил не совсем так, как передали его нам здешние старожилы. По смыслу этого стиха видно, что толпа певцов, приходя ко двору, не прямо входила в избу, а останавливалась у ворот и там пела песни. Вероятно, чтоб не знобить пришедших и чтобы лучше слышать их пение, каждый хозяин тотчас приглашал певцов в избу, и от этого впоследствии вошло в обыкновение во все уж не останавливаться у ворот. Можно почти наверное заключить, что первыми певцами *овсени* и *коляды* были у нас нищие, которые и теперь ещё, испрашивая себе подавание, поют стихи. Праздничные дни всегда делают русского крестьянина более щедрым, как по чувству религиозному, так и по самому изобилию съестных припасов, приготовляемых к таким дням. Нищие не могли не воспользоваться этими выгодами. Самые слова песни *овсеню*, где сначала льстят хозяину, а потом просят, чтоб не проводили кочергами и помелами, ясно показывают, что это чистая просьба нищего, а не привет гостя. Слова *коляды*, отрывок которых привели мы выше, совершенно одинакового характера с теми стихами, которые поются нищими до сих пор, и хотя совершенно различны в этом отношении с словами *овсени*, но причина этой последней разницы тоже очень понятна и нисколько не противоречит одинаковому их происхождению. *Коляда* пелась накануне Рождественского церковного праздника, когда неприлично петь песню чисто светского содержания; овсень пели под Новый год, когда хоть и есть церковный праздник, но не

столько уважаемый, как Рождество, когда Филиппов пост давно уж прошёл и когда наконец святочный разгул и гостеприимство расположили к весёлости и домохозяев, и даже самую нищую братью.

Впоследствии весельчаки, вероятно, начали пародировать *нищих*, отправляясь по дворам, как мы сказали выше, с кошелями и посохами, – частью, может быть, из проказ, частью, может быть, из желания поесть и выпить на чужой счёт. Таким образом, обычай *нищих* перешёл в обычай *общенародный*. Но, потерявши раз настоящее своё значение и превратившись в пародию, *овсень* и *коляда*, уже по этой самой причине, не могли долго держаться в народе. Не подать нищему милостыню или по крайней мере не наделить его куском хлеба и теперь считается между нашими крестьянами грехом непростительным. Отделаться от шуточных приветствий и поздравлений шутками и прибаутками – тоже в характере нашего народа. Старожилы помнят ещё, как хозяева более суровые и скупые стали, мало-помалу, угощать *певцов оvsени* и *коляды* одними словами: «С Богом; ступайте дальше». Певцы разочли с своей стороны, что ходить по дворам и петь из одной потехи не стоить труда, и вот обычай сам собой прекратился. Очевидно, что после такого падения этих двух обрядов, их не могли опять восстановить и сами нищие: им неловко уж стало испрашивать подаяние такими *кантами*, на которые стали смотреть как на шутку и к которым народ охладел. Очевидно ещё и то, как по самым словам *песен оvsени* и *коляды*, так и по выбору вечеров, в которые пелись они, что оvsень и веселее пелся, и приносил более щедрое или по крайней мере более сытное вознаграждение певцам, чем *коляда*, и что от того-то он несколько её и пережил.

В продолжение *святков* здесь, как и везде, собираются по вечерам на игрища, где обыкновенно поют и пляшут. Молодой народ наряжается, за неимением хороших костюмов, в смешные и странные. Преимущественно эти костюмы состоят из овчинной шубы, надетой навыворот; из овчинной же или льняной бороды; из какого-нибудь крестьянского кафтана, истасканного в лохмотья, и наконец из переодевания мужчин в женское платье, а женщин в мужское. Прежде на этих *маскированных балах* оркестр обыкновенно состоял из балалайки, для плясовых, и из железки*, для протяжных песен; теперь гармоники решительно убили то и другое, – убили до того, что со времени их появления никто из деревенских музыкантов-самоучек не даст даже себе труда поучиться играть на этих забытых инструментах. А между тем оба они были чисто народные русские. Особенно жаль железки, акомпаньмент которой почти так же хорошо шёл к нашим хоровым и протяжным песням, как акомпаньмент рожка.

Днём, об святках, девки почти вовсе не поют песен, по крайней мере девки *хорошего тона*, а преимущественно играют в карты; и замечательно, что в это время – и только в одно это время – карты делаются какой-то необходимой потребностью для всей молодежи. К святкам и дворовые, и крестьянские девки и молодые парни стараются всеми силами достать карты, сколько для игры, столько и для гадания; но потом опять бросают эту забаву на целый год.

Обычай гадать во время святков о своей участи и в особенности о замужестве, посредством разных примет, ведётся здесь и теперь между девушками. Вечером они выходят за ворота слушать, в которой стороне залает собака, чтобы по этому предугадать, в которой стороне быть замужем. Спрашивают об имени первого проходя-

щего мужчину, заключая по тому, что так будут звать и мужа. Захватывают в охапку* беремья дров и потом сбрасывают их по одному, повторяя при сбросе каждого: «холостой» – «вдовый» – если на последнем полене придётся слово «холостой», это значит быть за холостым, и обратно.

Гадания более затейливые, как-то: наводить зеркало на месяц, садиться ночью перед зеркалом за накрытый стол – ведутся только между дворовой челядью. Но вообще все эти гадания выводятся и с каждым годом становятся всё реже и реже. Подблюдные и другие святочные песни и игры молодым крестьянским девкам во все почти неизвестны, так что без какой-нибудь старой певички у них не идёт ни одна игра и ни одна песня. Пустые занятия сменились деловыми; меркантильный дух нашего века проник и в деревни и гонит поэзию не только из литературы, но и из самого коренного её источника – из нравов народа...

Обычай купаться после святочных наряжений и игрищ в Иорданской проруби, в *праздник Крещения*, тоже совершенно вывелся. Но лет за 20 назад выискивались ещё смельчаки, которые не боялись пускаться на такой подвиг при 10-ти, а иногда и более, градусах мороза. И если этот шаг к просвещению может порадовать нас, то ещё больше можно порадоваться тому, что народ наш, освобождаясь постепенно от варварских обычаев, не слабеет между тем в истинной вере своей. Исстари принятое нашими крестьянами обыкновение начертывать, накануне Крещенья, знамение креста на воротах дворов своих и на дверях всех надворных строений, свято сохраняется и до сей поры. Кресты эти так и остаются на целый год, в продолжение которого ничья рука не смеет стереть этот простой символ веры.

Масляницу в разных местах России празднуют с различными увеселениями и обрядами. Так, например, мне случилось видеть в одном селении Новгородской губернии, что там, об маслянице, катаются ночью на лошадях, с огнями, и жгут костры соломы, наваленные у въездов в селение. На вопрос мой, что это значит, мне отвечали, что провожают масляницу. Вероятно, эти зажжённые костры служат символом очищения грехов перед постом. Здесь только в немногих больших селениях провожают масляницу с шутовским обрядом, похожим на старинный «*праздник дураков*» во Франции, описанный Виктором Гюго. Для этого, на больших санях, устраивают что-то вроде балдахина, на четырёх столбах и с плоской палубой. Сани запрягают в шесть лошадей; в них насаживается такое число седоков обоёго пола, какое только может поместиться. Главные герои праздника, в шутовских нарядах, сидят на палубе, и вся процессия, с шумом и песнями, разъезжает по селу, в сопровождении толпы народа. Но этот обряд, как уж сказали мы, здесь не повсеместный и, как кажется, не коренной здешний, а занесённый откуда-то с другой стороны. Поэтому-то он и исполняется не каждый год, а только временно и вследствие особенного разгула.

Главная и общая в здешней стороне масляничная забава – катанье с гор; разумеется, не с искусственных, а натуральных, какая где случится. Причиной этого может быть самая местность Каширского уезда, где нет почти ни одной деревни, в которой не было бы горы. На гору начинают собираться перед сумерками, и если погода хороша, то поют и катаются до глубокой ночи. Тут деревенские любезники, друг перед другом, заывают красавиц прокатиться с ними и хвастают своей ловкостью. Молодая чета, недавно обвенчавшаяся, непременно должна, на маслянице, скатиться вместе. На лошадях здесь катанья вовсе нет (вероятно, опять от изобилия гор), кро-

* Желейка (тул.) – дуд(к)а, сопелка, сиповка, свирёлка, чибызга (В. И. Даль).

* От глагола охалпать (обхалпать). Дай охаб(н)ку дровец (В. И. Даль).

ме выездов в гости и на торг – или в город, или в ближнее торговое село. Поездка на торг, куда крестьяне непременно берут и жён своих, составляет такую же необходимую принадлежность масляницы, как карты святков. Для деревенских женщин это и катанье, и гулянье вместе. На этих торгах они обыкновенно закупают припасы, с которыми, в последние дни масляницы, ездят прощаться к старшим родным, но преимущественно к кумовьям, крестившим у них детей. Тут привозят с собой, как будто на поклон, пряники, какую-нибудь огромную рыбу и, непременно, огромный белый хлеб или, как называют его, коровай, вроде кулича, с разными украшениями. Иногда кума привозит в гостинец крёстной матери детей своих полотенцо, а крёстному отцу платок. Обычай прощаться на маслянице, как будто бы расставаясь на весь Великий пост, и с тем вместе просить прощения в проступках своих и обидах, сделанных ближнему, вольно и невольно, кажется, повсеместен в русском народе.

День *Сорока Мучеников* (9-го марта) можно назвать если не народным праздником, то праздником для детей потому, что в этот день, как известно всем и каждому, пекут из теста жаворонков, с которыми они выбегают на улицу закликать жаворонков настоящих и хвастать друг перед другом своими выпеченными из теста *чувильками**. Не берёмся определять точного исторического значения этого обычая, но мы видим в нём привет, с каким жители Севера встречали первых весенних гостей. И теперь, в наших покойных жилищах, тёплых, снабжённых всем нужным продовольствием на целую зиму, мы всякий раз ждём весны с нетерпением. Мудрено ли, что родоначальники нашего народа, не имевшие возможности обеспечить себя слишком хорошо от голода и холода на зиму, ждали тёплой, благодатной поры года ещё нетерпеливее нас. Быть может, в простодушии своём, они думали тем самым кликом, который составляет теперь только ребяческую забаву, в самом деле приманить к себе скорее жаворонков, а с ними вместе и весну.

Празднества *Святой недели*, кажется, везде у нас одинаковы, даже и без изменения в подробностях. Везде качаются на качелях, поют, играют в хороводы (если уже снег сошёл), меняются крашеными яйцами, бьются ими и катают их. Замечательно здесь одно только обыкновение, которое ведётся ещё между деревенскими старухами. Во вторник на Фоминой неделе, в день общего поминовения по усопшим**, старухи приносят с собой на кладбище крашеные яйца и катают их по могилам родных и близких покойников, как будто христосуясь с ними сквозь землю, которой покрыты они.

Праздник *Жён Мироносиц*, бывающий в воскресенье на Фоминой неделе, считается здешними крестьянками исключительно праздником *женским*, вероятно, по созвучью слов. Впрочем, всё празднество их в этот день состоит в том только, что они выходят в поле или в рощу, стряпают там яичницу и полудничают.

Обновление Царяграда (11 мая) не составляет никакого церковного праздника, но крестьяне чтут этот день и в честь его не производят никаких полевых работ,

* *Чувильн(к)а*, волж. – птичка, пташка; печенье жаворонки, на 40 мучеников (В. И. Даль).

** Этот вторник [речь идёт о Радонице. – А. Б.] называется здешним простонародием *Новский*, отчего именно, я не мог дознаться. Не от того ли, что с Воскресением Христа обновился весь мир, а с ним вместе и все дни и обряды и, следовательно, и обряд поминовения по усопшим, который после Воскресения Христова принял совершенно новое значение в духовном смысле? *Примечание П. Сумарокова.*

полагая, что в противном случае поля их выбьет *градом*. Опять по созвучию слов, но здесь уже понимаемому совершенно в превратном смысле. Для отвращения града от полей своих во многих селениях поднимают в этот день иконы; служат молебен с водосвятием и потом, с иконами и святой водой, обходят поля*.

В праздник *Вознесения* крестьяне домохозяева, преимущественно старики, имеют непременно обыкновение осматривать ржаные поля и, судя по тому, в каком положении найдут их в это время, заключают о будущем урожае. Женщины красят в этот праздник яйца, как бы в честь отдания празднику Светлого Воскресенья, и пекут из теста лестницы. С этими лестницами они ходят тоже в рожь. Так каждая из них, на своей пашне, насыпав ржи с корня, скручивает по несколько былок в пучек, полагая, что от этого рожь будет гуще и кустистая. Для того же, чтобы она росла выше и как бы желая доставить ей возможность дотянуться до самого неба, бросают на пашни испечённые лестницы.

Семик, известный почти повсюду своим знаменитым гуляньем с *берёзкой*, здесь вовсе не празднуют. Гулянье же с берёзкой и завивание венков бывает в *Троицын день*. Сбор на это гулянье начинается тем, что после обеда на улице селения выходят несколько крестьянских женщин и девок, обыкновенно первых запевавший деревенского хора, которые начинают петь следующую песню:

Троица,
О эв леля,
Богородица,
О эв леля,
Благослови нас,
О эв леля,
Нам во луг идти,
О эв леля,
Нам цветов сорвать,
О эв леля,
Нам венки завить,
О эв леля.
Как увидел свёкор,
О эв леля,
С высока терема,
О эв леля:
«Ты, невестушка»
О эв леля,
«Ты завей мне венок».
О эв леля,
– Тебе, батюшка, осиновый,
О эв леля,

* Об этой традиции в Даровом 1850 – 1880-х гг. говорят приходно-расходные книги Свято-Духовского храма в селе Моногарове. Настоятель храма отец Павел Проферансов нередко записывал о пожертвованиях от даровских крестьян: «Апрель. <...> Получено за молебен на засева – 40 <копеек>. Июнь. За молебствие на полях Даровских <...> 2 <рубля> 20 <копеек>» // НИОР РГБ. Ф.365. К. 2. Ед.хр.10. Тетрадь для записей доходов Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа за 1857 – 1867 гг. Лл. 14 – 14 об.

– А милу дружку берёзовый,
О эв леля*.

По первым звукам этой песни все желающие участвовать в празднестве собираются толпами к певичкам. Какой-нибудь лихач, молодой парень, обыкновенно мастер плясать и свистать, является с берёзкой в руках, на которой развевается красный платок. Местом для завивания венков преимущественно избирают такую рощу, которая прилегает к ржаному полю, в том поверье, что и от этого, так же как от завивания ржи в Вознесенье, она будет лучше. Туда идут с песнями, по большей части плясовыми, которые начинают тотчас после первой, выше приведённой нами, песни, оканчиваемой тоже на походе. Молодец с берёзкой идёт в голове хоровода и в продолжение дороги пляшет перед ним. Песни, пляски и хороводные игры продолжаются ещё и на самом месте завивания венков. Потом запеваля, управляющие хороводом, разделяются попарно, подходят к берёзам, наклоняют сучья и, ещё не срывая с дерева, сгибают их в венки, сквозь которые целуются, припевая:

Покумимся, кума, покумимся,
Чтобы век нам, кума, не браниться,
Где сойтиться, кума, поклониться.

Тут вся толпа, с весёлым шумом, бросается к деревьям, начинает ломать сучья и свивать из них венки. При чём хор поёт:

Сильно пчела в полёт полётывала,
Разные цветы рвала,
Мне, младой, веноч вила;
На мою головушку,
На мою на буйную.

Завив венки и надев их на головы, все садятся в этом наряде за полдник, который приносят с собой и который обыкновенно состоит из яиц, драчены и пирогов. По окончании полдника, опять поют и пляшут. Потом идут к реке или пруду, бросить в воду завитые венки, и поют следующую песню:

Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
Тишком, лужком, бережком.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
В клённик, в дубняк, в ясенник.
Сломлю ль я, молода,
Сломлю ль я, хороша,
Клённичку, дубнячку, ясенничку.
Совью ль я, молода,
Совью ль я, хороша,
Себе зóлотой веноч.

* Песня эта замечательна резкой смесью чисто христианских слов с языческим припевом. Припев «о эв леля» кажется равнозначителен и вечному припеву всех наших песен «и ой лели»; вся разница только в произношении. Но к словам этой песни, особенно к началу её, слагатели, может быть, не осмелились приложить припева в простонародном его произношении, а приложили в произношении *книжном*, т.е. более правильном и высоком, или, быть может, песня эта сложена тогда ещё, когда припев не был искажён народом.
Примечание П. Сумарокова.

Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
На Дунай, быстру реку.

Кину ль я, брошу ль я
Свой зóлотой веноч.
Тонет ли, тонет ли
Мой зóлотой веноч?
Тужит ли, тужит ли
По мне свёкор, батюшка?
Не тонет, не тонет
Мой зóлотой веноч,
Не тужит, не тужит
По мне свёкор, батюшка.

После этого куплета опять вся песня повторяется с начала до слов «тужит ли, тужит ли по мне свёкор, батюшка?» которые, при повторении песни, заменяются следующими:

Тужит ли, тужит ли
По мне миленький дружок?
Тонет, тонет
Мой зóлотой веноч,
Тужит, тужит
По мне миленький дружок.

За тем венки бросают в воду и, глядя на них, гадают о своей участи. Чей веноч долго плывёт и легко держится на воде, тому предвещается благополучие; чей закружится или потонет, тому несчастье или смерть. Участвующие в празднике завивают венки и за отсутствующих родных и друзей и гадают о них по тем же приметам.

В *Иванов день*, или как называюсь его в простонародии, в день *Ивана Купалы* (24 июня), здешние крестьянки непременно ходят в луга, собирать полевые цветы и травы, нужные им для красильного или лекарственного употребления. Они верят, что именно в Ивановскую ночь все эти травы получают особенную силу и даже свойства сверхъестественные. Впрочем, основание этого поверья довольно дельное, потому что если полевые цветы и травы начинают цвести или достигают полного периода своего расцветания не в самую ночь под Иванов день, так по крайней мере непременно около Иванова дня; а известно, что всякое растение, как красильное, так и лекарственное, сорванное в полном цвету, имеет более силы. Известное предание о чудном цветке папоротника, расцветающем в полночь под Иванов день, о кладах, которые можно добыть посредством этого цветка, и наконец о всех чудесах Ивановской ночи, передаётся ещё и здесь от поколения к поколению, как события, совершавшиеся в старину. Вообще, если наш народ слабо начинает верить в чудеса настоящие, так всё ещё верит в чудеса прошедших времён, основываясь на словах отцов и дедов, которые читает он.

Говоря о кладах, нельзя пропустить другого, тоже почти повсеместного предания о знаменитом разбойнике Кудеяре*, которое сохранилось и в здешней стороне, и притом сохранилось довольно живо. Оно определяет даже урочища, где был стан разбойника и где он зарывал свои сокровища. Одно из этих урочищ и теперь называется *Денежным*

* О том, почему предания о Кудеяре сохранились в таком множестве мест и в каком значении надобно принимать название «Кудеяр», было писано и печатано. И потому разбирать это здесь мы считаем лишним. *Примечание П. Сумарокова.*

Карты географические «Детский поучительный гранд пасьянс». 1820-е гг.

ГИМ. Инв. №ПМд-756/56 («Рубашка», «лицо»).

Электронный каталог музейных предметов <https://catalog.shm.ru/>

отвершком, потому будто бы, что там зарыт Кудеяром клад. Есть народная молва, что лет за 60, одному старику, крестьянину, привиделся сон по поводу этого клада; что он подговорил товарищей отрыть его; что они, работая там несколько ночей, дорылись наконец до каких-то досок, но что к ним вдруг прискакало страшное лицо, в виде мёртвой, ободранной лошади, разогнало их и заставило отказаться от работы. Та же молва говорит, что все урочища, где жил Кудеяр, были покрыты дремучим лесом. Теперь ни в самом *Денежном отвершке*, ни вокруг его нет ни прутика. Но невдалеке, на другой вершине, стоит ещё берёзовая роща, и кое-где видны полусгнившие пни вековых дубов...

Ильин день здешние крестьяне чтут в особенности, как праздник грозный. Многие из них довольно хорошо понимают теперь, что гром происходит не от колесницы Ильи Пророка, но со всем тем, при каждом ударе грома, ограждая себя крестом, всё ещё призывают имя «Ильи великого».

По погоде некоторых годовых праздников и по погоде ещё некоторых других дней, в особенности таких, которые разделяют периоды годовых времён, крестьяне делают свои замечанья о будущем урожае, о времени посева и вообще о том, каковы будут наступающие зима, весна или лето. Вот некоторые из крестьянских примет, более известных здесь и более общих.

Если в праздник *Покрова Богородицы* погода тепла, то и вся зима будет тёплой. И обратно.

Если в *Дмитриев день* (26 октября) бывает снег, то и Святая будет на снегу*.

Если в *Николин день* (зимний), и вообще около Николина дня, бывают обильные инеи, это знак, что овсы будут хороши.

По ранним инеям угадывают хороший урожай ранних посевов овса, по поздним – поздних.

Чтоб определить также, который посев овса будет лучше, ранний или поздний, берут ещё от первой курицы, которая начнёт нестись, три яйца и весят их. Если будет тяжелее первое яйцо, это знак, что ранний посев будет лучше; если второе – то средний, если третье – то поздний.

Если в начале зимы на речках бывают большие налои**, то по этому заключают о хорошем урожае ячменя.

Если в *Крещенье*, во время освящения воды на Иордане, небо бывает облачно, это предзнаменует хороший урожай. Если же чисто, то и в полях будет чисто.

Если в *день Евдокии* (1 марта) ясная погода, то все весенние праздники будут такие же.

Ветреный день в *Благовещение* предвещает ветреную и суровую весну. Благоприятная же погода в этот день предвещает и весну благоприятную.

Если к концу зимы наносы снега около дорог высоки и самые дороги образуются возвышенной выпуклостью, это признак хорошего урожая горохов.

Некоторые крестьяне, с вечера под Новый год, выметают свои избы и утром смотрят, какое хлебное зерно найдётся после того на полу. Это служит признаком, что тот хлеб и родится хорошо, зерно какого найдётся. Другие, накануне дня *Аксиньи полухлебницы* (24 января), вносят в избу печёный хлеб; весят его и кладут на стол, накрывая скатертью. Если утром вес в хлебе прибавится – это знак, что цены на хлеб спадут и его будет много; если же вес уменьшится, то цены возвысятся, и хлебные запасы надобно беречь.

Подготовка текста и комментарии А. С. Бессоновой

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

** *Налой*, по В. И. Далю, здесь – вода поверх льда, наслуд(з), наледица. Лексикограф относит слово к орловским говорам. Очерк Сумарокова свидетельствует о более широком распространении понятия.

А. С. Бессонова

ЗАБЫТЫЙ ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ КАШИРСКОГО УЕЗДА (ПОСЛЕСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА)¹

Сельцо Даровое, где прошли детские годы Фёдора Михайловича Достоевского, как известно, в XIX веке входило в состав Каширского уезда Тульской губернии. Поэтому публикуемая статья П. П. Сумарокова – бесценный материал о жизни деревни, какой её увидел Достоевский.

Пётр Пакратьевич Сумароков (1800 – после 1871), сын внучатого племянника² А. П. Сумарокова, писатель, автор «Повестей и рассказов Петра Сумарокова» (1833 – 1837), а также весьма любопытных и живо написанных «Записок отжившего человека»³. Для нас он интересен тем, что был соседом Достоевских по Каширскому уезду. Детство П. П. Сумарокова прошло в родовом поместье – селе Кунееве, что в 50 км западнее Дарового. В 1821 году Пётр Пакратьевич был введён во владение отцовским имением. А в 1828 году в звании поручика (служил с Сибирском уланском полку) вышел в отставку. По-видимому, и дальнейшая жизнь Сумарокова прошла в Каширском уезде. Он изучает быт и нравы местных крестьян, занимается описанием природы и экономических особенностей края.

Републикуемая нами статья П. П. Сумарокова была напечатана в журнале «Москвитянин» за 1849 год⁴. Заявленная как первая часть большого очерка, она, по-видимому, не получила своего продолжения в «Москвитянине» и много позже в переработанном виде вошла в состав более обстоятельной публикации автора в «Сельском хозяйстве», журнале Императорского Московского общества сельского хозяйства⁵.

П. П. Сумароков не просто наблюдает и фиксирует факты народной жизни – он их анализирует, даёт им свою оценку. Его исследование несёт печать живого интереса и большой симпатии к крестьянам и их традициям. Он ис-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Пакратий Платонович Сумароков (1865 – 1814) – поэт, переводчик, просветитель, редактор первого в Сибири журнала «Иртыш».

³ А. С – в [П. П. Сумароков]. Записки отжившего человека // Вестник Европы. 1871. № 8. С. 691 – 728. Основанные на личном опыте автора, они, в частности, живописуют нравы помещиков XVIII века, подробности становления дворянских землевладений, объясняя причины возникновения чрепослосных владений.

⁴ Сумароков П. Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде // Москвитянин. 1849. № 9. С. 1 – 14.

⁵ Сумароков П. Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда // Сельское хозяйство. 1860. Т. 3. № 7 – 8. С. 1 – 23, 63 – 77. Содержание: Местность. Почва. Истребление лесов и его последствия. Топливо и сенокосы. Пренебрежение к торфу и камню. Состояние хлебопашества и скотоводства. Крестьяне: их хозяйственный быт, приметы, поверья, песни, игрища, промыслы, нравы и обычаи.

кренне сокрушается об утрате самобытных народных обрядов, пытается разобраться в причинах этого процесса, сетует на суеверие народное, но делает это снисходительно, вникая в народную психологию. Текст Сумарокова, помимо обрядовых песен, примечателен ещё и тем, что воспроизводит характерное местное словоупотребление: сходитесь, на плеча, певалась, желейки, чувильки, охабка, масляница, коровой, полотенцо, драчена, Новский вторник, налои, (несколько) былок, в пучек. Сумароков-поэт обращает внимание на диалектные особенности в народных песнях (в частности, рефрен о эв леля), размышляет об их происхождении. В целом же очерк в определённой мере позволяет представить тот этнографический контекст, в котором проходило детство будущего писателя Достоевского.

Знание крестьянского быта изнутри обусловлено не только жизнью автора в родовом имении: «Ещё в 1833 – 39 Сумароков был депутатом Тульского губернского дворянского собрания; в 1860-е гг. вернулся к активной общественной деятельности: участник земского движения, почётный мировой судья Каширского уезда, гласный Тульского губернского и Каширского уездного земских собраний, член Каширской уездной земской управы (Памятная книга Тульской губ. на 1864 г., Тула, 1863, с. 31, 61, 64, 65)»⁶.

Изучение Каширского уезда на протяжении нескольких десятилетий, общественная деятельность дали богатый материал для хозяйственно-экономических наблюдений и заключений П. П. Сумарокова. «Безлесят Россию», – переживал Ф. М. Достоевский в 1870-х гг., не подозревая, что десятью годами ранее в местах его «первого детства» о том же сокрушался менее известный брат по перу. «Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда» Сумарокова 1860 г.⁷ – не только весьма ценный комментарий к жизни предреформенной деревни Достоевского: здесь автор ставит и пытается решить весьма острые вопросы о земле, крестьянском хозяйстве, народной нравственности – тех проблемах, которые будет освещать Достоевский на страницах газеты-журнала «Гражданин» и в «Дневнике писателя». Очерк П. П. Сумарокова 1860 г. мы планируем опубликовать в следующем выпуске «Летних чтений».

⁶ Кравчук И. А., Дроздов Н. А. Сумароков Пётр Пакратьевич // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 2019. Т. 6.

⁷ Среди других выступлений на данную тему П. П. Сумарокова следует назвать его статьи «Несколько мыслей об улучшении быта крестьян» (Русский вестник. 1858. № 3), «Взгляд на некоторые журнальные статьи по крестьянскому вопросу» (Журнал земледельцев. 1858. № 2), «Деревенские письма» (Отечественные записки. 1858. № 4 – 1864. № 4; Библиотека для чтения. 1865. № 1).

Т. Н. Дементьева

СЕЛЬЦО ДАРОВОЕ И ДЕРЕВНЯ ДАРОВАЯ (К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ ДОСТОЕВСКИХ)¹

В предлагаемой статье рассматривается вопрос о том, что было куплено Достоевскими в 1831 г. – сельцо Даровое или деревня Даровая. На основе проведённого анализа документов автор исследования приходит к выводу о том, что М. А. Достоевским была куплена именно деревня Даровая, и выдвигает гипотезу, согласно которой часть сельца Дарового также перешла во владение к Достоевским.

Ключевые слова: Даровое, сельцо, деревня, архивные источники.

Усадьба Даровое, где в детские годы проводил летние месяцы Ф. М. Достоевский, расположена на окраине деревни Даровое. Но в печатных изданиях мы чаще всего встречаемся с названием «сельцо Даровое». В связи с этим возникает закономерный вопрос, почему в наименовании такого маленького населённого пункта, как Даровое, появилось подобное разночтение? С точки зрения истории Дарового и биографии писателя эта тема представляет несомненный интерес.

Прежде чем перейти к рассмотрению источников, необходимо обратиться к словарям и определиться с понятиями *село*, *сельцо* и *деревня*.

Если село – «это обстроенное и заселённое крестьянами место, в коем есть церковь»², или, судя по позднейшим книгам сошного письма, «центральное поселение»³, то сельцо – «крестьянское селение без церкви, особенно такое, при котором имеется барская усадьба»⁴.

Деревней, согласно «Словарю русского языка XVIII века», было принято называть «сельский населённый пункт, в отличие от села не имеющий церкви»⁵.

Подобное толкование мы находим в словаре В. И. Даля: «деревня – крестьянское селение, в котором нет церкви»⁶, и в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «В XVI веке деревней назывался участок с одним двором, а также незначительная группа дворов, с известным количеством пашни, сенокоса и леса. В результате получилось современное значение слова деревня: небольшое крестьянское поселение без церкви»⁷.

Таким образом, мы видим, что сельцо и деревня – это равнозначные населённые пункты, но в сельце, как правило, находилась помещичья усадьба.

Исследователи творчества Ф. М. Достоевского не ставили перед собой цель изучить, как именно называлось имение Достоевских – сельцо Даровое или

деревня Даровая, в связи с чем в историографии можно встретить разные названия этого населённого пункта.

В 1924 г. в газете «Известия» вышла статья А. Дроздова «Усадьба Достоевского: “Даровое”», в которой автор пишет о Даровом как о деревне: «*Деревенька крохотная...*»⁸ (здесь и далее курсив наш. – Т. Д.). В работах Л. П. Гроссмана, И. П. Перлова, Д. М. Стонова Даровое обозначено как сельцо⁹.

В контексте представленной работы нельзя не упомянуть работу В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских», в которой также встречаются разночтения. Как правило, рассказывая о семье Достоевских, автор говорит о Даровом как о деревне: «Юноше, живущему в столице, вдали от мизерной, бедной деревушки отца...»¹⁰, или «выехали в деревню муж и жена...», «приезд в погорелую деревню был невесёлый...», «деревня после пожара уменьшилась на один двор»¹¹. В тех случаях, когда В. С. Нечаева ссылается на церковные книги села Моногарова, она пишет: «*сельцо* Даровое, находившееся в версте от Моногарова, числилось за Василием и Иваном Васильевичами...»¹² и далее: «он обладал ещё пятью дворами в соседнем *сельце* Даровом...»¹³.

Подобные разночтения встречаются и у современных исследователей. Так, А. С. Подъяпольский в статье «Из истории Дарового» пишет, ссылаясь на О. Ф. Миллера и Ф. М. Достоевского: «*Деревня*, принадлежавшая когда-то его родителям и давно перешедшая во владение одной их родственнице...»¹⁴, а ссылаясь на «Экономические примечания», отмечает: «в *сельце* Даровом находился деревянный “дом господский” со службами, который должен был перейти при покупке к новым владельцам Достоевским»¹⁵.

Таким образом, на сегодняшний день у исследователей биографии Ф. М. Достоевского нет единого мнения о том, как действительно следовало называть Даровое – сельцом или деревней.

История семьи Достоевских, а вместе с ней и история Дарового отражены во многих источниках: нарративных, официальных документах и в церковных книгах.

В первую очередь обратимся к нарративным, в частности, эпистолярным источникам. Несмотря на то, что эти документы носят субъективный характер, они всё же дают представление о том, как члены семей Достоевских-Ивановых воспринимали своё имение.

Сохранилось письмо Ф. М. Достоевского к матери, М. Ф. Достоевской, от 9 мая 1835 г., в котором упоминается Даровое: «какая скука быть в *деревне* во время худой погоды» (28, 32). В письме от 23 июля 1837 г., написанном братьями

⁸ Дроздов А. Усадьба Достоевского: «Даровое» // Известия ЦИК. М., 1924 от 4 ноября.

⁹ Гроссман Л. П. Новое о Достоевском // Красная нива. М., 1925; Перлов И. П. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // По Тульскому краю. Тула, 1925; Стонов Д. М. Сельцо Даровое // Красная нива. №16. М., 1926.

¹⁰ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. С. 18.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Нечаева В. С. Указ. изд. С. 34.

¹³ Там же.

¹⁴ Подъяпольский А. С. Из истории Дарового // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25 – 29 августа 2009 г. Коломна, 2009. С. 199

¹⁵ Там же.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. С. 172.

³ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 57. С. 368.

⁴ Даль В. И. Там же. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Указ. изд. С. 421.

⁵ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л., 1991.

⁶ Даль В. И. Указ. изд. С. 429.

⁷ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Указ. изд. Т. 19. С. 429.

Михаилом и Федором Достоевскими, встречаем следующие строки: «Теперь у вас идёт в *деревне* уборка хлеба...» (28; 38), или «Что-то поделявают в *деревне* наши братцы и сестрицы?» (там же).

Понятие деревня Ф. М. Достоевский употреблял и в более поздних письмах. Например, беспокоясь о будущем овдовевшей сестры В. М. Ивановой и её детей, писатель 1 февраля 1868 г. интересуется: «Вот ещё что: я не знаю, как у вас *деревня*, то есть заложена ли, в долгах ли, цела ли?» (28₂; 254) или в письме к С. А. Ивановой от 9 октября 1870 г.: «Приехали ли все Ваши из *деревни*?» (29; 144).

В своих художественных произведениях Ф. М. Достоевский также использует слово деревня. В автобиографическом рассказе «Мужик Марей» он пишет: «Мне припомнился август месяц в нашей *деревне*: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветренный» (22; 47). В «Дневнике писателя» за 1877 г. находим следующие строчки: «...хочу сделать, пользуясь случаем, маленький крюк по дороге, из Москвы полтораста вёрст в сторону, чтобы посетить места первого моего детства и отрочества, – *деревню*, принадлежавшую когда-то моим родителям...» (25; 172).

Большой интерес представляют «Воспоминания» А. М. Достоевского. Как правило, автор называет Даровое деревней: «Осмотр отцом *деревни* был поводом к тому, что родители наши приобрели покупкою это именье в то же лето и сделались помещиками»¹⁶, «маменька будет ездить в *деревню* и там лично хозяйничать», «за маменькой приедут свои *деревенские* лошади»¹⁷, «местность в нашей *деревне* была очень приятная и живописная»¹⁸ и т.д. В некоторых случаях автор употребляет понятие «сельцо», например: «Это *сельцо* Даровое составляло одну малую частичку целого гнезда селений...»¹⁹.

В мемуарах А. М. Достоевского наиболее интересны сочетания обоих терминов: «название *деревеньки*, которую приобрели наши родители, было *сельцо* Даровое»²⁰, или «по водворении нашем в *деревне*, маменька принуждена была начать судебный иск о выселении из нашего *сельца* двух-трёх крестьянских дворов...»²¹, и особенно следующая цитата: «обе *деревни*, т.е. *сельцо* Даровое и *деревня* Черемошня»²². Здесь автор употребляет слово сельцо как название деревни, что даёт возможность предположить, что Достоевские приобрели всё же деревню, которую могли называть сельцо Даровое.

Интересно отметить, что М. М. Достоевский в своём письме от 1850 г. называет Даровое и Черемошню сельцом: «наши два *сельца* чудо как хороши»²³. В этом же письме он указывает свой обратный адрес: «Рязанская губерния в город Зарайск, в *сельцо* Даровое»²⁴.

Что касается Ивановых, то и они говорили о Даровом как о деревне. Так, в письме от 1885 г. к В. М. Ивановой, её дочь пишет: «У Вас в *деревне* на скотном дворе курам гораздо теплее, чем у нас в сарае»²⁵.

В контексте данного исследования вызывает интерес фрагмент из письма О. А. Ивановой к М. В. Волоцкому от 6 октября 1926 г.: «Считаю долгом объяснить Вам, почему Мария Александровна именует Даровое “сельцом”. Это по старой привычке. Так именовались все деревни, в которых были помещены усадьбы в отличие от других деревень»²⁶.

Исследование официальных документов, находящихся в фондах Центрального Государственного архива Москвы (далее ЦГАМ) и Государственного архива Тульской области (далее ГАТО), показало, что Даровое в XIX в. называлось сельцом. Доказательством могут служить «Ревизские сказки» за 1816 – 1858 гг.²⁷ В книгах 7, 8, 9 и 10 ревизий Даровое значится как *сельцо*.

В 1832 г. в Даровом «по неосторожности случился пожар», о чём говорится в «Ведомости о происшествии, случившихся по Тульской губернии»²⁸ и в «Донесении исправника Тульскому губернатору о пожаре в с. Даровом»²⁹. В этих документах Даровое названо сельцом: «По учинении исследования об учинившемся сего апреля числа оногo *сельца* Дарового госпожи Достоевской...»³⁰.

В феврале 1833 г. было опубликовано объявление о запрещении на недвижимое имение М. Ф. Достоевской: «Коллежской Ассессорши Марьи Федоровой Достоевской, состоящее Тульской губернии, Каширского уезда в *сельце* и *деревне* Даровой...»³¹. В этом документе мы встречаемся с сочетанием понятий сельцо и деревня.

В документе, свидетельствующем о смерти отца писателя, также говорится о Даровом как о сельце: «скоропостижно умер М. А. Достоевский, распорядившийся имением своей покойной жены в *сельце* Даровом»³².

Во всех приведённых выше источниках Даровое фигурирует как сельцо. И только в одном случае, а именно в сенатских запрещениях, говорится и о сельце, и о деревне одновременно.

Ещё одним важным источником являются церковные книги. В данной работе были использованы «Церковные ведомости Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа о прихожанах» за 1830, 1831, 1832, 1833, 1834³³ и 1835 гг.³⁴, «Материалы Свято-Духовской церкви с. Моногарова, Каширского округа (сведения, свидетельства, разрешения, данные крестьянам разных сёл и деревень на вступление их в брак)» за 1844, 1846 – 1848 гг.³⁵, 1850

²⁵ Письмо Н. А. Проферансовой к В. М. Ивановой // НИОР РГБ. Ф. 93. К. 13. Ед.хр. 70.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 117. Оп. 1. Ед.хр. 65. Л. 4.

²⁷ ЦГАМ. Ф.1247, 1248.

²⁸ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т.13. Д.10678. Л.2 – 2 об.

²⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821 – 1881 г. СПб. 1993. Т. 1. С. 22.

³⁰ Руднев В. О пожаре в Даровом // Молодой коммунар. 14 ноября. 1971.

³¹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821 – 1881 г. СПб., 1993. Т. 1. С. 25.

³² ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т.2. Д.15246. Л. 35 – 35 об.

³³ НИОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед.хр. 9 – 13.

³⁴ Нечаева В. С. Указ. изд. С. 128.

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 365. К. 4. Ед.хр. 5.

¹⁶ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же С. 58.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Письмо М. М. Достоевского к Э. Ф. Достоевской // НИОР РГБ. Ф. 93. К.8. Ед.хр. 12.

²⁴ Там же.

и 1852 гг.³⁶, 1853 – 1854 гг.³⁷, 1855 – 1856 гг.³⁸, 1857 – 1859 гг.³⁹ и «Метрические книги» за 1858 – 1921 гг.⁴⁰ и за 1915 – 1916 гг.⁴¹.

Рассмотрим «Церковные ведомости». В 1830 г. Даровое названо селом, принадлежавшим майору П. П. Хотяинцеву, а также О. А. Глаголевской. В 1831 и 1832 гг. Даровое упоминается как селцо, но вместо О. А. Глаголевской указан уже другой владелец – коллежский ассессор М. А. Достоевский. Изменения появляются в 1833 г.: владения П. П. Хотяинцева названы деревней Даровой, а владения коллежского ассессора М. А. Достоевского – селцом. Примечательно, что в 1834 г. владения обоих вышеназванных хозяев называются деревней.

В более поздних документах, а именно в «Материалах Свято-Духовской церкви с. Моногарова, Каширского округа (сведения, свидетельства, разрешения, данные крестьянам разных сёл и деревень на вступление их в брак)»⁴², Даровое значит как селцо. Интересующие нас документы составлены либо самой В. М. Ивановой, сестрой писателя, либо старостой Дарового – Савином Макаровым. Аналогично Даровое называется селцом и в «Метрических книгах» второй половины XIX в.

Анализ всех вышеперечисленных источников позволяет сделать вывод о том, что в семьях Достоевских и Ивановых Даровое называли деревней. Возможно, поэтому А. М. Достоевский в «Воспоминаниях» сочетал понятия селцо и деревня.

В то же время почти все официальные источники свидетельствуют о том, что Даровое – это селцо. Исключениями являются «Сенатские записки» и «Церковные ведомости Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа о прихожанах» за 1833 и 1834 гг.

Для того, чтобы объяснить возникшее разночтение, необходимо обратиться к более ранним документам.

Выше уже упоминалась статья А. С. Подъяпольского «Из истории Дарового». В контексте нашей работы важными оказались данные, приведённые автором относительно более ранней истории Дарового: «Смутное время оказалось роковым для Дарового. Его владелец оказался в стане противников Шуйского, почему поместье его было дотла разорено ногайцами, а затем и конфисковано “в изменном деле” и роздано по частям (“жеребьям”) другим помещикам (отсюда ведёт начало формальное разделение Дарового на два кадастровых участка, воспроизведённое и при генеральном межевании, – деревню Даровую и селцо Даровое)»⁴³. К сожалению, автор не приводит ссылок на источники.

Изучение топографических планов и атласов второй половины XVIII в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (далее РГАДА), подтвердило сведения А. С. Подъяпольского, так как на них действительно нанесены два граничащих между собой поселения: селцо Даровое и деревня Даровая (илл. 1, 2).

Подтверждением этому факту являются и составленные к топографическим планам и атласам «Экономические примечания»⁴⁴ и «Алфавиты дач»⁴⁵. Все населённые пункты имеют на планах свою нумерацию, по которой их можно найти и в указанных документах (илл. 1, 2, 3). Если «Алфавиты дач» являются пофамильным перечнем всех владельцев, то в «Экономических примечаниях» указаны не только фамилии и имена владельцев имений, но и даётся их полное описание. Во всех перечисленных документах упоминаются и селцо Даровое, и деревня Даровая (илл. 3). Несмотря на то, что оба населённых пункта принадлежали одному хозяину – В. И. Хотяинцеву, обозначение и описания имели разные.

Таким образом, до начала XIX в. существовало два поселения: деревня Даровая и селцо Даровое. Но в таком случае перед нами стоит уже не вопрос о том, как правильно называть Даровое – селцо или деревня, а о том, какое из этих двух селений было куплено Достоевскими – селцо Даровое или деревня Даровая.

За неимением купчей ответ на этот вопрос мы попытались найти в картографических источниках. Так, нам известно, что в 1770 и 1778 гг. были сделаны межевые планы селца Дарового и деревни Даровой⁴⁶ (илл. 4, 5). В фондах РГАДА хранятся межевые планы деревни Даровой⁴⁷ (илл. 6), датированные 1850 г., а в фондах ГАТО находится «Межевая книга» 1850 г.⁴⁸ к этим планам. Сравнив планы деревни Даровой за 1770 и 1850-е годы, отметим, что с точки зрения границ поселения эти планы идентичны (илл. 5, 6).

В экспликации к планам 1850 гг. указано, что деревня Даровая принадлежала умершему М. А. Достоевскому и его детям: «деревни Даровой, общего владения умершего Коллежского Советника Михаила Андреевича Достоевского детей»⁴⁹. При описании смежных земель на плане написано:

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр.: 1811 (Л.56 об.), 1814 (Л.78 об.), 1816 (Л. 102 об.), 1822 (Л.22 об. – 23) и 1823 (Л.27 об. – 28).

⁴⁵ Дача – «термин действующего межевого законодательства, единица генерального межевания, пространство земли, обведённое при генеральном межевании круговыми межами и приуроченное не к именам владельцев, но к именам сёл, деревень и пустошей. Происхождение этого названия коренится в поместной системе, при которой государь раздавал земли за службу, причём в одной и той же местности зачастую отводились земли различным лицам, без указания границ их владений в натуре. Отсюда чрезвычайное обилие дач, принадлежащих нескольким владельцам, между собою неразмежёванным»// Брокгауз Ф. А., Ефрон И.А. Указ. изд. Т. 19. С. 162.

В работе использованы «Алфавиты дач» из архива: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед.хр.: 1811, 1817, 1818, 1819, 1820.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 291. Оп. 7/39. Д. 1367.

⁴⁷ РГАДА. Ф.1345. Оп.6. Ед. хр. 567 и 568. Ф. 1354. Оп. 541. Ед. хр. Д.45-С.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 291. Оп.7/39. Ед. хр. 1367 (Лл.1 –15).

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 541/2. Ед.хр. Д.45-С. На двух других планах граница с селцом Даровым обозначена литерами Е – F.

³⁶ НИОР РГБ. Ф. 365. К. 4. Ед.хр. 7.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 365. К. 4. Ед.хр. 8.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 365. К. 4. Ед.хр. 9.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 365. К. 4. Ед.хр. 10.

⁴⁰ Архивный сектор Зарайского муниципального района. Ф. 103. Оп.1. Д. 126; Д. 127, Д. 129.

⁴¹ ЦГАМ. Ф. 1813. Оп. 1. Ед.хр. 35, 40, 41, 46, 48, 59.

⁴² НИОР РГБ. Ф.365. К. 4. Ед.хр. 5, 7 –и.

⁴³ Подъяпольский А. С. Указ. изд. С. 197 – 198.

«...Г ...Н Земля *сельца* Дарового, владений Надворного советника Василия Иевлева Хотяинцева»⁵⁰. Эти данные полностью подтверждаются «Межевой книгой» 1850 г., где границы поселения и смежные земли описаны более подробно.

Значит, в 1850 г. Достоевским принадлежала деревня Даровая, а сельцо Даровое значит как владения давно умершего В. И. Хотяинцева. Но почему в таком случае в официальных источниках поместье Достоевских обозначено как сельцо?

Для решения этого вопроса нужно сопоставить сведения о деревне Даровой, приведённые в «Экономических примечаниях», с аналогичными данными, указанными в документах 1850 г. По статистическим данным и описанию сельца Дарового и деревни Даровой становится ясно, что эти населённые пункты были схожи. Главное отличие состояло в том, что в сельце Даровом имелся дом господский деревянный и плодовый сад. В то же время ни в одном из сохранившихся «Экономических примечаний» не говорится о том, что подобный сад был в деревне Даровой. Однако в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского даётся описание фруктового сада в купленном родителями имении: «С другой стороны помянутого поля, был расположен большой фруктовый сад десятинах на пяти. Вход в этот сад был тоже из Липовой рощи. Сад был кругом огорожен глубоким рвом, по насыпям которого густо были рассажены кусты крыжовника. Задняя часть этого сада примыкала тоже к берёзовому лесочку Брыково»⁵¹.

Очевидно, что в обоих источниках речь идёт об одном и том же саде, который до Достоевских располагался в сельце Даровом и который и сегодня расположен на территории усадьбы Даровое, но его размеры значительно меньше, чем указано у А. М. Достоевского. Для того, чтобы понять, каким образом сад попал к Достоевским, необходимо чётко представлять, где проходила граница между поселениями.

Как уже говорилось выше, оба населённых пункта граничили между собой. Что касается внешних границ, то к западу от сельца Дарового находилась Нечаевская пустошь, а к востоку от деревни Даровой проходило русло р. Уйны. Сегодня деревня Даровое имеет примерно такие же границы, а это значит, что в начале XIX в. граница между поселениями проходила где-то по центру современной деревни. По воспоминаниям А. М. Достоевского мы знаем, что фруктовый сад окружал глубокий ров⁵² и валы, которые сохранились и сегодня. Кроме того, сохранилась и линия межевых рвов и валов, окружающая всю территорию усадьбы⁵³. При визуальном обследовании усадьбы нами была обнаружена ещё одна линия валов, которая идёт вдоль частных домов деревни (№ 6, 4, 2). Можно предположить, что это и есть межевые валы, проходившие вдоль западной границы деревни Даровое. В «Воспоминаниях» А. М. Достоевский упоминает «проезжую усадебную улицу», близ которой

был вырыт пруд⁵⁴. По всей видимости, это и есть та единственная улица, которая существует в настоящее время, но которая в конце XVIII – начале XIX вв. являлась границей между сельцом и деревней⁵⁵.

В таком случае, не только сад, но и вся усадьба Достоевских находится на территории исторического сельца Дарового, а это значит, что в 1820-х гг. произошло перераспределение земель. Скорее всего, это было связано со сменой собственника (или одного из собственников) и передачей земель (или части земель) другому владельцу. Исходя из выше приведенного анализа документов, можно уверенно говорить о том, что продана была деревня Даровая новым владельцем, которой, по всей видимости, стала О. А. Глаголевская, у неё же имение в свою очередь купили Достоевские.

Есть предположение, что И. П. Хотяинцев, продавая деревню Даровую О. А. Глаголевской в 1829 – 1830 гг., мог присоединить к ней и помещичью усадьбу с садом, которая располагалась в сельце Даровом, оставив за собой часть земель. Усадьба эта ему была, возможно, не нужна, а вот деревню с усадьбой, т.е. с господским домом, садом и хозяйственными постройками, можно было продать и выгоднее, и быстрее. Сделать это было несложно, так как деревня и сельцо граничили между собой.

Это предположение требует доказательств, для чего необходимо сравнить данные из «Экономических примечаний» и экспликаций планов XVIII в. с документами 1850 г., что даст возможность проследить те изменения, которые могли произойти в деревне Даровой после смены владельцев.

На сегодняшний день точная датировка «Экономических примечаний» затруднена. На основании того, что данные во всех «Экономических примечаниях» идентичны и полностью совпадают с экспликациями планов 1770 и 1778 гг., можно предположить, что датируются они второй половиной XVIII в. Так как во всех документах, относящихся к этому периоду, сведения совпадают, то для дальнейшего сравнительного анализа приведём материалы из одного источника⁵⁶.

Под пунктом 614 значит сельцо Даровое, принадлежащее В. И. Хотяинцеву и его сыновьям. В сельце находилось: шесть дворов, душ мужских 26 и женских 27.

Деревня Даровая значит под номером 615, принадлежала она В. И. Хотяинцеву, его сыновьям, девице К<?> И<?> дочери Хотяинцовой и др. В деревне находилось шесть дворов, душ мужских 24 и женских 23.

В обоих населённых пунктах была «сероглинистая» земля, а хлеб «средственный», а вот покосы отличались: в сельце Даровом они были «худые», а в деревне Даровой – хорошие. Главное же отличие заключалось в том, что в сельце Даровом имелся «дом господний деревянный с плодовым садом», а в деревне Даровой не было ни того, ни другого, но, как видно из представленной ниже таблицы, здесь было значительно больше земельных угодий.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Достоевский А. М. Воспоминания. М., 1992. С. 59.

⁵² Достоевский А. М. Указ. изд. С. 59.

⁵³ См. ссылку 34.

⁵⁴ Достоевский А. М. Указ. изд. С. 60.

⁵⁵ Эта дорога выходит и на въездную аллею, к востоку от которой ещё можно проследить линию межевых валов, окружавших некогда деревню Даровую.

⁵⁶ Экономические примечания // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1811. Л. 56 об.

	Под усадьбой ⁵⁷		Пашни		Сенных покосов:		Лесу ⁵⁸		Неудобных мест		Всего	
	Десятины	Сажени	Десятины	Сажени	Десятины	Сажени	Десятины	Сажени	Десятины	Сажени	Десятины	Сажени
Сельцо Даровое	3	1900	97	1734	2	200	6	1250	3	600	113	884
Деревня Даровая	3	1800	150	2091	10	2000	37	2100	16	500	219	1291

Что касается документов 1850 г., то выше уже говорилось о существовании трёх планов деревни Даровой и «Межевой книги». Два из этих планов – «Геометрический специальный поверочный план»⁵⁹ и «Геометрический специальный план»⁶⁰ – идентичны, и экспликации этих планов совпадают с данными из «Межевой книги». В экспликации к этим планам оговорено, что основаны они на планах Генерального межевания 1770 г., а обновлены были 3 сентября 1850 г., так же датируется и «Межевая книга». Владельцами деревни Даровой во всех документах являются дети умершего коллежского асессора М. А. Достоевского.

Нужно отметить, что в «Экономических примечаниях» дана более развернутая информация, а в экспликации к планам 1850 г. и в «Межевой книге» только по основным критериям, т.е. по количеству земли под усадьбой, пашней и сенокосом, а так как эта информация присутствует во всех перечисленных документах, то это и станет основой для сравнения.

Итак, в 1850 г. в деревне Даровой, принадлежащей Достоевским, имелось следующее количество земли:

⁵⁷ В экспликации к планам 1770 и 1778 гг. и «Межевой книге» 1850 г. пишется не «под усадьбой», как в «Экономических примечаниях», а «под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками», т.е. более подробно.

⁵⁸ Также на планах обозначено количество лесу строевого и дровяного.

⁵⁹ РГАДА. Ф.1345. Оп.6. Ед. хр. 568.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 541. Ед. хр. Д.45-С.

	Десятины	Сажени
Под усадьбой и выгоном	7	390
Пашенной	167	1231
Сенного покосу	5	400

Как видно из таблицы, в 1850 г. земли под усадьбой Достоевских стало больше примерно в два раза, незначительно увеличились пахотные земли, а вот санные покосы сократились почти в два раза.

Всего же у Достоевских, как указано в «Межевой книге», «во всей окружной меже удобной и неудобной» было 191 десятина 1561 сажень, то есть общее количество земли значительно уменьшилось.

Как мы и предполагали, Хотяинцевы, продавая деревню Даровую, отдали новому владельцу⁶¹ часть земель сельца Дарового, а именно: часть пашни и усадьбу с «господским домом и плодоносящим садом», что объясняет то, как к Достоевским попал фруктовый сад и почему их помещичья усадьба располагалась на территории сельца Дарового.

Характерно и то, что при Достоевских в деревне Даровой стало меньше покосов, а ведь они были хорошие, это значит, что Хотяинцевы оставили за собой часть нужных им земель, но при этом отдали незначительную часть пашни. Конечно, подобное изменение количества пахотной земли и покосов могло произойти и вследствие хозяйственной деятельности Достоевских, но уменьшение общей земельной площади деревни Даровой с 219 десятин 1291 сажени до 191 десятины 1561 сажени может свидетельствовать лишь о том, что при продаже деревни Даровой прежние владельцы – Хотяинцевы – перераспределили земли и часть угодий как сельца Дарового, так и деревни Даровой оставили за собой.

К сожалению, за неимением купчей понять, как именно были разделены земли сельца Дарового и деревни Даровой, не представляется возможным, и этот вопрос требует специального изучения.

Интересно и то, что в 1829 – 30-х гг. в Даровом меняется и количество владельцев, что можно проследить по «Ревизским сказкам» сельца Дарового. Судя по этому документу, в 1816 г. в сельце Даровом находились дворы, которые принадлежали шести владельцам, а в 1834 г. владельцев остаётся двое: М. Ф. Достоевская и П. П. Хотяинцев. Именно в это время Мария Фёдоровна начинает вести дело о выселении крестьянских дворов Хотяинцева. По всей видимости, ей это удаётся, так как в 1850 г. в «Ревизских сказках» значится уже один владелец – опекун малолетних господ Достоевских М. М. Достоевский, а в 1858 г. владельцами Дарового, по «Ревизским сказкам» и «Метрической книге» за 1858 г., являются В. М. Иванова и её муж А. П. Иванов.

Проведённый анализ источников позволяет нам сделать следующие выводы.

⁶¹ О. А. Глаголевской, у которой в свою очередь купили имение Достоевские.

В конце 1820-х гг. произошло частичное объединение двух кадастровых участков – сельца Дарового и деревни Даровой, а также объединение самого населённого пункта Даровое, разделённого ещё в XVII веке⁶².

В 1831 г. Достоевскими была куплена именно деревня Даровая, а их помещичья усадьба располагалась на исторической территории сельца Дарового, что и вызвало разночтение сначала в исторических источниках, а потом и в научных и научно-популярных изданиях.

В процессе объединения усадебных земель деревни Даровой и сельца Дарового уменьшается и количество владельцев, а к 1850 г. Достоевские остаются единственными владельцами Дарового.

На сегодняшний день найдены ещё не все источники, позволяющие более детально изучить историю Дарового, а значит, выводы, сделанные в данной статье, не могут считаться окончательными.

Т. Н. Дементьева

ПРОШЕНИЕ САВИНА МАКАРОВА¹

В предложенной статье в научный оборот вводится новый архивный источник по истории усадьбы Даровое, который даёт представление об экономическом положении хозяйства Достоевских в 1840 г.

Ключевые слова: усадьба Даровое, помещичье хозяйство, экономическое положение, староста Савин Макаров, опекун Н. П. Елагин.

С точки зрения экономического состояния усадьба Достоевских Даровое практически не изучена. На сегодняшний день эта тема наиболее полно раскрыта лишь в книге В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских»². В своей работе автор на основе документальных источников проанализировала не только рентабельность поместья Достоевских на момент покупки, но и выявила картину экономического упадка Дарового в 1839 г. в контексте общероссийских условий, тесно увязав эти события со скоропостижной смертью М. А. Достоевского³, отца писателя.

Следует особо подчеркнуть и то, что работа В. С. Нечаевой стала основой для всех последующих представлений об имении, принадлежавшем семье Достоевских. Так, Л. П. Гроссман описывает Даровое, ссылаясь на современных ему исследователей⁴, которые «восстановили печальную картину»: «скудость почвы, отсутствие рек и лесов, однообразный ландшафт – овраги и кустарники, избёнки, покрытые соломой, которую снимали в неурожайные годы для прокормления животины, – страшная бедность, темнота и смертность населения, доведённого барщиной до полного разорения»⁵.

Позже Ю. И. Селезнёв, описывая Даровое, приходит к выводу: «слишком уж бедны оказались вотчины нового землевладельца, а пригляделись – поняли: на грани полного разорения»⁶.

Л. И. Сараскина, характеризуя имение Достоевских, отмечает: «приобретение оказалось отчаянно незавидным, а новый владелец отчаянно непрактичным. Худородные, изрезанные оврагами и суглинистые поля, “чересполосные” пустоши; хронический неурожай...»⁷ Более того автор считает, что именно покупка имения стала «причиной материального

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939.

³ Нечаева В. С. Указ. изд. С. 49 – 50.

⁴ Имеется в виду В. С. Нечаева, в книге которой говорится о малопродуктивной «серой суглинистой почве», отсутствии естественных водоёмов и лесов и то, что «пейзаж Дарового был скучен и однообразен» С. 36 – 37.

⁵ Нечаева В. С. Там же.

⁶ Селезнёв Ю. И. Достоевский. ЖЗЛ. М., 1981. С. 21 – 22.

⁷ Сараскина Л. И. Достоевский. ЖЗЛ. М., 2013. С. 73.

⁶² См. ссылку 22.

краха семьи, ускорила смерть матери, оказалась причиной гибели отца и сделала сиротами семерых детей...»⁸

Анализируя события, происходившие в Даровом в 1839 г., В. С. Нечаева не только ссылается на письма М. А. Достоевского, но и подтверждает их данными из «Нравственно-политического отчёта» за 1839 г., в котором говорится о засухе в центральных губерниях России: «в связи с многочисленными пожарами, вызванными повсеместной засухой, возникло широкое движение среди помещичьих, казённых и удельных крестьян 12 губерний»⁹.

В таком случае в 1839 г. и без того небогатое поместье Достоевских находилось на грани разорения. Именно об этом писал М. А. Достоевский в своём письме Ф. М. Достоевскому из Дарового в Петербург, в мае 1839 года подробно описывая состояние дел: «Теперь пишу тебе, что за нынешним летом последует решительное и конечное расстройство нашего состояния <...> Снег лежал до мая месяца, следовательно, кормить скот чем-нибудь надобно было. Крыши все обнажены для корму. Но это ничто в сравнении с настоящим бедствием. С начала весны и до сих пор ни одной капли дождя, ни одной росы. Жара, ветры ужасные всё погубили. Озимые поля черны, как будто и не были сеяны; много нив перепахано и засеяно овсом, но это повидимому не поможет, ибо от сильной засухи, хотя уже конец мая, но всходов ещё не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом!»¹⁰

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что М. А. Достоевский несколько не драматизировал ситуацию в своём поместье. Его жалобы были не столько свойственным его характеру проявлением скупости и мнительности, сколько являлись реальным отражением действительности. Одним из доказательств и первым официальным свидетельством этого можно считать найденный нами в Центральном государственном архиве Москвы документ «Дело о взятии в ссуду денег на обсеменение озимых полей» от 23 августа 1840 года¹¹.

Публикуемое дело состоит из трёх документов. Первый представляет собой прошение Савина Макарова, старосты Дарового, о выделении денег «на обсеменение полей» летом 1840 г., т.е. на следующий год после засушливого лета 1839 г. Второй документ является распоряжением опекуна над имением малолетних господ Достоевских Н. П. Елагина о том, чтобы Савин Макаров оформил ссуду и закупил семена. В третьем документе – расчёты, судя по которым 11 сентября 1840 г. Савин Макаров получил 1144 рубля 57 копеек, или в перерасчёте на серебро 327 рублей 2 копейки.

⁸ Там же. Подобную точку зрения мы находим у В. С. Нечаевой: «Приобретение имения привело семью к материальному разорению, вероятно, ускорило смерть матери, было прямой причиной гибели отца». // *Нечаева В. С.* Указ. изд. С. 32.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ *Нечаева В. С.* Указ. изд. С. 120 – 121.

¹¹ ЦГАМ Ф. 2146. Оп. 1. Ед.хр. 50.

Дело о взятии в ссуду денег на обсеменение озимых полей¹²

<Л. 1>

23 августа 1840 г.

Господину Правящему Должность Каширского Уездного Предводителя Дворянства
Старосты сельца даровой Малолетних Господ Достоевских Савина Макарова
объявление.

Желяя Воспользоваться ссудой по 14^р р надушу под имение малолетних Господ моих Каширского уезда в сельце Даровом и Черномошне 84 душ заложенные в Московском опекуном Совете, согласно высочайше утвержденных в 18 день июня 1840 года правил я покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие сделать ваше о том распоряжение Августа дня 1840 года

К сему объявлению вместо вышеписанного старосты Савина Макарова за неумением его грамоте по его личному прошению Коллежский Ассессор и кавалер Андрей Андреев сын Шишков руку приложил.

<Л. 2>

Опекуна над имением малолетних господ Достоевских Коллежского Секретаря Николая Павлова сына Елагина.

Старосте над имением означенных Господ их же крестьянину Савину Макарову.
Приказ

Так как в означенном имении Сельцах Даровом и Черномашне, по твоему донесению, оказывается весьма недостаточным количество ржи для посева озимых полей, то приказываю тебе явиться в <Л. 2об.> Каширский уездный Суд и испросить оттуда надлежащее свидетельство представить оное при прошении к Господину Правящему должность Каширского Уездного Предводителя дворянства и просить его о исходатайствовании сему имению ссуды по 14^р на душу, как заложенному в Московском Опекуном совете и когда эта ссуда будет назначена, то деньги из Каширского Уездного Комитета получить и где следовать будет в получении оных расписаться, и потом сей же час приступить к закупке семян. Ибо сам в Комитет, по моей должности, ныне <Л. 3> явиться не могу.

Августа 26 дня, 1840 года.
Опекун Коллежский Секретарь
Николай Павлов сын, Елагин.

<Л. 4>

На 83 души по 14^р 1162 руб; на сереб; 332 руб;
вычтено 1½ проц.: 17 – 43^{ко} на сереб; 4^р, 98^к.
выдать – 1144 руб; 57^{ко} на сереб: 327-2^{ко}
выдано 11 сентября

¹² Документы печатаются в современной орфографии с сохранением особенностей правописания и пунктуации источника.

№ 405. 23 Авг. 1840 г. 1.

Господину Пребывающему в Санкт-Петербурге
 Како Училищу Предводителю Государства
 Старосты сельца даровое Малолетних
 Господ Диставлевских Савина Макарова
 объявление.

Меняя возмущаясь иудей по 14^е надписи под
 инициал Милоштинских Господом ином Милош
 Кави урда. Валсбург даровое и Арноштинских
 84 Вурд Валсбургских Валсбургских старосты
 Кави Валсбургских Валсбургских старосты
 денных в 1840 г. июня 1840 года правя
 я Молотейше прощу Ваше Высочество
 родие судиать Ваше отоме Диставле
 Милош Августе иудей Милоштинских
 объявление Ваше Высочество
 Милоштинских Валсбургских Валсбургских
 Валсбургских Валсбургских Валсбургских
 Валсбургских Валсбургских Валсбургских

1840

Прошение старосты сельца Даровое Савина Макарова.
 23 августа 1840 г. ЦГАМ. Ф. 2146. Оп. 1. Ед.хр. 50. Л.1.

В представленном источнике говорится о том, что в Даровом в августе 1840 г. не было семян ржи для засева озимых полей, что могло случиться только в том случае, если предшествующий год был неурожайным, о чём и писал М. А. Достоевский в 1839 г.

В опубликованных документах упоминаются имена Савина Макарова и Коллежского Секретаря Н. П. Елагина. А. М. Достоевский в своих «Воспоминаниях» неоднократно называет Савина Макарова и подчёркивает, что несмотря на то, что приказчиком в Даровом был единственный грамотный человек в деревне – Григорий Васильев, тем не менее «распоряжался всем староста Савин Макаров»¹³. В качестве старосты Дарового Савин Макаров упоминается и в более поздних документах, например, в экспликациях к межевым планам деревни Даровой за 1850 г.¹⁴ и в «Межевой книге» 1850 г.¹⁵ «Дело о взятии в ссуду денег на обсеменение озимых полей» является ещё одним подтверждением того, что Савин Макаров на протяжении многих лет управлял Даровым в качестве старосты.

Что касается Коллежского Секретаря Н. П. Елагина, то он был опекуном над имением малолетних господ Достоевских после смерти их отца М. А. Достоевского¹⁶. Об этом известно из писем старшего брата М. М. Достоевского¹⁷ и из переписки А. А. Куманина, дяди писателя, и Н. П. Елагина¹⁸. В 1841 г. опекуном над имением Достоевских становится П. А. Карепин, муж сестры В. М. Достоевской, а соопекуном в 1842 г. – М. М. Достоевский¹⁹. Публикуемое нами дело является едва ли не единственным официальным документом, в котором Н. П. Елагин назван опекуном над имением Достоевских.

Данные о том, что имение Достоевских в 1839 г. было заложено в Московском Опекунском Совете, открывают перспективы для дальнейшего изучения истории усадьбы Даровое.

¹³ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 63.

¹⁴ РГАДА. Ф.1345. Оп.6. Ед. хр. 567, 568. Ф.1354. Оп. 541. Ед. хр. Д.45-С.

¹⁵ ГАТО. Ф. 291. Оп.7/39. Д.1367. Лл.1 – 15.

¹⁶ Нечаева В. С. Указ. изд. С. 61.

¹⁷ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821 – 1881. СПб., 1993. Т.1. С. 65 – 66.

¹⁸ Там же. С. 66 – 67.

¹⁹ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 112. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. С. 77.

Л. А. Тарасова

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ СВЯТО-ДУХОВСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА МОНОГАРОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ СЕМЬИ ИВАНОВЫХ В ДАРОВОМ

Особое внимание в данном исследовании уделено анализу данных из метрических книг Свято-Духовской церкви села Моногарова за 1858 – 1920 гг. применительно к истории взаимоотношений членов семьи Ивановых с местными крестьянами. Уточняются биографические данные о В. М. Ивановой, сестре писателя.

Ключевые слова: Свято-Духовская церковь села Моногарова, метрические книги, семья сестры писателя В. М. Ивановой, взаимоотношения помещиков и крестьян, биографические сведения.

Имение Даровое, купленное в 1831 году родителями Ф. М. Достоевского, неоднократно становилось объектом исследования в культурном и хозяйственном отношении. Однако с точки зрения социокультурной среды усадьба Даровое ещё мало изучена¹, в особенности это касается эволюции взаимоотношений владельцев и представителей местной крестьянской общины.

Как правило, исследователи, обращавшиеся к этой теме, использовали такие источники, как «Воспоминания» А. М. Достоевского², переписку родителей Ф. М. Достоевского³, легенды, бытующие в крестьянской среде⁴.

Цель предлагаемой статьи – анализ данных из метрических книг Свято-Духовской церкви села Моногарова применительно к истории пребывания семьи Ивановых в Даровом. В частности, мы коснёмся темы восприимчивости при крещении крестьянских детей.

Эта информация интересна тем, что даёт возможность в перспективе проследить характер взаимоотношений, которые складывались между помещиками и крестьянами в тот период, когда владельцами имения были Достоевские, а потом Ивановы.

Источники, являющиеся основой нашей статьи, хранятся в различных архивах Москвы и Московской области. На сегодняшний день нами были изучены метрические книги церкви Сошествия Святого Духа села Моногарова только из архива ЦГАМ и Зарайского районного архива.

Четыре метрические книги «Церкви г. Каширы и Каширского уезда Тульской губернии»⁵ охватывают период с 1914 по 1916 гг. и включают сведения

¹ См. напр.: *Нечаева В. С.* Поездка в Даровое Новый мир. М., 1926. 3. С. 128–134; *Прохоров Г. С.* «Говорили, будто сын барина...» / Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. Гуманитарные науки. № 2 (10). 2010. С. 149–156; *Прохоров Г. С.* Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // III Летние чтения в Даровом. Коломна, 2013. С. 179–193.

² *Достоевский А. М.* Воспоминания. М., 1999.

³ *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939.

⁴ *Кондратова Т. И.* Даровое: современные легенды и мифы // I Летние чтения в Даровом. Коломна, 2006. С.125.

⁵ ЦГАМ. Ф. 1813. Оп.1. Ед.хр. 35 (1914), 40 (1915), 41 (1916), 46 (1916), 48 (1916), 59 (1920–1921).

о церкви села Моногарова. Однако интересующих нас данных они не содержат, что позволяет говорить об отсутствии в указанный отрезок времени примеров, когда хозяева поместья выступали крёстными у кого-либо из крестьян.

В метрических книгах Свято-Духовской церкви села Моногарова за период с 1858 по 1920 гг.⁶, хранящихся в архиве Зарайского муниципального района, напротив, была найдена заслуживающая внимания информация.

Напомним, что усадьба Даровое находилась во владении сначала Достоевских (1831 – 1852 гг.), а потом Ивановых (1852 – 1929 гг.). Каждый из хозяев усадьбы, в соответствии со своим характером, пристрастиями и привычками, создавал вокруг себя особый мир, по-своему выстраивал отношения с крестьянами.

Основным источником сведений об этих взаимоотношениях являются «Воспоминания» А. М. Достоевского, из которых мы знаем, что крестьяне по доброму относились к хозяйке поместья – М. Ф. Достоевской. Мария Фёдоровна стремилась в меру сил улучшить жизнь своих крепостных: помогла после пожара, раздав каждому крестьянскому двору по пятьдесят рублей на восстановление хозяйства и не истребовав возврата денег; «взяла к себе в комнаты Аришу, дочь сгоревшего крестьянина Архипа»⁷, по вине которого случился пожар; распорядилась вырыть пруд, который решил проблему водопоя скота, «чему крестьяне были очень довольны»⁸; принимала советы крестьян в вопросах хозяйствования. Уважение к крестьянам и их труду прививалось и детям Достоевских, которые порой «проводили целые дни на полях, приглядываясь к трудным полевым работам»⁹.

К тому же родители Ф. М. Достоевского были глубоко верующими людьми, а церковь в то время являлась тем связующим звеном, которое духовно объединяло господ и крепостных, делая их контакты более тесными и доверительными. Следовательно, крестьяне, видя доброе к себе отношение со стороны хозяйки Дарового и её детей, вполне могли позвать их в крёстные и даже почитать это за честь.

Что же касается следующих владельцев имения, семьи сестры писателя – Ивановых, выкупивших его в 1852 году, то нам важно проследить, сохранились ли те связи с крестьянской общиной, которые были при Достоевских, теперь уже у новых хозяев. Повлияла ли сила семейных традиций на характер этих взаимоотношений или Вера Михайловна со своей семьёй выстраивала новые отношения с крестьянами?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к записям метрических книг, согласно которым В. М. Иванова и её дети (Ольга, Нина, Юлия, Наталья, Александр и Мария) являлись восприимчиками новорождённых детей из крестьянских семей деревни Черемошни и сельца Дарового. Примечательно, что Вера Михайловна (в 1880 г.) и её дочь Ольга Александровна (в 1882 и 1884 гг.) записаны в восприимчиках детей одной и той же крестьянской семьи деревни Че-

⁶ Архивный сектор Зарайского муниципального района. Ф.103. Оп. 1. Д. 126 (1858–1890), Д.127 (1891–1920), Д.129 (за 1858–1918).

⁷ *Достоевский А. М.* Указ. изд. С. 62.

⁸ Там же. С. 56.

⁹ Там же. С. 60.

ремошни Платона Григорьева и его жены Екатерины. Ольга Александровна также дважды (в 1883 и 1886 гг.) крестила детей даровских крестьян Никанора Иванова и его жены Акулины. Прослеживается уже своего рода традиция.

Интересен и тот факт, что в исследуемых метрических книгах В. М. Ивановна впервые упоминается в восприемниках лишь в 1880 г. Возможно, это связано с тем, что до 1868 г. Ивановы жили в Даровом непостоянно, а после смерти главы семьи Вера Михайловна вместе с дочерьми поселилась здесь безвыездно, и отношения с крестьянами стали более близкими.

Другая дочь Веры Михайловны – Мария Александровна – в июне 1895 г. крестила крестьянских детей в двух семьях сельца Дарового – Павла Стефанова и законной жены его Авдотьи Николаевой и Василия Петрова и законной жены его Авдотьи Егоровой. А в 1906, 1912 и 1913 гг., после смерти матери став наследницей Дарового, она же крестила трёх новорождённых детей семьи того же сельца крестьянина Семёна Гаврилова Широкова и его жены Марины Сергеевой.

Возможно, упомянутый Семён Гаврилов Широков – потомок того самого Семёна Широкого, «считавшегося опытным наездником и любителем и знатоком лошадей»¹⁰, которому доверяли возить семью Достоевских из Москвы в Даровое и обратно, о чём говорит в своих «Воспоминаниях» А. М. Достоевский.

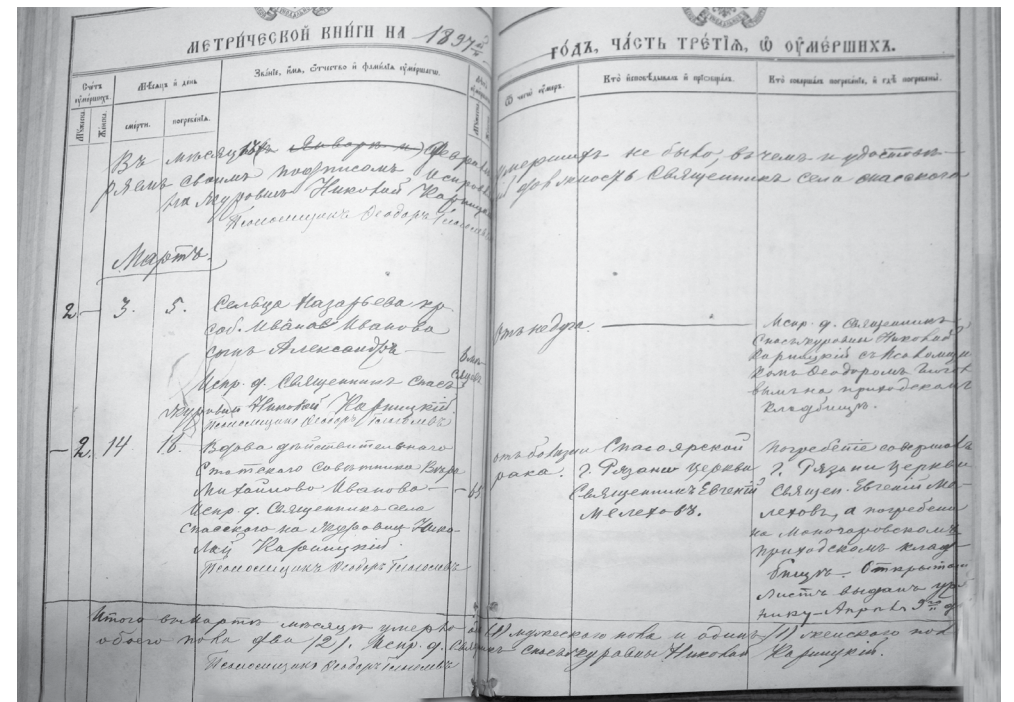
Возникает вопрос, почему Ивановы крестили детей именно этих крестьян? Возможно, что причиной тому послужили более доверительные отношения, сложившиеся между хозяевами и упомянутыми представителями местной крестьянской общины.

Пока ясно лишь то, что В. М. Ивановна и её дети продолжали семейную традицию, заложенную ещё М. Ф. Достоевской, что говорит о добрых взаимоотношениях между хозяевами имения и жителями деревни.

Кроме того, метрические книги, хранящиеся в Зарайском районном архиве, позволили уточнить биографические данные сестры Ф. М. Достоевского В. М. Ивановой относительно даты её смерти и места захоронения.

Как известно, Вера Михайловна, поселившись после смерти мужа в Даровом, жила там с детьми до самой смерти. Здесь же она и была похоронена. Исследователи не раз обращались к вопросу о том, когда умерла и где была похоронена В. М. Ивановна.

В публикациях, связанных с биографией Веры Михайловны, есть некоторые неточности относительно даты смерти и места её захоронения. М. В. Волоцкой¹¹ и В. С. Нечаева¹² в своих работах называют датой смерти В. М. Ивановой 1896 год. И. П. Перлов¹³ и А. С. Бессонова¹⁴, опираясь на местную легенду, при-

Метрическая книга Свято-Духовской церкви с. Моногарова. 1858 – 1918 гг.
Архив Зарайского района. Ф.103. Оп.1. Д.129. Л.315об – 31б.

водят сведения о месте захоронения Веры Михайловны – Нечаевский погост. В книге «Хроника рода Достоевских»¹⁵ под редакцией И. Л. Волгина эта информация дополнена указанием на причину смерти В. М. Ивановой – «после запоздалой операции при ущемлении грыжи».

В этом направлении большая работа в своё время была проведена научным сотрудником Зарайского историко-художественного музея В. Г. Шейнблат, которая опубликовала свои научные изыскания в статье «Где похоронены Достоевские?»¹⁶, напечатанной в зарайской районной газете «За новую жизнь» ещё в 1993 г. Автор приводит данные из метрической книги села Моногарова с указанием даты и причины смерти, а также о месте захоронения В. М. Ивановой. Однако эта информация не была своевременно введена в научный оборот. Нам пришлось повторить эти исследования.

Работая с метрической книгой Свято-Духовской церкви села Моногарова за 1858 – 1918 гг., мы обнаружили следующую запись: «1897 год. Месяц и день смерти/ погребения: март, 14 / 16. Вдова действительного Статского советни-

¹⁵ Хроника рода Достоевских / И. Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М., 2012. С. 671.

¹⁶ Шейнблат В. Г. Где похоронены Достоевские? // За новую жизнь. 1993. 1 апреля. № 36. С. 3 – 4.

¹⁰ Достоевский А. М. Указ. изд. С. 53.

¹¹ Волоцкой В. М. Хроника рода Достоевского. 1506 – 1933. М., 1933. С. 187.

¹² Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. С. 61.

¹³ Перлов И. П. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // По Тульскому краю. Тула, 1925.

¹⁴ Бессонова А. С. К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое» // III Летние чтения в Даровом. Коломна, 2013. С. 162.

ка Вера Михайлова Иванова От чего умер: от болезни рака. <...> погребена на Моногаровском приходском кладбище»¹⁷.

Таким образом, благодаря сведениям из метрических книг Свято-Духовской церкви села Моногарова, мы смогли выяснить, во-первых, что добрые, доверительные отношения владельцев имения с крестьянами, сложившиеся в Даровом ещё при М. Ф. Достоевской, сохранились и при Ивановых. Во-вторых, найденная нами информация позволяет исключить неточности в биографических сведениях В. М. Ивановой, касающихся даты и причины смерти, а также относительно места её захоронения.

Всё это, несомненно, расширяет наши знания об истории усадьбы Даровое и её владельцах.

ХРАНИТЕЛИ

¹⁷ Архивный сектор Зарайского муниципального района. Ф.103. Оп.1. Д.129. Л. 315об – 316.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАРОВОМ С. А. САВОСТИНОЙ¹

Светлана Алексеевна Савостина – хозяйка небольшого домика на границе Дарового и Моногарова. Большой яблоневый сад за домом приведет вас прямо к Лоску, увековеченному в рассказе Ф. М. Достоевского «Мужик Марей». Когда-то здесь жила семья деда мемуаристки, Якова Лукича Милованова (1886 – 1967), через которого, по словам самой Светланы Алексеевны, она находится на расстоянии всего трёх рукопожатий от Фёдора Михайловича Достоевского.

Яков Лукич – председатель даровского колхоза имени Достоевского в первые послереволюционные годы, прямой потомок крепостных крестьян Марии Фёдоровны и Михаила Андреевича Достоевских. Он хорошо знаком с последней владелицей усадьбы, племянницей Фёдора Михайловича – Марией Александровной Ивановой. О драматической истории взаимоотношений бывшей помещицы и даровского сельского крестьянского общества, возглавляемого Я. Л. Миловановым, подробно писал Г. С. Прохоров².

Работа с архивными материалами позволила нам проследить родословную С. А. Савостиной вплоть до 1830-х годов, когда в Даровом «летние вакации» проводил будущий великий писатель. Согласно церковной ведомости 1833 года, под номером 41 значится крестьянский двор в составе: «Симеон Фомин 56 <лет>. Жена его Феодора Савельева 38 <лет>, дети его от первой жены: Василий 19 <лет>, Василий 2-й 17 <лет>, Агафья 4 <лет>, Иван 2 <, > девка Феврония Иванова 9 <лет>»³. Будучи представителем фамилии Фоминых, Яков Лукич стал Миловановым совершенно случайно, из-за документальной путаницы во время Первой мировой войны. Так и значится он в бумагах 1917 – 1920 гг. то Фоминым, то Миловановым.

Яков Лукич (по церковным метрикам – Лукианович) Милованов (Фомин) родился 25 ноября 1886 года⁴. Архивные документы первых лет советской власти свидетельствуют о большом авторитете его у односельчан: Яков Лукич неоднократно переизбирался «сельским комиссаром», крестьянское общество хлопотало об освобождении его от призыва в Красную Армию (см. публикацию ниже).

Воспоминания Светланы Алексеевны Савостиной, относящиеся к 1940 – 1950 гг., переносят нас в места первого детства и отрочества Достоевского, которые ещё хранят – даже спустя столетие – деревенские традиции, незыблемый уклад сельской жизни. Эта память зафиксирована не только в привычном дневном распорядке, взаимоотношениях сельчан, но и, что особенно важно, в слове:

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Прохоров Г. С. Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // III Летние чтения в Даровом. Коломна, 2013. С. 179 – 193.

³ НИОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед. хр. 12. Ведомость Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа о прихожанах (с отметками об исповедовании и причасти 1833 года). Л.6 об.

⁴ «<Родители> Сельца Дарового крестьянин Лукьян Васильев и законная его жена Авдотья Егорова, оба православного вероисповедания. <Восприемники> Сельца Шистова помещик Николай Дмитриев Мартынов и Епанической <Апонитищевской> волости деревни Жеребятников крестьянина Ивана Григорьева Кондратьева жена Евгения Алексеева. <Крестил> Местный священник Павел Проферансов с диаконом Андреем Глаголевым». // ЦГАМО (Центральный государственный архив Московской области). Ф. 17. Оп. 1. Ед.хр. 108. Метрическая книга Свято-Духовского храма села Моногарова.

Встреча потомков.

Светлана Алексеевна Савостина и Вера Достоевская. Даровое, 2017.

названиях речек, оврагов, лесов, лугов, дорог и колодцев, наименованиях бытовых предметов. Перед нами не уходящая, но – увы! – вовсе ушедшая натура: изменилась планировка деревенской улицы, в Даровом и Черемошне практически не осталось «мазанок» (таким было первое жилище Достоевских в Даровом 1832 года), редкий дом может похвастаться дедовской печкой, мало кто помнит колоритные здешние топонимы. Вот почему любое свидетельство о том, что ещё как-то способно приблизить нас к деревенскому Достоевскому, поистине бесценно.

Даровской дом Светланы Алексеевны Савостиной её стараниями до сих пор имеет «лица необщее выраженье», а сама хозяйка – хранительница удивительных историй, в которых живут давно ушедшие люди, деревенский ландшафт, самобытные названия.

Мы бесконечно признательны Светлане Алексеевны Савостиной, редкостной рассказчице, за сердечное тепло и душевную щедрость, с которыми она почти два десятилетия привлекает волонтеров и исследователей Дарового. Ведь благодаря ей от нас до Достоевского – всего четыре рукопожатия⁵.

Предисловие и комментарии А. С. Бессоновой

⁵ В 2015 году телеканал «Культура» снял в Зарайске и окрестностях очередную серию документального цикла «Письма из провинции». Одним из героев трогательного фильма журналиста Михаила Грушевского стала Светлана Алексеевна Савостина. См.: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20920/episode_id/1231282/

**Протокол
Даровского сельского общества Спас->Журавенской волости
Каширского уезда⁶**

23 июля 1919 года

<Резолюция>

Удостоверение и список на Милованова

отправлен в Комиссариат для освобождения от призыва.

Мы <,> ниже подписавши<е>ся граждане Даровского сельского общества <,> на нашем общем сельском собрании имели суждение об нашем сельском комиссаре – Якове Лукьяновиче Милованове. Он <,> Милованов<,> избранный на должность Председателя сельского совета 2 января 1919 года<,> зарекомендовал себя как способный работник для общества и советской власти<,> по этому при переизбрании сельских советов 21 июля на должность председателя единогласно как полезный работник избран он же, но<,> так как Милованов в очередной мобилизации подлежит призыву в ряды Красной армии<,> мы всем собранием постановили обратит<ь>ся с покорне<й>шей просьбой в <Л.39 об.> военный Комиссариат не призывать Милованова<,> оставить его служить на должности Председателя сельсовета<.> Еще раз заявляем<?> что Милованов нужный и полезный и стойкий работник в интересах общества и власти.

В чем и подписуемся.

За неграмотных граждан Григория Малофеева<,> Настасии Макаровой<,> Дмитрия Чухнина<,> Анны Петровой<,> Ивана Милованова<,> Павла Чупряева<,> по их личной прозбе расписался Милованов Илья Макаров<ич.>

Иван Милованов<,> Роман Чупряев<,> Иван Петров<,> Григорий Борисов<,> Михаил Чупряев<,> Андрей Макаров<,> Кузьма Петров<,> Иван Чухнин<,> Федор Чухнин<,> Федор Петров<.>

*Председатель сель. сов. Милованов
Н. Киселев*

<Круглая печать> Сельцо Даровое Сельский совет

⁶ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп.1. Ед.хр. 14. Спас-Журавенский волостной исполнительный комитет Совета РК и КД Каширского уезда Тульской губернии. Общий отдел. Л.39.

С. А. Савостина

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАРОВОМ

Воспоминания относятся к 1940 – 1950 гг. и дают представление о хозяйственной жизни деревни, традициях, топонимии и диалектных особенностях Дарового.

Ключевые слова: Даровое, русская деревня, традиции, топонимы, диалектные слова.

Дорога

Я думаю, что более или менее сознательно я помню деревню где-то с лета 1943 или 1944 года. Мы приехали к деду Якову и бабушке Марфе¹ впервые после перерыва на военные годы. Деревня, слава Богу, не пострадала – ничего не сгорело, ничего не было разрушено, но – сейчас трудно это представить – насколько она была бедной, почти нищей!..

Дорога тогда была асфальтирована только до поворота на Луховицы², а дальше шёл разъезженный, ухабистый просёлок, где были особо кошмарные «трясины», где машины застревали надолго. Например, такая хлябь была в Новосёлках³. Там просёлок шёл тогда вниз, под горку, посреди деревни, и внизу была вечная грязь. Машин было мало, так что и помочь особенно было некому, поэтому тогда на колёса надевали цепи, брали с собой лебёдку.

В Зарайске улицы были кое-где мощённые булыжником. Особенно помнится спуск к Осетру, мимо кремля. Мост тогда – узенький, довольно хлипкий – был не на теперешнем месте, а поправее. Колёса жутко грохотали по булыжнику, а мы были рады: оставалось недалеко ехать.

Вот и поворот на Даровое. Тогда не ездили через Моногарово, а сворачивали с «рубежа»⁴, или с «большой дороги»⁵, где-то на уровне Иванова озера

¹ В архивных документах сохранилась запись: «О бракосочетавшихся. Апрель 21. <Жених> Крестьянин сельца Дарового, Спас-Журавенской волости, Иаков Лукианов Милованов, православного вероисповедания, первым браком. <Лета жениха> 26. <Невеста> Деревни Комова, Спас-Журавенской волости, крестьянина Дионисия Иванова Челнокова дочь девица Марфа Дионисиева Челнокова, православного вероисповедания, первым браком. <Лета невесты> 17. <Кто совершал таинство>. Священник Владимир Добросклонский с псаломщиком Щегловым. <Кто были поручители>. По женихе: крестьяне деревни Иванчикова, Тросненской волости: Иван Игнатъев Барабанов и сельца Дарового Косма Григорьев Петров, по невесте: села Моногарова крестьяне: Василий Николаев Муравлев и Ефрем Федоров Минаев. ЦГАМО. Ф. 17. Тульская духовная консистория. Оп. 1. Ед. хр. 31. Метрическая книга Свято-Духовского храма Моногарова. 1913. Л. 17 об. – 18.

² Поворот на перекрёстке дороги М5 Москва – Рязань в сторону Зарайска.

³ Деревня непосредственно перед въездом в Зарайск со стороны Луховиц.

⁴ Замечательный историзм, довольно стойко державшийся в местной речи: «встарь все грани и межи означались затесями и метками на пнях и деревьях, то и самая грань, развод, межа, граница, предел, общий стык двух земель, областей или владений, рубеж» (В. И. Даль). Слово – привычный термин межевых дел XVIII – XIX вв. «Рубеж» на повороте с шоссе на Даровое и Черемошню – свидетельство пограничного положения сельца и его окрестностей: с юга к владениям господ Достоевских примыкает Алферьево, с севера – Шитово, обе деревни – уже Рязанская губерния.

⁵ Большая дорога – старинный Венёвский тракт, сейчас – автодорога Зарайск – Серебряные Пруды. Сохранился съезд и грунтовая дорога, ведущая в Даровое, которой поль-

(только тогда его не звали Ивановым, а просто озером⁶). Там ждала ещё одна «засада» – вечная топь, глинистая и засасывающая. Уже почти с «рубежа» были видны вершины деревьев в Липовой роще, «Липке», поэтому все неприятности казались неважными. Ещё один поворот – и мы на прямом пути в Даровое.

Дорога шла вдоль конюшни⁷, а потом сразу посередине деревни (где сейчас выросли берёзки) и вниз, по совсем шаткому мостику через ручей, который, может быть, ещё помнил, что раньше он был речкой Уйной⁸. Сбоку от дороги, в самом низу, был ещё плетнёвый сарайчик⁹, бывшая «кузня». Перед ним лежал огромный круглый камень, похоже, старый жёрнов. Он, может быть, и сейчас лежит под водой болота, которое образовалось в этом месте после строительства плотины и дороги. В то время пруд (его звали Прудыще¹⁰) был маленьким, думаю, ¼ от теперешнего, и плотина была низенькая. Летом ручей почти пересыхал, и над растрескавшимся илом вились целые облака голубых мотыльков.

Но вот и бугор. Высокий, крутой. Мотор натужно ревет, но это уже совсем конец долгого пути – ехали тогда из Москвы по 5 – 6 часов, и то если на застрянем где-нибудь. Выходной день был только один – воскресенье, поэтому выезжали в субботу после работы, практически в ночь, а в Даровое приезжали на рассвете. Иногда встречали у озера деда Якова, который пас лошадей в ночном, иногда приезжали, когда уже выгоняли коров, а молодёжь возвращалась с «улицы» – ночных гуляний.

Как и сейчас, дома в деревне располагались в два ряда, но, если смотреть со стороны бугра, вид был несколько иной. Спустившись к ручью, дорога шла довольно круто вверх, между двумя высокими берегами. Справа стоял на высоком взгорке дом Лёвшиных, к нему вела узенькая, очень крутая

зовались, как и во времена Достоевских, вплоть до конца 1980 – начала 1990-х гг., когда появилась асфальтовая дорога на Моногарово и Спас-Журавну.

⁶ Ивановым называет озеро А. М. Достоевский, младший брат писателя, в своём «Дневнике»: «Но наконец вот и поворот. С этого поворота сейчас же открылось нашим глазам Даровое, окружённое вековой Липовой рощей. Проехав Иваново озеро (простой небольшой пруд), мы подъехали, миновав перекрёсток, к самой деревне, и я невольно перекрестился при виде той местности, в которой провёл детство» // Дневник А. М. Достоевского 1887 года. РО ИРЛИ. Ф. 56. № 3. Л. 6 (расшифровка текста В. А. Викторovichа). «Перекрёсток» – пересечение дорог на Даровое и Черемошню – сохранился до наших дней.

⁷ Конюшня, на тот момент колхозная, находилась рядом со Въездной аллеей. Здесь при Достоевских, по-видимому, был и каретный сарай, который после пожара 1832 года Достоевские не восстановили, о чём пишет в своих «Воспоминаниях» А. М. Достоевский.

⁸ Даровое и Моногарово располагаются вдоль русла реки Уйны, плотина же была устроена по распоряжению Марии Фёдоровны Достоевской на левом безымянном притоке Уйны.

⁹ Ещё одна примета «достоевской» эпохи: «Маленький плетнёвый, связанный глиной на манер южных построек, флигелёк для нашего приезда состоял из трёх небольших комнаток...» // Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 59. Единичные остатки плетнёвых хозяйственных построек ещё можно встретить в Даровом и Черемошне.

¹⁰ Уже в наше время пруд получил название Маменькин в память о его устроительнице – Марии Фёдоровне Достоевской, матери писателя.

тропинка. Слева, на таком же взгорке, но чуть в стороне от дороги, за деревьями, был дом Киселёвых. Всего домов было 15 – 16.

Два слова о тогдашних деревенских дорогах. Они тоже были другие. Машин было мало. Ездили в основном телеги, верховые, ходили пешком. Поэтому дороги были неутопанные, покрытые толстым слоем белой, тонкой пыли: «и ноги тонули в горячей пыли, и лошади тихо в ночное брели». Как у Цветаевой, «уносят милых корабли, уводит их дорога белая...» Такая белая дорога, с глубокими промоинами по бокам, шла с бугра к деревне.

Сельцо Даровое и некоторые его обитатели

Это было действительно «сельцо» – маленькое, уютное, как я уже говорила, домов 15. Начиналось оно с нашего дома, дома Якова Лукича Милованова, с бугра. От Моногарова его отделяло небольшое поле, которое обычно засевалось пшеницей или овсом. Сейчас оно застроено совхозными коттеджами. На углу этого поля, почти напротив нашего дома, стоял пограничный столбик на небольшом холмике. Это и была граница Дарового¹¹. За полем начиналось Моногарово. Первый дом принадлежал Романцовым¹². Вечером, если выйти из нашего дома, виден был тусклый огонёк керосиновой лампы в их окошках.

Само собой разумеется, улица в деревне не была освещена. Электричество провели, кажется, в начале пятидесятых, а до этого у всех были керосиновые лампы. У нас такая лампа висела над обеденным столом в большой избе, в особом держателе, похожем на люстру.

Каждый вечер из дома в дом по очереди передавалась большая палка, к которой была прибита табличка с кособокой надписью «Сельцо Даровое». Дом, в котором находилась палка, считался ответственным за порядок в деревне ночью. Взрослым, которые тяжело уставали за день, было не до хождения по ночной деревне, поэтому палку эту отдавали подросткам и детям, и они охотно бродили всю ночь по улице, распевая песни и болтая. Заодно могли и побаловаться (стучали в окошко, пугали), иногда и в сады не брезговали залезть.

Дома в деревне были старые, многие ещё дореволюционной постройки. Все были под соломенными крышами¹³, кроме, кажется, одного – дома Макаровых, который сохранился до сих пор. Ещё из старых домов сейчас

¹¹ В настоящее время территориальное деление иное: дом С. А. Савостиной числится вторым в Моногарове, следом идут упомянутые ею совхозные каменные дома. Границей между современным Даровым и Моногаровом является плотина на Маменькином пруду.

¹² Клавдия Петровна Романцова долгое время была библиотекарем в деревенской библиотеке, которая располагалась в усадебном флигеле в Даровом.

¹³ Традиция не только крестьянской, но и дворянской сельской архитектуры: соломой был крыт мазанковый домик, в котором в 1832 г. поселились по приезду Достоевские. В письме к Ф. М. Достоевскому от 31 марта 1872 г. В. М. Иванова, сестра писателя, подробно описывает дачу Костюрина, которую намеревался на лето снимать Фёдор Михайлович: «довольно маленький домик, крытый соломой, в котором шесть комнат...» // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29725.

Дом Я. Л. Милованова. Даровое. 1959.
Фото из личного архива С. А. Савостиной

держится дом Валентины Макаровой (еле держится!..), дом Чухниных, отремонтированный дом Минаевых¹⁴ и, частично, наш. Полы были кое-где земляные, а в некоторых домах деревянные. У нас, например, полы были из широченных досок, как говорят специалисты, теперь и досок таких нет. Вымыты они всегда были добела: мыли ветками-прутьями, иногда песком, иногда даже скребли топором. Внутри почти у всех было одинаково: русская печь, которая занимала пол-избы, посередине большой обеденный стол, по стенам – широкие лавки, у печки – сундук. Изба была разгорожена фанерными перегородками, по уровню стены печки, от входа слева была кухонька, потом стена печки, а в дальнем углу, отгороженная *поставцом* (шкафчик, где верхняя часть смотрела в «столовую», а нижняя – в маленькую комнату), была «спальня» деда. В избе была ещё одна печка, почему-то её называли лежанкой, хотя на ней лежать было нельзя. Зато на русской печи спали сразу по несколько человек, особенно зимой и вообще в холодное время года.

Печь была самым важным местом в доме. На ней спали, залезая наверх по лесенке из 5 – 6 ступенек, за печкой зимой держали телят и ягнят, топили её каждый день, даже летом. Бабушка вставала в 4 – 5 утра и готовила еду на весь день, в печи она оставалась горячей и очень вкусной. Варили супы и щи с солониной, запекали картошку, мяту с молоком

¹⁴ Упомянуты фамилии потомков крестьян Достоевских, среди которых, в частности, внуки и правнуки Савина Макарова (даровского старосты), одного из героев «Воспоминаний» А. М. Достоевского.

(почти сливками), часто варили пшённую и перловую каши, т.к. гречневая крупа была дороговата. Бабушка сама пекла ржаной хлеб – огромные караваи, по 6 – 7 на неделю. Перед этим долго сеяла муку через сито, ставила опару и т.д. Закваской делились друг с другом, дрожжей не покупали, денег у всех было мало. Из остатков теста пекли ржаные лепёшки «поддымники»¹⁵, ели их с молоком или со сливками (просто снимали верх с молока, сливки были довольно жидкие). По праздникам пекли пироги, ватрушки, «жаворонков»¹⁶ – пироги в форме птичек. Но это только по праздникам и когда жизнь стала полегче.

Работали в колхозе очень много. Часов в 6 – 7 бригадир обходил дома и звал на «наряд». Там говорили, кто где будет работать. Особенно тяжело было в страду – весной и осенью, да и в покос. Тракторов было ещё мало, косили и траву, и хлеб вручную, хлеб – специальными косами, с приделанной к косе решёткой, чтоб колосья ложились мягко, не осыпались. Работали с раннего утра, часов до 12 дня. Потом обед (он уже был готов и горячий), потом все ложились отдыхать на час – полтора, и опять на работу.

Во время жатвы по домам развозили солому, чтобы дома делали *свясла* – жгуты для связывания снопов. Их делала бабушка, да и дети, много, несколько десятков. В поле на это нельзя было терять время. Вечером приходили иногда затемно, но чаще часам к 6 – 7. Ставили самовар, на загнетке, на таганке, варили картошку. Ужинали (вечеряли). Вгоняли скотину: пастухи питались по домам, по очереди (их старались накормить получше), там же оставались и ночевать, обычно на полу, на тулупе, либо на чердаке, на сене. Вечером, если не было работы, выходили на крыльцо посидеть. Сидели, сложив на коленях корявые, тёмные руки, иногда переговаривались, чаще молчали. Спать ложились рано – вставать-то надо до света.

Дед уходил в ночное, надев плащ-накидку, валенки с колошами и шапку. Ноги у него болели ещё с Первой мировой, застудил, как он говорил, в Пруссии, в болотах. А служил он фореитором в гусарском полку. Почти всю жизнь был при лошадях, кроме какого-то периода, когда работал в Москве в фотографии. Был он умён, любил читать, с удовольствием говорил о политике. Был одно время председателем колхоза им. Достоевского¹⁷. Лошадей, да и вообще животных, очень любил. Если жеребят не хватало молока, уносил молоко из дома – ребята и хлебушка поедят.

Надо сказать, что все деревенские старики были яркими личностями. Держались с большим достоинством, строго. Порядок к деревне поддерживался неизменно. Например, по лугу ходить было нельзя, если застанут –

¹⁵ «Поддымный – под дымом находящийся, подветренный, при дыме. Вообще раннее утро в деревнях, когда затапливают печи» (В. И. Даль).

¹⁶ Традиция, известная и распространённая уже в XIX веке, о чём подробнее см. в статье П. Сумарокова «Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде» в настоящем сборнике.

¹⁷ Официальное название – Даровское товарищество по совместной обработке земли им. Достоевского. Прежняя Спас-Журавенская волость, в которую входило Даровое, в это время (1925 – 1928 гг.) носит название Достоевской.

Марфа Денисьевна и Яков Лукич Миловановы. Даровое. 1960.
Фото из личного архива С. А. Савостиной.

попадёт. По полям ездили объездчики, чтоб никто не топтал пшеницу и не воровал. Ничего нигде не валялось – ни бумажки, ни железки. Бумажки шли на самокрутки, а железки тоже могли пригодиться. Едет мужик на телеге, видит – на дороге скоба лежит или болт какой, телегу остановит, подберёт и дальше себе едет.

После окончания сбора урожая раздавали хлеб на трудодни, кто сколько заработал. Развозили на телегах по домам. Были годы, когда все говорили: работали за «палочки» (трудодни отмечали в специальной книжке, палочками). Однажды я была на колхозном празднике в честь окончания уборки. Перед правлением (а оно располагалось во флигеле бывшей усадьбы Достоевских) поставили сбитые из досок столы, лавки. На столах в мисках лежало варёное мясо, картошка, солёные огурцы, лук, большие ломти хлеба, горками была насыпана карамель. Все сидели, разговаривали, выпивали, а вот песен не помню. Вроде бы и не пели...

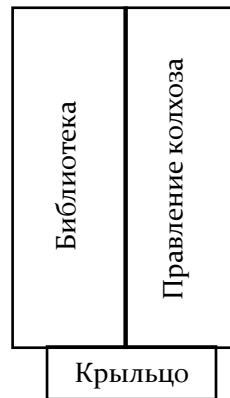
Выпить, конечно, любили все, да редко это удавалось. Наш дед тут никому не уступал: как выпьет – начинал хорохориться, кричал: «Я бугорный!» Но как-то по деревне никто не валялся, и, что интересно, народ не матерился. Конечно, бывало, в сердцах ругнутся, но так, как сейчас, когда матерные слова почти вытеснили нормальные, – такого не было. Дед дома

вообще не ругался матом – никогда. У них были свои какие-то смешные ругательства. У бабушки, например, «паралик тебя расшиби» – это чаще всего относилось к непослушной скотине.

У деревни были свои слова, свои интонации. У печки, например, была *загнетка*, *под*, *печурки*¹⁸, на загнетку вечером ставили *таганок*¹⁹, варили картошку на ужин. Чугуны (огромные) ворочали *рогачом*²⁰. Слова, обозначающие время, были тоже другие, не такие, как сейчас: *намедни*, *надысь*²¹, *третьего дня*. О погоде – *ведро*. Много слов было связано со скотиной: каждый вечер, когда встречали стадо, со всех сторон слышалось «*кыть-кыть-кыть*»²² – созывали своих ярочек, которые шли на голос хозяйки. О старых словах надо бы написать отдельную работу.

Усадьба

Флигель в усадьбе несколько раз перестраивался. Я помню дом, примерно такой же, как сейчас, но с большим открытым крыльцом, где мы играли и даже ставили спектакли, используя его как сцену. Внутри дом был разделён на три части.

В библиотеке стояли простые открытые стеллажи, книг было довольно много, некоторые с дарственными надписями писателей. Библиотекарем была, как известно, Клавдия Петровна Милованова (Романцова). Она и выдавала книги, и носила их по деревням, как книгоноша. Кроме флигеля на территории усадьбы были два прочных амбара (один «на ножках»), прекрасная конюшня, кото-

¹⁸ Словарь В. И. Даля даёт подробное описание русской печи: «подошва внутри печи – *под*; впереди его очаг или шесток с *загнеткой*, ямкой на передпечье, куда сгребается жар; *печурка* – заломчик, ямка в зеркале печи, где ставят, греют, сушат кой-что».

¹⁹ Треножник.

²⁰ Ухват.

²¹ В. И. Даль отмечает данное наречие как рязанское.

²² *Кытя* у В. И. Даля – калужское и курское диалектное слово, обозначающее ягнёнка. «Кыть-кыть – призывная кличка ягнят». Как видим, в даровской лексике сильно сказалось пограничное положение Каширского уезда, более тяготеющего к южнорусским говорам.

рая стояла вдоль въездной дороги, и рига (говорили «*рыга*»²³), в стороне, у поля, справа. Рига была довольно большая, крытая соломой.

А вот конюшня была просто чудом. Там всегда было сумрачно и прохладно. По левую сторону были денники – 8–10, а по правую сначала была комната, где хранилась упряжь и прочее добро: лопаты, грабли, мётлы, а затем шли ещё денники. Всего конюшня была рассчитана на 14–15 лошадей, если я не ошибаюсь. Пол всегда был идеально выметен. Запах там стоял, на мой взгляд, восхитительный – пахло кожей, сеном, лошадьми. Очень жаль, что теперь ничего этого в Даровом нет.

Сады были примерно такими же, но, пожалуй, более запущенными. Там стерегли скотину, косили иногда, яблони были совсем одичавшие, но мы всё равно собирали яблоки и пекли их: своих-то не было, потому что, когда ввели налог на яблони, дед вырубил сад. Да и не до яблок было, картошка важнее – детей целая орава, да и для скотины нужно. В сад ходили за луговой клубникой и за щавелем, а в рощу – за белыми грибами. Роща была чистая, с утоптаннми тропинками, которые вели в Попову рощу²⁴ и в Комово²⁵. В роще тоже пасли скот, он и выедал лишнюю траву. Подлеска почти не было, одни высоченные стволы, как колонны в храме. В роще жили грачи – огромные стаи. Вечером на фоне невероятных даровских закатов они чёрными тучами, с гвалтом, возвращались в свои гнёзда, потом долго не могли угомониться – ещё один аккорд в симфонии вечерних звуков деревни. А потом, в какое-то несчастливое лето, они все исчезли. Мне кажется, что с тех пор и роща начала болеть и хиреть. Где вы, грачи?..

Имена собственные и нарицательные

Про нарицательные я уже немножко писала. Если вспомню ещё что-то, добавлю. Например, «лошадиные» слова: *денное*, *ночное*, *спутать лошадей*, *обротать*²⁶ и т.п. А вот собственные имена для меня как песня. Сейчас почти вся окружающая природа в деревне бессловесна и обезличена. Никто не знает названий, а раньше каждый лесок, каждое болотце и бучило имели имя, а значит – характер. И это было не лирикой, а жёсткой необходимостью. Надо было знать, где пасётся скот, где будут косить, где можно ходить, а где нет и

²³ Подобные фонетические диалектные особенности не единичны: С. А. Савостина в устной беседе отмечала местное произношение Нызнанка (вместо Незнанка, речка в окрестностях Зарайска). А в «Преступлении и наказании» встречается слово «принцессь», что даёт повод думать и о лингвистических корнях романа Достоевского, полного зарайских «следов».

²⁴ Название отсылает к историческому межеванию территории: земля бывшего села Нечаева, где находился в XVIII веке приходской Покровский храм, предшественник Свято-Духовского в Моногарове, принадлежала священно- и церковнослужителям. Отсюда и часть Моногарова, где жил причт, – Поповка, и название рощи – Поповская.

²⁵ Сельцо, входившее в приход Свято-Духовской церкви. Во времена Достоевских (1830-е гг.) принадлежало «полковнику и кавалеру» Андрею Павловичу Офросимову.

²⁶ *Ночное* – ночная пастьба лошадей. *Спутать* – наложить поножи, пути, связать ноги на слаби, чтобы лошадь не ушла. *Обротать* – надеть на лошадь оброт, накинуть недоуздок, конскую узду без удила и с одним поводом, для привязи (В. И. Даль).

т.д. Но лирика всё-таки присутствовала. В Заказнике был *Миленин пруд* (он есть и сейчас, страшная топь, где только крокодилов не хватает), *усадьба Грацинского*²⁷ (реальная заброшенная усадьба реального человека), *Кашейка* – речушка, а теперь и запруда с синеватой, какой-то неживой водой, *Обалённый овраг*²⁸, страшный и глубокий, *Треполье*²⁹ – с зарослями орешника. Рядом с деревней – *Прудыще*, *Попов овраг* и *Попова роца*, *Глинище* с *Толокой*³⁰, *Старое кладбище* (только теперь узнала, что это Нечаевский погост³¹). На лугу, что идёт к Глинищу и который теперь почти затоплен, были родники, а главное – *Цыганский пруд*, довольно большой и чистый. К нему сверху вела *Цыганская дорога*, она и сейчас есть, только заросла.

На задах деревни, внизу были колодцы: *Киселёв*, под нашим домом, очень глубокий и чистый. Вся деревня брала воду именно из него: черпали ведром на длинной верёвке. Весной его обязательно чистили: сначала колодец «отливали» – выбирали воду, а потом кто-нибудь спускался, сидя верхом на толстой палке, привязанной к верёвке, вычерпывал ил, заполняя им ведро, которое поднимали наверх, и соскрёбывал мох и траву со стенок сруба.

Дальше был *Дашков колодец*³², он вроде бы есть и сейчас, даже есть бетонное кольцо вокруг, но найти его трудно <...> так как он был в низине, вода стояла близко к поверхности, её легко было почерпнуть. Туда ходили мыться и полоскать, но не в самом колодце, конечно, а рядом, у Острога.

²⁷ Помещик Ф. Н. Грацинский упоминается, в частности, в протоколе «Собрания сельских комиссаров и представителей от всех селений Спас-Журавенской волости 16 июня 1918 года» (ЦГАМО. М-788. Оп.1. Ед.хр.2. Л. 24), решавшего вопрос о земле. Имени Грацинского находилось в Моногарове.

²⁸ Можно предположить, что здесь, как и в случае с топонимами Моногарово (от Многогарово), Чермашня (от Черемошня), мы имеем дело с фонетической ассимиляцией. В процессе употребления слова происходит либо выпадение, либо перестановка согласных. Овраг первоначально мог быть Обмолённым, что вполне согласуется с традицией обходить крестным ходом либо совершать молебен в поле, роще. См. «Воспоминания» А. М. Достоевского: новый усадебный пруд, по совету старосты Савина Макарова, «заказали», т.е. обошли «крестным ходом с духовенством, хоругвями, образами» (указ. изд., с. 60). Приходно-расходные книги Свято-Духовской церкви 1850 – 1880-х гг. содержат записи отца Павла Проферанова о подобных молебнах, совершаемых по инициативе крестьян (НИОР РГБ. Ф. 365. К. 2. Ед.хр.10, 11).

²⁹ Пустошь в окрестностях Моногарова, где Достоевские, согласно архивным документам, также владели землёй (см. купчую М. Ф. Достоевской на Даровое 1831 г.: ЦГАМ. Ф. 15. Оп. 14. Ед.хр. 1678. Л. 159).

³⁰ Согласно местной народной этимологии, людное, часто посещаемое место (много ягод там было). В. И. Даль даёт такое объяснение: «Потрава скотом на корню <...> трав, полей, хлеба. Скотский выгон <...> сельское общее пастбище; паровое поле, на которое пускают скот, при трёхпольном хозяйстве».

³¹ Бывшее село Нечаево, где стоял приходской храм Покрова Пресвятой Богородицы. После постройки в 1763 – 1822 гг. Свято-Духовского храма в Моногарове – погост, а затем пустошь Нечаева. В 1830-х гг. – кладбище с часовней (1805) на месте алтаря Покровской церкви. В настоящее время сохранились только надгробия.

³² Целый пласт микротопонимов основан на личных именах. *Дашков колодец* напоминает о прежнем владельце одной из усадеб села Моногарова – штабс-капитане Николае Матвеевиче Дашкове.

Ещё дальше, под Моногаровом был *Святой колодец*. Говорили, что вода из него никогда не портится, как святая³³. Туда ходили только за водой для самоваров, и то по праздникам – далеко и тяжело нести по крутым тропкам. Его затопили, когда построили плотину у дороги на Журавну...

Ещё внизу, по руслу пересохшей речки, оставались бочаги. Их здесь называли бучилами, и все они имели свои названия. Особенно помню *Бакалкино*³⁴ – там была чистая вода, и вечером ходили туда мыться. Однажды один лихой гость моногаровский привёз небольшого крокодила и пустил его попасть (поест лягушек) именно в Бакалкино. Позвал посмотреть на это немыслимое в тихом Даровом чудовище и даже научил, как его можно безопасно потрогать.

Ну, и о самых ближних лесочках. Во времена оны и *Острог*, и *Лоск* состояли не из деревьев, а из кустов – орешника, например³⁵. Деревья вырубали, вот и пошли кусты. У Иванова озера тоже был лесок с овражком, назывался *Головкой*. И, конечно, звучали названия *Федина роца* и *Федин овраг*³⁶.

Между Острогом и Лоском шла дорога, проезжая, укатанная. Она вела к «рубелю» – это теперешнее шоссе, что ведёт к Зарайску. Кстати, никогда не говорили «пошёл в Зарайск», говорили «завтра пойду в город». Почти всегда ходили пешком, лошадей жалели, да и мало их было, только для работы. За два часа доходили до города, иногда с отдыхом, не доходя до Большого холма³⁷.

Ещё одно загадочное название – *Грустынка*. Так называлась низина в поле по пути в Трегубово. И просто для пополнения списка названий: напротив Поповой роши были *Чермашенские берёзки*, против Толоки на Глинище – *Булаткино*, а по дороге в Зарайск, там, где когда-то была деревня Букино, лесок *Букинские корьки*³⁸ (смотрела в словарь – ничего подобного не нашла).

³³ По всей видимости, назван так из-за близости к церкви. Подобной славой пользуется и современная водоразборная колонка на территории храма в Моногарове.

³⁴ Вероятно, название происходит от *бакалда* – «глухой заливце, поёмная яма; ямина, которая наливается водой по весне и остаётся как бы озерком». Слово отмечено у В. И. Даля как рязанское.

³⁵ Лесок *Острог* (по-видимому, своей густотой сходный с частоколом) и *Лоск* (от «лощина», овраг) описаны Ф. М. Достоевским в рассказе «Мужик Марей»: «Я прошёл за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в *Лоск* так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой роши <...> я выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать ими лягушек» (22; 47). Думается, что именно до роши Острог тянулся Лоск: сейчас это березняк на противоположном от Дарового берегу лощины, где течёт Уйна.

³⁶ Брыков лес, покрывавший глубокий овраг и тянувшийся до самой Черемошни, был переименован в семье Достоевских в Федину рошу – за особую любовь к этому месту будущего писателя.

³⁷ Ср. в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского: «Маменька каждую неделю посылала в Зарайск как за письмами <...>, так и за покупками. <...> Все лошади, понятно, были заняты на полевых работах, а потому посылаемые в Зарайск делали это путешествие пешком. <...> Выходили бывало, из дому часов в пять утра, а к двум, трём дня были уже дома» (указ. изд., с. 62).

³⁸ В Каширском уезде есть еще один похожий топоним – село Мокрый Корь (родительный падеж – кря). Согласно В. И. Далю, рязанский вариант слова корень во всех его значениях, а также: родина, селение, деревня, выселок.

Ну, и о Моногарове. Делилось оно на *Фурки*, *Хотянку*³⁹, *Поповку*⁴⁰ и как будто ещё что-то. Если *Хотянка* и *Поповка* понятны, то *Фурки*⁴¹ – нет. У Даля написано «маленькие фуры». Как-то не годится.

Больше всего жалею, что мало расспрашивала стариков о деревне, и жизни, о людях. Теперь и спросить некого...

Царствие всем небесное! Они много работали и, как могли, обихаживали этот мир.

³⁹ Та часть Моногарова, где находилась усадьба Хотяинцевых, непосредственно примыкавшая к Свято-Духовскому храму.

⁴⁰ Дома причта располагались на противоположном берегу Уйны, что зафиксировано в церковной ведомости: «проход к церкви от дворов священно- и церковнослужительских во время половодья и дождливой погоды бывает очень неудобен» (Ведомости о церкви Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа за 1834 – 1842 гг. Ф. 365. Моногарово. I. Ед.хр. 13. Л. 10б.).

⁴¹ Предположим, что основой микропонима стал глагол *фуркать*, по Далю, – «сильно, нетерпеливо бросать, расшвыривать».

SUMMARIES

DOSTOEVSKY AND THE FOLK

Vladimir Viktorovich
DOSTOEVSKY. THE QUESTION OF THE FOLK

The acquaintance with common folk and the reunification with it became a fundamental base of all Dostoevsky's work. The article examines different stages of the establishing of Dostoevsky's "folk studies" and reminiscence of it in Russian history and culture. For Dostoevsky, folk is evidently not a myth, nor even an archetype. It is the flesh and blood of his work. Dostoevsky's worldview is fully popular, not only certain motifs and images. This worldview was shaped by life experiences: the first one was the writer's childhood in Darovoe, the second was hard labor. Five summer vacations in Darovoe and four years in Omsk prison are somehow deeply connected. In different ways, all Russian 19th century literature was an attempt to go towards the people. A key role in this process was played by the Notes from "The Notes from the Dead House", where the main character is not an outsider but a person who was thrown by a twist of fate into the depth of the life of his people, and experiences its laws firsthand. Here, he discovers the anthropological roots of "pugachevshchina", and at the same time develops the nativist idea of uniting the educated people with the common folk. The plot of "The Notes from the Dead House" consists of gradual acquaintance with the Russian people, an approach to it, that eventually transforms the subject. The miracle of the author's transformation ("the accepting of Christianity") through the acquaintance with his people happens in the metaphysical depth "The Notes from the Dead House", and later, in a capsule, is told in the story "The Peasant Marey", in the light of the writer's country childhood. The most widespread accusation against Dostoevsky is of utopia and idealization of common people. But the writer knew, as clear as his opponents, the weaknesses and sins of the masses; he anticipated possible scenarios, where they would come to be fatal. In "A Writer's Diary" (1881) Dostoevsky spoke about the necessity of "sanitation of this great root, which is the origin of everything". His conception of a "God-bearing folk" was eagerly criticized in the 20th century. Here are cited some episodes of the polemic; the version of S. N. Bulgakov is presented as the most adequate.

Key words: Dostoyevsky, Russian people, the evolution of a writer's worldview, debates about utopia.

Vladimir Viktorovich
THE THEME OF "SALVATION OF THE FOLK" ON THE PAGES
OF "CITIZEN" (1873 – 1874)

From January 1, 1873 to April 22, 1874 Dostoevsky was the editor of the weekly newspaper-magazine "Citizen", formed the year before by Prince V. P. Meshchersky.

Under the new editor, the question came to the fore: what is happening to the folk? Pictures of moral decay alternated recipes recovery. The desired unanimity in the editorial office was not achieved; situations are considered when the editorial "orchestra" was obedient to the "conductor" (editor) and when there were problems of inconsistency. The idea of "soil" at this time was put by Dostoevsky on the verge of eschatology and soteriology.

Key words: Dostoevsky, weekly "Citizen", folk, post-reform Russia.

**<F. M. Dostoevsky?>
MORE AND MORE ABOUT DRINKING**

Presumably attributed to F. M. Dostoevsky, the article was published in the weekly "Citizen" edited by him, 1874, No. 9, March 4, p. 252. Its theme is to counteract popular drunkenness through the establishment of temperance societies. The article is published in the author's punctuation.

Key words: attribution, "Citizen", national drunkenness, temperance societies.

**Elena Ake'l'kina.
THE FORMS OF NATIONAL CONSCIOUSNESS IN NARRATION
"THE NOTES FROM THE DEAD HOUSE" BY F. M. DOSTOEVSKY**

This article analyses forms of national consciousness in narration "The Notes from the Dead House" by F. M. Dostoevsky.

Key words: national consciousness, narration, essay story, epopee.

**Natalia Chernova
"TO JOIN THE FOLK AGAIN": THE VOICE OF THE FOLK AND LITERARY
POCHVENNICHESTVO AS A MEANS OF INDICATING THE OUTCOME
OF RASKOLNIKOV (PART 2 OF THE NOVEL)**

In no Dostoevsky novel is the voice of the folk more powerfully manifested than in "Crime and punishment", defining the author's concept of the resurrection of the criminal hero. The role of the voice of the folk in its two hypostases, religious-ethical and carnival-area, and the importance of "literary soil" in Raskolnikov's first appearance to the folk are considered.

Key words: voice of the folk, literary soil science, folk's square.

**Tamara Batalova, Galina Fedyanova
NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT":
RASKOLNIKOV AND THE FOLK. THE FIRST ROUND**

This article analyzes the subject line of "Raskolnikov and the folk" of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and punishment". It is concluded about the evolution of these images. There is a spiritual fracture of the hero, which led him to agree with the Orthodox worldview and to repentance.

Key words: Dostoevsky, novel, hero, subject, folk.

**Ryouichi Tomarino
IMAGE OF THE FOLK IN THE NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"
IN THE DIALOGUE BETWEEN RASKOLNIKOV AND PORFIRIY**

For the most part in the Dostoevsky's works the concept of folk has two aspects: tenderness and beastly ignorance. Nevertheless, in this paper we analyze the image of Mikolka in the dialogue between Raskolnikov and Porfiriy in the novel of "Crime and Punishment". We understand that Dostoevsky describes Mikolka as only as a negative character there. That means Mikolka is the antithetic mirror image of Raskolnikov like Golyadkin Jr. in the novel "The Double" to the Golyadkin Sr.

Keywords: Dostoevsky, "Crime and Punishment", the folk, Double, Dialogue.

**Galina Ponomaryova
DOSTOEVSKY: "RECOGNITION OF THE SPIRIT OF THE FOLK"
(FOUNDATION OF NATION, CIVILIZATION)**

The solving of the problem of nation's and civilization's basis by Dostoevsky is elucidated as sacrality and necessary reflection and action of the folk's spirit. Dostoevsky advances the messianic idea of Moscow as a civilization creating one and corrects the meaning of Petersburg period of Russian history.

Key words: original spirit of folk, civilization creating idea of Orthodoxy.

**George Prokhorov
EUROPEANIZATION: THE RUSSIAN ARISTOCRACY, THE FOLK,
THE WEST IN DOSTOEVSKY'S "A WRITER'S DIARY"**

The Dostoevsky's attitude towards the "westernization" of Russia is the focal point of the article; thus, we turn to the "A Writer's Diary". Under the word of "westernization" Dostoevsky does perceive a political process of copying and transferring of Western technologies – industrial, military, political, cultural, etc. But, on the other hand, Dostoevsky merges "Europe" and "humanism". Thus, he also conceptualizes the "westernization" in semantic perspective of Humanism and the Enlightenment – as a discovery and acceptance of a human as an ultimate value. The Dostoevsky's blurred vision of the "westernization" derives from here. The writer is highly sceptical on "westernization" as a transfer of technologies but

at the same time, he passionately promotes the higher goal to reveal the values of European humanism and the Enlightenment to a member of the Russian society.

Key words: Dostoevsky, journalism, "A Writer's Diary", Russia and the West, the westernizers and the slavophiles, westernization of Russia.

Sergey Podsosonny

F. M. DOSTOEVSKY IN THE MODERN POLISH-POLISH DISPUTE

It is proposed to look at some publications in the Polish press today, which reflects the conflict of liberal and conservative groups in society. This reception of Dostoevsky's figure and his understanding of the world becomes an object-sided argument, and often unexpected contexts.

Key words: Dostoevsky, reception, the Polish question, the Polish press.

Anna Kozlova

**TOWARDS THE QUESTION OF DIALECTISMS AND COLLOQUIALISMS
IN F. M. DOSTOEVSKY'S "BEDNYE LYUDI"**

The paper focuses on the linguistic features of F. M. Dostoevsky's "Bednye Lyudi", which can stem from the colloquial dialectal speech of inhabitant of the village Darovoe, which is where Dostoevsky frequently visited in his childhood. All modules of language are considered: phonetics, word formation, morphology, syntax and lexical semantics.

Key words: "Bednye Lyudi" by F. M. Dostoevsky, dialects of Russian, Standard Russian of the mid-19th century.

Konstantin Barsht

**"POSSIBLY, I WOULDN'T TO BE GREAT AS NAPOLEON..."
ABOUT INCOMPLETE OPPORTUNITY TO OVERCOME THE DIVIDING
LINE BETWEEN 9 AND 8 CLASSES IN THE TABLE OF RANKS AND
IN THE DOSTOEVSKY'S WORKS**

The article offers an interpretation of the phrase from the novel by F. M. Dostoevsky "Crime and punishment", based on the formation of an all-inclusive plan, which includes the axiology of civil and military ranks in the works of the writer, in comparison with its dignity on the Table of ranks by Peter I. The source of the quotation associated with the poem by O. Barbier "Dog feast" (1830), translated by V. G. Benedictov in 1856 – 1857. The version is proposed that the replica of Porfiry Petrovich is the paraphrase of one stanza in this poem.

Key words: novel by F. M. Dostoevsky "Crime and punishment", Napoleon Bonaparte, quote, poem by O. Barbier "Dog feast", translation by V. G. Benedictov.

Ksenia Oteva

**MAN OF THE FOLK: THE IMAGE OF ROGOZHIN
IN RUSSIAN THEATER AND CINEMA XIX – XXI CENTURIES**

The article follows the history of interpretations of Rogozhin's image in the theatre plays and film adaptations of XIX – XXI century. Rogozhin's character as it was shown by performing arts is related to the image of Russian national character, in particular, to such its features as generosity of soul, capability to give oneself fully to one passion and prevalence of emotional over intellectual.

Key words: interpretation, Russian national character, theatre play, film adaptation.

Elena Osokina

WHAT BECAME OF DOSTOEVSKY'S "ETHNOS"

The article reveals the importance of idioglossa ethnos in artistic, journalistic and epistolary texts of F. M. Dostoevsky in "the Dictionary of the language of Dostoevsky. Idioglossarium". For given contexts reveals the real meaning of the word, clarified and enshrined in the Commentary to the dictionary entry in the areas of compatibility, associations, tropes, aphoristic, etc.

Key words: ethnos, Dostoevsky, idioglossa, semantic and social opposition, population, folk, society, sacred meaning, "God-bearing ethnos" (God's ethnos).

FROM THE HISTORY OF DOSTOEVSKY'S STUDY

Olga Yurieva

**DOSTOEVSKY'S ARTISTIC-ETHNOLOGICAL CULTURE
IN THE WORKS OF V. P. VLADIMIRTSEV**

Vladimir Petrovich Vladimirtsev was one of the first to turn to the deep study of folk culture as the main aesthetic element of Dostoevsky's artistic system. Deep knowledge of folklore, close attention to the words and "sloveshki", used by Dostoevsky, the study of "Siberian notebook", "Notes from the Dead house" and "A Writer's Diary" allowed Vladimirtsev to create a coherent and convincing theory about the artistic and ethnological culture of Dostoevsky in all its manifestations. The researcher showed that the nation — the main category in the aesthetics of Dostoevsky, that "many, if not all" Dostoevsky was obliged "to his native folk, his language, mental warehouse, truthfulness, views, beliefs, traditions and habits". Vladimir was one of the first to study Dostoevsky's bestiary and numerology. Vladimir confessed that all his life "looking for answers", "I studied Russian in Dostoevsky". He was a "Dostoevsky's man" – a true Russian intellectual, honest, open, conscientious, a true patriot of his land and his folk.

Key words: Vladimir P. Vladimirtsev, artistic and ethnological culture, nationality, soil, "words", language game.

Vladimir Vladimirtsev
GETTING BACK TO BASICS
ARTISTIC-ETHNOLOGICAL CULTURE OF DOSTOEVSKY

The article analyzes the deep sources of artistic and ethnological culture of Dostoevsky. The first author believes social interaction with all kinds of grassroots representatives of the folk's Russia. It is in communication with the folk drew Dostoevsky lexical, phraseological, moral and conceptual resource. This allowed Dostoevsky to create the "soul of a commoner" as an ethno-cultural source of his creations, to show it in fusion with the soul of the artist-thinker. Having created the theory of "two classes of folk": "rural folk" and "urban commoners", Dostoevsky judged by the state of minds and spiritual life of the "two classes of folk" he observed about the Russian man in General: "soil" was the source basis of his worldview and worldview.

The article shows that it is impossible not to take into account other, parallel, too powerful, but seemingly shady, auxiliary, or mediated folk-ethnological sources of Dostoevsky's creativity: art, literature and science, and, of course, folklore, folk culture.

The author shows how Dostoevsky's work develops folk culture, which is characterized by objectivity and sobriety of an unbiased view of the commoner.

Key words: Dostoevsky, artistic and ethnological culture, Dostoevsky's national consciousness, Ethnography, two classes of folk.

Vladimir Vladimirtsev
SKETCH THE SHORT STORY "THE MUZHNIK MAREY"
IN JOURNALISTIC FRAME "A WRITER'S DIARY" OF DOSTOYEVSKY

"A Writer's Diary" is the Central publicistic platform of Dostoevsky – the artist, which marked the peaks of Russian literary, journalistic and artistic-ethnological culture, a unique, most popular work of the writer. In the "Diary" the writer understands his creative relationship with the "folk's personality", his unity with it.

In this "treatise on the folk" intertwine four narrative and time plans – "visions", which makes the story "novel" work of Dostoevsky. At the core of the story – the two aesthetic categories of narrative: character and case. The article analyzes the unique poetics of the story, in which the earth and heaven, man and Christ, the Lord God Himself, the moment and eternity, personal and national, household fact and its ontological and mystical significance symbolically converge.

By the complexity (nevertheless simple and clear) of architectonics, incredible plasticity of images and details and fundamentalism of acute and deep Christian artistic and ethnological thought, the story "The muzhik Marej" can be considered to be a masterpiece of Russian classical literature.

Key words: Dostoevsky, "A Writer's Diary", the story "The muzhik Marej", folk culture, folk spirituality, Christian nation.

RESERVE

Dmitry Oinas
THE ESTATE OF NOBLES KHOTYAINTEV MONOGAROVO
(PRELIMINARY MATERIALS OF THE 2016 FIELD STUDY)

On the basis of field research and available archival materials, as well as the results of archaeological excavations for the first time given a scientific description of the now lost manor landlords Khotyaintsev in the village of Monogarovo Zaraisky district of the Moscow region. The closest neighbors of the Dostoevsky family, the owners of Darovoe, the Khotyaintsevs played an important role in the fate of Dostoevsky. In the light of the museification of memorial objects associated with the childhood years of the writer, this study is relevant.

Key words: estate Monogarovo, the Khotyaintsevs, neighbors of the estate of Dostoevsky Darovoe, Holy Spirit Church, Church school.

ARCHIVE

Albina Bessonova
UNKNOWN DAROVUE
(ACCORDING TO ARCHIVAL MATERIALS)

The article traces the close connection of F. M. Dostoevsky's creativity with childhood memories, namely the summer months spent in his parent's estate Darovoe Kashirsky district of Tula province. Archival documents, previously unknown, help to establish this connection. They not only shed light on the circumstances of Dostoevsky's stay in Darovoe, but also give an idea of the creative laboratory of the writer and clarify some ideological and artistic features of his works.

Key words: archival documents, the estate of Dostoevsky Darovoe, biography and creativity, originality of the creative process.

Pyotr Sumarokov
ESSAY OF RURAL FESTIVALS, SIGNS, BELIEFS AND RITUALS
IN KASHIRSKY DISTRICT

In the essay of 1849, it is told about traditional national calendar holidays of Kashirsky district of the Tula province. A detailed description and characteristics of folk beliefs and rituals. The essay is of interest from the point of view of the ethnographic context, in which F. M. Dostoevsky spent his childhood.

Key words: Kashirsky district, ethnography, childhood of F. M. Dostoevsky.

Tatiana Dementieva
MANOR DAROVOE AND VILLAGE DAROVOE
(ON THE QUESTION OF DOSTOEVSKY'S LAND TENURE)

This article examines the question of whether it was purchased by the writer in 1831, manor Darovoe or village Darovoe. Based on the analysis of the documents the study's author concludes that M. A. Dostoevsky was purchased by the village of Darovoe and puts forward the hypothesis that part of Darovoe is also passed into the possession of Dostoevsky.

Keywords: Darovoe, manor, village, archival sources.

Tatiana Dementieva
THE PETITION OF SAVIN MAKAROV

In the proposed article, a new archival source on the history of the estate Darovoe is introduced into scientific circulation, which gives an idea of the economic situation of the Dostoevsky economy in 1840.

Keywords: the estate Darovoe, landlord economy, economic situation, head Savin Makarov, guardian N. P. Elagin.

Lyudmila Tarasova
METRICAL BOOKS OF THE HOLY SPIRIT CHURCH OF THE VILLAGE
OF MONOGAROVO AS A SOURCE FOR THE HISTORY
OF THE IVANOV FAMILY STAY IN DAROVOE

Special attention in this study is paid to the analysis of data from the metric books of the Holy Spirit Church of the village of Monogarovo for 1858 – 1920 in relation to the history of relations between members of the Ivanov family and local peasants. Biographical data about V. M. Ivanova, the writer's sister, are specified.

Keywords: The Holy Spirit Church of the village of Monogarovo, metric books, family of the writer's sister V. M. Ivanova, relations of landowners and peasants, biographical information.

KEEPERS

Svetlana Savostina
MEMORIES OF THE DAROVOE

Memories belong to the 1940s – 1950s and give an idea of the economic life of the village, traditions, toponymy and dialect features of Darovoe.

Keywords: Darovoe, Russian village, traditions, toponyms, dialect words.

ОБ АВТОРАХ

Акелькина Елена Алексеевна. Доктор филологических наук, профессор, директор Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского.

Баршт Константин Абрекович. Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) ИМЛИ РАН, Санкт-Петербург.

Баталова Тамара Павловна. Кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Бессонова Альбина Станиславовна. Кандидат филологических наук, директор НП «Заповедное Даровое», ведущий научный сотрудник кафедры русского языка и литературы ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Викторович Владимир Александрович. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Дементьева Татьяна Николаевна. Заведующий сектором «Даровое» ГБУК МО «Государственный музей-заповедник «Зарайский Кремль».

Козлова Анна Юрьевна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Ойнас Дмитрий Борисович. Президент Делового клуба «Экономика и наследие», вице-президент Национального фонда «Возрождение русской усадьбы», директор по развитию АНО «Коломенский посад» (Коломна).

Осокина Елена Анатольевна. Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН), Москва.

Отева Ксения Николаевна. Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы и искусства Российского государственного института сценических искусств (РГИСИ), Санкт-Петербург.

Подсосонный Сергей Александрович. Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник кафедры прикладного культуроведения факультета прикладной лингвистики Варшавского университета (Польша).

Пономарёва Галина Борисовна. Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ГМИРЛИ им. В. И. Даля «Музей-квартира Ф. М. Достоевского» (Москва).

Прохоров Георгий Сергеевич. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Савостина Светлана Алексеевна. Преподаватель французского языка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Тарасова Людмила Алексеевна. Старший научный сотрудник сектора «Даровое» ГБУК МО «Государственный музей-заповедник «Зарайский Кремль».

Томарино Рёити. Кандидат филологических наук, Университет Васэда (Япония).

Федянова Галина Всеволодовна. Кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Чернова Наталия Викторовна. Старший научный сотрудник Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

Юрьева Ольга Юрьевна. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и методики Педагогического института Иркутского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
ДОСТОЕВСКИЙ И НАРОД	
<i>В. А. Викторovich</i>	
Достоевский. Вопрос о народе	7
<i>В. А. Викторovich</i>	
Тема «спасения народа» на страницах «Гражданина» (1873–1874)	19
<Ф. М. Достоевский?>	
Ещё и ещё о пьянстве	31
<i>Е. А. Акелькина</i>	
Формы выражения народного сознания в повествовании «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского	34
<i>Н. В. Чернова</i>	
«Примкнуть опять к людям»: голос народа и литературное почвенничество как средство указания Раскольникову исхода (по 2 части романа)	41
<i>Т. П. Баталова, Г. В. Федянова</i>	
Роман «Преступление и наказание»: Раскольников и народ. Круг первый	55
<i>Рёити Томарино</i>	
Образ народа в романе «Преступление и наказание» в диалоге между Раскольниковым и Порфирием Петровичем	62
<i>Г. Б. Пономарёва</i>	
Достоевский: «признание духа народного» (основания нации, цивилизации)	66
<i>Г. С. Прохоров</i>	
Европеизация: русская аристократия, народ, запад в «Дневнике писателя» Достоевского	68

С. А. Подсосонный
Ф. М. Достоевский в современном польско-польском споре74

А. Ю. Козлова
К вопросу о диалектных и просторечных языковых особенностях
в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»82

К. А. Баршт
«Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы...»
О неполной проходимости границы между 9 и 8 классами
по Табели о рангах и в произведениях Ф. М. Достоевского92

К. Н. Отева
Человек из народа: образ Рогожина в русском театре и
кино XIX – XXI вв.104

Е. А. Осокина
Что стало с «народом» у Достоевского110

ИЗ ИСТОРИИ ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЯ

О. Ю. Юрьева
Художественно-этнологическая культура Ф. М. Достоевского
в трудах В. П. Владимирцева.....149

В. П. Владимирцев
Возвращаясь к истокам художественно-этнологической культуры
Достоевского160

В. П. Владимирцев
Очерковый рассказ «Мужик Марей»
в художественно-публицистической раме
«Дневника писателя» Достоевского172

ЗАПОВЕДНИК

Д. Б. Ойнас
Усадьба дворян Хотяинцевых Моногарово.
Предварительные материалы полевого исследования 2016 г.183

АРХИВ

А. С. Бессонова
Неизвестное Даровое (по архивным материалам)193

П. Сумароков
Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов
в Каширском уезде
(републикация, послесловие и комментарии А. С. Бессоновой)201

Т. Н. Дементьева
Сельцо Даровое и деревня Даровая
(к вопросу о землевладении Достоевских)214

Т. Н. Дементьева
Прошение Савина Макарова225

Л. А. Тарасова
Метрические книги Свято-Духовской церкви села Моногарова
как источник по истории пребывания семьи Ивановых в Даровом230

ХРАНИТЕЛИ

С. А. Савостина
Воспоминания о Даровом
(предисловие и комментарии А. С. Бессоновой)237

SUMMARIES251

ОБ АВТОРАХ259

У ЛЕТНИЕ ЧТЕНИЯ В ДАРОВОМ

Материалы научной конференции

Редактор-составитель – В. А. Викторovich
Фотографии – Д. Б. Ойнас, А. С. Бессонова, Н.В. Викторovich
Компьютерная вёрстка – Н. В. Яриновская
Технический редактор, корректор – А. С. Бессонова

Издательский дом «Лига»
140400, Московская обл., Коломна, ул. Лажечникова, 5
Тел.: +7(496) 616-11-32
web: www.liga.org.ru e-mail: ligaprint@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП МО «Коломенская типография».
140400, г. Коломна Московской области,
ул. III Интернационала, 2а.

Подписано в печать 23.12.2019. Бум. офсетная. Гарнитура Constantia
Формат 70 x 100 ^{1/16} Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 100 экз. Заказ №2391.